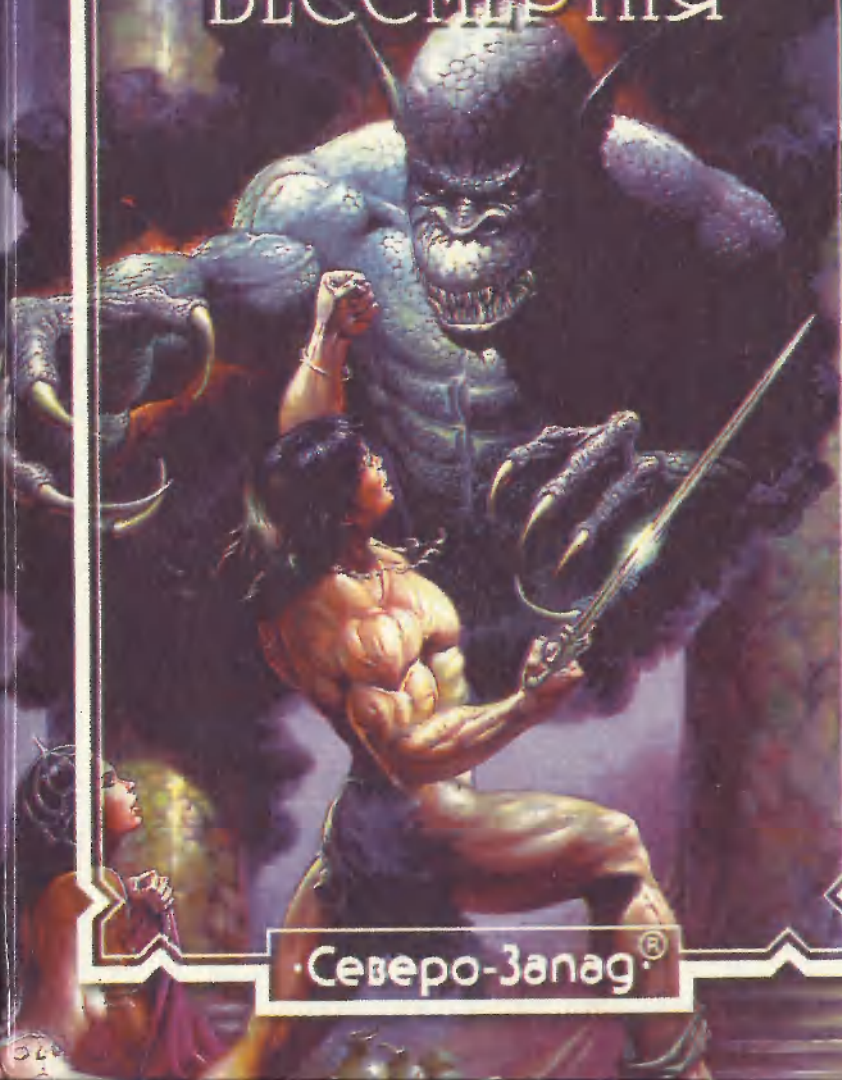

КОНАН И ЧАША БЕССМЕРТИЯ

Северо-Запад®

МОРЕ ЗАПАДА

ПУСТОШИ ПИКТОВ
р. Черная
БОССОНСКИЕ ТОПИ
ТАУРАН
р. Широк
р. Бромовая
р. Алимана

ВАНАХЕЙМ
КИММЕРИЯ

ПОГРАНИЧНОЕ
КОРОЛЕВСТВО

ГАНДЕРЛАНД

АКВИЛОНИЯ
Тарантия
Шамар
р. Харот

ЗИНГАРА
Кордава
Рабиринские горы
Мессантия

АРГОС

ШЕМ

СТИИЯ
Луксур
Сукумет
Остров Сиптаха

КУШ ДАРФАР

ЧЕРНЫЕ
КОРОЛЕВСТВА

р. Зархеба

НЕМЕДИЯ
Нумалия

КОРИНФИЯ
Карпашские горы
Шадизар
Аренджун

ОФИР

ХОРАИЯ
Хоршемиш
Эрук

р. Силка

Птейон

МАЛКМЕНОН

КЕШАН
Кешла

Ксухотл

БРИТУНИЯ

ЗАМОРА

ХАУРАН

ПУСТЫНИ

Замбула

Кулхемес

Пунт

ЗЕМБАБВЕ

Кассали

Самарра

ИРАНИСТАН

ГИПЕРБОРЕЯ

КЕЗНИЧЬИЕ ГОРЫ

ПУСТЫНИ

Суптанепур

Остров Железных Идилов

Остров Ксапур

Агратур

Самарра

Самарра

Самарра

Самарра

Самарра

Самарра

Самарра

Самарра

Самарра

Самарра

Самарра

ГИРКАНИЯ

МОРЕ ВИЛАЕТ

ХИТАЙ

р. Залоронка

ВЕНДИЯ

ХИТАЙ

ХИТАЙ

ХИТАЙ

ХИТАЙ

ХИТАЙ

ХИТАЙ

ХИТАЙ

ХИТАЙ

ХИТАЙ

ХИТАЙ

ХИТАЙ

ХИТАЙ

ХИТАЙ

ХИТАЙ

ХИТАЙ

ХИТАЙ

ХИТАЙ

ХИТАЙ

ХИТАЙ

ХИТАЙ

ХИТАЙ

ХИТАЙ

ХИТАЙ

ХИТАЙ

ХИТАЙ

ХИТАЙ

ХИТАЙ

ХИТАЙ

ХИТАЙ

ХИТАЙ

ХИТАЙ

ХИТАЙ

ХИТАЙ

ХИТАЙ

ХИТАЙ

ХИТАЙ

ХИТАЙ

ХИТАЙ

ХИТАЙ

ХИТАЙ

ХИТАЙ

ХИТАЙ

ХИТАЙ

ХИТАЙ

ХИТАЙ

ХИТАЙ

ХИТАЙ

ХИТАЙ

ХИТАЙ

ХИТАЙ

ХИТАЙ

ХИТАЙ

ХИТАЙ

ХИТАЙ

ХИТАЙ

ХИТАЙ

ХИТАЙ

ХИТАЙ

ХИТАЙ

ХИТАЙ

ХИТАЙ

ХИТАЙ

ХИТАЙ

ХИТАЙ

ХИТАЙ

ХИТАЙ

ХИТАЙ

ББК 84(7СПА)

К 64

УДК 820(73)

К 64 **Конан и чаша бессмертия: Романы.**— СПб.,
«Северо-Запад», 1997—496 с.

ISBN 5-7906-0014-X

Авторские права защищены.

Запрещается воспроизведение этой книги или любой ее части, в любой форме, в средствах массовой информации. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

*В оформлении обложки использована работа Ken Kelly.
Публикуется с личного разрешения автора и его агентов.*

К 8200000000

© К. Kelly, обложка, 1991

© «Северо-Запад», составление и подготовка
текста, серийное оформление обложки и форзаца

Глава первая

Вздых — и огненный глаз Митры, только что выглядывавший на целую четверть из-за багровой полосы горизонта, провалился в невидимую бездну, в царство мрака, где никогда еще не бывал человек. Конан, уверенный в этом так же, как в том, что он — киммериец, покачал головой: какую же зловещую тьму проходит солнце каждую ночь, пока вновь не взойдет над землю? И какой силой обладает оно, если возвращается к людям сквозь сонмы древних демонов, жаждущих пленить его, оставить навеки в смрадном логове своем?

Ночная прохлада опустилась к самой траве, увлекая за собою вниз мрак и сон из заоблачной выси. Конан вытянул из мешка за рукав теплую кожаную куртку на меху — зимнюю форму немедийских наемников — и закутался в нее. Жар от костра отлично согревал его спереди, а волчий мех куртки сзади, так что ночью его могли побеспокоить лишь внезапный дождь да крики праздных дворян и их девиц, что обычно катаются на плоскодонных баржах по темным водам Хорота, веселя себя гнусной музыкой и не менее гнусным аргосским розовым. Вино сие киммерийцу уже приходилось пробовать: горькое и вязкое, цвета сильно разбавленной крови, с запахом свежей навозной кучи, оно имело все свойства дурман-травы. Вкусивший его попадал, кажется, в иное время и в иной мир. С каждым глотком мозг рассыпался словно песок; в глазах начинали прыгать желтые суслики, коих в Аргосе великое множество; ноги и

руки немели, но все равно дергались в рваных дикарских ритмах — сопровождалось подобное веселье жутким безумным хохотом и обильным слюноотечением. Похмелье же напоминало воскресение из мертвых, и Конану тот день запомнился как один из самых печальных в его жизни. Куда приятнее — считал он — налакаться обычного пива, а наутро помочь больной голове еще парой кружек, чем травить себя аргосским розовым, одна бутылка коего к тому же стоит дороже доброго коня.

Сплюнув в костер, киммериец снова запустил руку в мешок: в маленьком деревенском трактире на границе Офира и Кофа он прихватил с собой кувшин с пивом — а офирские мастера всегда умели варить темное крепкое пиво — и теперь пожелал отведать его перед сном, дабы заглушить всякие воспоминания об аргосском розовом. Он протолкнул внутрь плотно забившую узкое горлышко сосуда пробку и, придерживая ее соломинкой, начал шумно высасывать ароматный напиток. Когда в кувшине осталось не более трех четвертей, Конан с сожалением оторвался от него, аккуратно устроил между камней, а сверху прикрыл большим листом лопуха.

Сон давно уже трепетал перед очами его своими матово-белыми крыльями, сквозь которые и ночь казалась не так черна, а после пива и веки отяжелели, и мышцы сковал невидимой цепью Хипнош — бог забвения. Рот киммерийца сам собою широко открылся в сладком зевке; мысли спутались, как волосы от ветра за день пути. Укладываясь на плащ, похищенный им в том же деревенском трактире у пьяного делопроизводителя, следующего из Мессантии в Ианту за невестой, он ощутил вдруг некоторое беспокойство, сходное с тем, какое вызывает обыкновенно чей-либо пристальный взгляд в спину. Встав на колени, Конан всмотрелся в ночную мглу, заодно напрягая слух и обоняние.

Но недвижимо было все вокруг. Редкие деревья стояли твердо, не касаемые сейчас природными капризами вроде бури или землетрясения; кусты чуть подрагивали от сырости и сквозняка; даже тени не мелькнуло в свете языков пламени. И — тишина. Только вечные звуки, на кои при-

вык не обращать внимания человек, слышались отовсюду: шелест листьев и стрекот цикад, шуршание мыши в траве и мягкий плеск волн Хорота... Беспокойство усилилось, колючими мурашками пробежав по мощным плечам и рукам киммерийца. Он замер, пытаясь объять весь окружающий его мир, и в тот же момент уловил в ночной музыке нечто лишнее, постороннее, а доносилось сие со стороны реки. Не теряя и вдоха, Конан вскочил, пригнувшись, ринулся к берегу Хорота, оскальзываясь на влажной глине.

От зацветшей воды тянуло болотной хлябью; под ногами киммерийца чавкнула мокрая зелень, покрывшая реку чуть не до половины. Но не успел он сделать и шага дальше, как колено его наткнулось на что-то тяжелое и теплое. Протянув руки, Конан ощупал предмет. Под его сильными пальцами тот дернулся и заперхал — звуки были вполне человеческие, хотя и довольно странные. Более не раздумывая, киммериец ухватил находку за складки одежды и вытянул на берег.

* * *

Когда огонь, жарко и радостно взметнувшись от новой порции сухих веток, осветил все вокруг, Конан сумел как следует разглядеть свою добычу. По правде говоря, ничего особенно ценного он не выловил. Крепко привязанный к толстой и длинной доске, перед ним лежал рыжий парень лет восемнадцати и таращил на своего спасителя круглые зеленые глаза с кошачьими вытянутыми зрачками. Рот его был забит комком тряпок, но киммериец не спешил их вытаскивать — по слухам, аргосские крестьяне поступали подобным образом с буйнопомешанными, так что следовало прежде убедиться, что пленник не плюнет в него или не укусит. Опять же по слухам, Конан знал: слюна безумцев заразна, и если не хочешь стать таким же — держись от них подальше. А посему он для начала снял веревку только с ног парня, подождал немного. Тот явно не намеревался брыкаться и пинаться; он лишь слегка пошевелил ступнями, разминая их, попробовал согнуть колени.

Несколько вдохов спустя Конан разрезал все путы на его руках и тощем костлявом теле, а затем выдернул и комок тряпок изо рта, на всякий случай все-таки отскочив на пару шагов в сторону. В следующий же миг выяснилось, что незнакомцу, по всей видимости, более мешал именно кляп, нежели веревки да и все плавание по реке, ибо едва он избавился от затыкавших рот тряпок, как немедленно огласил воздух отборными ругательствами на аргосском, кофийском и шемитском языках. Конан, который и сам обладал огромным запасом бранных слов разных стран и народов, выслушал его с нескрываемым удовольствием: парень стоял дюжины портовых грузчиков из Султанапура, где киммериец служил три года назад в наемных войсках Илдиза Туранского.

Выдохшись, рыжий пододвинулся поближе к костру, протянул к жару тонкие, но жилистые и крепкие руки и соизволил наконец вновь обратить взор на освободителя. В ответ Конан так же пристально начал разглядывать его. Ничего привлекательного не было в асимметричных чертах лица нового знакомого, а плутовские глаза еще более усугубляли впечатление. Рот его в закрытом положении представлял собою узкую бледно-розовую полоску, которая, впрочем, тянулась от одного уха к другому и в улыбке обещала ямочки на впалых щеках. Рыжие вымокшие патлы парня не прикрывали ушей, а топорщились в разные стороны; уши, торчащие параллельно плечам, размером превосходили нормальные человеческие — Конан видел однажды подобные у обезьян в Кезанкийских горах, но покрытые шерстью. Более парень — к его собственному счастью — ничем не походил на обезьян, да и на прочих тварей тоже. В зеленых глазах его светился живой ум — слишком живой, чтобы быть интересным, а тонкие и длинные пальцы свидетельствовали о хорошем происхождении — увы, не слишком хорошем, если судить по ветхой одежде и странному способу путешествия по реке.

Чуть согревшись, рыжий степенно оправил полотняную рубаху с прорезами у ворота и под мышками, облепившую его костлявое тело, с жалостью оглядел изорванные в кло-

чья короткие штаны. Затем взор его с любопытством скользнул по немного подмоченному, но все равно истинно королевскому одеянию Конана: шелковая туника и впрямь когда-то принадлежала повелителю Турана — ее позаимствовал в опочивальне Илдиза старый приятель киммерийца Кумбар Простак — особа, приближенная к императору; а тонкий золотой обруч, посверкивающий в черных волосах, подарил ее возлюбленная, принцесса Синэлла.

Бархатные штаны, ранее обладавшие богатым тусклым блеском, а теперь замызганные и покрытые пылью, Конан приобрел в Ианте — столице древнего Офира, у скупщика краденного. Он же продал ему за бесценок широкий кожаный пояс с медной пряжкой, ножи для меча и дорожный холщовый мешок. Высокие сапоги достались киммерийцу по случаю — по пути к Кофу на него напала шайка разбойников, привлеченная ярким пурпурным цветом плаща делопроизводителя.

Их было не больше дюжины, и по виду все обедневшие крестьяне — Конан без труда обратил их в бегство, но один — здоровый глухонемой детина со злобной тупой мордой — никак не желал убраться и все бросался на странника с упорством умалишенного, размахивая при этом огромным топором. Пришлось отправить его беситься дальше — на Серые Равнины, а вот сапоги его, прочные и удобные, из хорошей кожи, Конан забрал себе.

Все это великолепие было вмиг отмечено цепким взглядом рыжего. Громко засопев, он устоял в небо, где блистали серебром и перламутром россыпи звезд. Подсвеченный ими, ночной мрак уже не казался таким жутким и черным, зато кривобокие тени деревьев выделились на фоне чуть посветлевшей дали. Киммериец отвернулся от демонстративно зевающего парня, опять завалился на плащ, подложив под голову свой мешок с нехитрым, но все же личным имуществом; локтем правой руки прижимая к земле меч, левую Конан вытянул так, чтобы она непременно касалась крутого бока кувшина с остатками пива — он не собирался доверять первому встречному, тем более водоплавающему и тем более рыжему. Но не успел он снова

ощутить легкое дыхание сна, как спасенный подал голос, звонкий, хотя и несколько простуженный.

— Дай мне напиться, приятель, и я пораду тебя своим пением.

— Еще не хватало,— буркнул Конан, без колебания отвергая столь лестное предложение.

— Варвар...— проворчал рыжий.— Настоящий варвар. Дай напиться, говорю!

В ответ раздался угрожающий рык, против ожидания не повергший рыжего в ужас.

— Точно варвар,— со вздохом констатировал тот, все же не желая отступаться.— Ты откуда? Не из Киммерии ли?

— Ну,— Конан приподнялся на локте и посмотрел на этого юнца, так быстро определившего его истинное происхождение. Конечно, он и не думал, что рыжий примет его за странствующего инфанта, но хоть бы за рыцаря...

— Я сразу понял,— благодушно сообщил вполне пришедший в себя парень.— Бывал в Киммерии... Так ты дашь мне напиться, варвар?

— Спустишься к реке и пей сколько влезет. Мне не жалко.

— А пива жалко?

Конан погрузился в раздумья. С одной стороны, пива ему было не жалко — в конце концов, он собирается идти вдоль реки, так что смерть от жажды ему не грозит. А с другой стороны... Кто его знает, этого рыжего? Может, он и в самом деле помешанный — еще отравит пиво своей заразной слюной...

А новый знакомый уже тянулся к сосуду с любимым напитком Конана.

— Пару глотков, не больше. Можно?

Тяжелый вздох киммерийца был ему ответом.

Ухватив кувшин за бока, парень прильнул к его горлышку губами так жадно, словно после долгой разлуки целовал уста любимой. Сумрачно смотрел варвар, как его прекрасное темное офирское пиво, булькая, потоком низвергается в тощий, но бездонный желудок рыжего недоноска. А недоносок сладостно жмурил свои кошачьи глаза,

чавкал и сопел, совсем забыв об обещании ограничиться парой глотков. Наконец Конан не выдержал и, по звуку определив, что в кувшине осталось не более четверти, отобрал его и поставил обратно в камни.

— Хватит! — твердо заявил он, не обращая внимания на умоляющий взгляд опрометчиво спасенного им парня.

— Один глото-о-ок... Последний...— проблеял тот, уже не столько из жажды, сколько из вредности характера.

— Выпей реку,— отрезал киммериец и решительно улегся на свой плащ спиной к рыжему.

Некоторое время еще были слышны стоны, вздохи и бормотанье незваного гостя, но вскоре он умолк, то ли задремав, то ли просто отказавшись от намерения разговаривать варвара.

Сквозь ресницы глядя на мерцание ночных светил, Конан, чей сон уже улетел к кому-то другому, думал о том, как прошла бы ночь, если б вместо рыжего недоноска он выловил из реки юную милашку. Пушистая копна волос — пусть даже рыжих — на узких плечах, тонкие ласковые руки и гибкий стан, тихий нежный голосок, глаза... Какие же глаза? Голубые, как у белокожих аквилонков? Или карие, блестящие, зовущие, как у туранских горячих красоток?

В широкой груди Конана родился и тут же умер глубокий вздох — свидетельство того, что он не отказался бы и от аквилонки, и от туранки, и от немедийки, и от кхитайки... Даже черные девы таинственного Зембабве, бывало, коротали ночи в его объятиях, незатейливых, но жарких и диких, как сама суть варвара... Только с дочерью Имира — Ледяного Гиганта, прекрасной, но холодной и жестокой Атали, он не хотел бы встретиться.

И сейчас при кратком воспоминании о ней у киммерийца свело скулы. Он словно вновь ощутил в руке клочок ее платья, сотканного неземными ткачами из неземных нитей; он словно вновь услышал ее голос, подобный нежному и звонкому звучанию тонкострунной арфы, но отравленный ядом презрения к поверженному воину. Тогда Конан доказал ей и ледяным братьям ее, что киммерийский волк,

даже умирая от ран, способен перегрызть глотку врагу, но в душе его с тех пор все тлели искры огня желания — желания обладать Атали, которая ускользнула от него в бескрайнюю пустыню, в царство снега и льда, где холодное дыхание отца ее Имира навсегда замораживало живое дыхание земного существа.

Куда приятнее оказалось вспомнить принцессу Синэллу, жрицу древнего божества Аль-Киира, им же потом и убитую, а еще приятнее — Алму, красавицу из Атрапура... Душа ее тоже переселилась на Серые Равнины, но в памяти Конана останется ее голос, ее улыбка, нежный взгляд милых глаз... Вереницы прекрасных дев проплывали под веками Конана — в полусне, окутанные дымкой светлого тумана; он помнил всех — и тех, кто оставил след в его жизни, и тех, кто подарил ему лишь ночь...

Легкий ветерок перебрал с виска на лицо черную прядь — сие прикосновение было так ласково, будто быстрые пальчики девушки провели по его щеке. Все-таки жаль, что аргосским крестьянам не пришлось в голову отправить в плавание по Хороту юную красавицу, а не рыжего недоноска... Вскоре, убаюканный тихим треском костра и шелестом листьев, Конан уснул, и сон его был так хорош, что и душа, растревоженная воспоминаниями, успокоилась...

* * *

В середине ночи чуткий слух варвара опять уловил некий посторонний звук. В первое же мгновение пробудившись, второе и третье он лежал недвижимо, прислушиваясь к тишине. Бульк-хлоп-бульк... И снова — бульк-бульк... Яростный рев вырвался из глотки киммерийца. Он молниеносно выбросил вперед правую руку и вцепился в рубаху вора, что пристроился на корточках меж камней и лакал Коаново пиво с наслаждением сластолюбца, дорвавшегося до женщины после двадцати лет темницы.

Жалобный писк его не остановил карающий кулак Конана: отняв уже почти пустой сосуд и бережно пристроив его в кустах, он коротко и сильно ткнул рыжего в лоб,

отчего тот хрюкнул, завалился на кучку красной глины и так замер.

Разъяренный варвар, шипя и рыча, сел возле костра. Сон улетучился без следа, словно и не бывало. В глазах плясали то ли искры злости, то ли искры жарких языков пламени — все равно, потому что Конан сейчас был занят одной мыслью: сразу убить выловленного им придурка или подождать, когда он очнется и все же поведает о свободителю смысл своего путешествия по Хороту? А может, пустить его снова плыть по течению? То, что рыжего привязали к доске и швырнули в реку, варвара ничуть не удивляло — ибо только последний недоумок вынесет возле себя такую гниду, — но за какую именно провинность?

В задумчивости Конан смотрел в самый центр костра, на пламенеющие в нем угли, и в голове его понемногу прояснялись затуманенные временем картины: маленький вендийский городок Тхату; прямоугольная площадь у восточных, главных врат; и смуглый человечек небольшого роста, юркий как малек в озере, узкоплечий и узкобедный, с жалким клочком бородки, заодно торчащим вверх. Он исполнял на раскаленных углях банткату — танец древнего Востока.

Угли искрились и шипели под его босыми ступнями, белый шар — око всесущего Митры — жег его голое тело, но под завораживающие звуки бубнов, барабанов и дудок вендиец словно заново рождал удивительные движения банткаты, и сие было так прекрасно, что даже равнодушный к искусству варвар остановился посмотреть на чудо, а потом и пригласил танцора в ближайший кабак отведать вендийской акуры — крепчайшего белого вина, цена которого за кубок равнялась цене целой горсти отборного жемчуга.

После первой же бутылки Конан испытал непреодолимое желание станцевать на раскаленных углях без сандалий, и спасли его от этого неразумного поступка не уговоры посетителей кабака, не зазывные улыбки местных див, но только еще две бутылки акуры — варвар высосал их до последней капли и мешком свалился на пол, даже не вспом-

нив о стремлении исполнить киммерийский танец на углях в вендийском городке Тхату.

Протяжный стон прервал экскурс в прошлое, заставив тишину испуганно отпрянуть к полосе леса. Конан обернулся. Рыжая гнида восседала на кочке и пялилась на варвара наглыми зелеными глазами; розовые уши недоуменно шевелились, словно спрашивали: что случилось? кто этот синеглазый исполин, двинувший нашего хозяина по лбу так, что мы с ним упали?

С чувством глубокого удовлетворения обнаружил киммериец под взъерошенной челкой рыжего сине-красный отпечаток своего кулака. Фыркнув, он пожал плечами и снова повернулся к костру. Спустя пару вздохов пивной вор осторожными шагами приблизился к нему, робко сел рядом.

— Ты сердишься на меня, варвар? — В трескучем голосе его, как показалось Конану, наглости чуть поубавилось. Наверное, стоит дать ему еще в оба уха — возможно, сие лекарство избавит несчастного от страшной болезни — воровства.

Киммериец вовсе не вспоминал сейчас о том, что и сам не далее как предыдущим днем похитил у двух путешественников толстую плоскую лепешку величиной с добрую камбалу, не говоря уже о плаще делопроизводителя, сапогах глухонемого и всех прочих подвигах, за которые каждый город, где он побывал, без колебаний упек бы его на всю жизнь в темницу — если б, конечно, знал имя вора...

Ухмыльнувшись, Конан бросил на парня короткий, ничего не выражающий взгляд. В свете костра его волосы казались красными, а розовые уши прозрачными, как и нежная бледная кожа лица.

— Я весь день плавал по реке... Вода — вот она, рядом, а не достать...

Рыжий запыхтел, понимая, что объяснение это никуда не годится — ведь варвар освободил его, почему же он не спустился к реке, чтобы напиться, а украл кувшин с пивом? Он решил зайти с другой стороны.

— Два года живу как собака, — печальным голосом сообщил он. — Кто кусок хлеба швырнет, кто — кость... А о пиве только мечтать приходилось... Вот и не стерпел.

Конан хранил молчание. Ярость его прошла; от вулкана, бушевавшего внутри, остались лишь безобидные пузырьки, но рыжему знать о том было вовсе необязательно.

— Будь по-твоему, варвар, — в волнении выпалил парень. — Я пойду с тобой! — И он репительно взмахнул рукой, будто бы спаситель долго уговаривал его, а он не соглашался.

Конан почувствовал, как пузырьки, лопающиеся в его груди, вновь начинают размножаться и кипеть. Остановив на зеленых глазищах долгий сумрачный взор, он медленно, с расстановкой, произнес:

— А разве я звал тебя с собой, рыжая вошь?

— Нет, — ничуть не смутился парень. — Но позовешь.

— С чего это?

— Я — талисман! — гордо заявил рыжий, и глаза его зашарили по лицу варвара, надеясь узреть какие-то признаки удивления, радости, восхищения. Увы, суровые рубленые черты его спасителя не выражали ровным счетом ничего, а в синеве глаз блуждала скука и светилось откровенное желание выпить.

— Ты не понял, варвар? Я — талисман! Ты берешь меня с собой, и у тебя получается все — все, за что ни возьмешься! Хочешь сейчас прыгнуть через костер и не обжечься? Прыгай!

— Я и без тебя смог бы прыгнуть через костер, — мотнул головой Конан, отказываясь принимать такое доказательство.

— Ну... Ну, тогда иди к реке, сунь руки в воду и хватай!

— И что я схвачу? — подозрительно нахмурился киммериец.

— Что, что... Рыбу, что еще! Поджарим на хворостине и съедим.

Хмыкнув, Конан закатал штаны и поднялся. Желудок его давно требовал от хозяина поддержки — не моральной,

конечно. А посему было бы совсем неплохо поймать полдюжины жирных рыбин и зажарить их именно таким способом, какой предлагает этот парень. Перед закатом солнца Конан уже пробовал заняться рыбной ловлей, но в цветущей воде Хорота водились разве что только лягушки, и сия затея не увенчалась успехом. И все же варвар по опыту знал: не убедившись — не отрицай, не узнав — не уходи. Кто ведает, может, рыжая гнида и впрямь на что-то годна.

Погрузив в реку обе руки по локоть, киммериец осторожно начал водить ими взад-вперед, шебурша пальцами, но наткнулся лишь на склизкие стебли и листья водорослей. Ноги его скользили по глинистому дну, к тому же бутристу и холодному, а рыжий придурок у костра пыжился и громко пыхтел от сознания собственной значимости — плюнув в хилую кувшинку, что плавно качалась на воде, варвар выбрался на берег. Кулаки его сжались, а синие глаза угрожающе вспыхнули.

— Иди в реку! — повелительно крикнул рыжий. — Ты ничего не поймал!

— Я ничего не поймал, потому что здесь нет рыбы! — прорычал киммериец, не сбавляя шаг. — И сейчас вместо щуки я поджарю на хворостине тебя!

— Иди в реку! — взвизгнул парень, вскакивая и в страхе отбегая к кустам. — Иди в реку и знай, что рыба уже плывет тебе в руки!

Не останавливаясь, Конан подхватил с земли увесистый булыжник и метко швырнул его в рыжую цель — несостоявшийся талисман едва увернулся в последнюю долю мига и снова завопил:

— Иди в реку!

В воздухе зазвенело от его пронзительного голоса, но кроме этого звона чуткое ухо киммерийца расслышало еще один звук — то ли бульк, то ли хлоп... Неужели рыжий, прыгая в кустах, уронил кувшин с остатками пива? Но не успел Конан ощутить в груди своей привычный предштормовой гул гнева, как первобытный инстинкт заставил его развернуться и броситься назад, к Хороту. Слава Митре, с

пивом, похоже, было все в порядке, а плеск доносился со стороны реки и, насколько варвар разбирался в звуках, то был удар рыбьего хвоста по воде.

Огромная, почти с меч киммерийца, рыбина выпрыгнула из реки прямо ему в руки. Он цепко ухватил ее за скользкие крутые бока и с размаху швырнул на берег, к костру. Затем, не теряя больше времени даром, снова сунулся в воду.

Как и предсказывал рыжий, рыба сама плыла к Конану; ему не приходилось даже особенно усердствовать — вся задача состояла лишь в том, чтобы сцапать ее как можно больше и закинуть на берег как можно дальше. Жирные тушки лениво плавали возле самых его ног, и когда железные ладони человека смыкались вокруг их боков и выхватывали на воздух, не бились, не извивались, а равнодушно разевали зубастые рты и ворочали пустыми блеклыми глазами. Конечно, то была не настоящая рыбная ловля, и Конану сие занятие быстро наскучило — он вылез, отряхиваясь, словно искупавшийся пес, и пошел к своему пристанищу.

Впрочем, добыча и так оказалась богатая: без малого две дюжины отличных рыбин, и четыре из них уже висели над костром, очищенные и насаженные расторопным рыжим на прутики. Вода капала с них на раскаленные угли, раздавалось шипение, и о лучших звуках в эту ночь киммериец не мог и мечтать — не говоря уже о поистине волшебном запахе, что струился перед носами оголодавших путешественников.

Не дожидаясь, когда приготовится первая порция, Конан снял прутик и, обжигаясь, начал отхватывать зубами белые сочные куски. Рыжий не замедлил воспользоваться его примером. Кучка рыбьих скелетиков быстро росла между ними, и с такой же скоростью росло взаимопонимание. В середине трапезы варвар поймал умоляющий взгляд талисмана, направленный в сторону кустов, где стоял кувшин с пивом, усмехнулся.

— Пей! — разрешил он, и рыжий тотчас выудил из ветвей вожаденный сосуд, жадно припал к нему губами.

Когда, в унисон сыто рыгнув, оба отвалились наконец от еды, киммериец с удивлением обнаружил, что его неприязнь к парню испарилась бесследно. Не потому, конечно, что тот накормил его — Конан сам ползал в реке и сам доставал оттуда рыбу, — а потому, что... Наверное, так пожелал Митра... Глаза обоих посоловели, потеряв первоначальный свой цвет, и мысли спутались... Наконец сон снова опустился к их одинокому костру, и на этот раз уже ничто не могло его прогнать. Ну, разве что яркий луч солнца, весело шныряющий по земле и пробуждающий к жизни, но — до рассвета еще оставалось время...

Глава вторая

Конану суждено было проснуться не от первого солнечного луча, но от чавканья и урчания рыжего недоноска, уплетавшего остатки ночной трапезы. Впрочем, стоило киммерийцу открыть глаза, как тут же появился и луч — предвестник восхода над землей ока благого Митры; еще слабый и тонкий, он тем не менее заставил тьму отступить — черное небо посветлело, звезды погасли; день подходил к престолу, с которого только что спрыгнула ночь.

Рывком поднявшись, Конан ловко выхватил прямо из-под носа у рыжего последнюю рыбину и, не успев тот придать взору своему выражение глубокой печали и усталости, уплел ее всю. Пива больше не было, так что жажду пришлось утолять обыкновенной речной водой, затхлой, зато холодной.

— Слушай-ка, варвар, — осипшим после сна голосом протянул рыжий. — Не пора ли тебе узнать родовое имя мое?

— Тьфу! — раздраженно сплюнул Конан. — Опять заговорил как придворный стихоплет...

— А ты их видел?

— Ха! — ответил варвар.

— И я стихи слагаю... — скромно потупившись, сообщил парень. — И баллады там всякие, песни...

Он закатил глаза и начал ерзать тощим задом по кочке, явно намереваясь немедленно исполнить новому знакомому балладу-другую. Но Конан, у коего воспоминания об

искусстве были самые что ни на есть грустные еще со времен его знакомства в Аграпуре с юной лютнисткой, которая оказалась хладнокровной убийцей, оборвал его грубым шлепком меж лопаток, от которого рыжий кулем повалился на землю.

— Варвар... Настоящий варвар,— проворчал он, поднимаясь. Но в зеленых глазах его ни обиды, ни возмущения киммериец не увидел — кажется, парню досталось в жизни немало зуботычин, и сейчас он был вполне доволен, что его вообще не убили.

— А ты — рыжая аргосская шкура,— беззлобно парировал Конан.— Вставай!

— Меня зовут Висканьо... Слышишь? Висканьо — Приносящий Счастье И Отвергающий Ошибку!

— Тыфу! — снова сплюнул варвар, с рождения испытывающий суеверную неприязнь к пышным именам и прозвищам, но все-таки тоже представился: — Конан.

— Ты можешь называть меня просто — Виви,— с любезной улыбкой разрешил рыжий и был немало удивлен, услышав раздраженное рычание в ответ на столь откровенное проявление дружеских чувств.

— Еще чего!

— Опять ты сердишься, Кони...

— Что-о-о? Хр-р-р... Какой еще Кони? Я — Конан! Ты понял, недоумок?

— Понял,— с грустью кивнул Висканьо, подавив тяжелый вздох.

— Вставай!

— Куда мы пойдем?

— В Мессантию.

— Зачем?

— Сам пока не знаю...

— А я знаю.

С хитрой ухмылкой Виви потянул Конана за рукав.

— Сядь. Я поведаю тебе одну историю. Митрой клянусь, ты не пожалеешь, варвар!

Больше всего Конану хотелось сейчас снова ткнуть в лоб этого рыжего наглеца, но, памятуя о ночной рыбной

ловле, он решил все же сдержаться на время свое раздражение и выслушать обещанную историю.

— А я клянусь Кромом,— тем не менее счел нужным предупредить он,— что снесу половину твоей дурной башки, если ты наплетишь мне вздора.

— О-о, нет. Никакого вздора! Правда — одна только правда слетит с уст моих, приятель.

Рыжий важно пригладил вихры и, приняв позу верховного жреца, начал свое повествование.

* * *

— На северо-востоке Аргоса, там, где начинается полоса Кофийских гор, есть одно маленькое сельцо со странным названием — Собачья Мельница. Я-то родом из столицы, Мессантии, но в Собачьей Мельнице жил последние два года. Надо сказать, Кони...

— Хр-р-р...

— Конан,— быстро поправился Висканьо.— Так вот, Конан. Надо сказать, что люди там живут неплохие. Работящие, добрые... Только тупые — невероятно. Ты не поверишь, но они убеждены, что если дитя заплакало — быть дождю. И стоит неразумному младенцу испустить вопль, как все жители Собачьей Мельницы бегут прятаться в дома от дождя!

— А если его нет?

— Они говорят — это Митра отвел тучи в сторону, потому что он любит нас.

— Ха!

— И я так считаю. А еще они...

— Короче, рыжая вошь!

— Хорошо. Несколько лет назад в Собачью Мельницу прибыл важный господин. Такого франта и богача в этих краях и не видали! Он одарил каждого взрослого мужчину золотой монетой и бутылкой кислого, но крепкого вина, и — за день и половину ночи только они выстроили ему роскошный дом в два этажа, ибо господин заявил, что ему тут нравится и он хочет навеки поселиться именно в Собачьей Мельнице, и нигде более. Спустя год выяснилось, что сей

франт был всего лишь вором, знаменитым вором из Шема, коему на склоне лет вдруг изменила удача. Звали его Деб Абдаррах по прозвищу Красивый Зюк. Ты знаешь язык древних шемитов, Конан?

— Древних — нет. Но что значит Зюк — знаю. Придурок?

— Что-то вроде того. Глупый, гнусный и наглый — вот что по-шемитски означает это имя. Позднее я имел несчастье познакомиться с ним, и могу с уверенностью сказать, что Деб Абдаррах вовсе не был придурком. Но — вернемся к тому времени, когда он еще жил в своем прекрасном доме в полном одиночестве (если не считать прислуги, конечно).

Дни его текли размеренно и спокойно. Преследователи, гнавшие его из Шема через Коф в Замору, а из Заморы обратно в Коф до самых Кофийских гор, отчаялись изловить знаменитого вора и представить его светлым очам своего ублюдочного императора, а потому вернулись домой. Дебу, как ты понимаешь, дороги назад уже не было. Денег — полный мешок, и в одежду защиты драгоценности, так что оставалось только найти подходящее пристанище и поселиться там. На пару лун ли, на год ли, на всю жизнь — он полагал, что время покажет. И таким пристанищем оказалась Собачья Мельница.

Крестьяне полагали, что Деб Абдаррах ниспослан им с небес самим Митрой — богатый, знатный, лицом гладок и бел, а речь высокая, затейливая... Так толковали о нем между собой жители маленького сельца у подножия Кофийских гор... Они таскали Дебу охапки сладких кореньев и трав, корзины, полные фруктов, овощей, хлеба, жареных гусей и прочей жратвы, не говоря уже о домашнем слабом вине, которое поступало в дом Красивого Зюка не бутылками, но бурдюками в пол его роста. Но — рано или поздно наступает срок расплаты, Конан... Пришел сей срок и для Деба. Уж не ведаю, чем он задобрил богов — скорее всего, боги тут и ни при чем, просто голову надо иметь не пустую, — а удача-изменница вновь повернулась к нему лицом. Впрочем, может, всего лишь подмигнула...

Если тебе доводилось бывать прежде в Кофе, ты должен был слышать о банде Медведя Пино...

— Слышал, — кивнул Конан, коего уже весьма заинтересовал рассказ Висканьо. — Они живут в Кофийских горах.

— Верно. Не стану перечислять их грязные делишки — тебе они, конечно, известны. Полна земля слухами... Но об одном все же скажу. Однажды крестьянин из Собачьей Мельницы попал им в руки... Незавидная судьба... Ему удалось бежать. Израненный, он добрался до сельца и перед тем, как душа его отлетела на Серые Равнины, поведал страшное известие: бандиты Медведя Пино собираются напасть на Собачью Мельницу. Ты понимаешь, Конан, что сие означало. Кровавая резня, после которой в сельце не осталось бы ни одного живого человека... А если знать, что ближайшие соседи живут в трех днях пути... В общем, помощи ждать не приходилось. И тогда люди обратились за советом к Дебу Абдарраxu. Он внимательно выслушал их — о, Конан, он умеет быть таким внимательным, что хочется рассказывать ему еще и еще! — потом мягко улыбнулся и пригласил за стол.

Пять дней и пять ночей по приказу Красивого Зюка жители Собачьей Мельницы рыли вокруг сельца рвы, заполняли их водой, а после закрывали деревянными щитами, подпиленными ровно посередине. На шестой день банда Медведя Пино спустилась с гор. Надо ли рассказывать дальше, Конан?

— Они провалились. А когда бултыхались в воде, их было легко переколоть по одному.

— Верно! Простое решение принял Деб, но ведь бандиты и вовсе не ожидали отпора!

Так Красивый Зюк заплатил крестьянам долг и стал — не смейся — настоящим императором Собачьей Мельницы! Это они его так называли, и он не возражал. Он разбирал тяжбы, мирил, наказывал... Он был справедлив! Но... Сие продолжалось недолго. Вор остается вором всегда, как жрец благого Митры остается жрецом не только в храме, но и на пиратском судне, и в шайке разбойников. Деб стал раздра-

жителей, часто впадал в несправедный гнев, до полусмерти пугая двух крестьянок, что жили у него в доме и вели его хозяйство. Да и соседи уже боялись заходить к нему за просто, как раньше... Приносили обычную дань и норовили поскорее смыться, дабы не попасть на глаза столь сердитому господину... Видно, Красивому Зюку все же наскучила однообразная деревенская жизнь...

В один ненастный день, когда после истерики очередного младенца разразилась настоящая буря, вызвал к себе Деб одного старика да снарядил его в Шем с грамотой. Уж не ведаю, что в ней было понаписано, только через какое-то время прибыли в Собачью Мельницу два парня — близнецы, похожие между собой, как один твой глаз походит на другой. Ростом — с меня, а я ведь макушкой достаю тебе до носа! Зато шириною они и тебя превосходят. Чернявые, угрюмые, малость туповатые, но... добрые. Смешно, правда? Где их откопал Деб?.. До сих пор понять не могу. Они называют его отцом, он их — детьми, но я не верю, Конан, что у такого человека, как Красивый Зюк, вообще могут быть дети... Один, Гана, выпить любил — я его по тому и отличал от Мисаила. Того от вина прямо воротило, а пива он и нюхать не мог.

Вот эти-то близнецы и похитили меня по приказу Деба из жаркого городишка Кеми, что находится в Стигии. Я жил там у одной красотки из высшего общества, приносил ей удачу. Красотка эта, между нами, страшна была, как задница Нергала. Жирная, кривоногая, и лицо словно у мартышки из джунглей Зембабве... Но со мной ей проходу от мужчин не было. Первые красавцы наперебой тащили ее в постель, а трое даже хотели жениться... Она все куksилась, ждала принца или, на худой конец, рыцаря, да так и не дождалась. Гана и Мисаил запихали меня в сундук, сундук погрузили на корабль и уплыли в Аргос. Слышал я, что после меня и последний нищий не взглянул в ее сторону...

А Красивый Зюк принял меня как высокого гостя! Клянусь Митрой, Конан, и благородного нобилия так не принимают его же сородичи! Пока мы с ним пили да ели,

он все выпрашивал, почему это я талисман. Откуда мне знать? Видно, боги одарили меня сим талантом... Очень скоро Дебу предоставилась возможность убедиться в этом самому — он взял меня с собой на охоту и подстрелил молодую самку оленя, кабанчика и целую пропасть куропа-ток! Я понимаю, почему ты улыбаешься, Конан. Да, хорошему охотнику ничего не стоит принести домой и более богатую добычу. Но Деб никогда не был метким стрелком, и я сам слышал, как крестьяне толковали между собой о поистине удивительной его способности с десяти шагов промахнуться в стену дома...

А потом мы поехали в Мессантию — он хотел проверить, можно ли при мне свистнуть из кармана стражника кошель с деньгами так, чтоб тот ничего не заметил. Мы и полпути не проехали, как он до нитки обобрал двух гвардейцев; причем пока он тащил их мешки, они рассказывали ему о своих любовных похождениях в Кордаве! Деб был так доволен, что решил не ехать в Мессантию, а вернуться в Собачью Мельницу и заняться делами. И вот об этом-то, Конан, я и хотел поведать тебе...

* * *

На этом Виви оборвал свой рассказ и выразительно посмотрел на киммерийца.

— А не пора ли тебе снова залезть в реку? Я проголодался.

Угрюмо усмехнувшись, Конан медленно встал. Темные воды Хорота, у берега покрытые зеленым ковром, были вялы и безжизненны; даже лучи восходящего солнца не блистали на матовой глади. Нечто похожее на тоску царапнуло вдруг суровую душу варвара: зачем он здесь, в пустынной степи Аргоса? Случайно ли ветер странствий занес его сюда? Подавив вздох, Конан сплюнул в пепелище костра, не найдя иного ответа на вопросы свои, потом повернулся к рыжему. Тот удивленно взирал на него круглыми наглыми глазищами, не в силах понять, почему же этот огромный парень не спешит к реке за новой партией рыбы. Неужели он еще не голоден?

Виви смиренно перенес долгий взгляд синих Конановых глаз и так же смиренно, не издав ни звука, вознесся над землею в могучих руках нового знакомого. Но когда Конан, ухнув, зашвырнул его в вонючий Хорот, рыжий испустил дикий вопль, сравнимый разве что только с брачной песней крукана — обезьяны, что обитает на знойном юге, в устье реки Зархебы. Правда, в отличие от крукана Висканьо не умел плавать, а потому, лишь погрузившись, тут же затонул. Лежа на самом дне, таком глинистом и скользком, рыжий проклинал всех варваров на свете вместе с их жестокими богами; в ужасе чувствуя, как рвутся наружу последние пузырьки воздуха, он не сделал и попытки спастись — руки и ноги его оцепенели, тощий зад сделался вдруг тяжелым, словно кузнечный молот. В мутной воде перед его глазами уже маячила дорога на Серые Равнины, и он закрыл глаза, готовясь достойно перейти в чужой мир, как тут что-то крепко ухватило его за ворот рубахи и потянуло вверх.

Мокрым котенком болтаясь в железной руке киммерийца, Виви размышлял о превратностях судьбы, этой своенравной сестры всех богов, что скрестила до того параллельные пути его и Конана. «Почему? — мысленно восклицал он, — почему меня не выловил какой-нибудь добрый купец, или красивая девушка, или цирюльник императора? Почему я попал в лапы неотесанного дикаря, коему даже неизвестно, как надо обращаться с талисманом? О, проклятый Кром... Не иначе как по сговору с Нергалом породил ты киммерийцев...»

Здесь сетования Виви оборвались, ибо Конан зашвырнул его в кусты, оказавшиеся весьма колючими. Пока рыжий, стеная и крича, выбирался на свободу, отпрыск Крома и Нергала натащил сухих веток и развел костер; затем, закатав штаны, снова отправился к реке и начал шарить руками в мутной воде, то и дело плюясь и изрыгая проклятия.

После первой же громадной рыбины, готовой стать вторым завтраком для двух путешественников, раздражение варвара начало понемногу угасать. А когда на берегу выросла целая серебристая куча, из которой торчали плавники и

хвосты, и рыжий, не глядя на нового приятеля, уже просовывал веточку в разинутую словно нарочно за этим рыбью пасть, на смену раздражению пришло иное чувство, заменяющее порой все прочие, — голод. Сглатывая слюну, Конан завороченно смотрел, как розовеет над костром его добыча, как капает сок на раскаленные угли; ноздри его шевелились, с вожделением вдыхая волшебный запах свежей жареной рыбы, а дух желудка, живущий, как полагал старый знакомец варвара Ши Шелам из Шадизара, где-то под ребрами, нетерпеливо ворчал в ожидании жертвоприношения.

Наконец бока рыбины зарумянились, и Конан торжественно снял ее с жертвенного алтаря. Виви достался хвост с маленьким кусочком мяса, чему он был чрезвычайно рад: после купания в Хороте и барахтания в кустах он не то что не особенно рассчитывал на благосклонность сурового своего спасителя, но и вовсе не думал, что он его накормит. Однако, утолив первый голод, тот явно был готов слушать дальше рассказ рыжего талисмана, о чем свидетельствовал умиротворенный взгляд его помутневших синих глаз. Но пока он молчал, молчал и Виви, не осмеливаясь словом потревожить таинство трапезы варвара.

— Ну? — прорычал Конан, коему в действительности очень хотелось услышать продолжение истории. Первобытное чутье его подсказывало: здесь есть чем заняться. Путь к славе и богатству снова открыт! Нет, совсем не случайно ветер странствий занес его сюда, в аргосскую глухомань; не случайно рядом с ним сейчас сидит и пыхтит рыжий недоносок, который, оказывается, вдобавок к природной наглости еще и не умеет плавать. Ничто не случайно в мире сем, ничто... — Ну! — повторил варвар, сверля Висканьо синим холодным взглядом своим. — Говори, что было потом!

И рыжий, торопливо проглотив свою долю, почтительным шепотом продолжил повествование о Дебе Абдаррахе и собственной злой судьбе.

* * *

— Вот что рассказал мне Красивый Зюк одним прекрасным вечером, сидя за бутылкой сладчайшего офирского

красного: «Много лет назад, когда на свете не было еще ни тебя, ни даже меня, жил в Саадхе — маленьком и пыльном городке на востоке Шема — мудрец, астролог и просто провидец Баг Левен. Дом его стоял на самой окраине Саадха; за ним начиналась пустыня, а потому песчаные смерчи не раз качали ветхую каморку Бага, заноса ее песком почти по крышу, как в Ванахейме пурга заносит дома снегом. Питался мудрец так же, как я теперь — то есть жители таскали ему черствый хлеб да воду, а большего он не желал. Ты улыбаешься, Висканьо?» Так сказал мне Красивый Зюк, прервав рассказ. Я и в самом деле улыбался, Конан, ибо на нашем столе нашлось место и доброму жареному каплуну размером с пивной бурдюк, и глубокому блюду, полному вареной с травами фасоли, и отличному куску свинины в том же офирском красном, не говоря уже о медовых лепешках и фруктах... Так что питался тот мудрец совсем не так, как его соотечественник Деб Абдаррах. И хотя я понял, что именно он имел в виду, мне захотелось немного подшутить над ним...

«Я улыбаюсь,— ответил я Дебу,— потому что сей жареный каплун мало походит на черствый хлеб, а сие чудесное офирское вино ничем не напоминает мне простую воду».

Благодушно усмехнувшись, хозяин махнул холеной белой рукой своей и, будучи не расположен более говорить со мной о разнице в питании его и мудреца, продолжил эту весьма занимательную историю: «В Саадхе не было человека, который не знал бы, что Баг Левен может совершенно бескорыстно предсказать судьбу любого, знакомого и незнакомого. По звездам, по руке, по игральным костям читал он чужую жизнь своим сухим, безжизненным и скрипучим голосом.

Кроме того, он вышел однажды на улицы города — а на памяти старожиллов такого еще не случалось — и громко возвестил о скором землетрясении. Счастье жителям Саадха — они ему сразу поверили и тем самым спасли себе жизнь. Через пару дней, когда в городке не осталось никого, кроме Бага Левена, земля разверзлась под Саадхом и поглотила больше половины домов, разрушив до основания

те, что устояли... И только каморка мудреца осталась невредима.

Когда жители вернулись в родные места и увидели разруху, царящую там, они поняли, как необъятно велик ум их Бага, как необычайно чувствительно его сердце — ведь только сердцем можно почувствовать колебания неба и земли. И тогда... Но — прости меня, Висканьо, я несколько поторопился...»

— Ты что, запомнил каждое слово этого Зюка?

— Ну да,— легко ответил вполне освоившийся за время повествования Биви.— Это не так уж трудно. Надо просто внимательно слушать.

— Ладно, валяй дальше...

— Итак, «прости меня, Висканьо, я несколько поторопился, — сказал мне Деб,— и забыл упомянуть кое о чем... Старый Баг, аскет и затворник, имел только одну слабость — золотые безделушки, и ее-то питал с наслаждением, покупая все, что только приносили в его дом жители и проезжие. Зачем они были нужны этому одинокому старцу, чей земной путь мог завершиться в любое мгновение, следующее за тем, что уже миновало? И откуда у него, всю жизнь, кажется, проходившего в одном дырявом платье, брались деньги на такое дорогое удовольствие? Вот два вопроса, на которые я и сейчас не знаю ответа. Может быть, какой-либо проезжий купец оставил ему в благодарность за хорошее предсказание мешок золотых, а может, он нашел клад в полу своего старенького домишки... Не знаю, нет, не знаю... Зато мне известно нечто другое...»

На сем Деб остановился и предложил мне отведать бритунского белого. Тебе не приходилось пить его, Конан?

— Отрава,— коротко констатировал варвар, обгладывая кости последней рыбыны.

— И я того же мнения. Но Деб был в восторге от кислого вкуса этого вина и еще больше от его мерзкого терпкого запаха. Я же глотнул раз, а потом незаметно вернулся к офирскому... Эх,— мечтательно произнес Биви,— хоть бы четвертушку маленькой бутылки к нашей милой ароматной рыбке... Ладно, ладно, Конан, я продолжаю.

Деб выпил до дна огромный кубок своего любимого бритунского белого, крикнул, затем налил себе еще, и только тогда я услышал, что же за «нечто другое» стало ему известно.

«Давным-давно, задолго до появления на свет мудрого Бага Левена, в предместьях Сухмета — древнего стигийского города — жил золотых дел мастер Хатхон. Его медальоны, статуэтки, перстни и прочая ювелирная дребедень ценились в Стигии наравне с кораблями, домами и женщинами, то есть очень высоко. Самые богатые нобили не всегда могли позволить себе купить что-нибудь из изделий Хатхона. Лишь у жрецов Сета, людей наигнуснейших и наиподлейших — уж поверь мне на слово, милый мой талисман, — хватало денег на все, и на то, чтобы с ног до головы обвешаться золотыми безделушками мастера — тоже. Ты понимаешь теперь, Висканьо, что Хатхон был одним из самых богатых стигийцев, ибо — и в этом я всецело с ним согласен — умел ценить свое искусство. Ах, мой друг, по молодости лет ты еще не можешь знать о том, сколько людей загубило свои жизни именно из-за того, что не умели ценить себя и свои способности. Вот ты, к примеру. Горд ли ты столь редким даром, коим наградили тебя добрые боги? Готов ли ты потребовать за один день помощи кому-либо караван самоцветов и красотку-рабыню? Ты качаешь головой? Ты слишком скромненький, мальчик. Я! Я готов дать тебе и караван и красотку, сложность заключается в том лишь, что у меня нет ни того, ни другого, вот я и вынужден был украсть тебя и силой принудить остаться со мной...»

На этом месте Красивый Зюк довольно противно захохотал, обдав меня тошнотворным запахом бритунского белого. Я отвернулся. Мне вовсе не было обидно, Конан, просто я хотел дать ему понять, что не слишком-то рад своему заточению в его доме. Тогда, может быть, он стал бы осторожнее использовать мой дар, а главное — берег и кормил бы как следует меня самого. Скажу тебе честно, варвар, мне нравилось у Деба, и нравился он сам — но он не должен был этого знать, не так ли? Я путано изложил тебе свои мысли на сей счет, но ведь они тебя мало волнуют, да?

Получив подтверждение в виде небрежного кивка киммерийца, Виви со вздохом продолжал рассказ.

— Когда Деб наконец заткнулся и с опаской посмотрел на выражение моего лица, я позволил себе слегка улыбнуться. Он радостно осклабился мне в ответ. Как видно, старик все же боялся, что я могу попробовать улизнуть от него! Он подвинул мне остатки каплуна и налил полный кубок офирского красного, заметив, с каким удовольствием я пью это вино. «Что же случилось с Хатхоном, Деб?» — спросил я его после того, как осушил половину кубка. «Ничего, — пожал плечами мой хозяин. — Разве я сказал, что с ним что-то случилось? Хатхон прекрасно дожил до глубокой старости и на Серые Равнины ушел богачом, хотя, между нами, Висканьо, нужны ли ему деньги в царстве мертвецов? Впрочем, то же можно сказать и обо мне... Зачем мне деньги, если путь мой все равно завершится на Серых Равнинах, и помоги мне Иштар, чтоб сие произошло не очень скоро... Тем не менее я обожаю золото и хочу его, как ты, юноша, хочешь любви... Один вид монеты приводит меня в состояние благодати. Так жрец нашего светлого бога Адониса млеет, узрев в небесах ярко вспыхнувшую на миг звезду — знак согласия высших с его служением им.

Но я опять отвлекся, Висканьо. Кажется, я говорил о Хатхоне? Бр-р... После смерти его тело намазали какой-то дрянью и положили в деревянный ящик. Стигийцы утверждают, что если раскрыть ящик через пятьсот лет, труп будет цел, только хрупок, сух и цветом бур. Ф-фу! Не правда ли? Называется сия гадость мумией и стоит человеку при жизни больших денег. Ты хотел бы быть мумией? И я тоже. Но ты ведь жил в Стигии и должен об этом знать лучше меня!»

«А я и знаю, — ответил я. — И видел мумий сам. И со жрецами Сета я имел несчастье познакомиться. Ты, Деб, совершенно прав, когда говоришь, что люди сии наиподлейшие: за мой рыжий волос ублюдки едва не скормили меня аллигаторам!»

«О-о-о, это страшные звери! Как же тебе удалось избежать столь ужасной гибели? Насколько я понял, твоим

даром может воспользоваться кто угодно, кроме тебя самого!»

— Хватит болтать! — Конан, который давно уже поглядывал на солнце, висящее в зените, устал слушать пространственный рассказ рыжего. Желанной сути он пока не дождался, хотя Виви подходил к ней не раз, а остальное — вроде дурного характера жрецов Сета да мумий — его никак не трогало. — Вставай. Пойдем к Мессантии. К вечеру остановимся где-нибудь на ночлег, и ты доскажешь мне свою байку, но покороче, понял?

Висканьо согласно кивнул и с готовностью вскочил на ноги. Ему самому не терпелось попасть в столицу Аргоса и там свершить то, что он задумал еще во время плавания на доске по Хороту. Все же хорошо, что выловил его именно Конан! Ни добрый купец, ни красавица, ни, тем паче, императорский цирюльник не смогли бы ему помочь в этом деле, а были бы только обузой. Да и не решился б Виви поведать им то, что только что услышал от него варвар... Рыжий с улыбкой посмотрел в широкую спину нового спутника и вприпрыжку поскакал следом. Могучий воин и талисман — что может быть сильнее в этом мире? Маги Черного Круга? Ха!

На таком оптимистичном соображении Висканьо догнал Конана и пошел с ним рядом, изо всех сил стараясь попадать в шаг...

Глава третья

К вечеру спутники прошли расстояние тридцати полетов стрелы, и к тому времени, как огненное око Митры начало опускаться за полосу горизонта, миновали уже пышный плодородный лес и дикое поле. Виви доверху набил мешок Конана фруктами и теперь тащил его сам, ибо варвар с презрением отверг такую пищу, надеясь изловить кабанчика либо, на худой конец, ту же рыбу в Хороте.

Кабанчик не замедлил появиться, причем бежал он так вяло, так неторопливо, словно нарочно ждал, когда киммериец достанет кинжал и метнет ему между глаз. Конечно, Конан так и сделал, при этом совсем не радуясь добыче, а ворча и хмурясь. Он уже не ощущал прелести победы — ведь она принадлежала не ему лично, воину и бродяге, а волшебной силе рыжего талисмана, прилепившегося к нему волей Митры ли, волей Нергала ли — сейчас это не имело значения. С того самого момента, когда освобожденный от веревок юнец протянул руки к его костру, варвара не оставляло желание расстаться с ним. Что же мешало Конану прогнать парня?

Он и сам пока не мог понять толком. Может быть, та непреодолимая жажда действия, которая влекла его с места на место, из города в город, из страны в страну? В рассказе Висканьо он не просто услышал — почувствовал будущее приключение, и это заставляло его сердце сладостно замирать, окунаясь в теплый и светлый туман надежды. А вдруг сие станет той ступенью, которая приведет его к цели? С

другой стороны, варвар давно уже знал — путь к цели несравненно важнее и интереснее ее достижения. Но разве что-нибудь говорит о том, что это приключение не будет важным и интересным?

Вздохнув, Конан покосился на спутника, чья рыжая голова мелькала где-то за его плечом, и остановился. Справа — Хорот, слева — небольшая рощица, и на опушке ее, покрытой густым ковром травы, можно развести костер... Потускневший розовый диск медленно опускался за горизонт; сумерки густели, наливались чернотой так быстро, как то бывает только летом... Сбросив кабанчика, киммериец молча принялся за дело: натаскал веток, коих в рощице было множество, развел огонь, потом принялся свежевать добычу.

Рыжий бездельничал. С грустью глядя на сноровистого, но угрюмого приятеля своего, он пытался понять, в чем же заключалась его вина? Почему этот парень не желает вести с ним беседу, почему не смотрит на него, а если и смотрит — взгляд его холоден и бесстрастен? Уж лучше бы Конан злился на Виви, швырнул бы его опять в реку или в кусты...

С несчастным видом грызя лесное маленькое яблоко, рыжий размышлял о странной судьбе своей: сколько он себя помнил, его все время гнали, лупили и ругали по чужой вине. Приемные родители — слава Митре, почившие несколько лет назад — самый факт его нахождения считали дурным знаком, ибо если других детей люди обнаруживали на ступеньке крыльца или в саду, то младенца Виви нашли в куче навоза по дороге на базар. Ему было всего пять лет, когда родители выбросили его на улицу. Скитаясь по помойкам в поисках пропитания, он страстно желал обрести свой дом и свою семью, но такие же оборванцы, как он, быстро отучили его мечтать. Зато, с утра до ночи бегая с шайкой малолетних воров, Виви обнаружил в себе дар талисмана.

Жаль только, что дар сей никак не распространялся на него самого — большего неудачника Висканьо до сих пор не встречал. У него все валялось из рук, и куда бы ни направлял он стопы свои, потом обязательно выяснялось, что он в тупике и что до него и после него ни один человек

не пошел той же дорогой... Тогда он стал искать себе не семью, но хозяина.

Первым был добрый, но глупый купец из Мессантии. Он позволил Висканьо называть его отцом и, как оказалось впоследствии, действительно полюбил его как сына. С появлением рыжего талисмана в печальных до того делах купца произошел существенный сдвиг: любая сделка становилась прибыльной, и вскоре важные и богатые соплеменники признали в нем своего, что сулило постоянную совместную деятельность, а значит, и постоянный доход.

Увы, меньше чем через год рыжему пришлось расстаться со вторым приемным отцом. Случилось так, что знатный нобиль, приближенный и чуть ли не друг короля, пришел к купцу с просьбой: дать под залог фамильного перстня большую сумму денег на две луны. Обрадованный купец без долгих раздумий дал согласие, и сделка состоялась. Но Виви не смог перенести того, что в их доме (да еще в незапертой шкапулке) лежал такой красивый перстень. Не особенно мучаясь угрызениями совести, он достал его оттуда и припрятал.

Когда преступление раскрылось — а даже обожающий приемыша купец без труда сообразил, кто свистнул перстень из шкапулки, — Висканьо пришлось вернуть украденное и покинуть дом, ставший для него родным. Приемный отец плакал, но твердо стоял на своем: вора он не потерпит рядом, да и другие купцы вряд ли его поймут, если опять увидят здесь Виви.

Потом были долгие скитания по Зингаре и Аквилонии, по Немедии и Бритунии. Гиперборея, Асгард, Киммерия, снова Аквилония... Нигде не нашел пристанища рыжий талисман, и лишь оказавшись в Стигии, сумел там задержаться: стареющая нимфоманка, о которой рассказывал он Конану, быстро поняла, в чем дело, и с превеликим удовольствием приютила Виви у себя. Вереница ее женихов, бесконечные разговоры о мужчинах и их достоинствах, жеманство, белила, кусками опадающие с ее увядших щек, — все это безумно наскучило рыжему в первую же луну, а потому он был даже рад, очутившись в крепких руках Ганы и Мисаила, кои молча и сноровисто задохнули его в

сундук, погрузили на корабль, с корабля на пристань, с пристани на повозку...

Ему и в самом деле понравился новый хозяин — Деб Абдаррах. Невозмутимый, обстоятельный, умеющий вести беседу...

В глубине души Виви был уверен, что он не простой вор. В странной улыбке его, в повадках, в бездонных мутных зрачках даже юный талисман узнавал прожженного бандита, до коего и Медведю Пино было так же далеко, как нищему до императора... Сколько раз он купал в чужой крови свои белые холеные руки? Рыжий полагал, что не один и не два, а много больше. Но — приятные манеры, мягкий голос, своеобразное обаяние жестких черт лица... Впрочем, только Нергал знает, что там намешано внутри его отпрыска...

И все же Деб явно был сумасшедший! Виви скривился, вспомнив, с каким лихорадочным блеском в карих глазах он излагал ему свой план. Слюна так и летела в стороны, а от бывшего спокойствия не осталось и следа. А в общем, все равно и это кончилось... Может, варвар согласится стать его хозяином? Хотя бы на время...

...Пленительный запах жареного мяса заставил Виви быстро проглотить огрызок яблока и подсесть к костру. Молча Конан отхватил кинжалом здоровый кусок от кабаньего бока и сунул его рыжему спутнику, молча подбросил в огонь сухих веток, пошебуршил палкой угли и только тогда тоже принялся за еду. Чавкая, урча и повизгивая, Висканьо смолотил свою долю быстрее киммерийца, уставился голодными глазами на обкромсанную тушу.

— Держи!

Варвар кинул рыжему кинжал, и тот ловко начал пилить кабанью ногу, дрожа от нетерпения. С усмешкой смотрел на него Конан: и ему было мало одного куска, но этот тощий аргосец поистине оказался обжорой. Куда только влезало такое количество пищи, какое он с легкостью в себя пихал! Качнув головой, варвар выломал целую ногу и вцепился в нее зубами, обливаясь соком и порывая от удовольствия.

Когда с кабанчиком было покончено и спутники, еле живые от неумного чревоугодия, отвалились в разные стороны от костра, благодать снизошла к суровой душе варвара и он возжелал услышать наконец продолжение истории рыжего.

— Ну,— молвил он, кончиком клинка выковыривая из зубов застрявшее мясо.— Болтай дальше, но поскорее. Я спать хочу.

Висканьо покорно кивнул, на сей раз не испытывая никакой охоты продолжать рассказ. Он объелся; ноги его гудели после целого дня пути, а глаза закрывались сами собой, будто сон положил на веки край тяжелого своего покрывала. Но — делать было нечего. Пока Конан с ним — Виви должен следовать его желаниям.

— Я готов рассказать тебе все — от начала и до конца — так коротко, как только сумею. И все же я буду говорить долго. Станешь ли ты слушать, варвар? Не уснешь ли?

— Усну — утром доскажешь. Кром! Да не тяни же!

— Хорошо. Я остановился на том, как Деб сказал мне: «Насколько я понял, твоим даром может воспользоваться кто угодно, кроме тебя самого!» Это и взаправду так, Конан. Если бы вместо тебя пошел ловить рыбу я — будь уверен, мы остались бы голодными. Ты, конечно, хочешь знать, как же тогда я спасся от пасти аллигатора?

— Нет, не хочу.

Виви, который только-только начал входить во вкус повествования, обиженно смолк.

— О, потомок шелудивого осла! — беззлобно проворчал Конан, и на это рыжему нечего было возразить, ибо он понятия не имел, чей же он в действительности потомок.— Нергал с тобой, валяй про аллигатора!

— Все очень просто,— приосанился Висканьо, довольный милостивым разрешением поведать сию подробность его жизни.— Меня вытащила из клетки моя старушка. Помнишь, та стигийка, которая искала жениха из принцев? Вот она и повернула ключ в ту сторону, в какую было нужно...

Но я вижу по глазам твоим, что тебе не терпится узнать о моей беседе с Красивым Зюком? Что ж... Я пропущу наше с ним горячее обсуждение разных способов казни в Стигии и перейду прямо к делу. Вот что поведал мне Деб дальше:

«Милый мой Висканьо, теперь, когда мы наконец нашли друг друга, я открою тебе тайну, которую хранил всю жизнь. Но сначала ты должен дослушать про Бага Левена, мудреца из Саадха. Как я уже говорил, у него была лишь одна слабость — золотые побрякушки. После того, как он предупредил жителей города о землетрясении, они преисполнились благодарности и нарекли Бага «почетным гражданином Шема», что само по себе не являлось такой уж ценностью (во всяком случае, так считаю я). Гораздо приятнее было другое: они стали таскать ему золото бесплатно! Конечно, в том хламе, какой издревле хранился в их сундуках, вряд ли могло оказаться что-либо очень дорогое, но Баг радовался и этому. И кто знает, не таким ли путем попал в дом мудреца... Впрочем, о сем чуть позже...

Кажется, я упоминал, что наш Баг жил одиноко и праведно? Ну, его правственность нас не слишком волнует, правда? Что же касается одиночества... На первый взгляд нам наплевать и на это. Но — только на первый взгляд! Как ты думаешь, кому после его смерти перешло бы все накопленное им? Нет, не соседу. Родственнику! Так вот, один родственник у него все же был — внук тетки сводного брата отца Бага.

Проживал сей достойный муж в столице Аргоса, в Мессантии, и в то время, о котором я веду рассказ, всю сосал материнское молоко. Сейчас-то он будет, пожалуй, постарше меня, а я, как-никак, на днях справил пятьдесят пять зим...» Должен тебе сказать, Конан, что лицом Деб Абдаррах довольно-таки молод, и я б ему не дал и сорока двух. Не хмурь брови, варвар, я продолжаю его повествование.

«...а я, как-никак, на днях справил пятьдесят пять зим... И после смерти Бага — своевременной и тихой — его золото поехало с караваном в Мессантию, и уместилось оно в одном лишь тюке. Сие неважно, но чтоб рассказ мой был

полон, скажу: вез наследство Багова родственничка блонд из Эрука, который занимался всеми делами нашего мудреца, так как много лет назад именно Баг посоветовал ему вложить все средства и силы в судейство. Блонд последовал совету и вскоре весьма и весьма преуспел. Исключительно из благодарности он и погрузил тюк с золотом Бага Левена на своего верблюда.

Какова стоимость всех тех безделушек, приехавших к наследнику в Мессантию — нас с тобой не должно трогать. Интересует нас только одна из них...»

Тут разволнованный вдруг Висканьо прервался, вытер взмокший лоб. Конан, однако, ничего не заметил — а может, сделал вид, что не заметил. Густые длинные ресницы его не дрогнули, и взгляд остался по-прежнему холоден и бесстрастен. Тем временем рыжий все-таки нашел в себе силы продолжать.

— Великую тайну открываю я тебе, Конан, — осипшим голосом сказал он. — Гляди же, не брось меня одного. Ибо сдается мне, что ты и сам сможешь добиться успеха в деле сем, не прибегая к помощи талисмана...

— То лишь богам известно, — сумрачно ответил киммериец.

— Верно... Ну что же, слушай дальше. Я не был удивлен, когда Деб признался, что нас интересует только одна из золотых безделушек Бага — нечто подобное я уже предполагал. Но какая? А Красивый Зюк опять начал издали: «Не могу объяснить тебе, Висканьо, каким образом у бедного Бага Левена оказалась самая дорогая вещь работы стигийского мастера Хатхона — сего не ведаю, — но он ею завладел. Знал ли мудрец о своем богатстве, нет ли — что о том толковать! К богу Шакалу все лишнее! Суть в том, что вместе с золотым ломом в Мессантию поехала и эта бесценная штукавина».

Здесь, Конан, я не выдержал и спросил, что же за штукавина поехала в Мессантию с караваном честного блонда. «С виду вроде бы ничего особенного... — неохотно ответил мне Деб. — Три маленьких — не больше твоей ладони — фигурки. Пастушка, держащая перед собою корзинку с

яблоками, да две овцы при ней. Надо сказать, что мудрец Баг Левен был последним, кто обладал всеми тремя фигурками. Сейчас у наследника его хранится только пастушка с яблоками — овец украл один нищий придурок, случайно забредший в дом, и потом продал их по отдельности. Когда мы доберемся до Мессантии, мы найдем придурка и узнаем, кто его покупатель...»

«Зачем? — опять спросил я. — Зачем нам знать, где овцы? Не проще ли забрать одну пастушку?» Деб рассмеялся. Кстати, Конан, у него очень неприятный смех... Не сердись, я продолжаю. «Одна пастушка, мой юный друг, стоит не больше, чем королевский дворец! И овцы тоже — за каждую нам заплатят по мешку золота, и только. Зато вместе им цена — весь Аргос с землею, садами, домами и пастбищами!»

Признаться, Конан, после этих слов мне стало дурно. Стать владельцем Аргоса? О, я с удовольствием! Конечно, я понимал, что Деб просто приводит пример стоимости фигурок и никто нам с ним не продаст целую страну, и все же... И все же! Когда глоток офирского красного привел меня в чувство, я задал Дебу очень важный вопрос. «Скажи мне, — спросил я, — а где мы найдем такого покупателя на пастушку с овцами? Есть ли в мире такой богач, у которого хватит денег на то, чтоб купить Аргос или, предположим, Зингару?»

Деб надулся как индюк и выдавил: «А сие не твоя забота, мальчик. Я уже знаю покупателя, и он ждет свою пастушку с нетерпением!» Мне очень стыдно, варвар, но при этих словах я чуть было не умер. Я представил вдруг, что сижу не в доме шемитского вора Деба Абдарраха, а во дворце, и дворец тот, конечно, находится не в Собачьей Мельнице, а в огромном красивом городе. Вокруг меня танцуют юные красавицы, и виночерпии стоят перед троном моим не только с кувшинами лучшего в мире вина, но и с печатью любви и почтения на лицах... Ах, как ясно увидел я сию картину, Конан... Могло ли прежде мне, мальчишке из грязной помойки, даже привидеться такое в чудесном сне? Да и сейчас, когда я говорю об этом, сердце мое трепещет и стонет...

Виви уткнулся вдруг носом в траву и горько заплакал.

* * *

— Вот навязался на мою голову, — пробурчал Конан, пожимая плечами. — Клянусь Кромом, приятель, твой Деб — хитрая лиса, и ничего ты не получил бы за эту девчонку с овцами! Ну, подумай своей пустой башкой! Разве стоит фигурка, пусть даже золотая, целой страны?

— Три фигурки... — всхлиывая, поправил Виви.

— Тьфу ты... Да хоть десять!

— Но ты же помнишь, Конан, — рыжий сел, скрестив ноги, и вперил в киммерийца сердитый взгляд, — что я рассказывал тебе о мастере Хатхоне! Его работы стоили очень дорого, как дома и корабли! А пастушка с овцами — самая ценная его вещь!

— Наплевать! — отрезал варвар. — Все равно не стоит она Аргоса. И даже вонючего Ванахейма не стоит. И не морочь мне голову!

Висканьо замолчал, обдумывая контраргумент. Вихры его встопорчились от деятельной работы мозга еще больше, розовые уши зашевелились.

— А зачем тогда Дебу эта пастушка? — торжествующе воскликнул он наконец. — Ну, что скажешь?

— Видно, не все тайны он тебе открыл, парень, — лениво пояснил варвар и закончил надоевший ему разговор долгим зевком.

На это рыжему нечего было возразить. Он тоскливо уставился в черное небо, то и дело ежась от холода, — костер отлично согревал его спереди, но сзади стоял редкий, продуваемый насквозь лесок, и, хотя ветер веял слабый, ленивый — языки пламени уверенно вздымались вверх, не отклоняясь в сторону и на ладонь, — его вполне хватало на то, чтобы совсем заморозить тощего полураздетого мальчишку. Очень редкая ночь, даже южная, тепла настолько, что человек свободно может обойтись одной полотняной рубахой и короткими штанами, а ночи в Аргосе никогда не славились жарой. Духотой — да, но не жарой. А потому несчастному талисману приходилось несладко в своем скудном одеянии.

Он мог бы попросить у Конана куртку или плащ — тот, напротив, был одет как иранистанский принц, отправив-

шийся в путешествие на далекий север и более всего на свете боящийся снега и простуды, — но не решался. Так и сидел он на холодной как мрамор траве, дрожа всем телом и мечтая о наступлении утра. Тогда солнце вновь согреет его добрыми лучами, и может так случиться, что Митра заметит наконец ярко-рыжую, словно его огненное око, голову маленького своего раба, наделенного таким редким, но таким бесполезным для него самого даром...

Погруженный в печальные свои раздумья, Виви не сразу ощутил на плече тяжелую руку варвара. А когда ощутил и повернулся к нему с подобострастной улыбкой на тонких бледно-синих губах, то чуть не свалился в костер от потрясения. Сурово хмурясь, Конан протягивал ему свою прекрасную кожаную куртку на волчьем меху, такую огромную, что в нее можно было запросто закутать трех таких же Виви.

— По мне, так превратись ты хоть в сугроб, — ворчливо сопроводил киммериец свой щедрый дар, — и пусть Нергал сожрет мою печень, если я пожалею... — Тут он запнулся, но все же продолжал: — А талисман в Мессантии мне точно пригодится.

— Ты решил идти за пастушкой? — с восторгом выдохнул Висканьо, клая зубы от холода.

— Ты был прав — если вору из Шема так нужна эта золотая игрушка, значит, и мне она не помешает... А теперь спи.

Виви показалось, что голос варвара несколько помягчел при последних словах. Но скорее всего, только показалось... Мечтательно улыбаясь, он свернулся клубком в теплом чреве Конановой куртки и, забыв о только что мучивших его печальных думах, сладко уснул. Ему виделся большой и красивый дом, пышный сад и под абрикосовым деревом — уставленный яствами стол, а за столом Конан, небрежно подбрасывающий на ладони золотую фигурку пастушки...

* * *

Потом сон кончился. «Вставай, рыжая вошь!» — услышал Виви чей-то бас издалека, с верхушек деревьев или

облаков... Он приподнял рыжие ресницы и узрел прямо перед собою яркий огненный шар, из которого струились нежные, светло-желтого цвета лучи. Ночь промелькнула так быстро, что он не успел выспаться, и теперь глаза его слезились от света, а виски ломило будто после неумеренно употребленного накануне вина. Тем не менее рыжий довольно бодро вскочил, бережно отряхнул куртку и, мгновение поколебавшись, вернул ее владельцу. Спустя еще несколько вздохов спутники снова шли по выбранной ими тропке вдоль Хорота.

— До чего мне надоел Аргос! — бормотал Висканьо, безуспешно пытаясь идти в шаг с киммерийцем. — То густо, то пусто... Смотри, какие леса здесь! А на востоке сплошная степь, каждый глоток воды приходится беречь. Тьфу!

— Везде так, — меланхолично ответил Конан, шагая чуть впереди.

— В Аквилонии не так! И в Туране, и в Кхитае, и в Вендии...

— Много ты знаешь! В Туране есть такие заброшенные деревни, в которых до сих пор люди ведать не ведают, война или мир в стране, а в Вендии — я бывал там как-то — многим и в городах неизвестно имя их правителя...

— И я не знаю... — потупился Виви.

— Чего?

— Как звать нашего правителя...

Варвар хмыкнул, но, как ни странно, ничего обидного рыжему не сказал. Видимо, его волновали сейчас совсем другие вопросы. Хитрый Зюк не открыл Висканьо всей правды, так что теперь им предстояло выяснять, кто же наследник мудреца Бага Левена и где найти придурка, укравшего, а затем продавшего золотых овец. Конан не сомневался, что пастушка и в самом деле одна стоила гораздо дешевле, чем с овцами — в этом-то хоть Деб Абдаррах не погрешил против истины, иначе зачем ему было тратить время на поиски всех трех фигурок. Он явно знал имя наследника и мог достаточно легко его найти, не то что вороватого придурка... Но какая же часть тайны осталась неизвестной для рыжего? Только последний глупец — а

Конан никогда не относил себя к этой весьма многочисленной группе населения — мог поверить, что за обычную золотую статуэтку, пусть даже искусно сделанную, кто-то отвалит кучу денег. Киммериец на мгновение забыл, что именно такой последний глупец сопровождает его в Мессантию, а вспомнив, снова хмыкнул и снова великодушно промолчал.

— Слушай-ка, Конан, а как мы найдем наследника Бага?

— Ты же талисман, — пожал плечами варвар.

— Вообще-то конечно... А вдруг он уже продал ее?

— Хватит молоть вздор! — оборвал разболтавшегося спутника Конан. — Расскажи лучше, за что аргосские крестьяне вышвырнули тебя из деревни.

— Аргосские крестьяне? — недоуменно уставился на него рыжий. — Они не трогали меня.

— А кто же привязал тебя к доске и бросил в Хорот?

— А-а-а... Это Гана и Мисаил, парни Красивого Зюка.

— Ты что, стянул у них кувшин пива? — довольный своей шуткой, киммериец ухмыльнулся.

— Вот еще, — обиделся Виви. — В доме Деба всего было полно, зачем бы я стал воровать? Да и Мисаилу на пиво наплевать...

— А мне наплевать на Мисаила! Отвечай на вопрос, а то я разобью тебе башку. Клянусь Кромом, надоела твоя болтовня!

Виви втянул голову в плечи, совсем свыкшись с мыслью, что теперь варвар — его хозяин, а посему надо его бояться и слушаться.

— Они подслушали мой разговор с Дебом и решили от меня избавиться.

— Что еще за разговор?

— Я же рассказывал тебе... О пастушке с яблоками и ее овцах... Парни почему-то не хотели, чтобы Деб нашел их. Без меня-то ему наверняка не справиться с этим делом...

— Кром... Вот это уже интересно... Что ж ты раньше о том молчал, рыжая вошь?

— Какая тебе разница, за что эти дурни кинули меня в реку?

— Прах и пепел! Дурень ты сам! Если они не хотели, чтобы Деб нашел пастушку, значит, они знают ее тайну! А то с чего бы им мешать хозяину? Видно, тайна не так проста...

— Ты думаешь, Конан? — с надеждой спросил рыжий, замирая от счастья. — Я же сказал тебе — это не простая пастушка и не простые овцы! Нам дадут за них целый корабль золота!

Он подпрыгнул и крутанулся на месте, повизгивая от восторга. Конан бросил на него красноречивый взгляд и не менее красноречиво сплюнул. При этом он и не подумал задержаться и подождать Виви, а поскольку шаг его был много шире шага рыжего талисмана, он быстро ушел далеко вперед — когда Висканьо наконец догнал его, то некоторое время изо рта его вырывалось лишь тяжелое дыхание, и ни одного слова. Конана сие не огорчило.

— Целый корабль золота... — пропыхтел Виви, как только к нему вернулась способность говорить. — Или два корабля...

— Копыто Нергала тебе в зубы! — сморщился варвар, словно разжевывал незрелое лесное яблоко. — Ты заткнешься наконец?

— Или три корабля...

Рыжий будто обезумел. Взгляд его блуждал по залитой солнцем реке, по равнине, на которой буйно цвели кусты и цветы; губы шевелились — он уже подсчитывал прибыль.

Киммериец подавил вздох, снова поймав себя на мысли бросить этого недоумка обратно в Хорот. Жаль, что такой удивительный дар боги отдали такому жалкому существу. Нет бы в спутники Конану достался крепкий и молчаливый воин или даже болтун — в конце концов можно его не слушать, — но хотя бы не тупой! Шемит Иава Гембех, с которым Конан шел почти тем же путем, что ныне с талисманом, тоже любил потрепать языком, но он был насмешлив и умен!

Он много бродил по миру и много знал — с ним было интересно! Тогда они тоже направлялись к морю Запада, где

на Желтом острове жила гнусная обезьяна, стащившая у маленького племени из далекой страны Ландхаагген символ жизни и процветания — вечнозеленую ветвь маттенсаи.

Бывало, правда, что и на шемита юный варвар смотрел как на безумца — чего стоит, например, история с леммингами, дикими вонючими крысами, которые время от времени полчищами спускаются с гор и бегут к морю. Как радовался тогда Иава, увидев их! «Лемминги! Я всегда мечтал посмотреть сходжение леммингов с гор!» Это не мешало ему отбиваться от вонючих грызунов в пещере под горой, а потом снова ликовать от счастья... А битва с вампирами в древнем лесу?

Именно Иаве пришло в голову позвать на помощь Асвельна, бога маленького племени антархов. Еще пара мгновений, и путешественники навсегда остались бы в том лесу, но Асвельн огромным белым облаком спустился с небес и освободил их... А бегство из злой деревушки Алисто-Мано? Опять же благодаря сообразительности и осторожности шемита они выбрались оттуда! Вспомнив Иаву, варвар несколько погрузился: отличный был товарищ. Верный, честный и смелый. Таким и должен быть спутник. Иава себя не пожалел ради него, тогда еще девятнадцатилетнего мальчишки, бросившись под смертоносный меч — нет, не простой обезьяны, но полудемона, наделенного злобой и силой царства мрака, его породившего...

Конан с отвращением покосился на обезумевшего рыжего, даже отдаленно ничем не напоминавшего шемита. «Вот навязался на мою голову...» — в который раз повторил про себя варвар, опять раздражаясь, и вдруг в голову ему пришла счастливая мысль. Резко остановившись, он загородил талисману тропинку и, когда тот приблизился, вперил в него холодный взор своих синих глаз.

— А что если Гана и Мисаил решили сами прибрать к рукам пастушку с овцами? — медленно, словно только что догадавшись об истинных намерениях коварных Ганы и Мисаила, произнес он.

Рыжий выкатил глаза да так и замер, пораженный таким предположением до глубины души. Слава Митре, ум его

был достаточно живой для того, чтобы моментально переключиться с одной темы на другую, а потому возбуждение его тут же сменилось разочарованием: вторая версия Конана показалась ему более правдоподобной, нежели первая. Как же мог он так ошибиться в парнях Деба? Он-то считал их добряками и даже простил им то, что пришлось по их милости весь вечер и половину ночи проплавать на доске по вонючему Хороту!

Теперь-то они точно опередят его и варвара — у них было время в запасе! О, негодяи! О, хитрые шемитские ублюдки!.. Горькие думы обуяли рыжего. Скрежеща зубами от ярости, он представлял братьев-разбойников на базаре, где толстый купец торговал у них пастушку с яблоками, а тощий старьевщик — овец. Потом воображение нарисовало ему вереницу кораблей, груженных золотом, и на первом из них — те же гнусные бандиты, разодетые в кхитайский шелк и парчу, сидят на палубе да попивают офирское красное... А потом... Потом он увидел себя в сточной канаве, полуголого и босого...

Склонный к быстрой перемене чувств, Висканьо вдруг впал в прострацию, и лишь мысль его еще моталась где-то около пастушки и двух воров, но уже не яростно, а с тихой грустью. В одно мгновение превратившись из будущего богача и счастливчика в нищего бродягу, талисман решил все же и на сей раз смириться со злой судьбой. Пробормотав проклятие, адресованное Нергалу и детям его Гане и Мисаилу, он понурил голову и поплелся за Конаном, который был вполне доволен тем, что нашел такой простой способ отвлечь рыжего от бредовых идей.

— Хей, рыжая вошь! А не спуститься ли нам к реке? Я хочу рыбы!

Висканьо покорно кивнул и вслед за варваром спрыгнул с холма вниз, к Хороту.

Глава четвертая

На сей раз путешественники не стали зря тратить время и разводить костер — они съели рыбу сырой, причем Висканьо, кажется, этого даже не заметил. Уставившись прямо перед собой, он жевал так вяло, словно заболел вендийской лихорадкой, отнимающей у человека не столько силу, сколько разум. Конан же был бодр и, как обычно, голоден. Перемалывая крепкими зубами жесткое мясо, он думал о том, почему бы Гане и Мисаилу действительно не возжелать прикарманить пастушку с овцами? Вроде бы мысль сия была не лишена основания...

Отшвырнув недоеденную рыбину, киммериец рывком поднялся.

— Вставай!

Виви за последнее время так привык слышать это слово, что, сейчас даже не вникнув в его смысл, послушно встал. Челюсть его отвисла как у умалишенного, зеленые, обычно такие живые глаза бессмысленно вперились в воды Хорота. Каждый переживает крушение надежды по-своему. Один топит печаль в вине или пиве — в зависимости от достатка, другой находит выход в изобретении новой мечты, третий приходит к достойному решению вернуться на путь, изначально предназначенный для него богами, то есть на тот, который ему под силу пройти. Злосчастный талисман оказался устроен таким образом, что вообще не питал никаких надежд, а раз только позволив себе подобную вольность, тут же потерял под ногами твердую землю. Ныне, стоя на

жидком, вот-вот готовом растечься облаке, он инстинктивно хватался за варвара, который один только и был с ним рядом и, конечно, только один и мог ему помочь.

Поэтому наверное, когда Конан двинулся снова вперед, он пошел за ним, пытаясь сфокусировать туманный свой взгляд на его широкой спине. Сие занятие уже подействовало на Виви благотворно. То ли широкая спина обладала способностью прояснять мысли, то ли просто рыжий накопец очнулся, но ему стало вдруг несравнимо легче. В глазах забрезжило нечто похожее на разум, в душе робко, но все же засвистала дудка.

Семена за киммерийцем вдоль Хорота, он с удовольствием восстанавливал свое прежнее состояние путем глумления над Ганой и Мисаилом и клятвенного заверения себя самого в непременном отнятии у братьев пастушки и овец. Впрочем, постепенно приходя в чувство, рыжий начал сомневаться в том, что парни уже завладели сим драгоценным изделием стигийского мастера. Чем они лучше Деба Абдарраха? Умнее они его, что ли? Если сам Красивый Зюк, не рассчитывая на собственный богатый опыт и благосклонность покровителя воров Бела, решил призвать на помощь талисман, то что говорить о двух не ворах — воришках! Неужели они сумеют сами отыскать владельца пастушки, а потом и придурка, стянувшего овец? Ха! Рассуждение это показалось Виви таким здравым, что он даже повторил вслух свое «Ха!», чем несказанно удивил и раздражил угрюмо шагавшего впереди Конана.

Далее мысль рыжего заработала еще активнее. План изъятия пастушки и овец вырисовывался все четче, соответственно с этим и настроение талисмана становилось все лучше.

— Конан, подожди!

Возбужденный голос Висканьо остановил киммерийца, но не заставил его обернуться. Уставший от неугомонного спутника, он уже подумывал о том, чтобы снова заткнуть ему чем-нибудь рот. Кстати, а не потому ли Гана и Мисаил тратили время на сооружение кляпа для рыжего? Может, и им порядком надоела его бесконечная болтовня?

— А не переправиться ли нам через Хорот сейчас? Посмотри, Конан, сколько мы прошли, а только здесь река довольно узка! Может, попробуем?

— Подождем лодку, — мрачно буркнул киммериец, которому вовсе не улыбалось переплывать грязный Хорот с рыжим талисманом на спине — он ведь выяснил уже, что тот не умеет плавать.

— Второй день идем, а лодок я что-то не заметил, — язвительно проворчал совсем оправившийся Висканьо. — Так до самого моря Запада можно дойти пешком.

Конан не ответил. Он и сам давно высматривал на реке хоть какое-нибудь суденышко, но Хорот словно вымер. Можно, конечно, самим сделать небольшой плот и переправиться на другой берег на нем, но и на это нужно время, а время киммериец ценил наравне с оружием — нельзя его терять. Только Митра знает, что там, впереди... Одно упущенное зря мгновение может изменить судьбу человека, а может и стоить ему жизни.

— Ладно, — решил он. — Нергал с тобой, поплывем здесь.

Он быстро разоблачился, сунул одежду в мешок; потом связал за ушки сапоги и вместе с мешком и мечом всучил их Висканьо, который снял только рваные штаны свои, обнажив тонкие длинные ноги. К реке рыжий спустился за Конаном с опаской, ибо подозревал, что ему придется плыть самостоятельно, а сие было невозможно. Брезгливо тронув воду большим пальцем ноги, Виви с гримасой отскочил назад, наткнувшись при этом на киммерийца, который с усмешкой взирал на него.

— Ты ведь не бросишь меня, Конан? — робко пробормотал рыжий, заглядывая в холодные синие глаза. — Я не смогу сам... Я утоню...

— Невелика потеря, — хмыкнул варвар, заходя в воду.

— Конан! — в ужасе возопил Висканьо, простирая руки к безжалостному киммерийцу. — А как же я? Ты забыл, что я талисман? Не оставляй меня! Я пропаду без тебя, Конан!

Конан и не собирался бросать рыжего на произвол судьбы, но тот орал без остановки, и перекрикивать его не было

нужды. В конце концов, должен же он когда-нибудь заткнуться.

— А если б я был медальоном на цепочке, я бы висел у тебя на шее, правда? Но я же не виноват, что боги создали меня человеком! Подожди, Конан!

Мысленно киммериец испросил у Митры терпения, ибо его так и подмывало вернуться на берег и свернуть шею истеричному талисману, у которого даже не хватало ума понять, что Конан отдал ему свой мешок, а значит, и оставлять его тут не намеревался.

— О, всемогущий Кром! — тем временем воззвал рыжий к более высокой инстанции. — Образуь жестокосердого сына твоего! Наставь его на путь истинный!

Кром и его жестокосердый сын хранили молчание, причем последнему сие было нелегко: терпение никогда не входило в список его добродетелей, и если б вместо тощего мальчишки на берегу сейчас стоял парень поздоровее, Конан давно заткнул бы ему рот его же собственными штанами.

— Скажи, скажи ему, Кром! — никак не мог уговорить талисман. — Пусть он возьмет меня с собой!

В отчаянии Виви даже забрел по колено в реку, с содроганием ощущая нежные прикосновения кувшинок и распластанных на воде шершавых листьев. Холодная муть, лежащая перед ним, пугала его не меньше, чем царство Нергала. Когда он плыл по ней, накрепко привязанный к доске, он был спокоен, так как уже простился с жизнью и спасения не ждал. Но сия неприятность давно миновала, и теперь Висканьо очень хотелось жить, причем обязательно рядом с варваром — пусть подобно плющу паразиту, обвившемуся вокруг мощного дерева, зато в безопасности.

Наконец талисман решился и, крепко зажмурив глаза, сиганул в реку; колотя по воде мешком, он в три рывка достиг широких плеч киммерийца, вцепился в них мертвой хваткой. Сердце его мелко дрожало, икры свело судорогой, но, обладая рыжий хвостом, как собака, он бы им сейчас с удовлетворением вилял. Конан плавал как сам морской царь. Его могучий торс разрезал воду словно воздух, и с

каждым взмахом руки по меньшей мере пять ладоней оставалось позади. Как только Висканьо пришел в чувство, он тут же начал наслаждаться плаванием, гордо поглядывая по сторонам. Увы, никого не было ни на том берегу, ни на этом; никто не видел, как быстро и красиво пересекает бурный Хорот Висканьо Приносящий Счастье И Отвергающий Ошибку. Правда, сейчас бурный Хорот был тих и уныл, но сие не могло поколебать высокого состояния духа маленького талисмана. В голове его зарождались рифмы, и самые прекрасные слова, когда-либо придуманные человеком, нанизывались одно на другое, в конечном счете образуя великолепную оду реке, силе варвара и первозданной тишине природы, снова вступившей в свои права после того, как утихло эхо от диких воплей рыжего.

Конан же, выйдя на берег, с трудом отцепил от своих плеч тонкие и сильные пальцы Виви, что впился в него будто спрут и никак не желал отлепиться, потом отобрал у него свой мешок. Все, что находилось внутри мешка, промокло насквозь, начиная от плаща делопроизводителя и кончая сапогами глухонемого. Только кинжал, зажатый киммерийцем в зубах, да меч, который он не отдал на сохранение Висканьо, а держал сам в левой руке, подъятой над водой, остались сухи.

Киммериец еще раз испросил у Митры терпения, но, не имея того же, чтобы дожидаться, пока солнечный бог соизволит выполнить его просьбу, злобно толкнул рыжего обратно в Хорот. Короткий всплеск возвестил о том, что цель его достигнута, а чуть более протяжный визг — что талисман все же остался жив. Свершив сей акт возмездия, Конан сплюнул в сторону реки и снова зашагал на запад.

Теперь он шел в одной набедренной повязке, и, хотя никто уже не принял бы его за странствующего инфанта или рыцаря, свои преимущества в подобном одеянии были: свобода передвижения и свобода от прошлого. Конан словно вновь превратился в киммерийского волчонка, впервые покинувшего родину в поисках приключений. Тогда за его спиной был только один бой — штурм аквилонской крепо-

сти Венариум, зато впереди... Сражения, драки, любовь, плен и опять сражения и драки — все смешалось за последующие годы в одно, и это называлось простым словом — жизнь. Он никогда не желал жить иначе.

— Конан, подожди!

Конан скривил зубами, но не остановился, не обернулся.

— Посмотри! Там какой-то дом! Может, зайдём?

Киммериец окинул взглядом окрестности, но заметил только темное пятно впереди. Судя по ландшафту, то могло быть и дерево, и валун, и холм. Но мог быть и дом. Конан пожал плечами — все равно идти надо в том направлении, так что гадать сейчас не имело смысла.

Вполне бодрый, хотя мокрый и обвешанный тиной, талисман с надеждой заглянул в глаза спутнику.

— Зайдем?

— Почему нет? — усмехнулся варвар. — Клянусь Кромом, в моем желудке пусто, как в твоей голове, а у хозяев наверняка найдется хороший кусок мяса...

— Конечно, найдется! — возбужденно подхватил Виви. — Ты не забыл, что я талисман? Все, что ты захочешь, у тебя получится, пока я с тобой!

Последние слова он произнес с таким неприкрытым бахвальством, что Конан счел необходимым напомнить дерзкому мальчишке, что он и сам не калека и не дерьмо Нергала, и до сих пор прекрасно справлялся без всякого талисмана, а если тот и дальше будет без умолку трепать языком, то Конан вышвырнет его в первую попавшуюся помойку или сточную канаву — пусть развлекает там пауков да жаб своей болтовней. Рыжий мотнул патлами в знак полного согласия со справедливым решением хозяина и смиренно пошел рядом, в глубине души ликуя от предвкушения хорошего обеда.

Он точно знал: даже если дом тот окажется пуст, все равно на столе или в погребке они найдут и еды и питья, ибо варвару непременно будет сопутствовать удача во всем, лишь бы возле него всегда был его талисман. Висканьо не учел только одну возможность — сам он являлся записным неудачником, а потому в доме могло ничего съестного не

оказаться в силу его собственной злой судьбы. Правда, прежде такое случалось только в пору его одиночества, так что задумываться о том сейчас не стоило.

Когда впереди начала вырисовываться крыша дома, Висканьо прибавил шаг. Теперь он почти бежал, то обгоняя Конана, то обегая его кругом. Живот его, не менее пустой, чем — по меткому определению киммерийца — голова, завывал и урчал на разные голоса, готовый переварить что угодно, хоть мясо барана, умершего от старости. Только теперь Виви заметил, как потускнел ярко пылавший в лазуревой выси солнечный диск. В ровном свете его выделились до того размытые очертания холмов и деревьев; воздух в преддверии сумерек посвежел, и легкий ветер за неимением одежды путешественников колыхал их буйные гривы — рыжую и черную.

— Дом! — выдохнул Висканьо. — Видишь? Это дом!

Глаза его заблестели, ноздри затрепетали, пытаясь унюхать со стороны жилища запахи еды.

— Дом! — презрительно скривился Конан. — Лачуга! Клянусь Кромом, здешние хозяева бедны как мыши!

— И едят только рыбу? — деловито спросил Виви.

— Ну да! Что ж еще?

— Захоти мяса, Конан, — жарко зашептал талисман в ухо киммерийцу, на цыпочках семена с ним рядом. — Я не могу больше есть рыбу. Захоти мяса!

— И какого тебе, приятель? — с ухмылкой сказал варвар. — Может, барашка?

— Барашка! — радостно закивал рыжий.

— Или молодого бычка?

— Молодого бычка! — легко согласился Виви.

— Кость от сдохшего осла ты получишь, если не заткнешься! — сурово предупредил Конан, подходя к дому.

Маленькая приземистая конурка одним боком почти прижималась к земле. Противоположная стена, однако, стояла прямо, да к тому же имела целое окно, из чего можно было с полным на то основанием заключить, что дом развалился еще не весь, и в оставшейся половине кто-то жил: если не сами хозяева, то бродяги наверняка. С крыши

свисала рыболовная сеть или, скорее, бывшая рыболовная сеть, так как от нее уцелело только несколько веревок, прочее же составляла сплошная прореха. Крыльца, равно как и ступенек, не было вовсе. Входом в лачугу служила криво прорубленная нерадивым работником дыра; с дверью дело обстояло еще проще — она не висела на петлях, как ее более удачливые сестры в других домах, а сиротливо стояла возле входа, прислоненная к стене. Зато вокруг спутники заметили нечто вроде сада: под единственным окном цвел розовый куст, тут и там произрастали чахлые цветы, а по обеим сторонам лачуги высились старые яблони, в редкой листве которых можно было даже разглядеть пару-тройку плодов.

Конан не стал утруждать себя стуком в стену — наклонив голову, дабы не врезаться лбом в низкий косяк, он не медля прошел внутрь. Конечно, талисман тут же последовал за ним.

Из всей обычной обстановки в комнате имелся только стол, табурет и верхом на этом табурете ветхий старик. Конан с легкой досадой отметил сию неприятную бедность — особенно пустой стол, — затем решительно скинул на пол труп старика. Тот мягко шлепнулся прямо под босые ноги Висканьо, заставив рыжего с гримасой отвращения отскочить за спину Конана.

Впрочем, при ближайшем рассмотрении выяснилось, что старик еще жив, ибо, треснувшись головой о земляной, но утрамбованный пол, он дважды моргнул — то ли сердито, то ли удивленно, — спутников это нимало не взволновало. Качаясь на скрипучем табурете, таком же древнем, как и старик, варвар насмешливо взирал на растерянного талисмана: ни барашка, ни молодого бычка, ни даже костей сдохшего осла здесь не наблюдалось, хотя Конан в самом деле был голоден.

Виви беспомощно осмотрелся. Нет, в пыльных углах не лежали сокрытые в мешках яства, и под столом оказалось пусто — как и должно быть; с потолка вместо связок вяленой рыбы свисала паутина, а со двора не доносилось никаких запахов, кроме привычного речного.

— Я заболел,— пояснил Висканьо в ответ на взгляд Конана и для большей убедительности покашлял.— Кха-кха... Ты бросил меня в реку, и я заболел. Кха-кха.

— Где-то тут шастал Приносящий Счастье И Отвергающий Ошибку? — спросил варвар, наклоняясь и заглядывая под стол.— Ты не видел? А ты? — обратился он к старику, что лежал на полу и явно не собирался вставать.

Старик злобно зыркнул на Конана бесцветными глазками.

— Я просто заболел! — тихо повторил злосчастный талисман, но снова кашлять не решился.

С каждым мгновением ужас сковывал сердце Виви. Волшебный дар — все, что он имел, единственное его богатство — пропало. Он не смог даже самого простого: добыть для хозяина еды. Что уж говорить о пастушке с яблоками и ее овцах... Теперь киммериец точно прогонит его прочь... И кому он тогда будет нужен? Ни Деб, ни добрый купец из Мессангии, ни тем более стигийская крыса его и на порог не пустят...

Рыжие патлы Висканьо вздыбились, сердце оторвалось и свалилось куда-то вниз, к грязному земляному полу лачуги. Как в тумане видел он суровое лицо варвара с грубыми, но правильными чертами, с ухмылкой на твердых губах, покосившийся стол со сломанной ножкой, клочья паутины, покрытые сетью трещин стены...

Горько улыбнувшись, талисман повернулся и пошел к дыре выхода — туда, откуда явился, туда, где в вечном движении жил мрачный Хорот, туда, где блестел в лучах заходящего солнца мир...

* * *

— Ешьте да пейте, парни! Ешьте да пейте! Ну и ты, старик, тоже! — приговаривал Веселый Габлио, сам проворно засовывая в пасть сочные куски барашка, пучки зелени, пригоршни ягод и орошая все это дешевым красным вином.— А после трапезы нет ничего лучше доброй беседы, правда, рыжий?

Довольный Висканьо мелко кивал, не в силах ответить: рот его был забит теми же яствами, да и на сердце опу-

тилась такая благодать, что не хотелось ему ни говорить, ни даже пить — только слушать и есть, слушать и пить, и снова есть... Умиротворенный, он с любовью и некоторой долей гордости поглядывал на своего сурового, но тоже размякшего сейчас хозяина. Волшебный дар не покинул его — киммериец, который рвал сейчас зубами огромный кусок баранины, мог теперь в этом убедиться. Неспроста появился в этом Митрой забытом местечке Веселый Габлио, чей вместительный мешок оказался полон всякой снеди и чей отец, видимо, с детства приучал сына делиться с ближним куском хлеба насущного. Парень вывалил из мешка все, что там было, и, ничуть не жадничая, пригласил Конана с его талисманом к столу.

Перед самым закатом, когда Виви решил навсегда оставить варвара (а заодно и весь мир) и пошел к реке топиться, к лачуге на буланой молодой кобылке подъехал расфранченный, несколько жирноватый господин. Он одарил исполненного печали рыжего жизнерадостной улыбкой, ловко соскочил на землю и ринулся в дом, таща за собой туго набитый холщовый мешок.

— Веселый Габлио! — выкрикнул он и тут же расхохотался, словно собственное имя показалось вдруг ему необычайно смешным.— А ты кто, парень?

Конану, который за весь день съел только пару сырых рыбешек, а потому был порядком раздражен, не слишком понравилось такое обращение. Но, усмотрев за спиной толстяка своего Виви с выпученными от счастья глазами, понял, в чем дело; хмыкнув, он назвал себя и сразу был вознагражден за вежливость куском солонины — Веселый Габлио шмякнул его на стол перед носом варвара и любезно предложил ему немного подкрепиться. Конан не заставил себя упрашивать.

Висканьо, уже передумавший топиться, живо притащил со двора два чурбана. На один он сел сам, а другой подвинул щедрому толстяку, все еще сыпавшему из мешка на стол разнообразную снесь. Пир начался.

Веселый Габлио — как выяснилось к концу трапезы — оказался самым что ни на есть обыкновенным вором, чего

и не думал скрывать. «Не беспокойтесь, друзья! У вас я не возьму и хлебной крошки!» — заверил он новых знакомых, у которых, впрочем, хлебных крошек не было, зато имелся волшебной красоты плащ делопроизводителя и отличная куртка на волчьем меху: Конан и за тысячу хлебных крошек не согласился бы лишиться своего сокровища и про себя решил не расставаться нынче с мешком. Кто его знает, этого Веселого Габлио...

А в общем, парень ему понравился. Болтливый, как Висканьо, он умел не только смешно рассказывать всевозможные забавные истории, но и сам над ними заразительно хохотать.

Маленький — не выше плеча талисмана, круглый как шар, с чистой гладкой кожей и здоровым румянцем во всю щеку — он походил на начинающего купца. В черных шариках выпуклых глаз его без труда можно было увидеть хитрые искорки, и если б даже Конан не ведал его истинного занятия, он с первого взгляда решил бы, что человек сей — будь он купец или зажиточный ремесленник — не чист на руку.

Но в данный момент ни его, ни рыжего это не волновало. Набивая животы впрок, они уже возвращались мыслями к тому делу, ради которого направлялись в Мессантию. Пастушка с яблоками — вот что грезилось наяву обоим путешественникам. Правда, Виви еще грезилась овцы, но зато он забыл о кораблях, полных золота, и о дворце в большом и красивом городе, и о виночерпиях с печатью любви и почтения на лицах...

— ...А тут как-то проезжаю я мимо Собачьей Мельницы и вижу — Красивый Зюк! Ха-ха-ха! — залился смехом толстяк, не обращая внимания на вытянувшиеся физиономии новых знакомых.

— К-кого? — пролепетал Висканьо. Нижняя челюсть его отвалилась, и изо рта посыпалось только что пережеванное мясо. Он подхватил его в ладонь, запихал в рот и снова спросил: — Кого ты видишь?

— Да Красивого Зюка же! Ты знаком с ним?

Виви отрицательно замотал головой.

— Ну-у, парены! Как же ты не знаешь Красивого Зюка? Знаменитый вор! О нем легенды будут слагать... после его смерти... Ха-ха-ха-ха-ха!

— Я что-то слышал, — вступил в беседу и Конан. — Кажется, он из Шема?

— Оттуда! Его прихватили у самых дверей императорской казны! Видите ли, ему понадобился перстень работы Хатхона! Гы-гы-гы! Чего захотел! Я всегда говорил: жадность до добра не доведет! Но ему опять повезло! Вывернулся и — был таков. Стражники потом болтали, мол, он их околдовал. Браки! Красивый Зюк — отличный вор, но колдун из него, как из тебя, рыжий, жрец Митры... Ха-ха-ха! ... Жаль, что не успел он взять перстень... Слышал я, подобной красоты сейчас не делают...

— А что было дальше с Красивым Зюком? — поторопил талисман толстяка — истории с перстнем Хатхона он не знал.

— А дальше? Ну, гоняли его по городам, как на корабле гоняют крысу из трюма на палубу, а с палубы в каюты, но поймать так и не смогли. Теперь он живет в убудочной Собачьей Мельнице и вполне доволен жизнью! Пфу! Я б лучше сам пошел под топор, чем похоронил себя в деревне.

— И что он там делает? — равнодушно спросил Висканьо, в душе обмирая в ожидании ответа.

— Жрет да толстеет, — отмахнулся Веселый Габлио, как будто сам отличался стройностью и плохим аппетитом. — Говорил что-то о Мессантии... Вроде бы собирается накрыть там какого-то купчишку... Но из него же слова лишнего не вытянешь! Я говорил с его парнями — есть у него парочка близнецов, — и они молчат как мертвые! Между прочим, это он, Зюк, назвал меня Веселым Габлио! Гы-гы-гы! Ты знаешь, киммериец, что на шемском значит «габли»?

— Урод, — кивнул Конан.

— Точно! Ха-ха-ха! Урод! Я-то аргосец, вот и добавил в конец «о», чтоб звучало по-нашему. Мне нравится, когда меня называют уродом. Я терпеть не могу лести. Я и так

знаю, что привлекателен, зачем же мне постоянно об этом напоминать! Верно я говорю, парни?

Висканьо даже поперхнулся от такого бахвальства. Толстяк, верно, особенным уродом не был, но уж привлекательным его назвал бы только слепой. Блестящая плешь на всю голову, низкий, перерезанный тремя глубокими морщинами лоб, маленькие, свернутые в трубочку уши; глаза его слегка косили, да к тому же обросли складками жира; из жира торчал и толстый нос, под которым багровели вывороченные губы; подбородком Габлио вообще не обладал — вместо него под нижней губой произрастали какие-то редкие черные клочки, по всей вероятности долженствующие означать бороду, но больше похожие на брови. Кстати сказать, бровей у него вовсе не было, а были только шишечки над морщинистыми веками. Все это великолепие венчал огромный рог прямо надо лбом, красный и блестящий.

Из вежливости Виви не стал объяснять этому господину его ошибку, а удовольствовался тем, что просто промолчал. Но Конан молчать не собирался. Напрочь забыв о том, кто его накормил и напоил, он презрительно сплюнул на пол и процедил сквозь зубы:

— Не хочу обижать тебя, приятель, но я встречал обезьян и посимпатичнее.

— Ха-ха-ха-ха! Вот это да! Вот это по мне! Гы-гы-гы! — загоготал Веселый Габлио, хлопая себя по жирным ляжкам подушками ладоней. — Хоть ты и варвар, а умен! Я сказал, что не люблю лести — и ты понял! А другие не понимают... Нет, не понимают. Начинают хвалить меня на разные голоса... «О, Габлио, да ты первейший красавец во всем Аргосе!» Пфу! Ну да, я красив, и что? Эх, парни, поверьте мне, красота — не главное в жизни, уж я-то знаю!

Тут уже и Конан опешил. Толстяк явно принял его слова за своеобразную форму лести, и сие киммерийцу никак не могло понравиться. Он глотнул еще вина, чтобы промочить как следует глотку и более обстоятельно рассказать Габлио, какой образиной он на самом деле является, и в тот же момент вдруг подал голос старик, до того восседавший на полу и безучастно грызший кость.

— Мингир Деб скоро приедет...

— Что? — наклонился к нему Висканьо.

— Мингир Деб скоро приедет... Привезет мне шариков...

— Каких шариков? — не понял рыжий.

— Деревянных... Я люблю катать по полу деревянные шарики...

— Прах и пепел! Да здесь все рехнулись! — с отвращением буркнул Конан.

— А кто такой мингир Деб? — медоточивым голосом испросил талисман старика.

— Деб Абдаррах... — Полутруп меланхолично засунул в рот палец и начал его жевать беззубыми деснами вместо кости.

— Так я и знал! — в отчаянии выкрикнул Висканьо. — Ты слышишь, Конан?

— Слышу, — отмахнулся варвар. — Но с чего это он вдруг мингир?

— Мингир — сын рыцаря, который вступает в право наследства, — поучительно произнес Веселый Габлио и в свою очередь решил поинтересоваться: — А откуда вы его знаете, парни? Ведь Деб Абдаррах и есть Красивый Зюк.

— Клянусь Кромом, — прорычал Конан, намереваясь ответить любопытному толстяку, как он того заслуживает, но рыжий пихнул его под столом ногой и быстро сказал:

— Как? Разве Деб Абдаррах — это Красивый Зюк? Мы не знали, приятель, Митрой клянусь, не знали. Ай-яй-яй... Вот уж не думал, что почтенный Деб окажется вором... Ай-яй-яй!

— А чем плохо быть вором? — не преминул обидеться Веселый Габлио. — Уж всяко лучше, чем в земле ковыряться!

— И то верно, — согласился сговорчивый Висканьо, лицемерно вздохнул и перевел разговор в более интересное для него русло. — А скажи-ка мне, путешественник, не в Мессантию ли лежит твой путь?

— Угу,— кивнул успокоившийся толстяк.— Туда... Деб просил меня кое-что узнать там... Да, старик! А когда это Деб стал мингиром? Насколько мне известно, у него и отца-то никакого нет! Чьи же права он будет наследовать?

— И не так уж он молод,— подхватил Висканьо,— чтоб его кто-то усыновил.

— Мингир... Мингир Деб...— тупо бормотал старик, не вникая в смысл вопросов.— Он подарит мне шарики... Деревянные шарики...

— Тьфу! — сплюнул на пол Конан.

— Тьфу! — подхалимски повторил Виви.

— Тьфу! — решил не отставать от новых приятелей толстяк.

— Нергал с ним! — небрежно махнул рукой варвар.— Пусть ждет своего мингира.— Он в упор посмотрел на Веселого Габлио.— Мы тоже идем в Мессантию, парень. Но раньше мы там не бывали...— Теперь пришла очередь Конана шпынять под столом ногой Висканьо, который уже открыл рот для сообщения о том, что он-то де в Мессантии был,— и не знаем ни одного постоянного двора...

— О-о-о! — перебил толстяк.— Я покажу вам отличное местечко! Хотя это и не постоянный двор, а простой трактир, но заночевать можно. Какие там красотишки-и... Конечно, им всем нравлюсь я, но и вам, если хорошо заплатите, перепадет немного женской ласки.

Веселый Габлио горделиво выпятил и без того отвисшую нижнюю губу, но доброе сердце взяло верх над сомнением, и он по-отечески подмигнул обоим путешественникам, тем самым призывая их не отчаиваться, а во всем положиться на него. Конан и Виви с недоумением переглянулись, не в силах уразуметь, серьезно ли толстяк полагает себя таким писанным красавцем.

— Добрый ты человек, брат,— сказал рыжий, отодвигая наконец от себя обглоданную кость.— Что ж, может, и мы когда тебе пригодимся.

— Клянусь Кромом, Виск,— зевнул Конан, поднимаясь,— это первые твои умные слова...

Талисман удивленно поднял на «Виска» белесые брови, но перечить хозяину не стал. «Пусть будет Виск...— про себя решил он.— Все лучше, нежели рыжая вошь...» Рот его сам собой широко открылся, и длинный зевок возвестил о том, что и Висканьо собрался идти спать. Хлопнув по плечу Веселого Габлио, он еще раз зевнул, прихватил со стола на всякий случай кусок хлеба и вышел следом за Конамом во двор.

А в доме остался только полоумный старик да вор, и ни варвару, ни талисману сие совсем не показалось странным...

Глава пятая

Вночной тишине сейчас слышались некие посторонние звуки, кои любая порядочная птица сочла бы оскорблением. «Хр-р-р... Ур-р-р-м-м...» Миг — и снова все сначала: «Ур-р-р-м-м... а-ау-хр-р... Гыр-р-р-р...» Виви, чей сон вряд ли могло нарушить небольшое землетрясение, ничего такого не слышал. Пригравшись в волчьем меху куртки, он лежал под боком у Конана и сладко спал. Те же звезды, что сияли нынче в черном небе, виделись ему во сне; золотая пастушка доставала из своей корзинки яблоки, швыряла их в высь и разражалась злорадным хохотом, когда от удара звезда вспыхивала и рассыпалась на мелкие крошки. Висканьо молил ее не делать этого, но проклятая пастушка ничего не желала слышать. Скоро яблоки закончились, а в небе еще сверкали тусклым серебром тысячи ночных светил, и Виви прыгал от счастья, ибо этот мир еще мог ему пригодиться...

Оборвав храп, варвар перевернулся на живот. Низкий широкий лоб его был нахмурен — в отличие от талисмана, который со всей присущей ему непосредственностью переложил заботы о них обоих на него, Конана, он не ощущал покоя, и сон его оказался потому тревожным и страшным. То и дело перед ним мелькало нечто, без лица и голоса, без тела и души — тени с Серых Равнин? демоны из царства Нергала? Киммериец тяжело вздохнул, ладонью прикрывая глаза, но ужас, принесенный ледяным сквозняком из потусторонних миров, остановил на миг его сердце. Сон вспор-

хнул и улетел; Конан открыл глаза, пока не двигаясь, а только прислушиваясь к ночным звукам... Рядом тихо сопел Виви, уткнувшись носом в Конанову руку, дальше, внизу, шелестела река, и что-то похожее на человеческие голоса раздавалось со стороны лачуги. Варвар напрягся: его тревога вдруг приобрела смысл, а затем и лицо, и сия мерзкая физиономия, пожалуй, кое-кого очень сильно напоминала.

Осторожно забрав свою руку от Виви, киммериец бесшумно поднялся, тенью скользнул к темной стене. Так и есть — голоса доносились отсюда.

— Не пойму я, Тино,— пожимая плечами, негромко говорил Веселый Габлио,— зачем Дебу понадобился этот рыжий?

— Может, он его сын? — проскрипел старик, в чьих бесцветных глазах уже не было ни безумия, ни меланхолии.

— Пфу! Что за вздор! У Деба никогда не было детей. И теперь уже никогда не будет. Он стар, как ты.

— Он моложе меня на тридцать лет, мальчик.

— Послушай-ка, а он и вправду мингир?

— Да. Купил недавно у одного дурня грамоту за кошель золотых. Так что следующим летом наш Красивый Зюк станет рыцарем...

— Гы-гы-гы! — Отвратительный смех Веселого Габлио чуть было не заставил Конана покинуть укрытие и заткнуть толстяка ударом пониже его рога.

— Тише! Тише, Габлио... если киммериец проснется, нам будет нелегко объяснить ему...

— Пфу! — перебил толстяк. — Я ничего не собираюсь ему объяснять! И вообще, откуда он взялся? Деб сказал, что рыжий сбежал от него, сказал, что надо его вернуть... Но о втором парне он и словом не обмолвился! Он хотел меня надуть? Он думает, я буду драться с этим варваром из-за рыжего? Нет уж! Мне моя шкура дороже...

— Не суетись. Никто не предлагает тебе драться с варваром.

— А что мне делать? Что?

Похоже, Веселый Габлио пал духом. Жизнерадостная улыбка не сошла с его губ, но превратилась в жалкое свое подобие, словно на толстую физиономию вора нацепили дурную шутовскую маску. В широкую щель в стене Конан отлично видел и старика, и его собеседника, и больше всего на свете ему хотелось сейчас скрутить обоих в бараний рог и бросить в Хорот, на милость речных богов... Но разговор еще не закончился, так что Конану пришлось подавить в себе раздражение и досаду и вновь обратиться в слух.

— Я вижу,— сладким голосом произнес старик,— на поясе у тебя отличный стигийский кинжал?

— Ха! Это подарок одной милашки! Я заплатил ей за ночь пять золотых, а она любила меня на все десять! «Никогда,— говорит,— я не видала таких красавчиков, как ты...» Потом она уснула, а я взял ее кинжал да ушел. Что мне она! Женщины липнут ко мне и так!

— А кроме кинжала ты ничего у нее не взял?

— По мелочи... Колечко, шарфик... А что это ты устался на мой кинжал? Хочешь купить?

— Нет, не хочу. Он тебе самому пригодится... Эти двое спят?

— Ты же проверял!

— Ну вот что, Габлио... Я думаю, Деб неплохо заплатит тебе за жизнь варвара... То есть, за его смерть... Оставь страх в доме, а сам пойдешь во двор... Отличный кинжал... Он справится с этим делом...

— Ты... Ты... Ты с ума сошел, Тино! — зашипел покрасневший от злости и ужаса Веселый Габлио.— Красивый Зюк велел только найти рыжего! Найти! Мне даже не нужно возвращать его в Собачью Мельницу! Утром ты поедешь и все расскажешь Гане и Мисаилу. Они без тебя решат, что надо делать.

— Дурены! Ты заколешь варвара, свяжешь мальчишку и отвезешь его к Дебу! Он даст тебе за это столько золота, сколько тебе на всю жизнь хватит!

— А если не даст? Нет, не мели чепухи, Тино. Красивый Зюк приказал мне найти рыжего, а потом сразу ехать в Мессантию, к купцу. Пфу! Как мне надоел этот разговор!

Вот пожалуйста на тебя Дебу! Он тебе отвернет твою глупую башку!

— Замолчи, рогатая обезьяна! Трусливый цен! — Шипя проклятия, старик почесал впалую грудь, покрытую редким седым волосом, и снова вернулся к беседе, не обращая никакого внимания на надутые губы Веселого Габлио.— Будь поласковее с мальчишкой... Не проговорись, что Красивый Зюк его ищет...

— Сам знаю...

— Знаешь? А кто натрепал, что едет в Мессантию по приказу Деба? Кто? Не я ли?

— Пфу... Но я же не сказал, зачем я еду...

— Еще успеешь... А что за купец? И зачем он понадобился нашему Красивому Зюку?

— Купец Кармио Газа, старикан навроде тебя. А что от него надо Дебу... Кто его поймет, Тино... Ты же знаешь, какой он...

— Да уж известно, какой...

— Слушай-ка, а что такое «три времени Сета»?

— Гр-р-р, глупец! — содрогнулся старик.— Не производи имени этого! Был я когда-то в Стигии... Едва ноги унес... Нет, нет, Габлио, не хочу об этом... А ты-то откуда сие взял? — вдруг встрепнулся он и подозрительно посмотрел на вора.

— От Деба слышал. Только не понял что к чему.

— И не поймешь... О-хо-хо... Спать пора, парень... — прервал старик обиженный возглас вора, желающего узнать истину о трех временах Сета.— Спать, говорю! Утром поедешь с ними?

— А куда ж я денусь? Обещал показать им трактир — хотя рыжий и сам из Мессантии, лживый пес... Да ладно. Пусть будут у меня на виду. Так Дебу легче будет их найти...

— Иди в тот угол. Там потеплее. А я принесу сена...

Старик поднялся, крихтя и постанывая. Он снова стал похож на того полоумного, каким сначала показался Конану и талисману. Тусклые глаза заплыли мутиью, руки задрожали, а спина согнулась. Киммериец не стал размыш-

лять над этим важным вопросом — притворялся сейчас Тино или и в самом деле на него лишь изредка находило просветление, — а той же бесшумной тенью в долю мгновения вернулся на прежнее место, к Виви, лег набок, лицо повернув к земле, дабы случайно не заметил гнусный старикашка жестокой ухмылки на его губах, и захрапел как умел громко. Тино и в самом деле не преминул осторожно подбраться к гостям, наклониться над ними и вслушаться в дыхание. Несмотря на то что варвар не был искушен в лицедействе, обмана старик не заметил: удовлетворенно вздохнув, он встал и пошел за сеном.

Вскоре в доме наступила полная тишина, которая затем прервалась толстым храпом Веселого Габлио и тонким поскуливанием Тино. Киммериец не стал больше медлить. Подхватив свой мешок, он зажал ладонью рот Висканью и поволок его вниз, к реке. Рыжий отбивался и барахтался изо всех сил, коих у него оказалось предостаточно для такого тощего, хотя и длинного тела. Не соображая со сна и в темноте, кто его тащит, куда и зачем, он чуть не лишился рассудка со страху, так что когда Конан наконец швырнул его на берег и хорошенько пнул, сопроводив наказание отборными ругательствами, талисман готов был покрыть поцелуями пыльные босые ноги хозяина только за то, что это оказался он, а не демон из мрака Нергалова царства.

— Кони! — радостно воскликнул он.

Киммериец подскочил к нему и снова зажал рот.

— Тише! — злобно прошипел он сквозь зубы, готовый удавить этого безмозглого мальчишку. — А еще раз назовешь меня Кони — точно сверну твою цыплячью шею...

Не убирая ладони со рта Виви, варвар шепотом пересказал ему подслушанный в лачуге разговор двух бандитов, перемежая их реплики своими проклятиями. К концу изложения круглые глаза парня выпучились до возможного предела, и если б Конан склонен был обращать внимание на подобные вещи, он заметил бы так и плескавшийся в них страх. Но киммерийцу было наплевать на переживания талисмана, тем более что никаких оснований для столь сильных чувств он не видел. Закончив рассказ, он отпустил

рыжего и уставился на него, ожидая предложений по дальнейшим действиям. И тут Виви впервые оправдал его надежды. Указывая тонким длинным пальцем в сторону лачуги, он тихо сказал:

— Пусть спят. Давай возьмем кобылу этого жирного ублюдка и поскачем в Мессантию. Я знаю купца Кармио Газа.

— Ты видел у него пастушку с яблоками?

— Нет. Но у него не дом, а настоящий дворец. Там могла быть целая армия пастушек, которых я не видел.

Более не тратя времени на болтовню, Конан встал. Буланая Веселого Габлио стояла под яблоней, крепко привязанная к толстой нижней ветви. Обернувшись, варвар подмигнул рыжему, что крался за ним с таким выражением лица, будто ему предстоит совершить великий подвиг на глазах у сотен красивых девушек, и мягким шагом подошел к лошади. Он не хотел, чтобы она подала голос, и он мог рассчитывать на исполнение своего желания, ибо рядом был его талисман; так и вышло — кобыла лишь сонно посмотрела на него огромными карими глазами да чуть приподняла верхнюю губу, словно улыбаясь новому хозяину. В ответ Конан с сомнением покачал головой: лошадь была невелика ростом и по виду выносливостью не отличалась, а от нее требовалось довести до Мессантии двух седоков, один из которых — он сам — весил не меньше средних размеров быка. Но выбирать было не из чего, поэтому киммериец не раздумывая больше натянул на себя влажную еще одежду, вскочил на лошадь, втянул за шиворот Виви, посадил его перед собою и ударил пятками в тугие бока буланой.

Кобылка оказалась весьма и весьма резвой. Она мчала путешественников со скоростью, достойной породистого коня из императорской конюшни. Вот только надолго ли ее хватит? Варвар не слишком задумывался об этом. В конце концов, если лошадь выдохнется, они смогут оставить ее и дальше снова идти пешком. Гораздо больше Конана раздражало другое: длинные волосы рыжего развевались от ветра и постоянно щекотали ему лицо. Если б впереди

сидел не тощий мальчишка, а прекрасная девушка, киммерец не стал бы особенно сетовать на сие обстоятельство; в очередной раз убрав с лица рыжие пряди, он взревел и громовым голосом потребовал, чтобы талисман немедленно спрятал под рубаху свою гриву. Не оглядываясь, тот послушно кивнул, исполнил приказание.

Серебряные звезды летели по небу вместе с ними. Луна, с одного края намертво залепленная черной тучей, горела легко и чисто. Белый свет ее стелился по равнине ровным покрывалом, отлично освещая двум искателям приключений тропинку, постепенно переходящую в дорогу. Лишь только небо приготовилось к рассвету, но было пока густо-черным, как буланая уже лихо скакала по самому настоящему тракту со следами колес и копыт. Несомненно, путешественники выехали к Мессантии и еще до восхода огненного ока Митры должны были узреть впереди стены столицы Аргоса.

Рыжий повернул к Конану счастливое лицо.

— Я никогда не ездил на лошади! — проорал он возбужденно.

— Прах и пепел! — буркнул варвар, нисколько не обрадованный признанием талисмана.

Его не волновало то, что именно благодаря ему рыжий испытал столь пронзительное счастье. Из его слов Конан уяснил лишь неприятный факт практического характера: получалось, что Виви нельзя будет доверить что-либо, связанное с поездкой верхом! Еще раз посетовав про себя на недостатки воспитания мальчишки, — а он искренне считал, что из всех мальчишек должны вырастать воины, — Конан вернулся мыслями к пастушке с яблоками. То, что он без особого труда возьмет ее из дома купца Кармио Газа, не вызывало у него сомнений — не то чтобы он был так уверен в своей способности найти в любом месте любую нужную вещь, а просто с ним был талисман, в дар коего варвар успел уже не раз убедиться. Но где потом отыскать придурка, стащившего овец? Только этот вопрос действительно не давал Конану покоя. Конечно, и тут ему пригодится талисман, но ведь может так случиться, что придурок давным-давно ушел на Се-

рые Равнины! И как тогда узнать имена тех, кто купил у него овец? Надо спросить рыжего, не рассказывал ли Красивый Зюк, когда именно они пропали из дома купца.

Небо просветлело, обещая совсем скорый уже рассвет. К безумной радости Висканьо, именно он первым увидел стены Мессантии, пока еще, правда, в виде короткой темной полоски на горизонте, но с каждым мгновением полоска становилась четче, шире, и наконец уже ясно стали видны зубцы и башни, тянущие к небесам тонкие высокие шпили. Слава Митре, буланая только теперь начала выдыхаться. Бег ее то и дело сбивался, крутые бока покрылись горячим потом, и вскоре она по желанию Конана перешла на шаг. Теперь можно было не слишком торопиться, ибо как раз шагом они достигнут города к восходу солнца, когда бдительные стражи распахнут восточные ворота для гостей и торговцев.

Обозревая темные, слегка порозовевшие окрестности Мессантии, спутники наслаждались утренним воздухом, свежим и терпким, теплым ветром, ласкающим кожу, тишиной, в которой чувствовалось уже скорое пробуждение звука... Справа от них в серой туманной дали угадывались очертания Рабирийских гор; слева журчал все тот же Хорот, чьи воды вблизи моря были гораздо чище, чем прежде, и от них доносился до людей прозрачный, немного солоноватый запах.

И вот из-за горизонта показался краешек огненного диска — такой светлый и радостный, что даже в суровой душе варвара зазвенело нечто похожее на музыку — только была та музыка не высокой и нежной, но ритмичной, жесткой, словно идущие на последнее сражение воины в такт гремят кольчугами и позвякивают мечами. Быстрый луч пробежал по равнине, озаряя ее прекрасным утренним светом, и в тот же момент Конан остановил буланую перед городскими воротами.

Он спешил, потом снял Висканьо и поставил его на землю — ноги едва держали рыжего, но он стоял, покачиваясь, и с губ его не сходила счастливая улыбка, — и направился к огромным, похожим на щиты воинов-великанов

воротам. Только рука его коснулась кольца, коим стучали запоздавшие путники, как на другой стороне послышались сонные голоса стражей. Они уже открывали свой город и, конечно, уже готовили вместительные кошель для взимания пошлины.

— Конан! — громким шепотом позвал варвара Виви. — Смотри!

Конан оглянулся. Рыжий тыкал пальцем в седло и довольно хихикал.

— Что еще?

Подойдя ближе, киммериец обнаружил, что с правой стороны, там, где во время пути находилось колено рыжего, к седлу был приторочен небольшой мешочек; ощупав его, Конан пришел к приятному выводу, что в мешочке явно хранилось кое-что полезное. Ухмыльнувшись, он рванул его и, погремев над ухом талисмана монетами, вернулся к воротам. Вот и еще одну удачу принес ему рыжий: бедный Веселый Габлио нынче вряд ли будет как-то особенно веселиться, ибо вместе с лошастью он потерял и деньги, и даже его неопишуемая красота не вернет ему хорошее настроение. «Поделом!» — тут же нахмурился Конан, припомнив, что щедрость толстого вора оказалась фальшивой. Ему нужен был рыжий, потому и пригласил он их за богатый стол! Тьфу!

Киммериец смачно сплюнул на землю, и словно в ответ ему открывавший ворота стражник сплюнул тоже, только на свою сторону.

— О-о-о! Ранние гости! — сипло загикал широкий в бедрах, но узкий в плечах начальник стражи. Красноречиво вытянув длинную руку, будто созданную для отъятия денег — с плоскими пальцами, с ямкой на ладони, — он поцокал языком, одобряя рост и стать варвара.

— Сколько? — спросил Конан, развязывая мешочек Веселого Габлио.

— По три, — пожал плечами страж города.

Не споря, киммериец заплатил. Затем он вновь забрался на буланую и тем же способом, что и раньше, поднял и усадил впереди себя рыжего. На тонких губах талисмана

блуждала счастливая, хотя и несколько растерянная улыбка. Он не был в Мессантии шесть лет, и теперь нежное сердце его трепетало от предвкушения встречи с родными местами.

— Хей, северянин! — окликнул Конана один из стражников.

— Ну?

— Ты бы купил своему парню штаны, а то наши девки его живого не выпустят!

— Зацелуют! — взвизгнул другой.

Под громовой хохот шутников спутники въехали на главную улицу Мессантии. Обозленный Конан молчал, отворачиваясь от виноватого взгляда Висканьо, который и в самом деле на фоне городского пейзажа выглядел нелепо с голыми ногами. Но через два поворота настроение варвара резко улучшилось: на углу узкого переулочка он заметил яркую вывеску, возвещающую о том, что здесь находится трактир под милым названием «Искалеченный в боях Свилио»; под кривыми буквами так же криво была нарисована черная бутылка, из горлышка коей вытекало что-то красное. Более впечатлительному человеку сие живо напомнило бы шею, только что лишенную головы, но Конану такое и на ум не пришло. Красное он принял именно за то, что и рисовал художник, то есть за вино. Зато Висканьо оказался тем самым впечатлительным человеком — скорчив недовольную мину, он издал звук, призванный показать, что его сейчас вырвет, и рукою зажал себе рот. Киммериец и на это не обратил никакого внимания. Ставив рыжего с лошади, он подтолкнул его к двери трактира, а сам принялся привязывать буланую к кольцу в стене.

«Искалеченный в боях Свилио» внутри сиял чистотой. Закрытый, видно, только перед рассветом, он еще хранил тяжелый пьяный дух, но столы были вымыты, пол подметен, и сонный слуга в свежем переднике стоял у входа, готовый к приему новых посетителей. Конан с Виви оказались первыми.

— Тащи все что есть, — на ходу бросил варвар слуге, направляясь к столу у самого окна. Отсюда он отлично мог

видеть всякого, кто проходил по улице, и всякого, кто входил в трактир. Здесь, в Мессантии, в этом не было особенной необходимости, но за время службы в наемной армии Илдиза Туранского он привык занимать в тавернах и трактирах только такие места — у окна и спиной к стене. Тогда по Аграпуру ползало немало швали, жаждущей раскрыть киммерийцу череп, ибо немало было и тайн, кои хранились внутри этого черепа...

Виви, усаживаясь напротив хозяина, с трудом сохранял неторопливость движений. Душа его ликовала. Ему ужасно хотелось подпрыгивать, озираясь вокруг, беспричинно хохотать и болтать разные глупости, и лишь присутствие Конана удерживало его от подобного легкомысленного поведения.

Никогда прежде не приходилось рыжему сидеть в трактире вот так, свободным человеком, коего никто не посмеет прогнать на улицу да еще надавать хороших тумачков. Да прежде и денег у него не бывало в достатке — на лепешку и кружку вчерашнего пива, не больше. Теперь же он был вознагражден сполна. Могучий воин стал его другом (здесь Висканьо несколько лукавил сам с собой, так как варвар явно не проявлял желания подружиться с талисманом), и, хотя под жестким взглядом его синих как предзакатное небо глаз сердце начинало пугливо сползать под желудок, на его покровительство вполне можно было рассчитывать.

Слуга, проворно перебирая кривоватыми короткими ногами, наташил на их стол всевозможных яств, а самую середину украсил полдюжиной бутылей белого вина — лучшего, как почтительно пояснил он благородным гостям. Он уже собирался снова занять свое место у входа, как тут Висканьо величественным жестом остановил его.

— Скажи-ка, приятель, — важно начал он, стараясь не замечать скептической ухмылки парня, — что это за храбрый Свилио, искалеченный в боях?

— Старший брат моего хозяина, — с небрежным поклоном отвечал тот, и взор его скользнул по голым ногам рыжего. — Десять лет назад его сухопутный отряд

посадили на корабль и отправили к берегам Зингары. Там-то и схватились они с проклятыми кордавскими псами. Трижды начинали атаку наши, и трижды вонючие ублюдки, но победа не досталась никому.

— Да, победа — девица своенравная, — философски заметил Виви. — И что же дальше?

— Ничего такого интересного, — пожал плечами слуга. — Свилио вернулся без руки, и с головой у него теперь не в порядке... А почему ты спрашиваешь, гость нашего города?

— Не нравится мне название вашей норы, — брезгливо сморщив длинный нос, ответил Висканьо. — И я не гость, а...

— Помолчи, — рыкнул Конан, который с начала сей увлекательной беседы спокойно поглощал кусок за куском. — А ты, криволапый, возьми пару монет и принеси для него штаны.

— Какие, господин мой? — На этот раз слуга изогнулся в настоящем, низком и подобострастном поклоне. Варвар произвел на него неизгладимое впечатление своим огромным ростом, буграми литых мышц и грубыми чертами лица, сплошь покрытого давними шрамами.

— Любые. Хоть свои собственные.

— Но я, как господин мой очень тонко заметил, милостивым Митрою наделен ногами кривыми и короткими, а твой юный друг...

— Прах и пепел! Много болтаешь! Мой юный друг обойдется и короткими штанами. Волоки скорее!

Слугу как ветром сдуло. Виви, который при слове «друг» покраснел от удовольствия, хотя оно и было произнесено киммерийцем с насмешкою, едва не заплакал от прилива благодарности. После купца, пожелавшего быть ему отцом, никто и никогда не заботился о маленьком талисмане. Даже Красивый Зюк, отлично осведомленный о его волшебном даре, не стал бы беспокоиться о штанах для него. Скорее, он купил бы десяток для себя, и Виви не посмел бы даже в душе укорить его за это. А Конан... Впрочем, кажется, Конану просто противно ходить по городу с полуобнаженным, да еще рыжим спутником, только и всего. От

этой мысли Висканьо стало грустно. Да, он все-таки зарвался, воображая, что киммерийцу есть до него какое-то дело...

Подавив вздох, рыжий осторожно взял с блюда толстый, с его ладонь, розовый кусок ветчины, и утрамбовал его во рту, чтобы сразу отправить следом второй. Когда появился слуга со штанами в руке, на столе уже было совсем пусто, если, конечно, не считать костей, шкур, огрызков и скорлупы. Из поддюжины бутылей осталась одна; остальные валялись в разных углах зала, пущенные сильной рукой киммерийца. Слуга принял довольно щедрую плату за все, принес по требованию варвара еще пару бутылей и кинулся к двери встречать следующих посетителей.

— Где живет Кармио Газа? — отставляя в сторону недопитую бутылку, поинтересовался Конан.

— Тут недалеко, — неопределенно махнул рукой Виви. — Ты хочешь идти к нему сейчас?

— А ты хочешь через год?

— Вообще не хочу. Но если ты велишь...

— Велю. Допивай скорее, а то Веселый Габлио накроет купца раньше нас.

При этих словах рыжий подскочил на табурете. Он уже забыл о ночном знакомстве с хлебосольным вором и хитрым старикашкой, и сейчас жажда соревнования охватила его с новой силой. До встречи с Веселым Габлио талисман знал только одного соискателя пастушки с яблоками, теперь же к Дебу Абдарраку прибавились члены его шайки, и их непременно следовало опередить.

— Что ж ты сидишь, варвар! — возбужденно выкрикнул Виви. — Я лучше сожру эту пастушку, подавлюсь ею и умру, чем отдам недоноску Веселому Габлио!

От нетерпения пританцовывая на месте, рыжий ждал, когда Конан оторвется наконец от бутылки, из коей он — наверняка нарочно — медленно сосал вино.

Тем временем в «Искалеченном в боях Свилио» собирався народ. Как видно, у трактира были свои завсегдатаи: шумно и шутливо переругиваясь меж собой, рассаживались за столы ремесленники, лекари, которых в Мессантии всегда было как крыс, портовые грузчики, плотники, матросы

и прочий городской сброд. В помощь кривоногому слуге появились еще двое — заспанные и невозмутимые, они двигались еле-еле, с презрением игнорируя одних гостей и одаряя счастливыми улыбками других. Все это Конан уже видел не раз — северная ли, южная ли страна, богатый ли, бедный ли город, а трактирные нравы одинаковы везде, как одинаковы пьянчужки, даже говорящие на разных языках. Поднявшись, киммериец придирчиво осмотрел одеяние своего талисмана, фыркнул, именно таким образом оценив едва прикрывавшие икры полотняные штаны кривоногого слуги, и направился к выходу. Висканьо засеменил следом.

Мессантия проснулась. По улицам с воплями живо сновали водоносы и булочники, скрипели несмазанными колесами телеги, мерно цокали копытами лошади и ослы. Разношерстный люд спешил по делам, и большая часть — в порт, где работа находилась для всех. Но Конан не успел до конца додумать мысль, что пришла на ум при первом взгляде на ожившую Мессантию: только спутники оказались на улице, как тут же выяснилось, что этот город мало отличается от остальных городов мира — по крайней мере, в одном. Буланая, крепко привязанная варваром к кольцу в стене, пропала. Только обрывок веревки болтался на легком ветерке, словно в насмешку над волшебным даром талисмана. Конан награбил рыжего долгим скептическим взглядом, под коим тот съежился и виновато заморгал, но ничего говорить не стал. Кто может знать — разве что Митра, — какую службу в дальнейшем сослужила б им сия лошада! Добрую? Злую? Да и не к чему им здесь лошада — обуза, и все. С этой утешительной мыслью Конан хлопнул по плечу Виви, понурившего голову, и благодушно спросил:

— Ну и где живет купец?

— Там! — Рыжий указал на юг. — Идем скорее!

И они зашагали по переулку, потом вышли на широкую извилистую улицу, потом снова свернули в переулок... Дома, похожие друг на друга, как лишь братья и сестры бывают похожи между собой, равнодушно смотрели на спутников блестящими от солнца глазами окон. Их разде-

ляли деревья и кусты, величаво и тоже равнодушно покачивая ветвями. Да и Конану на все это было наплевать. Хотя ему было всего двадцать четыре года, он повидал в своей жизни множество городов и еще большее множество деревьев и людей, так что теперь его волновало только то, что каким-то образом было связано с жизнью — с бурной и быстрой, а не обыденной и тоскливой. Усмехнувшись своим важным мыслям, Конан слегка подпихнул рыжего и проворчал:

— Клянусь Кромом, ты знаком с этим Кармио Газал Рожа у тебя сейчас...

— Я знаком, — буркнул чем-то недовольный Виви. — Я знаком с ним, ты прав. Это мой отец.

Глава шестая

О т такого заявления Конан опешил.

— Кто он, ты сказал?

— Мой отец, — хмуро повторил рыжий, пряча глаза. — Не родной, приемный.

— Так ты сбежал из дому?

— Он выгнал меня.

— За что?

Киммериец правильно поставил вопрос. Именно «за что?» — с тоской припомнил Висканьо похищение перстня нобиля и дальнейшее препровождение его из прекрасного дома — кстати, купленного Кармио Газа именно после встречи с талисманом, — снова на улицу. Сколько ночей провел без сна глупый мальчишка, припоминая тот дом, чуть не ставший ему родным навсегда. Он сам потерял его. Дом, где комнаты были такие светлые и просторные, его любимый внутренний дворик — один из трех, такой тенистый, чистый, а слуги такие добрые, заботливые... Но главное — он потерял отца. Того, кто действительно любил его...

Виви не желал о том вспоминать, но перстень нобиля был последней, но не первой его кражей в доме купца. По мелочи он таскал почти каждый день. Привыкший ползать по помойкам в поисках тряпки, чтобы прикрыть наготу, засохшей корки, чтобы утолить голод, он и в холе и неге не мог удержаться от примитивного воровства. В его комнате скопился целый склад совершенно ненужных ему вещей, и отец, пока-

чивая головой, с грустной улыбкой просил его брать все, что душе его угодно, только не тайно. «Скажи мне, Висканьо, — мягкий голос его часто слышался потом талисману, — скажи мне, что тебе хочется, и я отвечу — возьми...»

Впервые тогда волшебный дар Виви помог приличному человеку изменить жизнь к лучшему. Ведь все прежние неудачи Кармио были связаны только с его неподкупностью и честностью — по мнению талисмана, качествами более чем странными. И конечно, купец скорее готов был лишиться своей удачи, чем терпеть в доме неисправимого воришку. Если б только он знал, как часто думал о нем его приемный сын, как мечтал вернуться в его дом, как клялся всем богам оставить тогда дурные привычки и какими страшными карами грозил себе за нарушение клятв.

— Я смрадный пес. Недоносок. Шакалье отродье, — монотонно начал отвечать на поставленный вопрос рыжий. — Репейник из хвоста Нергала. Безмозглая гусеница.

— Я понял, — кивнул киммериец. — И что ты слямзил? Деньги? Самоцветы?

— Кое-что другое. Не будем об этом, Конан. Тем более что мы уже пришли.

Висканьо остановился возле железных ворот, за которыми высился действительно настоящий дворец из жадеита. Недолго думая, варвар повернул меч рукояткой вперед и заколотил ею о железо с такой силой, что у талисмана от грохота заложило уши. Видимо, по ту сторону ворот у кого-то тоже заложило уши, ибо спутники услышали сердитые возгласы и сразу лязг ключей — сторожа торопились узнать, что за нетерпеливые гости явились в дом.

Хмурый Виви с замирающим сердцем смотрел, как открываются ворота, за кои он вышел шесть лет назад с тем, чтобы шляться по свету в поисках неизвестно чего — крова, семьи, богатства, славы... И за все шесть лет ничего не нашел... Нергал знает, зачем надо было...

Одна створка отъехала в сторону на пол-локтя, и в образовавшуюся щель выглянула красная физиономия престарелого охранника. Более всего на физиономии сей заме-

тен был нос: толстый, сизый, весь покрытый угрями и бугорками.

Он подозрительно принюхался, но никаких особенных запахов не уловил. Тогда в ход пошли блеклые подслеповатые глаза. При виде двух неизвестных мужчин, один из которых к тому же был рыж и оборван, охранник попытался быстро закрыть ворота, но Конан успел просунуть ногу в щель, а уж протиснуться вслед за ногой оказалось делом техники.

Спустя вздох — Конанов вздох, потому что Висканьо, кажется, вообще не дышал — спутники прошли в сад, окружавший дом купца со всех сторон. Небрежным жестом отодвинув с дороги одуревшего от ужаса и наглости незваных посетителей охранника, варвар твердым шагом направился к высокому крыльцу. На подгибающихся ногах за ним шел талисман.

— Э-э-э! Куда! — закаркал Сизый Нос, вперевалку спеша следом. — Кто такие? Назад!

Но молодость не спешила оборачиваться на зов старости.

— Назад! Митрой клянусь, я вас сейчас сожру! — пугал охранник, тем не менее не имея сил даже догнать резвых гостей.

Конана крики эти ничуть не беспокоили. Может быть потому, что он их вовсе не слышал. Занятый собственными важными мыслями, он забыл и про Виви, который в данном деле являлся главным лицом, а потому все же следовало запустить его вперед — так, на всякий случай.

Вперив сумрачный свой взгляд в застекленную наполовину дверь, варвар заметил за нею какое-то движение — впрочем, то могли быть блики солнца; но только он подошел к первой ступеньке крыльца, как дверь широко распахнулась, и на пороге вырос — если можно так выразиться про низкорослого человека — коренастый и смуглый старик, по внешнему виду типичный аргосец. Черные с сильной проседью волосы его вились, под густыми бровями молодо поблескивали карие глаза, смотревшие на огромного киммерийца без тени опаски. Наоборот, искреннее дружелюбие и интерес увидел Конан в этих красивых глазах; увидел — и удивился.

Насколько он был знаком с купцами прежде, дружелюбие их надо было сначала пропускать сквозь призму магического кристалла, и не для того, чтобы понять, фальшивое оно или нет, — разумеется, фальшивое, — а для того, чтобы узнать, что скрывается за ним на самом деле: ненависть, злоба, хитрость и лукавство... Для общения с этим купцом явно не требовался магический кристалл. Честность была написана на его чистом лице так ясно, что Конан на миг даже растерялся. Ну о чем можно говорить с таким человеком?

— Позволь приветствовать тебя в моем доме, незнакомец, — с легким учтивым поклоном произнес купец. Голос его оказался мягок и ровен, словно у жреца Митры.

Он отошел немного в сторону, намереваясь пропустить киммерийца в дом, и в этот момент взгляд его упал на Висканьо, что стоял за широкой спиной старшего друга с опущенной долу головой и мокрыми от волнения ладонями. Коротко выдохнув, почтенный купец начал оседать...

— Отец!

Виви кинулся к нему, с необычайной силой отпихнув варвара, который уже подставил руки под падающее тело старика.

— Отец...

Конан, с любопытством проглядевший начало сей душевнораздирающей сцены, при первых же слезах потерял к ней всякий интерес. Пока очнувшийся купец рыдал на плече у блудного и тоже громко воющего сейчас сына, варвар прошел в дом, где с удивлением обнаружил довольно странную планировку: сразу от входной двери вместо привычного зала гость попадал в коридор. Можно было пойти вправо, можно — влево, только не прямо, потому что прямо перед дверью находилась стена. Конану вовсе не улыбалось бесцельно бродить по чужому дому, и он решил прервать хотя бы на время трогательную встречу отца и сына. Обернувшись, он наклонился и встряхнул рыжего за плечо.

— Хей, Виск, вставай. Показывай, куда идти.

— О, да! О, да! — вытирая слезы, вскричал счастливый отец. — Мы покажем, дорогой гостю!

Проворно вскочив, он сильной рукой поднял за локоть Виви и подтолкнул его вперед, в правую часть коридора. Тихонько подвывая и всхлипывая, рыжий повел киммерийца по толстому ворсистому ковру, в коем так и утопали ноги. Вдоль стен, на высоте Конанова роста, на бронзовых подставках крепились бронзовые же светильники, несомненно сделанные руками настоящего мастера. Коридор оказался достаточно короток, всего в пятнадцать шагов; в конце его варвар увидел винтовую лестницу, круто взбегающую вверх. Но Виви не стал и подходить к ней, а толкнул вдруг стену — там была задрапированная ковром дверь.

— Зачем нам сюда, сын? — удивленно спросил несколько оправившийся купец. — Вы хотите поверить мне некую тайну?

— Да, — не останавливаясь, ответил рыжий. Голос его звучал глухо и странно в полной темноте следующего коридора.

Они прошли еще через две двери, когда наконец Висканьо вывел их во внутренний дворик дома. Небольшой квадрат со всех сторон был замкнут сплошными стенами без окон; две скамьи, расположенные друг напротив друга, стояли ровно посередине; между ними грибом торчал одионогий низкий стол с круглой крышкой, пока пустой. Больше в этом внутреннем дворике ничего не было.

Пропустив вперед Конана и Висканьо, которые тут же уселись на одну скамью, купец на несколько мгновений вернулся назад — видно, затем, чтобы отдать распоряжения слуге, потому что вскоре тот бесшумно вплыл через ту же дверь с огромным подносом в руках. Легкие закуски и вино — именно то, что требовалось сейчас гостям, недавно подкрепившимся в «Искалеченном в боях Свилио» — заставили гриб; купец сел на другую скамью и, с умилением поглядывая на своего рыжего приемыша, любезно обратился к Конану как к старшему:

— Прошу тебя, добрый друг, не отказываться от моего скромного угощения. Пусть душа моя возрадуется, если сие красное немедийское вино, привезенное прямо из Бельверуса, понравится гостю.

— Понравится,— кивнул Конан, зажимая тонкую ножку чаши длинными широкими пальцами.

— Позволь спросить тебя, воин, в какой стране рождаются такие могучие и красивые мужи, как ты?

— В Киммерии, отец,— влез в светскую беседу талисман, коему очень хотелось показать Кармио, какого друга он приобрел.

— Далекая Киммерия! — воскликнул купец.— Наслышан о тамошних суровых нравах. Что ж, так и следует воспитывать сильных людей! Я знаю, Кром — ваш киммерийский бог — обладает смертоносным взглядом?

— Не смертоносным. Просто тяжелым,— пояснил Конан.— Да и смотрит он только на младенца и только один раз. Выживет тот — хорошо, будет мужчиной. А нет...

— А нет, так никем не будет,— кивая, подхватил Кармио Газа.— А как звать тебя, друг?

— Конан,— охотно ответил варвар. Ему сразу понравился этот человек, и в доме его он чувствовал себя на удивление спокойно. Здесь он своим первобытным чутьем не обнаруживал и дыхания опасности. Наоборот: отовсюду, даже от стен, волнами исходили благожелательность и добро; хотелось расслабиться и долго-долго сидеть за маленьким уютным столиком, пить отличное вино, вести приятную беседу... Но Конан так до сих пор и не научился расслабляться по-настоящему. Ему нужно было действие — без него жизнь казалась ему скучной и непонятной штукой. Посему, отхлебнув добрый глоток немедийского красного, он неуклюже пихнул рыжего ногой, таким образом намекая, что пора переходить к делу. Купец, заметив сей хитрый прием варвара, сдержал улыбку и обратил взгляд к Висканьо.

— Гм-м... Как бы сказать тебе об этом... — интригуя начал Виви.— Видишь ли... гм-м...

— Скажи прямо, сын, я постараюсь понять тебя,— помог ему старик.

— Странствуя по свету одиноко, словно пустая лодка в океане, я повидал немало... гм-м... Ну, в общем, довольно много я повидал,— пространно забормотал талисман, вы-

звав речью этой глубочайшее неудовольствие у киммерийца и удивление у отца.— О, как порою сердце мое трепетало в печали под розовым небом! О, как порою готов был угаснуть мой взор...

— Короче,— не выдержал Конан.

— Я склонен согласиться с Конаном, Виви. Ты говоришь очень красиво, но, прости, бессмысленно.

— Не бессмысленно,— обиделся было талисман, но вовремя передумал.— Хорошо. Я выброшу все свои игральные кости на стол.

Выспренное заявление Висканьо заставило варвара сжать кулаки. Похоже, этот парень никогда не научится говорить просто и понятно.

— Не припомнишь ли ты, отец, своего дальнего родственника из Шема — Бага Левена, мудреца и астролога?

— Нет, не припомню,— покачал головой Кармио Газа. Лица обоих гостей вытянулись.

— Не припомню,— продолжил купец,— поскольку почтенный сей муж умер, когда я был еще весьма юн. Да я и не видел его никогда.

— Но ты получал от него наследство? — сделал стойку рыжий.

— Да, сын. Я получил мешок с золотыми фигурками и кипу его папирусов. Увы, не смог разобрать в них ни слова... А почему сие интересует вас, друзья?

— Сие не интересует, отец. Только одно... Была ли там, среди золотых фигурок, такая группа — пастушка с корзиной яблок и две овцы при ней?

— Была. Я не показывал тебе раньше?

— Нет! Покажи сейчас!

— Пастушку покажу. Что же касается овец... Их украли. И украли довольно давно.

— Я знаю. Ну покажи нам пастушку, отец!

— Погоди,— поднял руку Конан.— Скажи, почтенный, а кто украл твоих овец, тебе известно?

— Конечно,— пожал плечами уже начавший вставать купец.— Он продавал в Куше и Дарфаре мои зеркала, но неудачно... Его зовут Свилио, он...

— Искалеченный в боях Свилио?! — возбужденно воскликнул Висканьо, подпрыгивая на скамье.

— Да. Так называется трактир, который содержит его брат.

— Так это он украл у тебя овец?

— Он всегда был нечист на руку, Виви... О-о-о, прости старика, я не хотел обидеть тебя...

Рыжий побагровел, скрыл глаза. Конан, усмехнувшись, хлопнул его по плечу и благодушно сообщил Кармио:

— Он уже не такой, что прежде. Верно, приятель?

Висканьо кивнул, все же не решаясь поднять голову и посмотреть в глаза отцу.

— Вот и хорошо. А теперь, сын, я принесу пастушку.

Улыбнувшись Конану, купец легко поднялся и исчез за дверью.

— Значит, прохвост Свилио упер наших овец у твоего отца... — задумчиво пробормотал варвар. — Но он их продал. Кому? Может, Кармио знает?

— Откуда ему знать... — буркнул рыжий. — Да и нам придется попрощаться с овцами...

— Почему это?

— Помнишь, что сказал кривоногий слуга? После боя с зингарцами Свилио лишился рассудка... Что он может рассказать нам?

— Что-нибудь да расскажет, — самоуверенно заявил Конан. — Клянусь Кромом, я найду овец, даже если для этого мне придется открутить недоумку Свилио его вторую руку.

— Ах, Конан...

— Ах, Конан! — передразнил киммериец Виви.

Настроение у него было отличное. Пожалуй, за последнюю луну он впервые чувствовал себя таким легким, почти что невесомым. Талисман перестал его злить, разве что совсем немного раздражал, а грядущее раскрытие тайны и главное — поиск покупателей овец — заставляло его сердце сладостно замирать.

Едва только в дверях показался Кармио Газа, держащий в правой руке нечто блестящее, как Висканьо вскочил, опрокинув бутыл неместийского вина, кинулся было к отцу,

но остановился, удерживаемый мощной дланью варвара. Тот сидел недвижимо и в лице совсем не изменился — Виви с завистью посмотрел на него, пораженный таким самообладанием, и тоже сел.

— А вот и пастушка, — с улыбкой объявил купец, протягивая киммерийцу маленькую золотую фигурку.

Конан взял ее двумя пальцами, рассмотрел, фыркнул. Пастушка и в самом деле оказалась невелика, в половину его ладони. На месте глаз ее были искусно вделаны крошечки неизвестного самоцвета, создающие впечатление лукавого искрящегося взгляда; длинное платье оказалось покрыто странной вязью, напоминающей буквы; в полусогнутых руках пастушка держала корзинку, полную яблок — каждое величиной с рыбью икринку, но совершенно как настоящее, с листочками и вмятинками на боках. Лишь выражение ее лица не очень-то понравилось Конану. Губы казались тонкими и злыми, хотя, если повернуть ее на свет, улыбались.

Затаив дыхание, разглядывал фигурку Виви. Именно такой он и представлял себе пастушку, и именно такой она виделась ему во сне, когда метала яблоки в звезды.

— Эту вещицу сделал знаменитый когда-то в Стигии мастер Хатхон, — счел нужным пояснить старик. — Я носил ее ювелиру, и он обещал мне за нее хорошие деньги... Но как я могу продать память!

— Тебе так дорога память о Баге Левене? — разочарованно протянул Висканьо, отрываясь от пастушки.

— Конечно! Ведь это мой единственный родственник! К тому же он — почетный гражданин Шема! — Кармио Газа окинул взглядом враз помрачневшие лица варвара и талисмана. — Но... Если вам, друзья, так нужна сия безделица... Возьмите!

— Ты... Ты даришь ее нам? — изумился Виви.

— Дарю. Я стар, и на Серых Равнинах, куда мне предстоит уйти в скором времени, такие игрушки ни к чему... Может, вам она пригодится? Я буду рад.

— О-о-о... Отец... Как ты добр...

Глаза талисмана наполнились слезами. Он быстро наклонился и приник губами к руке купца.

— Мой Виви... — прошептал тот, ласково глядя рыжие вихры Висканьо. — Ты больше не покинешь меня?

— Нет... И... Я исправился, отец. Я не беру чужого...

Конан хотел было язвительно хмыкнуть на такое заявление, памятуя о вылаканном однажды ночью пиве именно этим честным парнем, но почему-то удержался, а почему — он и сам не смог бы объяснить.

— Конан... — обратился вдруг к нему Виви, — я хочу тебя попросить... Возьми пастушку себе... Ты большой и сильный, ты и без меня справишься с этим делом... А я — я останусь с отцом.

— Конечно, добрый друг, — подхватил купец. — Забирай ее! И скажи, можем ли мы еще чем-нибудь помочь тебе?

— Только глотком немедийского, — сумрачно буркнул Конан. Как надоед ему этот мальчишка за несколько дней пути, но сейчас, наконец от него избавившись, он отчего-то не ощущал ожидаемого облегчения. Подавив вздох, происхождение которого так и осталось для варвара загадкой, он поднялся, подмигнул талисману, растянувшему рот в счастливой и глупой улыбке, и пошел к двери.

— Я провожу тебя, Кони, — вскочил рыжий. — Ты сам не найдешь дорогу...

«Опять Кони», — с досадой отметил про себя киммериец, но заострять на сем внимания не стал: все равно он видит Висканьо последний раз.

— Прощай, добрый друг! — махнул ему рукой купец. — И не забывай, коли будет что-либо нужно — приходи!

...За ворота Конана вывел Сизый Нос. Настроение его с утра явно улучшилось, и в блеклых глазах загорелся лукавый огонек, по всей видимости следствие принятого пива. Он долго и упорно кланялся варвару, а потом вдруг отчетливо выругался ему вслед и с грохотом закрыл ворота.

А Конан возвращался в «Искалеченного в боях Свилио», и с каждым шагом Мессантия раздражала его все больше, равно как и пастушка, покоящаяся во внутреннем кармане дорожного мешка. В душе варвара не осталось ни азарта, ни жажды денег, ни желания снова видеть рожу Веселого Габлио, который наверняка заявится скоро в тот же трактир; и

если б не привычка всякое дело доводить до конца, киммериец уже уехал бы отсюда куда подальше, ибо и город, и люди не вызывали в нем интереса, и даже лишнего дня он не хотел бы провести здесь. А пастушка... Что пастушка! Самое место для нее на дне морском. Но — так уж и быть, Конан поможет ей воссоединиться с овцами, а потом...

— Кона-а-ан! Подожди! Конан!

Варвар оглянулся. Размахивая длинными руками, к нему бежал рыжий талисман, гладко причесанный и одетый как наследный принц. Тощее лицо его сияло, словно каждая веснушка посылала Конану свою, отдельную улыбку. Остановившись в двух шагах от киммерийца, Виви одарил его бессмысленным счастливым смехом и, задыхаясь от быстрого бега, сказал:

— Подожди, я пойду с тобой!

— А как же твой отец?

— Я вернусь к нему. Потом. Когда мы достанем овец.

— Он отпустил тебя? — недоверчиво сдвинул брови варвар.

— Конечно! Он все понял! Он сам мне сказал: «Иди с другом, мой мальчик. Но возвращайся ко мне, я буду ждать».

— Прах и пепел... Вот навязался на мою голову... — ухмыляясь, проворчал Конан. — Ладно, идем. Но смотри — если ты еще раз назовешь меня «Кони»...

— Ты свернешь мою цыплячью шею! — радостно осклабился рыжий и вновь поскакал рядом с варваром, фальшиво насвистывая старинную аргосскую балладу о несчастной любви пастушки к прекрасному рыцарю.

* * *

К полудню в «Искалеченном в боях Свилио» народу прибавилось. Пара красномордых пьянчужек занимала стол посередине; они раскачивались на табуретах и не менее фальшиво, чем талисман, дружно распевали ту же балладу о пастушке. Грузный, немолодой уже стражник, судя по форме, служивший в городской охране, сидел в самом дальнем углу. Вдоль стены на его столе уже выстроилась шеренга пустых бутылей, а перед ним еще стояло не меньше дюжины.

Слуги смотрели на него настороженно и с опаской, задаваясь резонным вопросом: каким образом он собирается все это выпить, а если и выпьет, то что будет потом? В противоположном от стражника углу веселилась разношерстная компания, состоящая из пяти человек самого что ни на есть подозрительного вида. Мельком взглянув на них, Конан тут же определил их как мелких базарных воришек, кои в свободное от основной работы время дурили деревенских простаков за игральными костями. Более в зале ничего не было.

Киммериец кивком велел талисману занять то же место у окна, где они вдвоем трапезничали на рассвете, а сам подошел к старому знакомому — кривоногому слуге.

— Мне нужен Свилио, приятель. Ты получишь четверть золотого, если проводишь меня к нему.

— О-о-о... дорогой господин... — залепетал парень, с восторгом обозревая мощный торс варвара, прикрытый вследствие жары одной лишь кожаной короткой безрукавкой. — Хозяин будет недоволен, если я...

— Золотой.

— Тише... Тише, господин... — Пальцы левой руки слуги выразительно зашевелились, и Конан, загородив его широкой своей спиной, ловко кинул в них монету. Надо отдать должное кривоногому — он не менее ловко монету поймал. — Иди за мной...

Поднимаясь за парнем по темной и скрипучей лестнице, киммериец пытался уловить запах Веселого Габлю. Он отлично помнил, что тот вонял довольно сильно, причем очень дорогими благовониями. Тонкое чутье варвара без труда разобрало в царящем здесь смраде ароматный дух жареного барана и копченой рыбы, к коему примешивались неприятные оттенки тухлых кальмаров и мокрой тряпки. От самого кривоногого так и несло кислым пивом и потом, а от него, Конана, — красным немедийским вином купца Кармио Газа, но запаха Веселого Габлю тут не было точно.

Слуга резко остановился перед низкой дверью, снаружи закрытой на крюк, выразительно посмотрел на варвара,

видимо намекая, что одного золотого за такую услугу маловато. Конан сплюнул ему под ноги.

— Чего встал? А ну, шевелись! — Он и не подумал хоть немного приглушить свой сильный хрипловатый голос. — Принеси рыжему того вина, что мы с ним пили утром!

— Господин мой... — ошарашенно пробормотал кривоногий. — А деньги?

— А золотой? — Конан удивленно поднял брови. — Разве я не дал тебе золотой?

Ухмыльнувшись, он вдруг неуловимым движением ухватил парня за ворот железными пальцами, повернул его к лестнице лицом и коротким пинком отправил вниз, заниматься его прямыми обязанностями; потом он откинул крюк и вошел в тесную каморку, сморщившись от сразу ударившего в нос отвратительного запаха, коим всегда отличаются давно и тяжело больные люди.

Если от грохота летевшего с лестницы щуплого тела слуги проснулся бы и мертвый, то искалеченный в боях, но еще живой Свилио даже не дрогнул. Неподвижный взгляд его, устремленный в обшарпанный потолок, был совершенно лишен всякой мысли, а потому появление в его норе огромного варвара, занявшего чуть не большую половину комнаты, не вызвало у больного никакой реакции. Кажется, он просто не заметил гостя.

Несколько мгновений Конан стоял, с отвращением и жалостью разглядывая калеку, лежавшего на узком деревянном топчане в куче грязных тряпок. Ему уже приходилось встречать таких, неизвестно для чего спасенных благодетным Митрой в жестоком бою. Сам варвар без раздумий предпочел бы Серые Равнины подобному жалкому существованию, и в этом готов был даже пойти наперекор божественной воле. В конце концов, человек тоже не безмозглая букашка, и если он не хочет более оставаться в мире живых, рука его всегда найдет острый кинжал либо крепкую веревку.

Стоя теперь в растерянности возле несчастного Свилио, Конан клял себя за то, что пошел сюда один — чувстви-

тельный талисман наверняка лучше сумел бы понять безумного калеку, а значит, и разговаривать его, и узнать то, что необходимо.

Но возвращаться в зал трактира за Висканьо смысла не было: в любой момент мог нагрянуть сам хозяин, и на то, чтобы спустить его с лестницы, как до того жадину кривоногого, тоже требовалось время, а вот его-то как раз Конан не имел. Только Митра знал, где сейчас Красивый Зюк; судя по рассказу Виви и разговору Веселого Габлио с Тино, то был даже не волк — волчище, а потому и противником мог считаться серьезным. Идет ли он по следу киммерийца и рыжего талисмана, или вровень с ними, или обгоняет... Ясно одно: нельзя терять ни мгновения времени, так как сие мгновение может запросто достаться Красивому Зюку...

Варвар сделал шаг вперед и мягко присел на корточки возле топчана Свилио.

— Хей, приятель, — хрипло позвал он, стараясь, чтоб гулкий голос его звучал как можно тише. — Кому ты продал овец?

Дипломатия никогда не входила в число достоинств Конана — манипуляция с голосом оказалась единственной его верной догадкой в беседе с тяжелобольным, а потому ничего удивительного не было в том, что ответа он не получил. Свилио даже не моргнул, и синие тонкие губы его так и остались неподвижны.

— Прах и пепел! — чуть повысил голос варвар. — Ты что, не слышишь меня? Я могу говорить громче.

— Он не слышит. — Дверь скрипнула, и в каморку боком протиснулся невероятно толстый старик. — Зато я слышу очень хорошо.

Конан смерил его презрительным взглядом, про себя отмечая, что старик весьма похож лицом на искалеченного в боях Свилио, только тот был тощ и сед, а этот жирен, румян, черноволос и буквально сгорал от желания поговорить с гостем. Щеки его расплзлись от подобострастной улыбки, карие масляные глазки впились в синие глаза варвара в ожидании объяснений.

— Ты кто? — сурово спросил Конан только затем, чтобы проверить свою догадку.

— Чинфо, младший брат Свилио, — с поклоном ответил старик. — И хозяин этого трактира. Я могу помочь тебе, незнакомец?

— Мне может помочь Свилио, — буркнул варвар, отворачиваясь. Догадка его оказалась верной, и тратить время на бессмысленную беседу с хозяином трактира он не собирался.

— Он давно уже оглох и ослеп, — вздохнул Чинфо. — В боях с зингарцами...

— Кром! — в досаде Конан грохнул кулаком по колену. — И он совсем ничего не соображает?

— Гм-м... Пусть я не покажусь тебе нескромным, дорогой гость, но я отлично соображаю и за себя и за него... Скажи, не про золотых ли овец желаешь ты спросить моего бедного брата?

Чинфо с плохо скрываемым удовольствием наблюдал, как вспыхнули синие глаза незнакомца, потом потемнели и сощурились... Гордый тем, что ему удалось-таки продемонстрировать столь важному гостю — без сомнения, перодетому принцу или рыцарю, странствующему инкогнито — свой поистине недюжинный ум, он снова расплылся в улыбке, и был не на шутку встревожен и огорчен, когда массивное тело варвара метнулось к нему со странной целью: сбить Чинфо с ног в его же собственном доме. Рухнув на пол под тяжестью коварного гостя, хозяин обиженно заскулил, а когда сильные пальцы сдавили его толстую шею под жирными складками двух подбородков, дернулся, ударил короткой пухлой ручкой по железному плечу, за что незамедлительно получил болезненный пинок в бедро.

— Говори, вонючий боров, откуда знаешь про овец? — зашипел Конан, чуть разжимая пальцы, чтобы старик мог ему ответить.

— От Свилио же! — в отчаянии выкрикнул Чинфо. — Я и тому господину так сказал!

— Какому еще господину?

Конан отпустил хозяина и сел против него на пол. В голове его мелькнул гнусный образ вора с рогом на лбу, и тут же сомнение — ведь он не слышал запаха его благовоний здесь; неужели до Свилио добрался сам Красивый Зюк?..

— О-о-о... Знатный господин,— покачал головой Чинфо, тоже садясь. Обида его испарилась, только он увидел, что гость более не собирается его душить. Следующие слова, однако, он произнес как мог многозначительно.— Вежливый такой, и щедрый как... Как даже не знаю кто. Я рассказал ему все, что слышал от брата про овец, а он заплатил мне хорошие деньги. Знаешь ли ты, отважный лев, как дорого обходится мне содержание трактира? Ох, как дорого... Но ради людей я готов на все, ибо кто еще кроме меня...

— Заткнись,— не понял намека о вежливости Конан.— Давай о деле. Что тебе рассказал Свилио?

— Гм-м...— Чинфо несколько смутился, догадавшись, что и последний намек о щедрости этот огромный парень пропустил мимо ушей.— Ты о чем, быстрый орел?

— Об овцах. И не пытайся вытянуть из меня деньги — не дам!

— О-хо-хо... Ну что же... Мир несправедлив. Это я понял тогда, когда с корабля привезли моего бедного искалеченного брата... У того господина золото, у тебя — кулаки... Что ж, значит, так рассудил Митра...

— Короче, жирный. Клянусь Кромом, я не люблю ждать.

— Овец Свилио украл у одного купца...

— Это я знаю. Дальше!

— Он продал их. Может быть, ты будешь удивлен, но одну овцу он продал как раз этому господину, который приходил ко мне нынешним утром, незадолго до тебя.

— Ты знаешь его имя?

— Деб Абдаррах. Многим он известен больше как Красивый Зюк. Свилио рассказывал мне о нем еще в ту пору, когда был здоров и весел.

— А вторую? Кому он продал вторую овцу?

— Некому мерзкому старикашке. Сие случилось через три луны после того, как господин Деб купил первую. Ах, как сокрушался он, стоя на том же месте, где ты сейчас сидишь. Как сокрушался! Если б тогда, давно, у него оказалось достаточно денег, обе овцы были б его! Но Свилио не захотел уступить... Так что вторая овечка ушла к старому ублюдку Тино...

— Что? — варвар приподнялся.— Вторую он продал Тино?

— Ну да,— пожал плечами толстяк.— А тебе знаком и этот проныра?

— Значит, одна овца у Красивого Зюка, а вторая у Тино? — Конан не считал нужным отвечать Чинфо на его вопросы.

— Да...— Хозяин нервно оглянулся.— Не гневайся, сильный тигр, но мне пора вниз. За слугами не доглядишь — без штанов останешься...

Он тяжело поднялся, подошел к топчану Свилио и поправил его тряпки; затем направился к двери, аккуратно обойдя сидящего на полу в задумчивости киммерийца.

— Э-э-э-э...

— Что еще? — рыкнул Конан, недовольный тем, что Чинфо прервал его размышления о будущем.

— Я хочу помочь тебе, мой суровый гость... Они в порту.

— Кто?

— Тино и Красивый Зюк. По правде говоря, эти двое тогда здорово надули моего брата, и я был бы рад, если б ты пощипал их...

— А вот это я могу тебе обещать! — фыркнул Конан.

Вскочив, он подмигнул несчастному Свилио, кинул хозяину золотой из мешочка Веселого Габлио, по достоинству оценив его откровенность, и пошел к выходу.

— Найди старый галеон! — крикнул ему вслед Чинфо.— У него вся правая сторона в дырах! Они там!

Торжествующая ухмылка на губах Конана была ему ответом. Сейчас он получил еще одно подтверждение волшебного дара талисмана — теперь оставалось только добраться до порта, отыскать старый галеон и разогнать всю шайку, предварительно отобрав у Тино и Красивого Зюка золотых овец.

Киммериец в несколько прыжков слетел с лестницы, быстрым шагом вошел в зал. И тут ухмылка сошла с его губ: ни за столом, ни в зале вообще Висканьо не было.

Глава седьмая

Хей, криволапый! — разъяренный варвар ухватил за плечо слугу и встряхнул. — Где рыжий?

— Он ушел, господин... — пролепетал парень, моргая белесыми ресницами. — К нему подсели двое, потолковали с ним о чем-то, потом забрали его с собой...

— Прах и пепел! Что значит «забрали»? Унесли как мешок с ослиным дерьмом?

— Нет... Он сам пошел... Но он боялся, господин... Я видел, что он боялся.

— Эти двое... Какие они, ты запомнил?

— О! — Кривоногий широко раздвинул руки, показывая мощь уволокших талисман бандитов. — И еще, господин... Они одинаковые...

— Что значит — одинаковые?

— Ну, как твой большой палец на правой руке и твой большой палец на левой руке.

— Близнецы?

— Ну, — согласно кивнул слуга, преданно глядя на киммерийца.

— Тьфу! — Конан зло сплюнул на пол. — А что ж ты меня не позвал, олух?

— Откуда мне знать...

И в самом деле — откуда ему было знать, что рыжего увели парни Красивого Зюка, которые всего несколько дней назад привязали его к доске и пустили в плавание по Хороту... Что они хотят сделать с ним на сей раз? Заду-

шить? Зарезать? Варвар почувствовал, как холодный пот выступает на его спине: какие слова он скажет Кармио Газа в ответ на вопрос: «Где мой сын?» И наверняка тот еще прибавит «добрый друг»... А добрый друг кинул мальчишку в трактире одного и спокойно отправился трепаться с искалеченным в боях Свилио!

Конан отпустил кривоногого и пошел в выходу. Нергал с ними, с овцами... Надо найти Висканьо до того, как Гана и Мисаил переведут его из мира живых в сумрак Серых Равнин...

* * *

Старый галеон стоял восемнадцатым, последним, в ряду таких же развалин, пришвартованных в самом конце порта. Но Конан узнал его не по примете, указанной Чинфо — дырявые бока были у каждого судна в этой стороне, — а по буланой кобыле Веселого Габлио. Волшебный дар талисмана и тут помог им: не уведи Гана и Мисаил у них лошадь, и варвару сейчас пришлось бы обыскивать все восемнадцать галеонов в поисках Висканьо...

Здесь не было людей; один только седовласый сторож дремал, греясь в солнечных лучах и водрузив кривую, сплошь проржавевшую саблю на перевернутой вверх дном лодке. Киммериец разбудил его сильным тычком в бок, надеясь узнать, не видел ли он тут рыжего парня, но, и открыв глаза, престарелый глухарь лишь ощерил в улыбке беззубые десны да постучал себя в грудь сухоньким кулачком — что он хотел этим показать, Конан не понял. Зато понял, что сторож ничего не слышит и, кажется, ничего не видит, а потому дальнейшие расспросы представились ему делом бесполезным.

Легко было догадаться, что Гана и Мисаил находились там же, где и их хозяин, то есть на галеоне, — из этого следовало, что туда же они приволокли и Виви. Сбрасывая сапоги и засовывая их под лодку вместе с одеждой, варвар угрюмо поглядывал в сторону дырявого суденышка: ярость, закипавшая в нем сейчас так медленно, как он того хотел сам, горячила кровь и будоражила мозг. Он понял уже, что

Красивый Зюк не выпускал их из виду с того самого момента, как перед ними открылись ворота Кармио Газа. Скорее всего, бандит даже не стал посещать купца, резонно полагая, что пастушкой завладел либо талисман, либо его спутник. Потому-то он и выкрал рыжего из «Искалеченного в боях Свилио»: если пастушка у него, он отберет ее, если же нет — с его помощью он отберет ее у Конана. Все мотивы Красивого Зюка для киммерийца, прошедшего отличную школу в Шадизаре, где плут крал у вора, а вор у пройдохи, были вполне ясны, но от этого его желание насадить противника на меч вовсе не уменьшалось — напротив. Твердые губы его кривились в злобной ухмылке, а мышцы на руках напрягались сами собой, словно Деб Абдаррах уже тянулся к его мешку за пастушкой... И прыгая в холодные воды моря Запада с крепко зажатым в правой руке мечом, на рукояти коего висел его мешок с драгоценной пастушкой, Конан не погасил бушевавший в груди огонь, такой привычный, питающий жизнь и силу, обжигающий душу, истинно варварский...

Как кошке не стоит труда вскарабкаться на любое дерево, так сыну сурового Крома залезть по дырам и щелям на старый галеон было делом нескольких вздохов. Его массивное тело перевалилось за борт легко и мягко; едва расслышав голоса, в долю мгновения он оказался у огромной квадратной крышки, что была обита железными полосами и вела в трюм. Слава Митре, крышка оказалась не новее, чем само судно, — сквозь ее щели Конан отлично видел все происходившее внизу, а посмотреть там было на что.

Распластавшись на шершавых досках, киммериец с любопытством оглядел галеон. Как видно, его давно переделали в нечто похожее на дом: трюм представлял собою обычную комнату, надо сказать, довольно прилично отделанную, с хорошей мебелью и ярким освещением. Красивый Зюк сидел за столом в центре, и его варвар рассматривал особенно внимательно. Действительно, лицо шемита отличалось приятными, хотя и жестковатыми чертами, белизной и свежестью. Короткий черный волос густо покрывал

вал круглую бойцовскую голову; не слишком широкие, но крепкие плечи были прямы, руки длинные и холеные — Конан видел даже аккуратно остриженные чистые ногти. Одетый в белоснежную рубаху с открытым воротом, бандит выглядел настоящим нобилем, и его благородный вид несомненно ввел бы в заблуждение любого, пусть и самого искушенного, царедворца.

За тем же столом сидели уже знакомые киммерийцу Тино и Веселый Габлио. Последний был мрачнее тучи. Он искоса поглядывал то на старика, то на хозяина и беспрестанно что-то шипел. Прочие на него и его шипение никакого внимания не обращали.

Гана и Мисаил — Конан узнал их сразу — молча стояли у стены. Как и рассказывал Виви, они явно не отличались легким нравом: одинаковые лица их были насуплены, полные губы упрямо сжаты. Они взирали на почтенное общество с таким неприкрытым отвращением, что варвар не смог удержаться и почти беззвучно хмыкнул. Неужели Красивый Зюк не замечает, как смотрят на него его слуги? А если замечает, то почему терпит? С другой стороны, киммериец ощутил что-то вроде облегчения, ибо мордовороты-близнецы — судя по внешнему виду, серьезные воины — вряд ли испытывали горячее стремление защищать своего хозяина от кого бы то ни было. Хотя украли же они у Конана его талисман... Кстати, где он?

Кроме Деба Абдарраха, Тино, Веселого Габлио и двух братьев в трюме никого не было, что наверняка означало только одно: рыжий не пожелал более швыряться своим волшебным даром направо и налево и отказал шемиту в дальнейшей помощи. Теперь он, в лучшем случае, валялся где-то на судне связанный, а в худшем... Нет, про худший варвар не хотел и думать. Если талисман отправился-таки на Серые Равнины, сие будет на его, Конана, совести.

— Заткнись! — вдруг истерично взвизгнул Веселый Габлио и швырнул в пройдоху Тино золотым кубком. Старик проворно увернулся, потом изловчился и харкнул в лоснящуюся рожу вора, да так метко, что залепил тому сразу оба глаза. Обиженный вой огласил трюм — толстяк орал так

громко, что Красивый Зюк, криво улыбаясь, сморщился, закрыл ладонями уши. Так же поступили и Гана с Мисаилом.

Конан, который в своем укрытии слышал не хуже их, с досадой сплюнул на палубу: гнусный визг почти оглушил его, а еще более раздражил, ибо грубая варварская натура не воспринимала такого странного поведения, свойственного скорее девице, нежели мужу. Он уж было собрался отойти от крышки и заняться поисками Висканьо, как тут наконец подал голос сам Деб Абдаррах.

— Прошу вас, милые друзья мои,— начал он так мягко и тихо, словно добрый отец уговаривал плаксивого ребенка успокоиться.

Но Конан готов был поклясться, что глаза его леденели сейчас весьма неприятным блеском, схожим с мертвенным сиянием Имировых очей. Нечасто, но варвару приходилось встречать прежде подобных Красивому Зюку ублюдков, и он знал совершенно точно — только демон из царства Нергала мог быть более жестоким, бездушным и страшным. И, как всегда бывало с киммерийцем при столкновении с темной силой, волосы на затылке его приподнялись как у зверя, и верхняя губа дрогнула, на миг обнажив крупный белый клык. Всего несколько слов произнес вор, но Конану и того оказалось вполне достаточно, чтобы понять: перед ним серьезный противник. Такие не бывают рабами, а бывают только хозяевами. Может, и мордовороты-близнецы чувствуют в нем это? Потому и служат верой и правдой, в душе ненавидя и презирая...

Между тем Красивый Зюк продолжал:

— Не стоит ссориться из-за таких пустяков,— тут он слегка усмехнулся,— когда впереди нас ждут большие дела. Тино, ты хорошо подумал?

— Не отдам,— отрезал старый проныра, тем не менее бледнея.

— Ты неблагодарен,— еще тише и мягче проговорил Деб, но лоб Тино мгновенно взмок, и он начал судорожно вытирать его рукавом драной куртки.— Ты неблагодарен и упрям... Ты забыл, кто купил тебе сей прекрасный галеон, кто

вот уже без малого пятнадцать лет кормит тебя, поит... Послушай, друг мой, тебе никогда не предсказывали будущее?

Старик отрицательно замотал головой.

— Какое досадное упущение... Но я попытаюсь помочь тебе в этом. Затеяливое переплетение морщин на твоих дряблых щеках говорит мне о том, что... Ах, как жаль, Тино... Ты скоро уйдешь на Серые Равнины... Но сначала тебе отрежут одно ухо, потом второе, потом нос... А потом тебя швырнут в море с камнем на шее... Ужасная смерть... Не правда ли, дети? — Красивый Зюк обернулся к близнецам, даря их ласковой улыбкой.

Гана и Мисаил угрюмо кивнули, неловко при этом поклонившись. Тино же от страха был почти на пороге Серых Равнин: не просто бледный, но синий, он не мигая таращился на хозяина будто кролик на змею и хватал ртом воздух. Конан решил, что Дебу не придется выполнять свои угрозы — старик и так вот-вот помрет.

— Впрочем, никогда нельзя терять надежды... Отдай мне овцу, Тино... Отдай сам, и я подарю тебе другое будущее.

— Я заплатил за нее Свилио целое состояние! — вдруг сипло заверещал старик.— А ты хочешь, чтоб я уступил ее тебе просто так!

— Хочу,— невозмутимо кивнул Красивый Зюк.— Ох, как хочу, мой друг.

— Не-е-е-ет!

От пронзительного визга Тино даже у Конана заложило уши, а близнецов и вовсе передернуло. И тут голос подал Веселый Габлио.

— Пфу! — позевывая, сказал он.— Какой же ты глупец, старик... Ты что, только нынче познакомился с Дебом? Ты не знаешь, что он может сделать с тобой? Мне и представить-то сие страшно... И пусть Митра отвернется от меня, если к сумеркам ты сам — слышишь, сам! — не будешь на коленях умолять хозяина взять у тебя эту дерьмовую овцу и еще что-нибудь в придачу...

Здесь киммериец полностью был согласен с вором. Дурень Тино, хоть и трясся сейчас от безмерного ужаса, все

никак не мог сообразить, что иного выхода у него нет, что он только напрасно теряет время и испытывает терпение Красивого Зюка. Не ему, немощному полубезумному старцу, тягаться с сильными мира сего...

— Не так уж я страшен,— с милой улыбкой покачал головой Деб.— По сути, в душе я еще дитя. Немного избалованное, немного капризное... Потешь мой каприз, Тино. Отдай овцу.

— У тебя уже есть одна...— предложил последний аргумент старик.

— А мне нужно две,— легко засмеялся Красивый Зюк.

Конан заметил, что смех его и в самом деле был довольно неприятный, но не тембром, а смыслом; казалось, какой-то особенной нотой он затрагивает струну нерва, отчего в мозгу сразу разрывается целый сноп раскаленных искр — так холодное лезвие ножа касается свежей открытой раны. В прежние времена, когда для юного варвара любая усмешка в его сторону принималась за оскорбление, за такой смех он не задумываясь развалил бы весельчаку башку надвое.

— Ну зачем? Зачем тебе две, Деб? — в отчаянии воскликнул Тино, коему явно очень не хотелось расставаться со своим сокровищем.

— Чтобы завладеть всем миром,— с обычной улыбкой ответил Красивый Зюк.

Веселый Габлио поперхнулся вином, закашлялся. Старик был поражен не меньше: всем телом подавшись к хозяину, он начал разглядывать его с таким изумлением, словно узрел диковинного зверя. И только близнецы не проявили никаких чувств, из чего киммериец немедленно заключил, что они прекрасно осведомлены о безумных планах Деба.

— Да, друзья, да! — Шемит поднялся, с превосходством оглядел свою банду.— Когда к двум моим овцам добавится пастушка, я стану властелином мира!

Впервые, пожалуй, Конан уловил в голосе Деба истеричные нотки. Сверху он не мог видеть его глаз, но то, что сейчас они горели лихорадочным блеском, не вызывало никаких

сомнений. Бандит и вор оказался обыкновенным сумасшедшим, и, хотя киммериец испытывал к этой категории людей непреодолимое отвращение, все же темной силы Нергалова царства в Красивом Зюке не было, и сие уже облегчало задачу, ибо человек есть человек, и ничто человеческое ему не чуждо. Как истый варвар, Конан предпочитал схватиться с десятком отличных воинов, чем с одним магом либо демоном, чью черную душу он не мог понять...

— Платье пастушки,— тем временем вещал Деб, расхаживая по трюму,— покрыто древними письменами, кои являются ключом к некой магической формуле. Много лет назад мне в руки попал один интересный пергамент... Не стану рассказывать, друзья, каким образом я им завладел и каким образом узнал, что на нем начертано, а то наш Веселый Габлио снова обвинит меня в жестокосердии... Суть не в этом!

— Подожди-ка, Деб...— очнулся старик.— Какой ключ? Какая магическая формула? Я что-то не понимаю.

— Магическая формула написана стигийским мастером Хатхоном — между нами, я полагаю, что он принадлежал к магам Черного Круга — на овцах! Без них пастушка ничего не стоит — обыкновенная золотая безделушка! Но и овцы без пастушки — дерьмо, да и только. Лишь в том случае, если все три фигурки собраны вместе, они бесценны!

— Значит, пастушка — ключ, а овцы — магическая формула? — проявил сообразительность Веселый Габлио.

— Верно!

— А при чем тут пергамент, из-за которого ты запытал того человека? — сам того не замечая, толстяк ходил по краю пропасти.

— Я не запытал,— обиделся Красивый Зюк.— Он, кажется, выжил. Впрочем, он был так стар... Даже старше нашего Тино... Все равно на его пути уже мелькали облачка с Серых Равнин...

— О, Митра...— пробормотал старик, опуская глаза.

— Так пергамент-то при чем? — не успокаивался Веселый Габлио.

Деб, однако, пребывал в отличном настроении, а потому склонен был терпеливо отвечать на вопросы настырного вора, вместо того чтобы проявить свой истинный нрав.

— Там написано, как пользоваться ключом к магической формуле и что затем следует делать. Видишь ли, мой жирный друг, если овцы и пастушка попадут в твои руки, ты сможешь на них полюбоваться сколь угодно твоей душе истинного романтика, но хоть всю жизнь положи, а как заставить их действовать — ты не узнаешь. В моем же пергаменте сие указано во всех подробностях...

— Значит, тебе нужна пастушка и еще одна овца, чтобы стать этим... ну, властелином?

— О, Га-аблио... — прикрывая глаза, протянул шемит, якобы вне себя от восхищения. — Недаром, видно, лоб твой отмечен этим странным рогом... Несмотря на отталкивающую внешность, ты весьма проницателен...

Вор зарделся от удовольствия, заносчиво оглядел остальных. Так уж, видно, был устроен он природой — просто не замечать насмешки в свой адрес и любую похвалу, пусть даже высказанную таким тоном, как это сделал Красивый Зюк, воспринимать всерьез. Более киммерийца удивило другое: толстяк, кажется, вовсе не услышал отзыва бандита о его внешности и упивался одним лишь словом «проницателен».

Впрочем, и это явно было той же ошибкой природы — ведь всего день назад варвар откровенно сравнил его с обезьяной, но Веселый Габлио переиначил и его высказывание в свою пользу.

— Да, Габлио, да, — вздохнул Деб. — Мне нужна пастушка и еще одна овца, чтобы стать властелином мира. Ах, как мы с вами заживем тогда, друзья! Ты, Тино, получишь во владение все северные земли. А на твоем роге, о мудрец и философ, будет красоваться золотая корона Востока, усыпанная редчайшими самоцветами. Клянусь луноликой Иштар, тебе не придется о том жалеть. Восточные девы в любви горячи, в беседе скромны, а в доме покорны. Детям я отдам... Юг. Дикари сотворят из вас кумиров, мальчики. Да что кумиров — богов! Хотите быть богами? Конечно, хотите... Они будут молиться вам, приносить вам жертвы,

возводить храмы ваших имен! Только представьте: в Куше — храм Ганы, в Кешане — храм Мисаила...

«Размечтался!» — фыркнул Конан, жалея, что Красивый Зюк, разгуливая по трюму, не проходит прямо под ним. Тогда можно было б сквозь щель плюнуть ему на голову и...

— ... вы все — слышите? все! — будете купаться в золоте! — вдохновенно вещал Деб, не подозревая о страстном желании варвара оплевать его вместе с его радужными мечтами, да и о нем самом, возлежащем на крышке трюма, тоже не подозревая. — И только один бог останется на земле и на небе... Я! Для вас и для всех — я! Слышите?

— Я не отдам тебе овцу, — вдруг ляпнул Тино, багровея. — Я сам хочу стать властелином мира...

Конан чуть не расхохотался вслух, с брезгливостью и насмешкой глядя на эту развалюху, возжелавшую править миром благого Митры. Бандит, стремясь к тому же, был мерзок, страшен, но хоть не смешон. Вот и сейчас красивое лицо его исказила неприятная ухмылка, а из горла вырвался короткий смешок, от которого у Конана снова поднялись волосы на затылке.

Наклонившись над Тино, Деб похлопал его по сухой коричневой руке своей холеной дланью, потом сделал неуловимое движение и... Дикий животный вопль прорезал предусмотречную тишину, эхом отозвавшись со всех сторон порта. Красивый Зюк с недовольной гримасой отпрянул к своему месту, сел. На щеках его выступили пятна болезненного румянца, а ресницы дрогнули, прикрывая странный блеск карих глаз. Тино же, внезапно оборвав крик, в панике уставился на пальцы левой руки, кои болтались словно тряпичные, наспех пришитые кукле из балагана.

— О, Деб... — залепетал побледневший Веселый Габлио. — Зачем же ты здесь... Я не могу на это смотреть... Он и так отдаст тебе овцу, он просто пошутил...

— Пошутил? — приподнял ровные черные брови Красивый Зюк. — А ну-ка, Тино, скажи нам вразумительно, каковы намерения твои? Отдашь ли овцу? Нет ли?

Старик молчал. Узкие плечи его сотрясались от рыданий, кои klokотали под самой глоткой; губы тряслись, и

слюна вытекала из углов рта, крупными каплями падая на рубаху.

— Ну что же ты молчишь, Тино?! — выкрикнул Веселый Габлио, от ужаса срываясь на визг. — Отвечай ему! Отвечай, грязный ублюдок! Он переломает тебе все кости, если ты не отдашь ему проклятую овцу! А я не могу на это смотреть! Не могу!

Он простер руки к Красивому Зюку, с мольбой обзревая его бесстрастные черты.

— Отпусти меня, Деб. Прошу тебя, отпусти. Зачем я тебе? У меня нет ни овцы, ни пастушки... И я не могу видеть, как ты...

Вор в бессилии рухнул на свой стул и заплакал. Точные губы Деба изогнулись в презрительной усмешке. Не оборачиваясь, он махнул рукой близнецам, и те, подхватив Веселого Габлио под руки, поволокли его куда-то в угол — сверху Конану не было видно, куда именно. Во всяком случае, спустя пару мгновений они уже вернулись, так же молча встали на прежнее место, к стене.

— Вернемся к нашим овцам, Тино. — Голос Красивого Зюка снова звучал негромко и мягко. — Где ты прячешь свою, а?

— Здесь, — прохрипел старик, качаясь на стуле.

— В этой комнате?

— Под крышкой стола...

Бандит вытащил из-за пояса кинжал с длинным кривым лезвием, подцепил крышку и, слегка лишь надавив, отковырнул ее. По скрипу варвар понял, что сила для этого потребовалась немалая, и в душе его промелькнуло нечто похожее на уважение. Впрочем, сие чувство тут же и испарилось, сменившись другим. В белой руке Красивого Зюка он увидел маленькую золотую фигурку. Овца то была или нет, он не мог отсюда увидеть, но по реакции бандита нетрудно оказалось догадаться. Торжествующий его возглас слился с отчаянным стоном Тино, и даже угрюмые близнецы скривились от такого гнусного сочетания нот. Деб же запустил руку в карман и выудил оттуда точь-в-точь такую же золотую фигурку; затем поставил их рядом и откинул-

ся на спинку стула, любуясь своим достоянием. В ответ киммериец достал из мешка пастушку, водрузил ее на крышку трюма таким образом, что, если смотреть на нее чуть под углом, она казалась стоящей вместе с овцами, и попробовал разобрать вязь на ее платье. Действительно, то были древние письмена — однажды Конан видел такие на стене в доме черного мага, — но, конечно, понять их он не умел, а потому убрал пастушку обратно в мешок и вновь занял наблюдательный пост. Словно почуяв что-то, Красивый Зюк поднял голову — варвар едва успел метнуться в сторону, и тень его, слава огненному оку Митры, прошла в волосе от крышки. И все же бандит насторожился. Кивком показав Гане и Мисаилу на лестницу, он холодным змеиным взглядом проводил их широкие спины, не забыв при этом убрать овец в карман.

Сквозь щель киммериец смотрел, как поднимаются по лестнице близнецы, невозмутимые словно зомби, а когда лицо первого приблизилось и он увидел его глаза, ему открылась весьма неприятная истина: эти двое точно были сыновьями Красивого Зюка, а потому как бы он им противен ни был, защищать его они станут непременно. Как же мог талисман так ошибиться, утверждая, что у таких, как Деб, не может быть детей... Сплонув, Конан подхватил мешок и мягко отпрыгнул от крышки.

* * *

Теперь ему оставалось только найти Висканьо. Прилепившись к правому борту с внешней стороны огромной морской звездой, припиленной к старому судну, варвар слушал осторожные шаги близнецов, кои то приближались, то снова отдалялись, и клялся Крому не оставить на этом вонючем галеоне ни одной живой души, если Деб сотворил с рыжим такую же подлую штуку, как со старым Тино. Спина его покрывалась холодным потом, когда он представлял переломанные тонкие пальцы Виви; ему чудились жалобно смотрящие на него зеленые глаза мальчишки, а потом добрая и растерянная улыбка Кармио Газа... Если б только он мог знать, что с талисманом... Узри киммериец мертвое тело его,

и ему останется только раскрошить всю эту поганую шайку и отправиться к купцу с головой Деба. А вдруг рыжий жив и невредим? И тогда нужно будет всего лишь отобрать у бандита овец и вызнать, где он прячет Висканьо. Конечно, такие, как Красивый Зюк, не открывают свои тайны первому встречному, и сила духа их достаточно крепка, чтобы выдержать любую боль, но Конан на то и не рассчитывал. Зато он мог бы обменять Биви на пастушку — если только парень жив. Участь же самого Деба в любом случае представлялась киммерийцу решенной: таким ублюдкам место на Серых Равнинах, и нигде более. Но для того, чтобы узнать судьбу рыжего, надо его отыскать. А где он может быть, кроме как не здесь же, на старом галеоне?

Наконец шаги затихли. Конан снова поднялся на палубу, но к трюму подходить не стал — он узнал тайну Красивого Зюка, а имея пастушку, можно было пока не беспокоиться о дальнейших действиях бандита — ясно, что тому придется несколько потерпеть, прежде чем он станет властелином мира...

Ярко-белое око Митры уже наполовину опустилось в фиолетовые воды моря Запада; лучи его еще светили сквозь широкие щели в борту галеона, с каждым вздохом темнея и ускользая в черную глубину, ко дну. К тому времени, когда на поверхности остался лишь самый край солнца, киммериец обшарил все судно, но никаких следов пленника не обнаружил. Рискуя нарваться на Гану и Мисаила, он заглядывал в углы и отсеки, хриплым шепотом взывал в сумеречную тишину, всякий раз замирая и прислушиваясь в надежде разобрать посторонний звук. Но только ровный шум моря, плеск волн да голоса из трюма доносились до его ушей. Рыжий был мертв — уверенность в том крепла, и лишь тень сомнения витала в душе, но так отдаленно, что ее можно было спутать с каким-либо иным чувством — например, с голодом или жаждой. И то и другое киммериец испытывал с тех самых пор, как взобрался на галеон и припал ухом к щели в крышке трюма. Сейчас же под ребрами его подсасывало так тоскливо, так смачно, что вскоре только сии звуки и выделял варвар из общего хора окружающей его среды.

Усталый и обозленный, он вернулся на прежнее место и, ничуть не беспокоясь о том, что его услышат, вновь растянулся у крышки, сунув нос в дыру и с вождением вдыхая волшебные запахи. Там уже начинался пир. Гана и Мисаил накрывали на стол со сноровкой вышколенных слуг, но с лицами по обыкновению насупленными и недвижимыми.

Красивый Зюк, наоборот, сиял; благодушная улыбка, подходящая ему примерно в такой же степени, как юной красотке подходят покрытые густой шерстью ноги, не сходила с его губ; умиротворенный взгляд скользил по комнате, не останавливаясь ни на чем — ни на толстых руках сыновей, что мелькали прямо перед ним, расставляя кушанья, ни на вытянутой физиономии Тино с застывшим, кажется, навсегда выражением вселенской печали, ни на лоснящейся роже Веселого Габлио, снова занявшего свое место у стола, снова растянувшего в бессмысленной ухмылке красные вывороченные губы и снова румяного и довольного жизнью.

Разнообразие напитков и яств чуть было не заставило Конана забыть первоначальный план и спрыгнуть вниз — поторговаться с бандитом по поводу талисмана и пастушки, а заодно хорошенько подкрепиться. Но тут опять начался весьма интересный разговор, и ему пришлось, сглотнув слюну, опять обратиться в слух.

— А что, Деб, ты и впрямь хочешь стать властелином мира? — спросил Веселый Габлио, запихивая в рот кусок ветчины.

— Да, мой друг, — наконец сфокусировал свой рассеянный взгляд на носу вора Красивый Зюк.

Конан скривился: в устах шемита слово «друг» звучало так погано, будто тот передразнивал Кармио Газа в дурной манере бездарного лицедея.

— Гы-гы-гы! — развеселился вор. — Наш Деб — властелин мира! А неплохо ты будешь смотреться на престоле рядом с самим благим Митрой!

— Ты что, видел Митру? — хладнокровно отвечал Красивый Зюк.

— Нет. А ты?

— И я нет. Но в душе я тоже Хранитель Равновесия...
— Как это? — открыл красную пасть Веселый Габлио.
— Просто, — пожал плечами бандит, двумя пальцами аккуратно беря со стола пучок зелени. — Мир несправедлив... Вы еще не заметили этого, друзья мои?

Только варвар кивнул, соглашаясь в этом вопросе с бандитом, но все же имея на счет устройства мира и собственные соображения. Шайка же Деба хранила молчание, видимо не совсем понимая, куда все-таки клонит хозяин.

— А я заметил. И давно. Возьмем, к примеру, нашего доброго Тино. Что сделал в жизни сей достойный муж? А? Отвечай мне, милый.

— А что я... Я ничего... — забормотал старик, не глядя на шемита. — Почему я-то...

— Много лет назад некая женщина имела такое несчастье родить его. От кого? Вряд ли от красавца и умницы... Скорее, отцом Тино был бедный крестьянин, от зари и до зари проливающий пот в поле. А ну-ка, дети, и ты, Габлио, представьте себе этого господина. В руки его навеки вьелась грязь, волосы жидкие и сальные, в глазах ни блеска, ни ума, ни желания чего бы то ни было... Он возвращается домой еле живой от усталости и хрипит жене: «Давай жрать... Ну!» Она подает на стол бобовую похлебку с ломтем черствого хлеба, который испекла еще прошлой луной, и кружку прокисшего пива. Как вы думаете, нравится ли отцу Тино такая жратва?

— Пфу! — Веселый Габлио сделал вид, что сейчас его вырвет.

— Ошибаешься, друг. Нравится, и даже очень. А знаешь, почему?

Вор помотал головой, с восхищением взирая на столь рассудительного и мудрого хозяина.

— Да потому, что он в жизни не ел ничего иного! Он...

— Отец... — подался вперед один из близнецов, судя по кубку с вином в тяжелой руке — Гана. Киммериец впервые услышал его голос — густой, но такой негромкий и робкий, словно парень вообще не привык говорить, а умел лишь умно молчать. — Там кто-то есть.

Он не показал, где именно кто-то есть, но варвар и без того понял, что чуткий Гана каким-то образом уловил присутствие на судне чужака, то есть его, Конана. Пришлось ему снова оставить наблюдательный пост и, засунув мешок и меч под доску, перелезть за борт. Но на сей раз он не стал лепиться к дырявому боку галеона морской звездой — что хорошо однажды, может стать плохо дважды, — а осторожно опустился в море, благодаря Митру за ночь, которая обязательно сменяет день... И Деб еще говорит о неверном устройстве жизни человеческой? Да кто и что, кроме ночи, умеет лучше прятать?

... Длинные черные пряди варвара плавно покачивались на воде подобно водорослям морским; синие глаза, во мраке ставшие черными, блестели насмешливо, пока гулкие шаги близнецов слышались в тиши. Вот они обошли галеон, вот догадались посмотреть за борт... Дурни! Разве может шемит отыскать киммерийца, да еще ночью? Губы варвара дрогнули в гордой ухмылке. Он мягко оттолкнулся ногой от судна и поплыл вдоль него, намереваясь вскарабкаться теперь на всякий случай с другой стороны. Внезапно его рука, легко и бесшумно рассекавшая воду, коснулась чего-то твердого. Лодка? Или ящик? В темноте глаза Конана видели ненамного хуже, чем при дневном свете, а потому, лишь обогнув предмет, он уже понял, что это. Нашупав сверху щель, он просунул в нее пальцы правой руки, нажал. Щель стала чуть шире, и тогда, беззвучно послав хвалу Крому и Митре, варвар втиснул в нее всю пятерню другой руки, до крови обдирая кожу с пальцев; потом сильно рванул, очень надеясь, что треск останется для бандитов незамеченным. Кром (да и Митра, наверное) был явно на стороне Конана. Ящик — а то оказался обычный деревянный ящик, узкий и высокий — развалился надвое с первого раза. Варвар протянул руки, уже зная, что в них сейчас попадет, и в душе моля всех богов сразу об одном... Он едва успел подхватить это, тут же камнем пошедшее ко дну, удержать на поверхности... Нечто холодное, мокрое, бывшее когда-то живым... И рыжим... Киммериец содрогнулся.

Глава восьмая

Виви безвольно обмяк в его руках, кажется, совсем не дыша. Но Конан уже увидел — только самые концы его длинных волос намокли, верх же головы остался сух, так что можно было надеяться, что талисман не захлебнулся, а просто потерял сознание от долгого пребывания в воде.

«Вот навязался на мою голову», — с досадой прошептал киммериец, взваливая его тощее тело на плечо. Кости рыжего тотчас впились ему в щеку и почему-то под лопатку, как будто тот нарочно уперся туда своими острыми коленками. Беспреданно сплевывая, варвар полез наверх, теперь уже хватаясь за прорехи в борту только одной рукой, да еще помогая себе пальцами ног — второй рукой он придерживал талисмана, опасаясь, что тот снова свалится в воду и тогда уж наверняка утонет, ибо Митра вряд ли позволит Конану спасти одного и того же человека в третий раз.

На палубе его ждало достаточно неприятное открытие: Гана и Мисаил еще не убрались обратно в трюм, а потому киммерийцу пришлось затаиться в наиболее темной сейчас носовой части судна, проклиная бдительных близнецов вместе с их папашей. Братья между тем не спешили вниз.

— Никого нет, Ми, — прошептал один буквально в трех шагах от варвара. — Пойдем к отцу.

— Опять слушать его болтовню? Надоело. — Голос Мисаила был еще гуще, чем у брата, и в нем ясно слышались нотки самого Красивого Зюка.

— Говори тише...

— Зачем? Рыжий не услышит, а его приятель, сдается мне, до сих пор сидит у Свилио...

— Пытается его разговорить... — хмыкнул и Гана.

— Ты думаешь, пастушка у северянина?

— А у кого ж еще... Надеюсь, он уедет из города до того, как отец его найдет...

— И я... Слушай, Гана, давай выпустим рыжего... У меня и так было на душе неспокойно, что мы его бросили в Хорот, а теперь...

— Да что ж нам оставалось делать? Тогда отцу ничего б не стоило собрать вместе все фигурки... Он для того и посылал нас в Стигию, за этим талисманом... А отпусти мы парня сейчас, и опять придется искать его по миру... Без него-то он точно не найдет свою пастушку...

— Тыфу ты, напасть... И сотворит же бог такое чудо, как этот рыжий болван... Чтоб другие болваны им пользовались... Вот и отец — властелин мира, Нергал его заberi...

— Тебе не кажется, Ми, что он рехнулся?

— Давно кажется... Гр-р... Весь мир ему подавай...

— Тихо... Это он зовет?

— Он...

Огромные черные тени близнецов шмыгнули к трюму. Затем Конан услышал скрип открываемой крышки, хлопок и — тишина. Оставив рыжего на носу галеона, киммериец быстро вернулся к своему наблюдательному посту. Он даже успел увидеть широкие спины братьев, спускающихся с лестницы, а в остальном внизу ничего не изменилось. Скучно смотрел в одну точку Красивый Зюк, дожидаясь прихода сыновей, — варвар подумал, что вещал он, как видно, нарочно для них, ибо до их возвращения молчал; чавкал и хрюкал, поглощая пищу, Веселый Габлио; старик все качался на стуле, тихонько подвывая и баюкая изувеченную руку, словно пел колыбельную младенцу. Как только Гана и Мисаил, поклонившись отцу, заняли свои места у стены, Красивый Зюк заметно оживился. Улыбка вновь искривила его губы, и он обвел благосклонным взглядом каждого присутствующего.

— Итак, друзья, мы с вами говорили о родителях нашего милого Тино...

— Это ты говорил, — фыркнул Веселый Габлио, — а мы тебя слушали...

Но, подняв глаза на хозяина, он, видно, натолкнулся на его вмиг поледеневший взгляд, поперхнулся, закашлялся и смолк. Жирные плечи его съезжились, и сам он стал как будто меньше ростом и комплекцией.

— На чем я остановился? — спокойно спросил его Красивый Зюк.

— На том, что отец Тино в жизни не жрал ничего, кроме бобовой похлебки и черствого хлеба... — пробурчал себе под нос вор.

— Верно, друг. А теперь кто ответит мне: если его родители жили именно так, как должен был жить Тино?

— А Нергал его знает... — ответил опять Веселый Габлио. Судя по всему, его мало волновала предполагаемая судьба старика.

— Я скажу тебе. Он должен был жить так же!

Шемит произнес последние слова так значительно и с таким торжеством осмотрел всех, что Конану снова захотелось придавить его. Но пока он ограничился тем, что шепотом выругал трепливого бандита ублюдком и отродьем Нергала; и все же ярость его несколько улеглась после того, как нашелся Висканьо — в глубине души Конан испытывал к Дебу даже нечто вроде благодарности за то, что тот не прикончил талисмана, хотя он и понимал, что дело тут было вовсе не в справедливости и тем более не в доброте.

— А как живет Тино в действительности? Всякий день он употребляет пищу, которая и не снилась его отцу. Дом его — сей чудесный галеон, а если он пожелает купить к нему приличную лодчонку — почему бы и нет? Денег у него, поверьте мне, друзья, навало. И даже в мыслях ему страшно представить, что он мог бы от зари до зари пахать поле, выращивая злаки, как то делал его отец.

А теперь поговорим обо мне. Я родился в знатной и богатой семье, где меня холили и лелеяли как наследного

принца. Добрая дюжина лучших в Эруре наставников обучала меня всевозможным наукам. Я знаю грамоту, я умею начертить карту всего света, и даже с черным дикарем из Пунта я смогу побеседовать на его языке. Я — избранный. А Тино — нет. Но он живет на земле лишь чуть проще и беднее, чем я. Так неужели же это справедливо? Он рожден быть нищим. Я рожден быть богатым. Наши пути никогда не должны были пересечься, но...

— Так если б ты не воровал, ты бы с ним и не встретился никогда, — пожал плечами глупый Веселый Габлио.

— Кто знает, друг, кто знает... На все воля Митры... Во всяком случае, пока... Дети, садьте за стол. Вы тоже рождены быть богатыми и знатными, а ваша судьба повернулась таким образом, что вы служите собственному отцу... Ах, какая несправедливость...

— Отцу? Какому отцу? — вытаращился вор на Красивого Зюка.

— Мне, конечно, — ответил грустно тот.

— Так ты отец Ганы и Мисаила?

— Ты что ж, до сих пор этого не понял?

— О-о-о, Деб...

На спину варвара вдруг легла тонкая легкая рука.

— О чем это они, Конан?

Вполне оправившийся рыжий талисман с тревогой смотрел на киммерийца.

— О детях Деба, — шепотом ответил Конан, сбрасывая его руку.

— У него что, есть дети?

— Прах и пепел... Молчи, дурень.

Близнецы уселись по обе стороны от Красивого Зюка, молча принялись за еду. Он посмотрел на того и на другого с ласковой улыбкой, смахнул с левого глаза слезу, которой там точно не было — Конан и сверху отлично видел его чистое лицо, — и, глубоко вздохнув, вновь принялся разглагольствовать.

— Так вот, верные мои друзья. Когда я стану властелином мира — а это, надеюсь, случится довольно скоро, надо только найти того северянина и забрать у него пастушку, —

я восстановлю справедливость на всей земле. Бедные будут бедными, и никогда не смогут вырваться из круга своего. Богатые не скатятся вниз, и сколь бы ни кутили они, сколь ни транжирили деньги, они все равно останутся богатыми... Конечно, я разработаю и систему наказаний для тех и других... Ох, все же нелегкая это работа — властвовать над миром... Но что делать! Кто-то же должен сим заняться, если Митра один не справляется...

Тут Красивый Зюк опять противно захохотал, хлопая по могучим плечам сыновей. Варвар сплюнул, едва не попав на Виви, и сунул руку под доску, где лежал его мешок и меч — более терпеть наглость бандита он не мог.

— Ты что это, Конан? — испуганно зашептал рыжий. — Никак вздумал драться с этой тварью?

— Ты же мой талисман, — насмешливо ответил киммерец, наконец напавшая свое имущество.

— О, Митра... О, Митра... — зачастил Виви. — А Гана и Мисаил? А недоноски Тино и Веселый Габлио? Тьфу, Кони, нам их не одолеть. Лучше отвалим отсюда, пока не поздно...

— Клянусь Кромом, я сейчас выкину тебя обратно в море, если не заткнешься, — злобно прошипел варвар, отталкивая парня. Он отлично понимал, что затеял рискованное дело, ибо если упомянутые рыжим Тино и Веселый Габлио явно были не страшнее пары мышей, то близнецы с их папашей без сомнения стоили многого. Но он уже решил для себя, что схватки с Красивым Зюком и его прихвостнями не избежать. Да он и не хотел ее избегать. Митра свидетель, кроме Ганы и Мисаила им всем было самое место на сопках Серых Равнин, ибо не иначе как Нергал породил каждую из этих чванливых обезьян, в душах коих был один лишь мрак.

— А теперь, друзья, пора спать. К полудню мы с талисманом отыщем северянина и заберем у него пастушку, а потом...

— Дырку в печени ты получишь, а не пастушку! — прогремел Конан, одновременно распахивая крышку трюма. — И Кромом клянусь, не потом, а сейчас!

* * *

Талисману показалось, что черное небо обрушилось на него со всего размаху — он не то что не имел никакого желания помериться силою с Красивым Зюком и его детьми, но и просто умирал от страха при одной только мысли о том, что увидит их еще раз. До сих пор у него не было оснований сомневаться в волшебном даре богов, но прежде ставкой не являлась жизнь!

С самого начала знакомства с варваром рыжего поражала и восхищала его природная мощь, и все же сейчас против него выступали ничуть не менее здоровые близнецы — бугры их мускулов казались Висканью такими же твердыми, а кулаки такими же крепкими. Да и сам Деб Абдаррах, хотя и выглядел изнеженным и мягким, на деле обладал душою черной, а сердцем железным. Глаза его уже не раз чудились Висканью в кошмарном сне — как будто осколки холодного черного камня вживил ему Нергал, а из бездонных черных зрачков веяло дикой и злобной силой. Ровные белые руки его — талисман был уверен — в былые времена омывались чужой кровью как водой и запросто могли свернуть не слишком толстую шею; вообще от Деба так и исходила телесная мощь, отличная от той же мощи киммерийца тем лишь, что имела иное начало и иную природу, и в случае битвы Конану следовало бы задаться вопросом: а чья же природа сильнее? Красивого Зюка, пьющая сок из темного царства демонов? Или варварская, дикая и необузданная, но все-таки человеческая? Виви не мог знать ответа. А Конан, по всей вероятности, и не желал его знать. Скороговоркой испросив у Митры поддержки, рыжий пискнул от страха и кубарем скатился вслед за киммерийцем с лестницы, ведущей в трюм. Первые несколько мгновений он лежал, зажмурившись, а когда решил открыть глаза, сердце его сжалось в крошечный тугой комок да так и замерло, забыв даже о своей прямой обязанности равномерно стучать.

Перед Конаном, что двигался медленно и плавно, словно огромный тигр, чуть ссутулившись и зажав в двух руках меч, — спокойно стоял Красивый Зюк. Он не сделал и шага

назад; вперив в киммерийца невозмутимый взор, он улыбался ему одной из своих гнусных улыбочек, что прежде так нравились талисману и что так раздражали его сейчас. «Не теряй же времени, Кони! — мысленно молил друга рыжий. — Руби его скорей!» А Конан и не думал терять времени. Оборвав плавное движение, он вдруг перекинул меч в правую руку, резко метнулся к бандиту и без размаха кольнул. Лишь на полвздоха ощутил Виви торжество победы. Деб, который, казалось, не двигался с места, каким-то образом избежал смертельного удара. Клинок прошел в волосе от его бока, а он так и продолжал стоять, улыбаясь противнику и даже успев до следующего его выпада подмигнуть талисману. Но и второй удар Конана не достиг цели, хотя на сей раз варвар был начеку. Перед тем же, как он поднял меч в третий раз, Гана и Мисаил рывком бросились ему навстречу, в какую-то долю мига умудрившись перехватить руку киммерийца.

Висканьо окаменел от ужаса. Меч его друга, отброшенный далеко в сторону, теперь ничего не стоил. Схватка закончилась не начавшись, и закончилась не в их пользу. Зрители — а их было четверо — наблюдали за рычащим и мычащим клубком из трех мощных мужских тел, но только один из них, Красивый Зюк, улыбался по-прежнему. Тино била крупная дрожь; иногда он вдруг на пару мгновений замирал, а потом снова начинал трястись в бешеном темпе.

Бросив на него случайный взгляд, Виви подумал, что исход драки ему гораздо более интересен и важен, чем это могло показаться по его поведению накануне, и победы он ждет и хочет отнюдь не для близнецов. Ненависть, промелькнувшая в тусклых глазах его, открыла талисману маленькую и не слишком значительную тайну: старик не выносил Красивого Зюка, а потому и жаждал поражения его детям — то есть ему самому. Веселый Габлио, видимо, имел похожее мнение. На драку он взирал с отвращением, а как только варвар оказывался сверху и подминал под себя братьев, нечто вроде удовлетворенной ухмылки пробегало по его толстым губам.

Естественно, что Деб с его черной кровью не мог всего этого не почувствовать. Но заметил сие только рыжий. Укоряя благого Митру за то, что тот при рождении наделил его обычными, а не косыми глазами, Висканьо лихорадочно пытался уследить одновременно и за Конаном и за Красивым Зюком.

Варвар дрался как лев. Тело его, такое огромное и массивное, выворачивалось из железных рук близнецов с гибкостью кошки, так что мускулы перекручивались на спине подобно канату.

При этом сам он давил их с яростью плененного пикта — Виви слышал, что именно пикты бьются с любим, даже очень сильным врагом до последней капли крови и никогда не просят пощады. Когда рука его вырывалась из тисков братьев, она опускалась на них с такой силой, что рыжему чудился хруст костей. Но тех все-таки было двое. Все реже и реже удавалось Конану сбросить их с себя, и все чаще они накрывали его своими широкими телами, не давая вздохнуть...

А вот Гана и Мисаил — как язвительно заметил про себя рыжий — дрались не как львы, но как глухонемые, ибо если киммериец чисто звериный рык перемежал обрывками угроз и оскорблений, то близнецы лишь мычали и тяжело сопели, пытаясь закрутить руки противника на его же спине. Кулаки их при этом не взлетали над головой варвара, то ли потому, что они не хотели причинять ему вреда, то ли просто по приказу отца, коему нынешний владелец пастушки пока нужен был живым.

Змеинный взгляд Красивого Зюка незаметно для остальных переместился на лица дерущихся. Злорадная усмешка исказила его чистое лицо, огрубив и без того жесткие черты. Видимо, бандит задумал нечто такое — решил талисман, — что в конце концов оставит его наедине с самим собой. Для Тино и Веселого Габлио в глазах Деба не было жизни. Туман Серых Равнин отражался в них так явственно, что рыжего даже передернуло. Он понимал: ему и варвару бандит не готовит смерти, ибо слишком дорог волшебный дар и золотая пастушка. Но старик и вор более не

покинут это судно — будущий властелин мира уже готовился восстанавливать лишь ему понятную справедливость.

Висканьо с отвращением отвернулся от Дебовых жутких глаз, и в этот же момент тяжелый кулак одного из братьев врезался в висок киммерийца — как видно, парни потеряли надежду скрутить его без применения грубой силы. Мгновенно рыжий забыл и о коварном Красивом Зюке, и о печальной участи, ожидающей его прихвостней, и о пастушке с овцами. Дико взвизгнув, он камнем ринулся на Гану и Мисаила, что вязали руки потерявшему сознание варвару, и вцепился острыми зубами в предплечье ближайшего.

Страшный удар отбросил его прямо под ноги Дебу. Тот брезгливо сморщил нос, отошел в сторону. Ни слова не произнес он, пока близнецы обматывали веревкой Виви, ни слова, пока тащили сначала Конана, а потом рыжего в угол трюма, где находилась незаметная с первого взгляда дверь в кладовую. Огромный железный засов с лязгом въехал в паз, и талисман оказался в полной темноте каморки, такой крошечной, что согнутые ноги его упирались в теплый бок неподвижно лежащего Конана. Виви яростно плюнул на дверь; потом сердце его заныло, тяжело подпрыгнуло, ударившись в узкую грудь, и он заплакал злыми слезами, кусая пальцы и горько сетуя Митре на свою несчастную судьбу.

* * *

Он так долго и вдохновенно плакал, что в конце концов втянулся в процесс и начал уже всхлипывать с наслаждением, дышать прерывисто и соленую влагу глотать словно сладкое вино. Из трюма его рыданию вторили крики и вопли, гневные возгласы и звуки ударов. Но Висканьо и не подумал придвинуться к щели, чтобы полюбопытствовать, что там происходит. Гораздо приятнее оказалось упиваться собственным горем, вознося упреки всем приличным богам по очереди и вслух в подробностях рассказывая себе о себе же самом. Поэтому, когда дверь вдруг распахнулась и Красивый Зюк за ноги выволок из каморки Конана, а потом за шиворот и Виви, талисман, стоя на четвереньках,

с искренним недоумением оглядел трюм, где недавно происходили столь важные в его жизни события.

Кроме бандита, который явно не был расположен по обыкновению разлагольствовать и улыбаться, здесь никого не было. Ни старого глупого Тино, ни жирного бахвала Веселого Габлио, ни мрачных близнецов Ганы и Мисаила — никого. Все, что до того находилось на столе, оказалось на полу, к тому же раскрошенное и раздавленное чьими-то сапогами; вино из всех кубков, открытых и разбитых бутылей слилось в одну огромную лужу цвета розово-желтого; щегольская куртка вора валялась в этой луже, разодранная ровно посередине.

Открыв рот, обозревал талисман сие безобразие; затем взгляд его наткнулся на кожаные, матово поблескивающие сапоги Красивого Зюка; поднялся выше, к бархатным коротким штанам, кои любят носить богатые модники; к белоснежной рубашке, полы которой выбились и висели почти до колен; к твердому упрямому подбородку, к презрительно сжатым губам, к черным глазам — ему показалось, сплошь черным, без белков...

— Ну, мой юный друг. — Голос бандита звучал холодно, так, как и должен был бы звучать всегда в соответствии с его жестким взглядом. — Ты не передумал?

— Деб, я... Нет, не передумал...

— Сядь, — Красивый Зюк кивнул на единственный стоящий на ножках стул, сам поднял с пола другой и уселся, положив ногу на ногу. — Не забыл, о чем я рассказывал тебе в Собачьей Мельнице?

Висканьо помотал головой.

— Так вот, приятель. Овцы уже у меня. Обе. Осталось только присоединить к ним пастушку, и... И Аргос будет твой. Ты ведь хочешь этого?

— Не знаю, Деб...

— А я знаю — хочешь. Где пастушка?

— У меня ее нет...

— Ты отдал ее северянину?

— Я не отдавал... Он... Отпусти его, Деб...

— Не могу, милый мой талисман. Мне нужна пастушка. Я же говорил тебе — без нее овцы ничего не стоят.

— Отпусти его... Тогда я останусь с тобой...

— Такая сделка меня не устраивает. Или ты и пастушка, или пастушка без тебя. Выбирай сам. А этот... Пожалуй, к его шее даже не придется привязывать камень — он так тяжел, что сразу пойдет ко дну.

— Не надо! Не надо, Деб, я прошу...

— Где пастушка?

— Пошла купаться. — Хриплый голос Конана заставил Виви вздрогнуть, с надеждой посмотреть в потемневшие синие глаза друга.

Красивый Зюк не пошевелился. Молча, без всякого выражения на гладком лице глядел он, как тяжело поднимается связанный по рукам и ногам киммериец, как встает сначала на колени, потом приваливается боком к столу...

— Конан... Отдай ему эту вонючую пастушку, — жалобно сказал талисман, обмирая при мысли о том, что бандит может в любой момент оттащить беспомощного варвара к борту и сбросить в море.

— Почему же она вонючая? — позволил себе усмехнуться Красивый Зюк. — Золото не пахнет. Ты еще не знаешь об этом, Виви?

— Не называй меня так, Деб...

— Где пастушка?

— На дне, — фыркнул Конан, в упор глядя в черные глаза бандита. — Или ты еще не понял, ублюдок?

— На каком еще дне? — Белое лицо Деба медленно начало покрываться такой мертвенной синюшностью, что рыжий вдруг исполнился надежды, что он сейчас умрет. Увы. Пока шемит был еще жив и даже не особенно расстроен. Лицо его в мгновение приняло обычный свой цвет; пожав плечами, он уставился своими страшными глазами на Висканьо, улыбнулся. — Даже если так... Мой талисман со мной, верно? С тобой, мой юный друг, я легко отыщу ее хоть в самом сердце земли.

— Я не твой, — отказался рыжий. — Я — его.

— Ты мой, — спокойно качнул головой Деб. — А его сейчас не будет.

Он встал, без видимых усилий подхватил под мышки крепко спеленатого веревкой киммерийца и потащил по лестнице вверх.

— Нет! Нет, Деб, не надо!

— Заткнись, Виск!

Конан мотнул головой так, что черная грива его хлестнула по гладкой белой щеке Красивого Зюка. Огромное тело дернулось в бесполезной попытке порвать веревку и... Бандит, который как раз в этот момент занес ногу над палубой, потерял равновесие и вместе с варваром повалился вниз, увлекая за собой и бегущего за ними следом талисмана.

— Прах и пепел! — взревел киммериец, на коего упали оба. — Тебя уже ноги не держат, старик?

— Я не старик! — огрызнулся Красивый Зюк, поднимаясь и отряхивая штаны.

— Ты не старик, Деб! — почти искренне воскликнул Висканьо. — А если ты позволишь мне развязать Конана, я пойду с тобой искать пастушку!

С этими словами он, не дожидаясь испрашиваемого разрешения, кинулся к варвару и рванул веревку на его ногах. Сильным пинком Красивый Зюк отшвырнул его в самую винную лужу, но от идеи немедленно утопить киммерийца, кажется, отказался.

— Нергал с тобой, северянин! Лежи пока здесь, а я с рыжим схожу за пастушкой...

Он легко выдернул Висканьо из лужи, подпихнул к лестнице. Перед тем как ступить на палубу, талисман обернулся на лежащего внизу Конана — варвар подмигнул ему, потом перевел взгляд на Деба, который тоже поворотил к нему лицо, и, глядя прямо в черную мглу его жутких глаз, сплюнул на пол, умудрившись в одном плежке показать всю степень своего крайнего отвращения к такого рода козлам.

Красивый Зюк действительно вызывал в нем такие чувства. Но если б киммериец умел краснеть, он давно залился б наикраснейшей в мире краской: никогда еще он не испытывал такого позорного поражения. Конечно,

не все его приключения прежде заканчивались победой, но и проигрывая он оставлял своим противникам незаживающие раны, а то и отправлял их на дорогу к Серым Равнинам.

Нынешняя же схватка имела печальные последствия лишь для него самого, да еще, может, для юного талисмана, но ни Деб Абдаррах, ни близнецы никак не пострадали. И виною сему была только его собственная глупость и самонадеянность. Вооруженный, он не смог справиться пусть и с тремя, но безоружными! Два бесцельных удара мечом оставили страшные раны на гордом сердце варвара. Как, должно быть, смотрел на него сейчас Кром — суровый бог Киммерии...

В бессильной ярости Конан дернул ногами и... Веревка показалась ему несколько ослабшей. Отчаянный рывок Висканьо все-таки принес свои плоды... Варвар напряг все силы, чувствуя, как трещат узлы и волокна, попробовал подтянуть левую ногу, затем правую...

Вены на его руках, ногах и шее вздулись, на лбу выступили крупные капли пота. В последней иступленной попытке он извернулся, вцепился зубами в болтавшийся конец веревки и резко откинул голову — спустя миг ноги его были свободны.

* * *

— А где Тино, Деб?

— Там же, где и пастушка. — В темноте Виви не мог видеть лица бандита, но по его голосу понял, что сейчас губы его снова растянулись в мерзкой ухмылке.

— И... И Веселый Габлио?

— С ними... Как ты думаешь, друг мой, они вспоминают обо мне там, на Серых Равнинах?

— А близнецы... — ошарашенно пробормотал талисман, уставясь на белые руки Деба, поднимающие вспыхнувший белым неярким светом фонарь. — Ты и их тоже... утопил?

При этом вопросе ухмылка сбегала с губ Красивого Зюка. Черты его исказила злобная гримаса; он дернулся,

отворотил взгляд от рыжего и поставил фонарь на палубу, словно для того, чтоб Висканьо не мог видеть его лица.

— Они ушли от меня. Недоноски... — прошипел бандит, кривя рот. — Такие же, как их неверная мать...

Впервые рыжий услышал такие чувства в его тоне, и почему-то это его порадовало — словно и он, как недавно киммериец, понял, что демоны из царства Нергала в рождении шемита никак не замешаны, а значит, он тоже человек, хотя и гнусный.

— Всё дерьмо. И везде одно дерьмо... Одно только сплошное вонючее дерьмо... Но я их отыщу. Потом. Деньги — вздор... Дети — мое единственное стоящее имущество... Ты поможешь мне в моих розысках, Висканьо?

— Если ты отпустишь Конана.

— Но сначала я должен достать пастушку. Подойди-ка сюда... Он забрался на галеон с этой стороны?

— Откуда мне знать?

— С этой... Вон порт, оттуда он и явился. И трюм тоже тут. Получается, что он утопил пастушку здесь. Я прав?

— Я только талисман, Деб... Решай сам...

— Нергал его знает... Он мог зашвырнуть ее далеко... Прости меня, мой юный друг, но я должен тебя связать. Никому — пойми, никому — нельзя доверять... Даже собственные дети бросили меня одного! А ты ведь можешь вернуться в трюм, пока я тут купаюсь... Признаюсь тебе честно — не хочу я лежать на дне, да еще в компании Тино и Веселого Габлио... — Бандит засмеялся, обматывая тощее тело рыжего канатом толщиной в три пальца. — Не робей, талисман! Скоро ты станешь императором всего Аргоса! Представляю себе: рыжий на престоле! Это смешно! Ха!

Он что-то прошептал себе под нос — причем Висканьо ясно разобрал слова «Три времени Сета... Второе сейчас...» — и перекинул ногу за борт...

* * *

— Конан! — радостно выдохнул рыжий, стоя столбом у борта, где оставил его Красивый Зюк.

— Где он? — рыкнул варвар. В руке его — свободной от всех веревок — талисман с облегчением увидел меч, чистое лезвие которого тускло сверкало под лунным светом. Другой рукой разматывая Виви, Конан с досадой отметил его восторженный взгляд, выругался и повторил вопрос. — Где он?

— Нырнул за пастушкой.

— Чтоб он утонул, Нергалово отродье!

Киммериец вытянул из-под доски спрятанный там мешок, побросал в него одежду Красивого Зюка, что валялась у борта. На миг ему показалось, что бархатные штаны слишком тяжелы, но задумываться о том он сейчас не желал — первым делом надо утопить бандита, а после можно и порыться в его карманах.

— Что ты сказал, Кони? — выпучился вдруг талисман, замирая.

— Ничего... — буркнул Конан. — Возьми мешок!

— Ты сказал... «Чтоб он утонул...» Так он утонул, варвар...

— Прах и пепел! — выдохнул киммериец. Повиснув на одной руке, он всмотрелся в темные воды, по коим пробегали лунные блики, но кроме них ничего на поверхности не заметил. Висканьо, перегнувшись через борт, тоже изо всех сил напрягал глаза и уши и тоже ничего не увидел и не услышал.

— Говорю тебе, Конан, — прошептал он наконец, — Деб утонул. Я же твой талисман, и у тебя должно получаться все, что ты захочешь... Ты захотел, чтоб он утонул...

— Я хотел его утопить.

— Ты сказал: «Чтоб он утонул, Нергалово отродье!»

— Тьфу! Ну и Нергал с ним... Лезь на спину!

Повеселев, талисман ловко забрался на широкую и довольно удобную спину варвара, ухватился за его могучую шею. На всякий случай он еще раз взгляделся в черную холодную гладь, покрываясь мурашками при мысли, что сейчас вдруг разверзнутся воды и покажется голова бандита, но — везде было тихо, только у самого борта с тишайшим треском лопнула пара пузырьков. Висканьо решил,

что сие и был последний в этой жизни вздох Красивого Зюка, и, победно вскинув нечесанные патлы, громко провозгласил:

— Поехали!

* * *

— Отец, он сказал: «Чтоб ты утонул, Нергалово отродье!» — и Деб утонул! Я сам видел пузырьки, когда мы отплывали от галеона!

— Ты правильно сделал, добрый друг, что выбросил пастушку в море. Кто знает, сколько бед она могла принести, обладая такими свойствами... — Кармио Газа подвинул варвару кубок с немедийским. — История, поведенная вами, задела мою душу... Отчего же Баг Левен не воспользовался фигурками? Ведь у него были все три, и довольно долгое время!

— А ты, отец, воспользовался бы?

— Ну что ты, Виви... Как можно? Мир и в самом деле весьма несправедлив — тут я согласен с сим ужасным Дебом Абдаррахом, — но сколь нужно иметь силы, ума и доброты, да еще в необходимой гармонии, чтобы суметь править всем миром... К тому же мне кажется, что тот человек, коего боги одарили всеми этими качествами, не захочет стать властелином чужих жизней и судеб...

— Вот и Баг, наверно, был такой... Конан, покажи отцу овец!

— Вот они. Я нашел их в кармане Деба. Но он говорил, что без пастушки на них ничего нельзя прочитать.

— Ну и хорошо, что нельзя. А теперь, сын, проводи дорогого гостя в комнату. После такой страшной ночи ему обязательно нужно отдохнуть. Да и тебе самому тоже.

Конан поднялся, и в самом деле чувствуя, как напряжены все мышцы, а виски словно сдавлены железным обручем; потом он вынул из кармана одну овцу и протянул ее Кармио Газе.

— Возьми на память о Баге. А вторую я оставляю себе.

— На память о Дебе? — хихикнул рыжий.

Киммериец вздохнул, но не стал отвечать талисману.

...На втором этаже Конана ждала просторная комната с темно-синими занавесями на окнах и огромная, в полтора его роста, тахта. Он с размаху упал на нее, прижался щекой к мягкому ворсу покрывала и закрыл глаза. Веки его тотчас потяжелели, так что снова поднять их, чтобы посмотреть вслед Виви, он не смог. Сон охватил его сразу и всего.

— Спи, Кони,— тихо произнес рыжий, двигаясь к выходу.

В одно мгновение, кажется, варвар уснул — стоило только прилечь. Но, закрывая за собою дверь, Висканьо услышал знакомое хриплое:

— Хей, Виск...

— Что?

— Еще раз назовешь меня Кони...

— Ха! Я знаю! Ты свернешь мою цыплячью шею!

Пролог

И снова перед самым рассветом Конану привиделось его лицо. На сей раз он хмурил брови, глазами показывая куда-то в сторону, но сколь киммериец ни вглядывался, ничего узреть там не смог. Кромешная тьма, в которой заплутает даже кошка,— и только. В раздражении он махнул рукой, прогоняя незваного гостя прочь, ибо сон его и так в последнее время стал беспокоен и короток; в ответ тот беззвучно рассмеялся и покачал головой, словно сетуя на то, что Конан мало изменился с тех давних пор. И все же черты его начали постепенно растворяться, а вместо них в голубоватой дымке сновидения возникли очертания далеких гор, на верхушки коих кольцами были нанизаны густые облака.

Нечто подобное уже встречалось киммерийцу в прошлых снах, но и тогда, и сейчас картинка эта оставалась недвижимой, как будто он смотрел на нее посторонним взором, а не делал попыток приблизиться хотя бы на шаг. Теперь он решил схитрить: оставив надежду прорваться сквозь странно вязкий и липкий туман силой, он затаил дыхание и медленно продвинул вперед правую ногу — совсем чуть, на ладонь; уверившись в том, что стоит на твердой почве, он стал поднимать левую, но не выдержал и, рыча от ярости, всей грудью врезался в белесую муть, раздирая ее руками...

И тут вернулась боль. От плеча она ударила сразу в шею, в голову, в бок и под лопатку. В одно мгновение мрак,

в бездне коего крылись все тайны будущего, взорвался, обжигая мозг целым снопом неведь откуда взявшихся искр. Конан открыл глаза — будто вывалившись из своего сна, — увидел перед собою закопченные доски потолка хижины, на которых плясали яркие блики костра, едва шевеля онемевшими сухими губами позвал: Низ-за...

Тонкие коричневые руки мелькнули перед его глазами, легко дотронулись до раны в плече, обмазанной вонючей и едкой слизью... Киммериец вздрогнул — и такое прикосновение заставляло сердце его распухать от боли во всю грудь, так что дыхание прерывалось, а в горле застревал шершавый ком; ему хотелось зарычать, зареветь, а может быть, и заплакать злыми слезами оттого, что кошмар ночи опять сменился не облегченным вздохом пробуждения, а тем же кошмаром, только наяву. Но не муки тела заставляли его так страдать, но муки души — явление для варвара непривычное и непонятное. Он готов был всего себя отдать на растерзание тем же зверям, что рвали его пять ночей назад, лишь бы сама суть его осталась покойна, лишь бы не давила грудь неясная и горькая тоска, истока коей он никак не мог уловить ни в прошлом, ни в настоящем.

А тот, что снился ему последние несколько лун, словно не замечал страданий киммерийца. Он, который всегда более чувствовал, нежели знал — а и знал он немало, — воздвиг меж собой и варваром невидимую стену, как будто имел единственную цель и ничем не желал поколебать своего упорства в ее достижении. Конан давно понял, что это за цель.

Лайтлбро — Маленький Брат, встреченный им на границе Офира и Кофа около десяти лет назад, появлялся в Конановых снах, конечно, не в память прежней дружбы, или, учитывая мягкий нрав бритунца, не только в память прежней дружбы. Он был слугою благостного Митры — тем, кто владеет великой Силой и непревзойденным боевым Искусством, тем, кто призван солнечным богом поддерживать на земле необходимое для жизни Равновесие, тем, кто может противостоять злобному могуществу Сета и порожденных им черных сил. Еще в юности киммерийцу

довелось видеть, как сражается такой боец: казалось, в руках Фарала Серого не два узких и длинных меча, а все двадцать, каждый из которых с одного удара находит свою жертву; лицо слуги Митры притом не было злым либо бесстрастным, а просто спокойным, словно человек выполнял обычную для него работу. Именно так после некоторого размышления сформулировал тогда свои наблюдения пятнадцатилетний Конан.

Прошло несколько лет, и на дороге к ущелью Адр-Каун он повстречал Лайтлбро. Облик маленького бритунца несколько не напоминал не слишком могучего с виду, но жилистого и крепкого Фарала: нежный душой и лицом, парень тем не менее показал себя настоящим воином. Не сразу, но варвару пришлось в этом убедиться...

А потом был третий — и последний — аргосец Рагар Утес, оставивший в душе киммерийца третью красную отметку слуги Митры. Гибель его, которую Конан видел сам, будто приостановила течение его жизни, до того совершенно ясной. Цель, определенная варваром еще с юных лет, вдруг расплылась, стала казаться призрачной и странной — то есть с Конаном произошло то, чего он сам прежде никак ожидать от себя не мог: он задумался. И одновременно с сим непривычным процессом в его снах появился Маленький Брат. Киммериец понимал, что он, уловив некие колебания в его душе, тем самым вздумал помочь ему решить главный на новое время вопрос: пойдет ли он в горы Гиркании к Учителю, который передаст в его руки великий дар Митры, или продолжит свой прежний путь.

Постепенно мысль эта вытеснила из головы Конана все прочие. Не то, чтобы он возмечтал вдруг стать одним из бойцов благого бога и овладеть положенными знаниями и умениями, а просто бывшее перестало удовлетворять неумную авантюрную натуру киммерийца. Дорога к славе и богатству, по коей шел он так бодро и порою напролом, неожиданно разветвилась, так что теперь он и находился на этой самой развилке, пытаясь выбрать, идти ему дальше или же все-таки навестить Учителя.

Не далее как одну луну назад Конан наконец выбрал и, резко повернув в обратную первоначальному направлению сторону, двинулся на север. Для этого ему пришлось на утлом суденышке проделать с южного побережья моря Запада довольно длинный и утомительный путь к Зингаре — ибо именно туда метил со своим товаром начинающий купец; затем пересечь обширную равнину, где ранней весной обычно сухо и пустынно; на длинной узконосой лодчонке переплыть реку Громовую, а потом и подойти к границе Зингары и Аргоса. Вот здесь и случилась эта внезапная остановка, едва не стоившая ему жизни: пробираясь сквозь заросли кустарника он нечаянно потревожил семейство снежных тигров — сих тварей, прозванных так по ярко-белому цвету шкуры, в Рабрийских горах было немного, но из-за них редкий путник отваживался в одиночку идти этим путем — о коварстве и злобе хищников здесь ходили легенды. Конан столкнулся с ними перед закатом.

Сначала в плечо ему вцепился клыками самец, но варвар быстро забил его резкими и сильными ударами кинжала в живот. И тогда в бой вступила самка. Она не стала дожидаться, когда человек оторвет от себя мертвую тушу и скинет ее на землю; она прыгнула на него сзади и мертвой хваткой впиалась в его шею, одновременно острыми когтями раздирая мощную грудь. Бой продолжался всю ночь — а может, так только показалось Конану... Силы были равны: в этом он убедился, когда стал их терять. По тяжелому полурычанию-полусопению тигрицы он понимал, что и она вот-вот ослабит хватку, так что теперь уже дело было не столько в ловкости, сколько в выносливости — кто сумеет продержаться дольше, тот и будет жить... Судя по ходу битвы, жить предстояло не Конану... От запаха своей и звериной крови в голове его помутилось, и когда самка вновь вонзила клыки в ту, первую рану на плече, сознание его померкло. Потом, в короткие мгновения пробуждения от бреда, киммериец уяснил, что находится он в хижине древней старухи Низы, колдуньи и знахарки, которая и нашла его в смертельных объятиях погибшей тигрицы; что

для того, чтобы залечить все его раны, ей надо не менее восьми дней и ночей; что сон его есть явь, а явь есть сон — сего Конан так и не смог понять, а больше она ничего ему не сказала. В молчании старой Низы был свой смысл, и это тоже варвар уяснил в те короткие мгновения сознания: тишина успокаивала его воспаленный мозг, питала и лечила, поэтому некоторые необходимые для дальнейшего пути к Учителю картины прошлого возникали в памяти иной раз так легко, словно не было между ними лун и лет. Вот только Лайтлбро — Маленький Брат... Зачем он посещал сновидения старого друга своего? Или вдали от него не умел понять, что Конан и так идет к Учителю, более не колеблясь? Но теперь у киммерийца не было сил даже на раздражение. Он выкашлял царапающий глотку ком и, помутневшими глазами, проследив за быстрыми руками Низы, снова впал в забытие...

Глава первая

На седьмой день Конан окончательно пришел в себя. Старуха, чьи проворные ловкие руки так легко касались его ран, наконец получила передышку. Кажется, все время его болезни она не смыкала глаз, так что теперь была только на шаг дальше своего подопечного от границы Серых Равнин. Но не просто усталость давила на узкие хрупкие плечи Низы — годы ее земного существования давно уже вышли, о чем она, не зная толком, сколько их там натекло, догадывалась по истлевшим почти волосам, отвратительному наросту меж лопаток, дрожи в коленях; также и все вокруг нее говорило о скором конце колдуньи: так, тонкие веточки, вкопанные ею в землю еще в пору юности, превратились в могучие стволы высотой с половину средней горы, а дряхлый седой Зиго был — она это точно знала — шестнадцатым вскормленным, возвращенным и по истечении срока жизни похороненным ею псом.

Когда перед седьмым рассветом глубокий выдох киммерийца унес с собой его жуткий то ли сон, то ли бред, старая Низа еще клевала носом у очага, но, не услышав, а почувствовав пробуждение Конана, и она подняла веки — тяжелые, морщинистые, красные от недосыпания, вытянула коричневую черепашку шеи, вглядываясь в его лицо, потом улыбнулась и поднялась.

Конан оказался первым за последние без малого тридцать лет человеком, который забрел во владения старухи. Обыкновенно все прочие обходили это место стороной.

Здесь крестьяне — потому что знали про белых тигров и обитающую тут колдунью с более чем худой репутацией, другие — потому что как раз перед границей Зингары и Аргоса прямая до того дорога разделялась надвое, и правая вела к Мессантии, а левая — в обход Рабирийских гор к Аквилонии. Напролом через горы к необитаемым почти берегам Хорота не желал идти никто, оттого-то старая Низа и пребывала в лесу, окруженном густым кустарником, совершенно одна, если, конечно, не считать множества птиц и зверей, расплодившихся в отсутствие охотников до количества населения большого города. С ними колдунья соседствовала в мире и согласии, даже предпочитая их людям: сколько она могла помнить, те всегда отличались либо хитростью и злонравием, либо, что еще хуже, лицемерием и корыстолюбием. И все же такое нелестное мнение о свойствах человеческого характера не мешало старухе, волею случая наткнувшись в кустарнике на истерзанное тело человека, перекатить его на холстину и отволочь в хижину с тем, чтобы выходить и потом проводить в дальнейший путь.

Раны северянина оказались ужасны — длинный коготь зверя пропорол его грудь так глубоко, что едва не задел сердце, и в первую же ночь Низа дважды сопровождала его уход на Серые Равнины заунывным пением, но затем чуткие пальцы ее улавливали слабые толчки под кровавым месивом; колдунья с облегчением возносила молитву благому Митре и вновь принималась варить свой целебный состав, надеясь-таки вырвать человека из черных рук смерти.

В бреду и он называл имя солнечного бога, то предлагая тому услуги в качестве бойца, то вообще отказываясь от всякого с ним общения. Низа не старалась вникать в суть — в общем, бормотание киммерийца было для нее сродни шуму дождя или свисту ветра, — но спустя три-четыре дня и старухе стало понятно, что этого могучего мужа волнуют поистине мировые вопросы. Он горячо спорил с каким-то Лайтлбро о Равновесии и Постижении Высшего, глумясь над его принципами милосердия и, само собой разумеется, отрицая их напрочь; он обращался к некоему Крому, обе-

щая прославить почему-то не его, а свое имя — тут Низа узнала, что северянина зовут Конан, и родом он из далекой страны Киммерии; он предлагал Нергалу сожрать собственный хвост и подавиться — более любопытный непременно сложил бы вместе все обрывки бреда и к моменту пробуждения варвара составил о нем определенное мнение. Колдунья была слишком далека от людских забот. Выхаживая раненого, она думала о том лишь, чтоб он остался жить, прочее же сопутствующее ее волновало мало, хотя душа приняла его сразу.

Старухе отчего-то казалось, что северянин похож на нее, и дело тут было не в облике. Конечно, его огромный рост — лежа на полу, он занимал добрую половину ее хижины, — широкие мощные плечи, покрытые бронзовым загаром, суровое скуластое лицо в шрамах, черная густая грива спутанных волос и синие глаза в пушистых ресницах ничуть не напоминали хрупкую, некогда светловолосую и белокожую Низу. Зато его внутренняя сила без сомнения была сродни ее собственной. Она чуяла ее, как волк чует собрата или врага. То, что обычный человек не заметил бы вовсе, колдунья вдыхала с запахом звериной шкуры, укрывавшей ноги раненого: токи внутренней силы, к тихой радости старухи, гармонично сочетавшейся с силой простой, внешней. Опять же его схватка с двумя снежными тиграми, коих Низа презирала за чисто человеческую подлость, ясно доказывала сии наблюдения.

Теперь, когда Конан отошел наконец от маячившей впереди границы Серых Равнин, она могла вздохнуть спокойно. То Равновесие, о котором варвар спорил с Лайтлбро, соблюдено: он — молодой и сильный — уходит в жизнь, она — дряхлая и немощная — в обратную сторону. Вознося благодарение светлому Митре, что позволил ей перед этим спасти человека, таким образом счастливо завершая ее земное существование, она невольно уносилась мыслями в прошлое — далекое или близкое, трудно было разобрать, потому что и тогда и сейчас годы ее текли одинаково плавно, размеренно, словно один день растянулся на весь ее век. Но если другой взроптал бы на богов за это, старая Низа их

искренне благословляла. Пусть не испытано любви и страсти — не всякого душа к тому стремится, — зато не случилось ей предавать и лукавить, обманывать и льстить; пусть никто не помянет ее добром, зато и все дурное, что говорят о ней люди — ложь, а ложь есть — хвала Митре — всего лишь фантом; пусть нечего вспомнить, зато и не о чем забывать. И все же были в ее жизни прекрасные мгновения, когда душа возносилась в небеса так стремительно, что захватывало дух — в них-то и возвращалась Низа сейчас, охваченная сладкой мирной полудремой. Что ж, если дорога подошла к концу, почему бы не подвести итог... Но тут северянин, глубоко вздохнув, прервал плавный ход ее дум.

* * *

С трудом поднявшись с теплого места у очага, старуха пошаркала своими огромными деревянными башмаками об пол, умащивая в них костлявые ноги со сбитыми в ссадины пальцами, и направилась к киммерийцу.

— Низа... — просипел он, мутными еще глазами следя за ее приближением. — Дай воды...

Вместо воды она влила ему в рот немного темного пива, сваренного ею самой. Горький целебный настой, коим оно было разбавлено, почти не ощущался, зато горячил кровь не хуже акуры — крепчайшего вендийского вина, заодно питая и прочищая ее. Конан с наслаждением проглотил две полных глубоких ложки ароматного напитка, затем обратил несколько затуманенный взор на старуху.

— Почему ты спасла меня?

Низа не ответила. К чему объяснять то, что должно быть понятно без слов? Длинные пальцы ее с распухшими суставами ловко втирали мазь в глубокую рану на плече, в то время как глаза из-под опущенных ресниц наблюдали за выражением лица северянина. Сначала он, так и не дождавшись ответа, недоуменно приподнял одну бровь, потом нахмурился — видимо, сообразив наконец что к чему, — потом фыркнул и отвернулся. Пряча усмешку, Низа едва заметно качнула головой: он понял свой промах — в чем колдунья и не сомневалась, — но из ослиного упрямства ни

за что на свете не создается в этом. Впрочем, она и не ждала от него так много. В далекие времена, которые еще сохранила память, и она была так же упряма и горда. Никто, даже брат, не мог убедить ее признать ошибку и смириться с истинным положением вещей. В любом случае она твердо стояла на своем, высокомерно повторяя: «У меня на все есть свое собственное мнение, даже если я с ним не согласна!»

— Дай еще пива, — сумрачно буркнул киммериец, не поворачивая головы. Конечно, он понял, почему промолчала Низа: вопрос его был празден — только последний ублюдок оставит израненного человека без помощи, — и к чему тогда спрашивать о том, что должно быть понятно без слов?

Тонкие коричневые руки старухи скользнули куда-то вниз, и кривобокий пузатый кувшинчик, явно слепленный ею же, склонил узкое горлышко к губам Конана. Всасывая в себя живительный напиток, от коего так и бурлила в жилах кровь, он, сам того не понимая, постепенно забывал обо всем, что видел в бреду.

Расплывчатые черты Лайтлбро, прежде маячившие перед ним каждый миг, начали растворяться, пока не исчезли бесследно, и сие ничуть не взволновало его сердце ни сожалением, ни предчувствием. Удивительное спокойствие, более похожее даже на умиротворение, овладело им. И дорога к Учителю, и глумливые Нергаловы прихвостни, понапускавшие на ту дорогу вязкой мути, и сам великий дар солнечного бога не трогали его сейчас совершенно. Потом, когда он ступит на живую землю и продолжит путь, он, без сомнения, припомнит все насущные вопросы, но — только потом. А сейчас...

Уже почти осушив кувшинчик, киммериец вдруг заметил, что держит его без обычной помощи Низы, и это обстоятельство чрезвычайно поправило настроение — до того руки его плетью лежали вдоль боков, и малейшее движение причиняло неимоверную боль. Теперь же сила вернулась к нему — пусть пока в виде подъятия небольшого глиняного сосуда, но ведь раньше он и вовсе не мог поше-

велиться! Напрочь позабыв обиду, он повернул голову к колдунье, желая выразить ей благодарность хотя бы глазами — увы, наткнувшись на ее бесстрастный взор, он оставил благие намерения до следующего раза, снова фыркнул и отвернулся.

— Встань. — Скрипучий голос старухи донесся словно издалека.

Конан удивленно всмотрелся в ее темные бездонные очи и не увидел там — или не сумел увидеть — ни мысли, ни чувства.

— Встань, — еще тише повторила она, задувая свечу, потому что первый невидимый пока луч солнца уже осветил землю розовым светом.

— Клянусь бородой Крома, Низа... — раздраженно начал Конан, намереваясь объяснить колдунье состояние собственных сил, и осекся. В самом деле, отчего бы не попробовать встать? Худшее, что может произойти, это то, что он упадет обратно. Живо представив себе такую картину, варвар хмыкнул, уперся обеими ладонями в пол, и рывком сел.

Дикая боль мгновенно пронзила все его мышцы, но не ослабила — напротив, укрепила. Будто полчища громадных красных муравьев, однажды виденных им в предместьях стигийского города Кеми, впились в его тело одновременно, вмиг превратив кожу в раскаленный солнцем колючий песок пустыни, а кровь в кипятки. Мускулы его напряглись, жилы на шее и руках вспухли, и все же он испытывал не сомнения и страх, а лишь одну радость — он снова чувствует свое тело; он снова может им управлять; наконец, он жив! В последнем Конан теперь был совершенно уверен.

А Низа продолжала наблюдать за ним сквозь ресницы, все больше и больше узнавая в нем себя и удивляясь тому безмерно. Он точно был похож на нее, как сын бывает похож на мать, когда природа ее сильна: то же упорство, то же презрение к боли, та же гордость и тот же насмешливый блеск в глазах, особенно заметный не столько в лучшие, сколько в тяжелые времена. Смену чувств, явственно отображенную его суровыми чертами, в той же последователь-

ности перенесло сейчас и ее сердце. Кстати, подумала вдруг старуха, за последние пятьдесят лет ни разу не сбился мерный ритм его биения, и вот теперь молодой северянин заставил его дрогнуть, в некое счастливое мгновение уловив нечто родное и близкое, прежде не изведенное никогда... Может, ей это только казалось, но она все равно неустанно благодарила богов за то, что он пошел не по дороге в Мессантию и не в обход Рабирийских гор в Аквилонию, а напролом через кустарник, где устроили свое логово снежные тигры...

Да, ныне сама она была уже не та, что прежде, а вот он — именно тот и, подозревала Низа, останется таким всегда. Дикая первобытная сила слилась в нем воедино с силою внутренней, подобно смерчу, летящему по пустыне, но и всего этого было бы мало для того, чтобы сохранить свою собственную сущность до конца отпущенного богами срока.

В киммерийце несомненно было что-то еще, а вот что, она не могла понять; не могла и назвать, а могла лишь почувствовать. Она прикрыла тяжелые веки, на миг только погрузившись во мрак, а когда усилием снова приподняла их, то увидела колосса, воздвигшегося в ее крохотной каморке и едва не проткнувшего головой трухлявые доски потолка.

Хотя поначалу он чуть было не сверзился на пол, ибо макушкой действительно врезался в потолок — перед глазами сразу замелькали разноцветные круги и искры, колени подогнулись, — на ногах все же сумел устоять. На выдохе задержав дыхание, он восстановил равновесие (пока не то, Великое, а самое простое, но ведь это было только начало), качнувшись, обвел слегка помутившимся взором Низины владения, представлявшие собой всего-то одну темную комнатуху, где он провел последние семь дней и ночей, и победно посмотрел на свою спасительницу.

— Хей, Низа! — гаркнул он так, что старуха вздрогнула. — Да ты и впрямь колдунья! Клянусь Кромом, я снова могу переломать хребет белой полосатой твари!

— Снежный тигр умер, но снежный тигр жив, — туманно заметила Низа, прикрывая веки.

С пару мгновений Конан молчал, в недоумении воззрившись на колдунью. Потом передернул плечами и с досадой махнул рукой.

— А ну тебя, старая. Бормочешь невесть что... Лучше дай мне еще пива. Кром! Прежде мне не приходилось пить такого!

— Пива тебе больше нельзя, — скучным голосом произнесла старуха. — Выпей воды.

Киммериец скривился.

— Тьфу! Не хочу воды!

Он сделал круг по комнате, двигаясь мягко, бесшумно, словно тот же снежный тигр, и так же чутко принюхиваясь к странным запахам каморки. Лишь теперь сквозь аромат старухино пива, сообщаемый его дыханием, он услышал густой дух сушеных трав и цветов, что были целыми связками припилены ко всем четырем стенам. Маленькое окошко из бычьего пузыря пропускало совсем немного света, поэтому Конан не сразу разглядел скромно притулившийся в углу огромный кувшин.

— Хм-м... — пробурчал он, встав перед сосудом на одно колено. — Пахнет как... Ни-иза! Да это же вино!

— Тебе нельзя вина. Выпей воды.

— Почему мне нельзя вина? Я здоров! Ты что, ослепла тут в своей глухомани? Гр-р...

В раздражении Конан сплюнул на пол и, не удержавшись, треснул кулаком по стене над кувшином. В тот же миг ему пришлось об этом пожалеть, так как от удара прогнившая стенка покачнулась и несомненно рухнула бы ему на голову, если б он вовремя не подставил под нее обе руки.

— Тащи подпорку! — рыкнул он, оборачиваясь к старухе.

Та, казалось, только сейчас проснулась. Медленно открыв глаза, она равнодушно взглянула на своего подопечного, который, стоя на коленях, держал стенку ее ветхого жилища. Затем так же медленно колдунья встала и, шаркая деревянными башмаками по полу, вышла через низенькую дверь, изнутри увешанную десятками пучков трав.

— Да скорей же! — донеслось ей вслед.

Осыпая проклятиями ни в чем не повинного здесь Нергала, в душе Конан не испытывал особенно сильных чувств по поводу нынешнего своего довольно комического положения. Все затмило главное — колдунья все же поставила его на ноги. Сила прибавлялась с каждым вздохом, будто и не было семь дней назад схватки со снежными тиграми; раны, сколько он мог видеть, почти затянулись, во всяком случае, покрылись достаточно твердой коричневой коркой, а это его вполне устраивало. Он не сомневался, что сейчас же может отправиться дальше, вот только как быть с разрушенным домом старухи... Варвар не привык платить за добро такой гнусностью.

Неожиданно он снова ощутил прилив раздражения, и снова на себя самого. Что это было? Взыграла дурная кровь, отравленная ядовитыми клыками белой полосатой твари? Или так подействовало на него отличное темное пиво Низы? Что за каприз, свойственный, скорее, надутому купчишке или избалованному отпрыску богатого нобилия? Вина ему подавай... Тьфу! Конан даже застонал от досады. Не иначе как те же Нергаловы прихвостни, что издевались над ним тогда, в бреду, застили глаза...

Изначально чуждое киммерийцу самобичевание оборвалось так же внезапно, как началось, стоило ему только увидеть, что за палку втащила в дом Низа.

— Прах и пепел! Ты б еще лозу приволокла! Иди сюда!

Колдунья покорно встала на его место, подперев стенку горбом, а Конан, едва протиснувшись в низкий и узкий дверной проем, отправился в лес за деревом.

«Что это было?» Старуха усмехнулась. Да конечно, ее пиво. Кроме лечебных свойств оно обладало и побочными, увы, малоприятными. Северянин не мог этого знать, но выпей он еще хоть пару ложек, и Низина каморка тут же превратилась бы в груды обломков, ибо весь его прошлый бред тут же вернулся и пригрезился бы явью, а в неизбежной тогда борьбе варвара с прихвостнями злобного Нергала вряд ли хоть что-то тут бы уцелело. И все равно парень оказался крепок — вынул целый кувшин пива и всего лишь оплевал пол и сломал одну стенку. Жаль, что он уйдет от нее так

скоро... Темное, изборожденное глубокими морщинами лицо колдуньи омрачилось. Она точно знала, что уже нынче, до захода солнца он покинет ее дом для того, чтобы снова встать на свою прежнюю дорогу... Что же, вот и пришел конец ее долготу, пожалуй, даже слишком долготу веку...

— А ну, старая, отойди!

Сначала Конан протолкнул в дверь свое массивное тело, потом втянул подпорку — выданный им из земли молодой тополе, на коем висела туша карликовой косули. Добыча досталась ему легко: во владениях Низы давно никто не охотился, и зверье здесь было непуганое — косуля сама подошла к нему, так что оставалось всего-то протянуть руку и свернуть ей шею, — только ленивый в этих местах не сумел бы поймать хоть суслика.

Укрепив стену, киммериец занялся разделкой туши. Ловко орудуя кинжалом, он содрал шкуру, вычистил внутренности и, связав ножки тонкими корнями тополя, подвесил косулю над очагом на той палке, что принесла Низа. Дух желудка, который, как утверждал старый приятель Ши Шелам из славного Шадизара, вселен в людские тела злобным демоном, уже урчал на все лады, требуя мяса. Конан и сам рад был удовлетворить его желание, ибо растительная пища, вкушаемая им семь дней подряд, впрок не шла: стоило ему только выйти на воздух, как живот разболелся так, что он едва успел добежать до густых зарослей папоротника.

Вскоре запах жареного мяса совершенно заглушил ароматы старухиных трав. С вожделием вдыхая его, северянин искоса поглядывал на колдунью, что мешала в глиняном горшочке обломком ветки какую-то бурду темно-зеленого цвета. При этом она бормотала себе под нос не слова, но звуки, то растягивая их, то произнося скороговоркой; птичья голова ее с тонким кривым носом-клювом покачивалась в такт заклинанию, а в полуприкрытых глазах, устремленных в законную даль, Конан видел странную, непонятную ему тоску и боль — впрочем, может быть, это ему лишь показалось. Несравнимо более, чем чувства Низы, его заботила сейчас предстоящая тра-

пеза. Киммериец с трудом удерживался от того, чтобы не отхватить кинжалом кусок от сырой еще туши — по правде говоря, если б не расстройство желудка, он бы так и сделал, но вновь проводить время в зарослях папоротника ему совсем не улыбалось.

Ждать пришлось долго. Вот уже и колдунья закончила свое занятие, отставила горшочек с зельем в сторону и опять замерла словно каменное изваяние — а косуля только-только начала покрываться золотистой румяной корочкой. Живот Конана, в такие волнующие мгновения существующий как бы отдельно от него самого, издавал пренеприятные звуки, подобные чавканью болота и кваканью лягушек в нем. Вздохнув, киммериец отворотил взгляд от очага. Как видно, голова его опустела одновременно с желудком: никакие мысли не задерживались в ней, даже самые важные, а уж о пути в Гирканию, к Учителю, он сейчас и вовсе не вспомнил.

Густой дым, щиплющий глаза и ноздри, заполонил тесную комнатку, перекрывая пленительный запах жаркого — вытянув из ножен, лежащих у ног, меч, варвар толкнул им дверь, дабы вдохнуть глоток свежего воздуха, и в тот же миг был удивлен и раздосадован, увидев, что солнце уже стоит высоко в небе.

— Конан... — словно услышав его мысль о необходимости немедленно продолжить путешествие в Гирканию, Низа повернула к нему лицо. — Я хочу сказать тебе...

Глава вторая

Уплетая сочное, нежное мясо, пахнущее дымком, Конан думал о том, что же хотела сообщить ему старуха. Он прервал ее на полуслове, ибо любую беседу на голодный желудок всегда считал напрасной тратой драгоценного времени, и так скупой отпущенного богами человеку. А кроме того, силы его, взбодренные отличным пивом, снова начали таять и к тому моменту, как косуля была полностью готова к употреблению, снова покинули тело варвара — подобно войскам, уходящим из родного города на войну.

Низа от мяса отказалась. Выпрямившись, насколько позволял горб, она сидела против киммерийца и по-прежнему смотрела в одну точку, на сей раз чуть ниже его локтя. Если б только он мог знать, как не хотелось ей разговаривать (не именно с ним, а вообще), он не стал бы так самоуверенно обрывать ее. Торопясь жить, молодость никогда не желала слушать зов старости — возможно, в этом заключалась та самая истинная мудрость, которая позволяет каждому пройти свой собственный путь, совершить свои собственные ошибки и потом победою насладиться сполна... Нет, сие было одно лукавство — на деле Низа так не думала.

...Она перевела взгляд повыше, на его лицо, на его глаза, блестящие от удовольствия, и улыбнулась: все гораздо проще — северянин был слишком голоден, чтобы еще выслушивать бредни древней старухи... Кажется, он только

сейчас принялся за косулю, а вот уже разгрызает последнюю кость, обливаясь соком, и не похоже, что он наелся досыта...

Швырнув обглодок в кучу, Конан ладонью вытер жир с губ и подбородка и выжидательно уставился на колдунью, которая застыла перед ним с очередным странным выражением лица.

— Ну, Низа,— ободряюще произнес он.— О чем ты хотела поведать мне?

— О тебе,— тут же ответствовала старуха.

В глазах ее, до того таких мглистых, что варвару чудилось в них отражение короля-леса — огромной дикой чащи между Киммерией и Асгардом, где от сотен глаз волков и медведей и ночью было светло, — в этих бездонных глазах он заметил вдруг лукавый огонек. Низа словно очнулась от тяжелого сна, в коем пребывала столь долго, что явь казалась ей его продолжением. На самом деле так можно было сказать скорее про самого Конана. Он, пролежавший в бреду полных семь дней и ночей, лишь с нынешнего рассвета снова начал жить, а посему в голове его еще плавали клочки тумана Серых Равнин, затмевающие настоящее: короткое заявление колдуньи он воспринял как шпионскую вылазку на свою территорию. Наверняка она подослана к нему из стана врага — то есть демонами коварного Нергала — с целью каким-то образом перекрыть ему путь в Гирканскую пустыню, к Учителю...

Конан подозрительно сощурился, пытаясь испепелить старуху взглядом, но милостью благого Митры в тот же миг ему открылась истина: она желает ему помочь. Немало удивленный, он тем не менее не изменил ни позы, ни взгляда, и только в синих глазах его мелькнул ответный огонек, на что Низа отреагировала тотчас улыбкою.

— Выпей.— Она подвинула ему горшочек с намешанным ею зельем.— До самого дна.

И голос ее уже не был так бесстрастен — словно оба они пересекли некую невидимую границу, разделяющую север и юг, мороз и солнце; словно на время вышли из своей жизни с тем, чтобы ступить в чужую. Киммериец поколе-

бался мгновение, с отвращением взирая на бурду цвета прогнившего насквозь болота, потом взял горшочек в ладони и в три глотка осушил его. Горечь обожгла язык и нёбо, но лишь на несколько вздохов — Конан облизнул губы, желая почувствовать вкус зелья, и ощутил уже приторную сладость, вязкую, липкую, похожую на мед.

— А теперь слушай.— Темные глаза колдуньи усталились в синие Конановы, брови сдвинулись у переносицы, а узкая полоска рта дрогнула — Низа будто разбирала древние письмены.— Слушай меня, — повторила она еле слышно.

Но прошло еще не менее пары долгих мгновений, прежде чем старуха снова начала говорить. За это время в груди киммерийца образовалась странная пустота, в которой затем разросся и вспыхнул жаркий шар — словно он проглотил солнце; тело его стало вдруг легким, почти что невесомым, голова — ясной, а все вокруг прозрачным. Конан посмотрел на дверь: как через стекло он отлично видел стену леса перед домом колдуньи, пышный малиновый куст у крыльца, дряхлого пса, что грелся возле него под горячими солнечными лучами... А вот из чащи выбежал на поляну маленький медвежонок, сунул нос в малину и тут же с обиженным воем отскочил в сторону, цапнутый за нос то ли колючкой, то ли вредным насекомым... Варвар ухмыльнулся, наблюдая, как он вертится на одном месте, лапой елозя по морде, а потом вразвалку устремляется к лесу и исчезает в зарослях...

— Тебя не удивляет это? — внезапно подала голос Низа, в свою очередь наблюдая за Конаном.

— Что меня должно удивлять? — пожал плечами он.— Клянусь Кромом, все дело в той дряни, которую я выпил... Не пойму только, зачем тебе это?

— Сейчас ты яснее видишь и то, что происходило с тобой прежде. Это значит, и я вижу яснее...

— То, что происходило со мной прежде?

— Да. Впереди тебя ждет нелегкий путь, северянин. Я не стану говорить о будущих победах Конана-киммерийца, равно как и о его поражениях и ошибках — все твое останется твоим. Но кое о чем я все же поведаю тебе...

Голос ее, казалось варвару, с каждым словом становился все моложе и звонче, да и темное лицо вроде бы посветлело, стоило только старухе проявить немного чувства...

— Ты забыла одну мелочь, Низа.

— Да? — краешком губ усмехнулась колдунья.

— Ты забыла спросить меня, хочу ли я, чтобы ты кое о чем поведала мне.

Старуха довольно улыбнулась. Она была права: северянин похож на нее, как сын бывает похож на мать, когда природа ее сильна...

— Если я не помогу тебе, ты пройдешь тот путь дважды.

— Какой путь? — нахмурился Конан, быстро соображая, как могла Низа пронюхать о его намерении идти в Гирканию. К чести варвара, в следующий же миг он понял, как: естественно, из его семидневного бреда! Мысленно поклявшись Кромю, что далее он будет сначала думать, а уж потом спрашивать, Конан вздохом замаскировал некоторую досаду и выслушал уже известный ему ответ. Между тем колдунья продолжала:

— Стоит тебе достичь пещеры Учителя, он отправит тебя обратно, ибо туда нужно идти чистым.

Тут же забыв о своей клятве, данной суровому Кромю, киммериец открыл рот, желая поинтересоваться, что это Низа имеет в виду, но на сей раз она не позволила ему говорить.

— Не спрашивай меня больше, Конан. У нас нет времени — скоро мое зелье перестанет действовать, и тогда я могу пропустить что-либо важное...

Мельком лишь ощутил варвар в душе легкий сквознячок, будто бы предупреждающий или напоминающий о чем-то, но сразу и забыл о нем, готовый внимать той, что спасла ему жизнь.

— Помнишь ли ты сейчас день своего рождения, северянин? — В голосе Низы ясно звучали торжественные нотки, как будто бы день появления на свет она считала главным во всей жизни человека.

— Нет, не помню, — фыркнул Конан, и вдруг сердце его замерло на миг, с тем чтобы потом застучать быстро и

сильно: он помнил. Неужели старухино зелье обладало таким воистину невероятным свойством? Варвар ясно увидел лицо матери, которая смотрела на него, младенца, с любовью и гордостью; длинные черные волосы ее, спутанные резким киммерийским ветром, щекотали его щеки и нос; полные губы шевелились, шепча нежные слова; вся она пахла молоком и еще чем-то непонятным... Кажется, потом, своим и лошадиным, и еще кровью... Вот внезапно он начал слышать, и в тот же момент уши его заложило от страшного звона, такого знакомого и такого привычного к нынешним его годам — звон мечей! Та музыка, которой он мог бы наслаждаться вечно, если б не желание иной раз прерваться и выпить вина под хорошую закуску...

Мать часто оборачивалась на этот звон, и в синих ее глазах постепенно появлялась тревога. Видно, течение боя менялось, и не в лучшую для киммерийцев сторону... Губы новорожденного скривились: он хотел есть, а мать, похоже, об этом забыла... Сквозь лязг мечей и кинжалов, сквозь рев и крик он слышал биение ее сердца, от коего ему самому становилось тревожно и неуютно. Он открыл было рот с целью завопить во всю силу и тем самым напомнить матери о том, что он голоден, но вместо вопля из горла его вырвался тяжелый вздох — «предчувствие», — усмехнулся Конан-мужчина; веки младенца же стали слипаться, уставшие от яркой синевы неба, и только он начал засыпать, как горячие руки матери осторожно положили его на землю. Правда, он был крепко запеленат в толстое шерстяное одеяло, но холод все равно сразу сковал его детское тельце. А она... Она быстро поднялась на ноги, схватила меч, лежащий рядом с Конаном, и, бросив на сына короткий взгляд, устремилась к месту битвы...

— Помню... — тихо произнес он, все еще пребывая там, на первом своем сражении...

— Пусть память твоя ведет тебя дальше! — приказала старуха, и снова перед глазами его поплыли знакомые картины — порой он даже не успевал вспомнить, что именно видит, а течение собственного прошлого уже показывало иное время, иные события...

Уже отец вывешивает на двери своей кузницы шкуру огромного волка — добычи девятилетнего Конана — и раскатыстым басом заключает: «Хорошо, сын...» Кажется, больше он ничего тогда не сказал... Но вот юному варвару почти пятнадцать — с этого времени воспоминания его стали яснее, ибо и без Низиного зелья он мог об этом рассказать, — и он впервые отправляется на битву вместе с мужчинами. Конечно, сие вряд ли возможно когда-либо забыть... Штурм аквилонской крепости Венариум оставил на руках Конана первую человеческую кровь — кровь врага...

Колдунья в упор глядела в глаза Конана, теперь уже действительно читая в них то, что он вспоминал, и чем живее картины прошлого вставали перед ним, тем яснее видела их и она.

И проблеска чувства не мелькнуло в ее сердце, когда она смотрела на яростную битву киммерийцев с давними их противниками гиперборейцами; на смертельную схватку двух сил мира — Добра и Зла — Фарала Серого, слуги светлого Митры, и Неджеса, коварного мага, принадлежащего к печально известному Черному Кругу; на худенькое тело юной Мангельды, насквозь пронзенной деревянным колом; на жуткое превращение огромной гориллы, что валялась у ног победителя в крови и слюне, в маленького ребенка, и тут же — на ужас, исказивший при этом грубые черты молодого варвара; на страшную гибель красавицы Белит, возлюбленной Конана... Нет, сердце колдуньи не очерствело к концу жизни — просто сейчас она видела все это отстраненно, не вникая в смысл происходящего, ибо цель ее была иной.

— Остановись! — вдруг прервала старуха воспоминания своего подопечного.

Конан вздрогнул: душою он был уже не здесь, а там, в прошлом, и вновь вернуться в настоящее смог с трудом.

— Что тебе, Низа? — глухо спросил он, одной ногой находясь все еще на палубе пиратского корабля, в окружении черных корсаров, кои называли его Амрой — Львом — и под его предводительством совершили немало славных дел. Конечно, вряд ли ограбленные ими богатые купцы

полагали сии дела славными, но их мнение никого не волновало, а уж Конана тем более.

Не ответив, колдунья медленно поднялась, прошла к двери и сняла с полки небольшой кувшинчик — без сомнения состоящий в близком родстве с тем кривобоком, из которого варвар пил ее темное пиво.

— Сделай два больших глотка. — Она протянула сосуд Конану, который принял его с благодарностью, так как горло его и в самом деле пересохло, словно он не про себя вспоминал события своей жизни, а рассказывал о них вслух.

Это оказалось то же темное ароматное пиво. Киммерийцу пришлось призвать на помощь все силы, чтобы ограничиться двумя большими глотками и не выпить ни капель больше. Только сейчас он почувствовал, как устал, и удивился (но не сердцем, а одним умом) — прежде ему вообще не случалось уставать от работы головой...

Читая эти размышления, Низа едва сдерживала улыбку: он забыл, что в течение семи дней и ночей стоял на самом пороге Серых Равнин; он забыл, что нынешний день — лишь первый в его новой жизни. Конечно, его утомление есть следствие именно огромной потери сил и крови, а совсем не экскурса в прошлое. Старуха ожидала этого, потому что действие пива не было рассчитано надолго, и только заметила, как побледнело вдруг лицо северянина, тут же оборвала его мысль. Но сейчас все пройдет, и они продолжат... Обязательно пройдет.

— Не могу понять, Низа, — недовольно сказал Конан, понемногу обретая обычный свой цвет лица. — Какого Нергала я должен вспоминать то, что было? Тебе это интересно?

Старуха промолчала. Как объяснить ему, что видела она в дальнейшей его судьбе? Жаль, что ее знаний не доставало на то, чтобы прояснить всю его жизнь, но близкое будущее представлялось ей совершенно ясно: не все линии прежних приключений и дел завершены им, а потому существует довольно сильная связь его бывшего с настоящим, и нити эти, крепче коих нет в мире, не пустят его к Учителю — вот что грезилося ему в полусне-полубреду. Но даже если северя-

нину удастся прорвать великой мощью своей ту вязкую муть на пути в Гирканию, тот, к кому он направлялся до вынужденной остановки в Рабирийских горах, не примет его с таким грузом за плечами.

— Прежде, чем ты вновь отправишься в Гирканию, — наконец ответила Низа, — тебе нужно будет сделать кое-что...

— Прах и пепел! Ты хочешь, чтоб я расплатился с тобой за помощь? — презрительно скривил губы варвар.

Он опять ничего не понял. Пожав плечами, старуха терпеливо пояснила:

— В твоей прошлой жизни остались незаконченные дела. Нельзя идти к Учителю с ними. Хранитель Равновесия не доверит тебе Силу...

«Откуда ты знаешь про Силу?» — собрался было спросить Конан, но вовремя удержался. Мало ли, откуда старая колдунья может о ней знать! Да хотя бы опять из его бреда!

— Я все закончил в прошлом, — вслух раздраженно буркнул он.

— Может быть...

Киммериец прав — он все закончил в прошлом. Но что же тогда так цепко держит его там? Низа ясно видела маячившую за его спиной серую тень, от коей точно не исходило для него никакой опасности. Это могло значить только одно: некто, связанный с варваром прежде и, конечно, отмеченный особой милостью богов, — иначе его тень не возникла бы здесь, — призывает Конана обратно. Куда? Сего колдунья пока не поняла. Ее подопечный должен знать о том лучше нее, но спрашивать его старуха не решалась: этот парень не двинется с места из одного лишь упрямства, раздрадованный тем, что кто-то задерживает его продвижение к Учителю. Что ж, тогда она будет действовать несколько иным способом...

— Вернись назад, северянин, — твердо сказала Низа, снова направляя на него холодный взор. — Начни с того момента, когда ты вытащил из моря кувшин с заточенным в нем духом Шеймисом.

— Тьфу... Ладно. Только я этого крысеныша долго вспоминать не хочу, — пробормотал Конан, уже опускаясь в глубины своего прошлого.

Только что виденные им картины во второй раз почему-то произвели на него более сильное впечатление. Он погрузился в самого себя весь; он ушел из каморки старухи, оставив тут только свое тело; глаза его потускнели, из ярко-синих стали голубыми, блеклыми, а чистые белки затянулись мутной пленкой. Вот в вихре унесся от него сумеречный дух Шеймис... Вот Конан уже в плену у гиперборейцев, в гладиаторских казармах гнусного городишки Халогии...

Вот на могучем коне он гонится за Кимшохадой — знаменитым туранским вором, который украл у него священный кинжал Гро Балан, в свою очередь украденный Конаном у шадизарского купца Жамбаи... Прошное стремительно пролетало перед глазами варвара, тревожа сердце и внося разброд и смятение в душу. Не успевал он пережить вновь свою встречу с Карелой Рыжим Ястребом, как уже Лайтлбро, улыбаясь, кивал ему на ущелье Адр-Каун; только поднимал он кубок на пирушке с такими же, как он, наемниками войска Илдиза Туранского, как память переносила его в объятия прекрасной принцессы Синэллы...

— Здесь... — тяжело дыша, прохрипела вдруг старуха. — Здесь! Остановись, Конан!

* * *

Постепенно туман в его голове рассеялся, а от воспоминаний и вовсе не осталось следа — мало того, сейчас он вообще не думал о том, что с ним было когда-то. Освобожденный от прошлого, он уже начал входить в будущее, чувствуя приятное томление в груди, несколько подпорченное той самой тревогой, что с рассвета задевала его сердце шершавым своим крылом.

Дряхлый Зиго, огромной башкой привалившись к колену варвара, дремал, тоненько поскуливая и вздрагивая время от времени всем телом; жаркие лучи, смешанные с предвечерним свежим ветерком, мягко трогали волосы, лицо

и руки человека, от чего ему хотелось спать, но снов не видеть. Сны сейчас были совсем ни к чему — он достаточно насмотрелся их за семь дней и ночей... Сидя на крыльце в ожидании колдуньи, киммериец бездумно вглядывался в зеленую гущу, стеной воздвигшуюся перед ним. Скоро, очень скоро он пересечет ее вновь, но на сей раз его уже ничто и никто не остановит. Дорога в Гирканию из наваждения превращалась в реальность, и пусть Низа твердит, что сначала надо закрыть дыру в прошлое (ничего, Конан закроет — если, конечно, Митра все еще на его стороне): какое значение может иметь любое предстоящее приключение по сравнению с тем, что ждет его в конце пути?

Северянин положил руку на крутой, нагретый солнцем лоб Зиго, пальцем потерев жесткие седые завитки, но тот даже не повел ухом — пес был слишком стар, чтобы замечать рядом с собой человека... Шемит Иава Гембех, с которым Конан путешествовал однажды к морю Запада, толковал что-то о разделении душ после смерти. Одни, говорил он, неприкаянные, бродят в печали по Серым Равнинам; другие — парят над влюбленными парами, ожидая ночи зачатия, и затем вселяются в плод любви, чтобы снова родиться человеком; третьи просто-напросто завладевают телами несчастных животных, коим способность чувствовать и понимать более мешает жить, нежели помогает.

Припомнив сие измышление, варвар пожал плечами и усмехнулся, так и не уяснив для себя, верит он в эту байку или нет. Однажды, будучи в вендийском городе Гвандиакане, Конану пришлось видеть, как слон раздавил своего хозяина за то, что тот в злобе плюнул ему на хобот. А в Агратуре он знал по крайней мере трех человек, поведавших о своих особых отношениях с животными. Так, его сослуживец, такой же наемник, только несколькими годами старше, часто рассказывал странную историю о каурой лошадке, которая любила его, как может любить лишь совсем юная девица, и никогда не упускала момента прижаться к его ногам грудью или к его лицу губами.

Все это, конечно, не доказывало наличия в тварях божьих человеческой души, но Конан мог допустить, что это являлось правдой — хотя бы потому, что ему было просто все равно. Однако сейчас он смотрел на умную морду старого пса, на его чуть подрагивающие короткие ресницы и думал: а что, если этот самый Зиго, положивший башку на его колено, прежде был храбрым воином, или мудрым звездочетом, или честным торговцем? Вряд ли, конечно, на свете бывали честные торговцы, но почему бы ему не быть тогда храбрым воином?

Тут философические изыски варвара были прерваны появлением Низы. Старуха наконец закончила приготовления к предстоящему путешествию своего подопечного и теперь взирала на него чуть сверху с тихой грустью и немного торжественно.

Голос ее охрип от заклинаний, а тонкие коричневые пальцы перебирали складки длинного темного платья то ли в волнении, то ли в задумчивости.

— Пойдем, — скрипнула она, развернувшись и, не дожидаясь, когда киммериец поднимется с крыльца, ушла обратно в дом.

Против ожидания он не был ни разозлен, ни даже раздражен. С каждым вздохом он приближался к дороге, которая поведет его к Учителю, и что теперь могло поколебать его, когда лихорадка странствия уже взялась за дело, будоража обновленную колдуньиным лечением кровь. Посему он, осторожно убрав со своего колена голову Зиго, мягко и быстро встал и скоро последовал за старухой: семь дней и семь ночей! Прах и пепел! Зато нынче же, еще до захода солнца, он всё и всех пошлет к Нергалу и отправится в путь. Всё и всех!

Освобожденно засмеявшись, Конан захлопнул за собою дверь каморки и уселся у очага, огня в котором уже не было.

* * *

— Ты все закончил в прошлом, северянин, — так начала Низа, и, не обратив внимания на облегченный вздох

варвара, продолжила. — Но осталось нечто, определяющее сейчас твою дорогу. Именно поэтому ты встретил снежных тигров; именно поэтому я нашла тебя. Слушай!

Колдунья подняла руку, ладонью направив на Конана, и он, только открыв рот, смолк, про себя решив все же выслушать то, что она ему хочет сказать, лишь бы поскорее уйти отсюда.

— Светлый бог заметил тебя. Он готов даровать тебе Силу, но сначала ты должен вернуться в прошлое.

— Что? — изумленно выдохнул киммериец, приподнимаясь.

— Нет, не в реальное прошлое. Ты должен будешь вернуться в то место, где бывал когда-то.

— В какое? — Он забыл о твердом решении молчать напрочь и сейчас намеревался вытрясти из Низы все, что она накопила в его жизни.

— В Мессантию.

— Да что мне делать в Мессантии? — взорвался Конан. — Какого еще Нергала мне делать в Мессантии, скажи! Мало, что я потерял семь дней? Кром, я лучше еще луну буду плавать по Хороту туда-сюда, чем пойду болтаться по этому вонючему городишке!

Низа спокойно ждала, когда он выдохнется. Она понимала его ярость: такие люди, как варвар, умеют ждать, но притом терпеть не могут это делать. Гораздо проще для них то же время сидеть, например, в засаде, поджидая врага, чем, как выразился Конан, «болтаться по вонючему городишке».

Она не поняла только его слов о плавании туда-сюда по Хороту, но, при коротком размышлении, решила, что сие было сказано им в порыве раздражения, а на самом деле он вовсе не собирается этим заниматься.

— Я не знаю, что тебе делать в Мессантии, — дождавшись паузы, вставила Низа. — Зато знаю точно, что тебе надо именно туда, а не в Кордаву или Замбулу.

— Тьфу! — сплюнул варвар, тем не менее улавливая скрытый смысл старухиного замечания: Мессантия была совсем рядом, едва ли в четверти дня пути, и конечно,

ему легче пойти туда, чем в ту же Кордаву... — Но если ты не знаешь, что мне там делать, то я-то откуда могу это знать? — резонно поинтересовался Конан, успокаиваясь.

— Сначала ты будешь искать там числа — я расскажу тебе о них, — а затем первый человек, которого ты узнаешь в лицо, сообщит тебе о дальнейших твоих действиях.

— Кром... Если он вздумает приказывать мне...

— Не вздумает. Он вообще не подозревает о скором появлении в Мессантии Конана-киммерийца. И ни о чем не подозревает...

— Так как же...

— Ты сам все поймешь. Потом. В Мессантии. А сейчас послушай о числах.

Сумрачным взглядом смерив старуху, северянин кивнул. Что ж, он готов послушать о гнусных числах, если уж Низа так этого хочет, но все это вовсе не значит, что он выполнит ее нелепые предложения.

— Первое число, которое укажет тебе дорогу в городе, выглядит так.

И колдунья углем начертила на своей ладони замысловатую завитушку, очень похожую на растопырившего клешни краба.

— Второе — так.

Позволив Конану всего мгновение посмотреть на краба, она стерла его и нарисовала второе число, с виду напоминавшее дохлую мышь.

— Оно подскажет тебе, где остановиться. И третье, последнее.

Третье напомнило Конану историю о переселении душ, а точнее — о слоне, который раздавил своего хозяина за плевок на хобот, — ибо выглядело оно даже не числом, а обыкновенным рисунком весьма плохого художника, вознамерившегося изобразить именно слона.

— Третье развеет твои сомнения...

Размазав слона по ладони, колдунья закрыла глаза. Она завершила свое дело, и теперь очередь киммерийца начинать свое.

В полном изнеможении привалилась Низа плечом к высокому табурету — ее единственной и совершенно ненужной мебели; руки ее мелко тряслись, дыхание с хрипом вырывалось из горла.

— Числа могут повторяться... — еле разобрал варвар ее бормотание. — А теперь... уходи... Тебе пора...

— Хей, Низа... Что это с тобой? Умираешь ты, что ли? — обеспокоенно произнес он, пересаживаясь поближе к колдунье. — Вот еще не хватало...

— Помни о... о трех временах Сета... Уходи.

Низа с видимым усилием приоткрыла глаза, попробовала улыбнуться ему, но вместо улыбки лишь странная гримаса исказила ее лицо. Она знала, что то была только временная слабость, и скоро она сможет подняться, ибо срок ее пока не вышел — да и выйдет он по-другому. А нынче... Нынче она просто устала. По молодости лет да по незнанию северянину кажется, что колдунья вершит свои заклятия с привычной легкостью — но это, увы, совсем не так. Для Низы, которая за всю жизнь обращалась к искусству колдовства не более пяти раз, не было работы труднее, мучительнее, неприятнее. Только ради него, огромного черноволосого парня с холодным взглядом ярких синих глаз, она решила использовать древние знания; только ради него, который был похож на нее, как сын походит на мать, когда природа ее сильна...

— Уходи, — выдавила она, отворачиваясь. — И прощай.

— Прощай, — задумчиво произнес и он, пожимая плечами.

Что там толковала Низа о числах... Краб, дохлая мышь и слон... Потом еще должен быть первый встречный, непременно знакомый... И что значит «числа могут повторяться»? А что за «три времени Сета», о коих он должен помнить? Пусть о них помнит сам Сет! Или это был просто бред полоумной старухи? Кром! Как же не хотелось ему сворачивать с раз намеченного пути! Проклятая Мессантия!..

Спустя еще несколько мгновений он решил. С сожалением посмотрев на колдунью, уже погруженную в креп-

кий тяжелый сон, Конан встал, на этот раз предусмотрительно наклонив голову, чтоб не треснуться об потолок, и вышел из дома.

— Прощай, старая. — Перед тем, как скрыться в лесу, он напоследок оглянулся на Низину каморку, испытывая странное, мало знакомое, а потому и плохо узнаваемое чувство, от коего душе его было тесно в груди. Древний домишко, дырявое крыльцо, дряхлый пес... — И ты прощай, Зиго.

Затем северянин решительно повернулся к лесу и, дав себе клятву обязательно сюда вернуться, зашагал в сторону Мессантии.

Глава третья

Северные ворота города сияли в лучах заходящего солнца так ярко, что поначалу путник от рассеянности принял за блистающее око Митры именно их. Обнаружив свою ошибку, он никак не проявил чувств по этому поводу, так как голова его была занята совсем другим. Он вспоминал, как прибыл в Мессантию пять лет назад, только не с севера, а с востока, и не в одиночестве: под ним резво скакала буланая кобылка, уведенная у толстого вора Веселого Габлио, а перед ним, счастливо улыбаясь, сидел в седле рыжий талисман — восемнадцатилетний дурень, к коему Конан за несколько дней пути успел привязаться как к младшему брату. Он и сейчас ухмыльнулся, воспроизводя в памяти кое-какие глупости, что беспрестанно молот мальчишка. Надо будет навестить его в доме его приемного отца — купца Кармио Газа, а заодно повидать и Чинфо — хозяина трактира с идиотским названием «Искалеченный в боях Свилио»... Интересно было бы еще узнать, жив ли сам Свилио...

Тут тема Серых Равнин опять забрезжила в его сознании, и с давних своих знакомств он переключился на колдунью из леса возле Рабирийских гор. А жива ли сейчас она? С досадой Конан ощутил некоторый неуют в душе: что, если Низа уже гуляет в тумане царства мертвых? Само по себе сие не было бы для варвара особенной утратой, ибо старуха, по его мнению, пожила на этом свете предостаточно и теперь вполне могла оставить его и переселиться на

Серые Равнины. Но — только тогда, когда выйдет ее срок. Он не желал, чтоб ее смерть хоть каким-то образом оказалась связана с ним, с его будущим. Ее маленькое сухое тело, бессильно привалившееся к ножке высокого табурета, то и дело возникало перед его глазами наваждением: Низа отдала ему свои силы, а сама умерла? Нет, не должно этого быть... Северянин сморщился, отгоняя от себя назойливых пчел совести, что норовили ужалить его прямо в сердце — нет, не должно этого быть. Если Низа и ушла на Серые Равнины, так только потому, что ей давно уже туда пора, а вовсе не из-за него... Нет...

С такими мыслями Конан подошел к северным воротам Мессантии. Перед заходом солнца народу здесь оказалось довольно много, и все отчего-то не торопились войти в город, но легкое опасение киммерийца о причине подобного замешательства не оправдалось — за обычную пошлину людей беспрепятственно пропускали за ворота вялые красномордые стражники, и какого-такого Нергала все эти придурки толпились снаружи, Конан не мог уяснить до тех пор, пока сам не оказался в гуще событий.

— Подходи и выигрывай! — пискляво, по-восточному растягивая слова, взывал к почтенной публике невысокий тощий хорь, смутно напомнивший варвару Ловкача Ши из славного заморянского города Шадизара. — Легко и просто — р-раз, и все! Денежки ваши!

Хмыкнув, Конан протиснулся в первые ряды. Он понял, что происходит. Хитрая рожа облапошивал заезжих дураков у самых ворот, когда денег в их кошельках еще не убавилось, а ума в головах еще не прибавилось (и варвар подозревал, что никогда не прибавится). Некоторая мзда, на которую хорь, вероятно, не стал скупиться, превратила бдительных стражей в слепых и глухих, и теперь сонные глаза их равнодушно скользили по возбужденной толпе, вовсе не замечая тощего жулика с развернутой кошмой. А на кошме, конечно, стояли перевернутые вверх дном серебряные чашечки, так и мелькавшие в длинных ловких руках. Но когда очередной любитель легкой наживы подходил к хорю (в полной уверенности, что все остальные тупые ублюдки, а

вот он — самый умный и внимательный), желая угадать, под какой же чашечкой находится сейчас маленький, с мизинец, шарик, хитрая рожа начинал двигать руками в нарочито замедленном темпе, словно говоря этим: «Смотрите, я так хочу, чтоб вы выиграли, ребята! Это же так просто! Ну, где шарик, а?» И раздувшийся в предвкушении победы болван гордо тыкал пальцем в одну из чашечек, под коей только что был шарик...

Конан сплюнул и стал выбираться из толпы. Дальше он не хотел и смотреть. В Аграпуре, где он служил в свое время наемником у Илдиза Туранского, такие игры были запрещены законом, ибо состояли исключительно в ловкости рук и считались поэтому сродни мелкому воровству, хотя имели и собственное название — мошенничество. Конечно, все равно люди в них играли — дурней на свете столько, что их головами можно выложить дорогу из Ванаксейма в Вендию (и обратно, после краткого размышления решил варвар).

— Где шарик?! — страшно завопил обманутый, багровея. — Я видел, он был здесь! Ты передвинул его пальцем!

— Когда? — удивленно спросил хорь. — Всеми богами клянусь, уважаемый, пальцы мои не касались шарика!

— Касались! — задыхаясь, выкрикнул несчастный. — Верни деньги! Деньги верни, недоносок! Стража! На помощь! Грабят!

Стражники лениво двинулись к толпе. Конан и теперь знал, что будет дальше: они посмотрят на игру, пожмут плечами, не найдя в ней ничего особенного, и вернутся к воротам — в конце концов, хорь приносит прибыль им, а все остальные — одной лишь Мессантии, так что к Нергалу всех остальных, тем более что они такие кретины, коих мир не видывал...

Легко прочитав эти (или подобные) рассуждения стражников, киммериец пожал плечами и, спокойно миновав пустые ворота, вступил в город, вполне удовлетворенный тем, что так и не заплатил пошлину за вход.

Краб, дохлая мышь, слон... Сначала должен быть краб — он укажет ему дорогу... А вот где искать сейчас этого

краба? Скоро стемнеет, и тогда никакого числа Конану не понадобится — все дороги поведут в кабак... Он осмотрелся, обращая особое внимание на стены домов и на крыши, но нигде не увидел ничего похожего на первое число. Если бы не слова Низы о том, что где-то здесь, в Мессантии, и есть та самая дыра в его прошлом, которую требуется закрыть перед походом к Учителю, он вовсе не стал бы искать ни краба, ни двух других тварей, а направился бы прямо в любую харчевенку, где можно за пару монет и напиться, и подкрепиться, и поразвлечься... Нет, сколько он мог помнить, красивых девушек здесь не наблюдалось, так что с этой забавой придется повременить...

А вот та улица, по которой пять лет назад буланая привезла Конана с рыжим талисманом в трактир «Искалеченный в боях Свилио». Киммериец лишь на миг ощутил укол сомнения в душе, но, поскольку в глотке у него давно пересохло, а в животе печально навывал балладу о жирном барашке проголодавшийся дух желудка, он не стал более рассматривать округу в поисках первого числа, а решительным шагом двинулся по направлению к трактиру. Кто знает, может, краб ждет его именно там?

* * *

Допивая вторую бутыль белого вина, крепкого и терпкого, Конан мрачно обозревал разношерстный люд, набившийся в трактир перед заходом солнца. В основном здесь утоляли голод и жажду ремесленники из ближайших кварталов, но немало было и весьма подозрительных морд, возле столов которых более необходимого суеились подавальщицы. Часто с улицы входили в зал девицы, с ног до головы облитые дешевыми благовониями; их встречали дружным воплем, быстро разбирали меж собой и через пару-другую кружек уводили опять на улицу — разница состояла лишь в том, что на обратном пути кроме благовоний они оказывались облиты еще пивом или вином, а то и тем и другим одновременно. Конану все это показалось скучным: схема отношений, предваряющая акт любви, была одинакова везде, и сам он некогда действовал точно так же, но теперь

настроение его не предполагало ни разгула, ни страстных объятий со здешней красоткой. Скорее он предпочел бы просто напиться в одиночестве, — что, впрочем, сейчас и делал, — а потом навестить рыжего талисмана Висканьо и его отца Кармио Газа, о коем северянин пять лет назад составил довольно приличное мнение.

Велев чернявому подавальщику, пробежавшему мимо с огромным блюдом овощей, принести ему еще бутылку вина, Конан вдруг вспомнил о давних своих знакомцах из этого трактира и, ухватив парнишку за передник, допросил его о хозяине Чинфо, его искалеченном в боях брате Свилио и кривоногом слуге. Выяснилось, что первый умер за две луны до второго, то есть год назад, а о третьем подавальщик вообще ничего не знал и уверен был только в одном: среди всей прислуги трактира такого точно нет. В общем, из прошлого сохранилось одно лишь гнусное название... Конан спокойно выслушал печальное сие сообщение, не сопроводив его даже легким вздохом, и отпустил парнишку; сам же, в следующий миг уже позабыв и о Чинфо, и о Свилио, в ожидании заказа принялся снова разглядывать посетителей, и в особенности — девиц, коих прибывало сюда все больше и больше. К ночи среди них стали попадаться и не слишком старые, а порой и хорошенькие, так что интерес к жизни в Конане постепенно пробуждался, чему наверняка способствовало и употребление двух бутылей крепкого белого вина.

А когда после половины третьей он заметил входящую в трактир тоненькую темноволосую девушку, ни походкою, ни выражением лица ничуть не напоминавшую прочих, сердце его наконец отозвалось. Поднявшись из-за стола, Конан неверным шагом пересек зал, оттолкнул соискателя, уже хватавшего ее толстыми лапами, и протянул ей могучую свою длань ладонью вверх, сим жестом предлагая поместить туда маленькую нежную ручку.

То, что еще совсем недавно казалось ему невыносимо скучным, вдруг приобрело смысл; самодовольно усмехаясь, варвар следил за ее взглядом, что медленно поднимался к его синим, слегка уже помутневшим глазам, проходя сна-

чала по выпуклым мышцам груди, потом по белому шраму на шее и по самой шее, по твердому подбородку... Но когда робкий взор этот достиг его глаз и там замер, ухмылка сбегала с губ киммерийца: словно теплые лучи светлоголубого солнца коснулись его, пронизывая до сердца, кое тотчас дрогнуло и сладостно сжалось в приятном предчувствии.

— Иди со мной, — тем не менее хмуро произнес варвар, взяв девушку за руку и повел к своему столу.

Здесь, при свете огромной свечи, стоящей в массивном железном подсвечнике на выступе стены за его спиной, Конан рассмотрел новую подругу и позволил ей рассмотреть себя.

Девушка действительно нисколько не походила на здешних обитательниц — хотя бы потому, что была слишком юна и свежа. Весь облик ее выдавал благородное происхождение, а посему при всем желании она не смогла бы смешаться с лихими кабацкими девицами. Миловидное лицо с тонкими, но неброскими чертами привлекало чистотой и белизной кожи, изящным изгибом бровей и рта, но все-таки более всего глазами — голубыми, почти прозрачными, и вместе с тем такими глубокими и серьезными, словно в недолгой жизни своей девушке уже приходилось не только находить, но и терять и даже, подумалось вдруг Конану, не только жить, но и умирать... Очень тонкие руки ее, кои она положила на стол перед собой, не казались слабыми, да и четкая линия длинной шеи свидетельствовала об определенной силе и гибкости, а вот голубая пульсирующая жилка, наполовину прикрытая воротом большой мужской куртки и прядью густых каштановых волос, наоборот, подчеркивала уязвимость юной девы — такой контраст весьма понравился варвару. Он улыбнулся и, подвинув ей свою чашу с вином, спросил:

— Кто ты, красавица?

— Данита... — Если б он не видел ее, а только слышал этот нежный ровный голос, без труда смог бы представить себе ее внешность.

— Я — Конан. Из Киммерии. Слышала о такой стране?

Она молча помотала головой. Раз посмотрев на киммерийца, она уже не поднимала на него глаз, предпочитая разглядывать узоры на чаше и трещины на крышке стола.

— Ты как сюда попала?

— Я ищу отца... — Она ответила так тихо, что Конану пришлось повторить про себя ее слова, чтобы понять.

— Он кто? Сапожник? Портной? — заранее зная, что не сапожник и не портной, продолжал спрашивать варвар.

— Нет... Мне надо идти, его здесь нет.

— А с чего ты взяла, что он мог быть здесь?

— Он... Он... Мне надо идти, — заключила вдруг Данита, поднимая глаза на Конана, будто спрашивая, не против ли он остаться в одиночестве. Конан был против.

— Уже ночь, — наставительно сказал он, вновь подвигая к себе чашу с вином. — Как ты пойдешь одна по вонючей Мессантии? Луна и то еле светит... Клянусь Кромом, я провожу тебя домой, хочешь ты этого или нет.

Эту речь произнес однажды Ши Шелам (тот самый, что почитал духа желудка), соблазняя в дешевом кабаке на окраине города такую же дешевую сорокалетнюю Банну, огромную краснолицую торговку зеленью. Конан запомнил сие выступление Ловкача слово в слово, так что сейчас ему осталось только заменить Шадизар на Мессантию, а покровителя воров Бела на гораздо более достойного Крома, и, если не считать того обстоятельства, что луна-то как раз светила вовсю, первый ход в зарождающихся отношениях с девушкой был сделан. Вполне собою удовлетворенный, киммериец допил вино из чаши, а потом из бутылки, прямо из горлышка.

— Я не одна, — качнула головой Данита и улыбнулась, увидев, как при этих словах брови варвара съехались у переносицы. — Со мной Плипсо.

— Слизняк твой Плипсо, — презрительно скривил губы Конан. — Отпустил тебя в грязный трактир, полный всякой швали, а сам... Где же он? На улице?

— Нет. Он со мной.

Все еще улыбаясь, девушка сунула руку в глубокий карман мужской куртки, что была накинута на ее плечи,

и... В тот же миг варвар почувствовал такое необычайное волнение, что хмель мигом вылетел у него из головы. На ладони Даниты, широко растопырив клешни, лежал огромный живой розовый краб...

* * *

Первое число найдено. Оно должно указать ему дорогу — значит, теперь Конан непременно последует за Данитой, куда бы она ни вздумала направиться. С трудом оторвав взгляд от краба, он посмотрел на девушку, которая по юности своей была чрезвычайно обрадована произведенным на такого большого и взрослого мужчину впечатлением.

— Почему он живой? — спросил киммериец, сам толком не понимая, зачем это ему понадобилось знать.

— Он особенный, — с улыбкой ответила Данита, позавидовав недавнюю печаль по поводу пропавшего отца. — Он может жить и в море и на суше. Мне подарил его брат...

Но при последних словах губы ее дрогнули, и в глазах снова появилось нечто близкое слезам. Конан отлично знал подобное выражение глаз у женщин, а потому торопливо перевел беседу в другое русло: уж слезы ему были совершенно ни к чему.

— Расскажи мне про отца, Данита. Он что, часто бывает в этой дыре? — И киммериец выразительно обвел взглядом трактира.

— Нет. Кажется, он вообще никогда тут не бывал... У него... О, Конан, мне трудно говорить об этом, но у него случаются такие провалы в памяти... Он вдруг исчезает из дому, и потом я нахожу его в самых неожиданных местах... Две луны назад я искала его всю ночь и еще немного утром, а в полдень, когда я думала, что моего бедного отца уже нет в живых, его привели домой портовые рабочие. Оказалось, он спал под перевернутой лодкой и... О, нет...

Длинные темные ресницы ее опустились на вздох и тут же намокли. Все-таки слезы! Конан заерзал на табурете, понимая, что или она немедленно перестанет плакать, или ему придется искать первое число где-нибудь в другом месте.

— Кромом клянусь, девочка, — морщась, проворчал он. — Твои слезы не помогут ему, хоть ты затопи этот поганый кабак до самой крыши. Когда он пропал?

— Перед сумерками. Я вышла во внутренний дворик — мы с ним любим сидеть там вечерами — и увидела, что светильник уже зажжен и стол накрыт, а отца... — Данита всхлипнула, но сдержала очередную слезу. — А отца нет.

— Прах и пепел! Так, может, он еще не успел туда спуститься!

— Я спрашивала у слуг. Они сказали, что искали его в доме... Все напрасно...

— Хм-м-м... Ну что ж... Вставай. Пойдем, порыскаем по улицам, и если он не свалил из Мессантии, мы найдем его, девочка. Вставай же!

* * *

Если Плипсо с Данитой собираются искать пропавшего старика, то Конан тоже займется именно этим. Жаль, что придется отложить на время встречу с рыжим талисманом и Кармио Газа, но, в конце концов, он может навестить их после — или после того, как найдется отец девушки, или после того, как Конан получит от Учителя в гирканских степях ту великую Силу...

Луна освещала окрестности немногим лишь бледнее солнца, упиваясь своей безграничной, хотя и временной властью. Оказавшись на улице, киммериец вдохнул свежий воздух, пропитанный морем и солью, повертел головой, с неприязнью обозревая полузабытые места. Сейчас Данита как обладательница Плипсо — первого числа — выберет дорогу, по коей и пойдут они вместе до поры, а потом... Но такой прекрасной ночью Конан не желал думать о потом. Он обернулся к девушке, зябко пожимавшей узкими плечами за его спиной. Несмотря на безветрие, она и правда замерзла: карманы ее огромной куртки надулись, так что сразу было ясно, что она сжала кулачки, а кончик точеного носика чуть покраснел.

— Тебе холодно? — с недоверием поинтересовался варвар, но ждать ответа не стал.

Видно, старая Низа еще дышала воздухом их общей земли, ибо сердце Конана, зажатое переполненным желудком, снова дрогнуло — на этот раз не в сладостном предчувствии ночи любви, а охваченное лихорадкой приключения. Надо спешить! Какая разница, тепло Даните или холодно, если они не медля и вздоха двинутся в путь? Скорый шаг и согреет ее и подбодрит. Перебив девушку на полуслове, варвар наклонил к ней лицо и, заглядывая в серые ночью глаза, быстро сказал:

— Плипсо не потеряла?

Данита отрицательно покачала головой.

— Тогда что мы стоим? Говори, куда идти!

— Домой... — после мига замешательства прошептала она. — Да, домой.

— Ты уверена? — рыкнул весьма раздосадованный Конан, коему вовсе не улыбалось тащиться к ней домой, а потом снова по вонючей Мессантии в поисках второго числа. Кстати, что там старуха толковала о нем? Кажется, оно должно подсказать, где остановиться... Ладно, тогда киммериец пойдет с Данитой куда угодно, раз уж в кармане у нее Плипсо, но как только он увидит дохлую мышь...

— Уверена. Может быть, отец уже дома. До того, как я пришла в «Искалеченного в боях Свилио», я полгорода обошла... За это время он мог и вернуться... А если нет — я снова буду его искать... Но тебе ведь не обязательно ходить со мной... — прибавила девушка, почувствовав ноту раздражения в голосе спутника.

— Ну уж нет, — буркнул Конан. — Я тебя одну не оставлю. Только... Данита, да пойдём же скорее!

* * *

По просьбе киммерийца девушка несла Плипсо не в кармане, а в руке, чем краб, кажется, остался очень доволен. Он уже не двигал недовольно клешнями, и только усы его топорщились в разные стороны, то подрагивая, то опускаясь вниз — но, возможно, он просто тоже наслаждался чудесным ночным воздухом...

Время от времени поглядывая на столь необычного проводника, варвар резким шагом шел чуть поодаль, ста-

раясь не слишком обгонять и без того запыхавшуюся девушку. Она же спешила изо всех сил. Темные волосы ее, поблескивающие под серебристым светом луны, растрепались, а глаза сверкали тревожно-радостно, как если бы два этих чувства равно завладели ее душой. На деле так оно и было: тревога за отца смешалась с возбуждением от встречи с киммерийцем. Прежде Даните не приходилось не только быть знакомою, но даже и вообще видеть подобных мужей — могучих, немногословных, уверенных в себе и... И с такими красивыми синими глазами... В доме отца она встречала лишь неповоротливых жирных или юрких тощих торговцев, что в преклонном возрасте своем почти вовсе не обращали внимания на семнадцатилетнюю Даниту; к тому же их несравнимо более интересовали товары и деньги, о чем и велись беспрестанные разговоры меж ними и отцом. А еще раньше, в доме матери... О, там она тем более не могла увидеть кого-либо достойного внимания — мать жила замкнуто и с мужчинами не вела ни дел, ни — и в особенности — дружбы.

Этот северянин Конан с первого же взгляда не просто понравился Даните — он поразил ее до глубины и сердца и души. Она и на миг не ощутила беспокойства, вкладывая свою руку в его и затем следуя за ним к его столу. В нем совершенно не было ничего такого, чего ее учила бояться в мужчинах мать. Данита подавила вздох, родившийся при следующей, не очень подходящей для юной девы мысли, и тайком взглянула на Конана.

Он не думал о ней сейчас, занятый совсем иными вопросами, но и его сердце билось не так мерно и спокойно, как прежде. Эта девушка понравилась ему сразу, и если б киммериец мог хотя бы на пару дней задержаться в Мессантии, он непременно оставил бы ей добрую память о себе... Но времени не было — не было совсем. И если первое число ему уже удалось отыскать, то второе и третье оставались загадкой, не говоря уж о «знакомом», который должен был указать ему его дальнейшие действия... И все эти тайны содержались именно в противной его душе Мессантии! Почему он так невзлюбил этот город, он и сам

затруднился б объяснить. Может, потому, что впервые попал сюда в наисквернейшем расположении духа, а может, потому, что именно в здешнем порту он потерпел когда-то поражение в схватке с бандитами... Только светлый Митра знает, отчего душа принимает одно и никак не хочет принять другое... Чем, к примеру, отличается от Мессантии Шадизар, или Аграпур, или Замбула? Такие же, в меру грязные и в меру чистые города, но вот Мессантия вызывает в душе скуку и холод, а также одно-единственное желание: поскорее уйти отсюда... Конан фыркнул, еще раз испытывая неприязнь к этим улицам, сплюнул на вымощенную островерхими камнями дорогу, с мстительным удовлетворением проследил траекторию полета плевка... И вдруг... Он резко остановился. Прямо перед ним, напротив высоких железных ворот, лежала дохлая мышь...

* * *

— Я дальше не пойду, — твердо заявил он, стараясь не смотреть на Даниту. Но на Плипсо он искоса все же взглянул. Краб вяло развесил клешни и, похоже, уснул — во всяком случае, ленивая поза его ничем не напоминала то возбужденное состояние, кое овладело им при выходе из «Искаленного в боях Свилио».

— О-о, Конан... — удивленно протянула девушка. — Но дальше идти и не надо. Я дважды просила тебя остановиться, потому что... Вот он, мой дом. Только я хотела обогнуть его и войти через маленькую дверь, чтобы не будить слуг...

— Это и есть твой дом? — недоверчиво переспросил варвар, переводя взор с Даниты на Плипсо, а с Плипсо на дохлую мышь.

— Да. Пойдем.

Она потянула его за рукав, желая все-таки обойти дом с другой стороны, и Конан, оглянувшись на почившее бесславно второе число, пошел за ней, чувствуя не удовольствие от так скоро исполнившегося требования старой колдуньи, а досаду: вся эта история казалась ему бессмысленной. Что с того, что Данита таскала в кармане краба? Конан и без того

пошел бы с ней. А что с того, что на дороге валяласьдохлаямышь? Сей дом и без того оказался тем самым, к которому вела его девушка от самого трактира... Впрочем, задумываться об этом сейчас не стоило: пусть будет что будет, а дальше он посмотрит по обстоятельствам...

Но мысль, раз посетив, уже не покидала варвара. Снова и снова он перебирал в уме наставления Низы, пытаясь совместить их с реально происходящими событиями, но так ни к чему и не пришел. Заклячая свои измышления, он повторил для себя: пусть будет что будет, а дальше надо смотреть по обстоятельствам. Прежде, еще несколько лет назад, Конан вряд ли остался бы удовлетворен собственным решением, но теперь опыт ему подсказывал — сие на данный момент единственно верно. Не всегда действие лучше ожидания, как не всегда вино лучше пива, а друг лучше врага. Порой приходится использовать свое умение ждать, и, кажется, сейчас именно та ситуация...

Поглощенный своими мыслями, Конан не сразу заметил, куда ведет его Данита, и только когда она остановилась и отпустила его руку, тоже встал, с растущим недоумением оглядываясь вокруг. Смутное, едва уловимое беспокойство охватило его; пока он еще не понял, в чем дело, но чуял, что разгадка близко, совсем рядом, и нужно лишь немного напрячь память и внимание, чтобы уяснить суть.

Внутренний дворик, куда привела его девушка, оказался довольно мал. Две скамьи и низенький круглый столик на одной ножке — вот все, что увидел здесь киммериец, но и этого оказалось достаточно: память его тут же возродила некие обрывки прошлого, которые, однако, невозможно было соединить в одну картину и в которых нельзя было различить ни лиц, ни одеяний, ни слов. Ясно было только то, что Даниту он точно видел нынче впервые в жизни — такую девушку он бы не смог позабыть, даже если б взглянул лишь раз и мельком... Но вот откуда ему знаком этот крошечный внутренний дворик, этот стол, похожий на гриб, этот бронзовый светильник, тускло мерцавший сейчас во тьме в жалком подражанье серебряным звездам...

— Данита! — позвал варвар, не поворачивая головы.

Ответа не было. Тогда он оглянулся и обнаружил, что девушка куда-то исчезла, оставив его в своих владениях одного; с досадой сплюнув, Конан сел на скамью, решив подождать ровно столько, сколько ему бы потребовалось для того, чтобы выпить кувшин пива. По истечении сего срока он намеревался удалиться — хотя бы через стену, если будет заперта дверь. Вот только пива тут и в помине не было, и обыкновенной воды тоже, а в глотке киммерийца после трех бутылей вина пересохло так, что он то и дело слглатывал слюну. Подобное обстоятельство лишь усиливало и без того растущее с каждым вздохом раздражение.

То ли причиной тому была слишком черная ночь, то ли выпитое в трактире крепкое белое вино, только веки варвара вдруг набухли и отяжелели, а все мысли и чувства смешались в тугой колючий ком, угнездившийся прямо под переносицей. Конан вздохнул, пытаясь удержать голову на весу, но не сумел — широко и сладко зевнув, он повалился на скамью, подтянул ноги, кои в вытянутом положении свисали бы к полу, и, не имея сил даже на то, чтобы отбросить с лица густую прядь, уснул.

Глава четвертая

Когда он пробудился, солнце стояло уже высоко над Мессантией. Лучи его так прогрели каменные стены внутреннего дворика, что Конан чуть не задышался от жары. Пожалуй, если б не это, он спал бы до самых сумерек, ибо то был его первый за последние восемь дней и ночей сон без сновидений...

Не поднимая пока век, он сел; душа его с неохотой вернулась в тело с заоблачных высей, где парила так легко и свободно, не занятая земными заботами; долгий зевон возвестил ее окончательное возвращение в родное гнездо — киммериец мотнул головой и наконец взглянул на свет темными от сна глазами.

— Хороший день, Конан!

Негромкий, чуть надтреснутый мягкий голос прозвучал где-то совсем рядом. Варвар обернулся. Справа от него, локтями опираясь на спинку его скамьи, стоял человек небольшого роста, совершенно седой, со смуглым приятным лицом, покрытым сетью глубоких морщин, и с улыбкою взирал на Конана добрыми карими глазами. В том, что старик этот был ему знаком, киммериец не сомневался и на миг — как и в том, что вспомнит его сейчас же, стоит только услышать еще хоть пару слов из его уст. Но пока сии мысли вяло ворочались в его голове, сердце, которое, как давно уже он уяснил, соображает несколько быстрее его самого, опустилось к желудку — словно охнуло и присело; недоуменно хмыкнув, Конан нахмурился.

— Ты не помнишь меня? — Старик подобрал полы длинного своего платья, прошел к скамье напротив и сел, скрестив на груди темные тяжелые руки.

Вот оно! «... первый человек, коего ты узнаешь в лицо, сообщит тебе о дальнейших твоих действиях...» Конан еще не вспомнил его, но зато уже узнал в лицо, так что сейчас от него требовалось лишь одно: терпеливо выслушать все, что этому человеку заблагорассудится ему поведать.

— Я думал о тебе, Конан, — между тем с неожиданной грустью произнес старик. — Не далее как восьмого дня я видел сон...

— Кармио! — воскликнул киммериец, поднимаясь и испытывая истинную радость — такой давно не баловала его душа.

Если б мозг варвара не был затуманен вином и болезнью, он узнал бы его тотчас. Конечно, перед ним собственной персоной сидел купец Кармио Газа, приемный отец рыжего талисмана. Он постарел, и не на пять лет, а на все двадцать: волосы его, раньше волнистые и густые, поредели; плечи согнулись; морщинами покрылись лицо и руки; карие глаза, все еще красивые, стали мутны и — Конан с содроганием заметил это — в уголки их то и дело набегала старческая слеза. Только улыбка его осталась прежней.

— Ты совсем не изменился, дорогой друг, — дрожащей рукой проводя по плечу киммерийца, сказал купец, а когда снова присел на скамью против него, два ручейка бежали по глубоким канавкам на его щеках.

— А ты изменился, — качнул головой Конан. — Ты здорово изменился, Кармио.

— Я знаю...

Дверь бесшумно отворилась, и к столику подскочил слуга. Варвар угрюмо смотрел, как ловко расставляет он бутылки темного стекла, усеянные будто росой прозрачными каплями, блюда с холодной телятиной в желе, с овощами, с зеленью, миски, полные проперченной красной лапшой, а в заключение серебряные кубки для вина, и все его добрые чувства, разбуженные приятной встречей, постепенно таяли. Что мог-

ло случиться с веселым, сильным и умным Кармио? Как всего за пять лет он сумел превратиться из крепкого мужчины в слезливого, почти беспомощного старца? И наконец, где его рыжий приемыш? На эти вопросы киммериец надеялся получить ответ немедленно — как только уйдет слуга.

— Надеюсь, тебе придется по вкусу сие красное немедийское вино, привезенное прямо из Бельверуса...— Прежние лукавые нотки с некоторым облегчением услышал Конан в мягком голосе купца.

— Прах и пепел! Еще бы!

Он примерился и с размаху плеснул в свой кубок сразу полбутыли. Под яркими солнечными лучами немедийское красное заискрилось, заиграло в серебряных берегах кубка всеми оттенками — варвар одним глотком отхлебнул половину, проводил взглядом слугу и, в упор уставившись на старика, спросил:

— Ты болен?

— Да, друг, я болен,— после мига молчания ответил Кармио.— Я... Мои ноги уже не слушаются меня — как и мои слуги... В голове — такая же лапша, как в твоей миске... Я забываю, что делал прошлым вечером, а иногда не помню даже, что делаю сейчас... Я болен, Конан.

— Где рыжий?

— Его давно уж нет...— Голос старика прервался. Он хрипло, трудно закашлялся, и пот крупными каплями выступил на его высоком, с тремя поперечными глубокими морщинами, челе.— Его... нет, Конан.— Он прижал руки к груди, словно умоляя не произносить рокового слова.— Его... украли.

— Фу-у! — выдохнул киммериец, который уже успел представить себе бездыханное тощее тело рыжего талисмана.— Кто?

— Если б я знал, добрый друг... Если б я знал... Но — давай потолкуем об этом чуть позже. Ты устал с дороги. Пей вино, ешь...

— Договорились,— сумрачно согласился варвар, доливая в свой кубок вина.— А пока Расскажи мне, откуда у тебя вдруг появилась дочь.

— Данита... Она хорошая девочка, Конан. Ее мать — чудесная женщина, сестра моего друга... Он умер, она тоже... Я взял Даниту в дом и — был рад... Как я был рад! А через два дня... Через два дня пропал мой Виви...

— Ну вот что, Кармио,— решительно сказал киммериец, увидев, что глаза старика опять повлажнели.— Я хочу знать все — все! И прямо сейчас! Ты слышал меня?

Старик молчал, опустив голову. Тогда Конан привстал, дернул его за рукав, нечаянно облив при этом вином его ногу в кожаном легком сандалие — чего тот, кажется, вовсе не заметил — и повторил:

— Ты слышал меня, Кармио? Я хочу знать все!

— Я слышал... Я расскажу...

* * *

— Мы не виделись с тобой пять лет и еще одну луну, Конан... Что было за это время в твоей жизни — потом ты непременно поведаешь мне... Я тоже хочу знать все... Уверен, что подвиги твои не только множественны, но и славны, ибо суровое сердце твое воистину благородно, а душа воистину честна... Так говорил о тебе мой мальчик, пока был со мной... Он даже сочинил балладу о Конане-варваре, великом воине из далекой Киммерии! О-о, дорогой друг, ты улыбаешься... Вот послушай:

Там, где рождаются буйные дикие ветры,
Там, где на сопках качаются черные тучи...

Нараспев начал купец, но при первых же словах вдруг заметил в синих очах гостя выражение обреченности, граничащей с отчаянием: из уважения к Кармио Газа Конан готов был выслушать балладу рыжего до конца, хотя сие равнялось для него попытке каленым железом, и старик, оценив его мужество, улыбнулся и смолк.

— Если душа твоя возжелает, потом я попрошу Даниту исполнить для тебя эту прекрасную балладу с музыкальным сопровождением. А сейчас позволь мне начать мою грустную повесть...

Киммериец облегченно вздохнул и с удовольствием позволил.

— Не раз я вспоминал тебя в эти годы, друг. Иной раз мне казалось, что Митра услышал мои мольбы и скоро ты вернешься сюда из дальних странствий, дабы отдохнуть в тиши и покое среди любящих тебя сердец... Когда мы — я и мой мальчик — вели беседы о тебе, светлой печалью исполнялись наши души и... Прости, мне трудно говорить о тех счастливых днях...

Старик вытер слезу, побежавшую по проторенной уже дорожке. Виноватая улыбка тронула его бледные губы; он глотнул вина — лишь для того, чтоб промочить горло, — и видимо собрал силы, желая продолжать.

— Торговое дело мое расширялось. Удача стояла на страже у моих ворот и днем и ночью, так что вскоре после возвращения мальчика я отправил караваны с товарами во все концы света... Он помогал мне, и к радости моей, я обнаружил у него немалые способности — теперь я мог спокойно уйти на Серые Равнины и оставить все в его руках... Не припомню, Конан, толковали мы с тобой о Великом Равновесии? Однажды мне снился такой кошмар: столкновение Добра и Зла. Добро в этом сне было самым обыкновенным маленьким горным озерцом — прозрачным и покойным, словно Вечность опустила в него свои длинные косы и погрузилась в дрему... Зло окружало Добро со всех сторон и было голыми скалами. Они нависали над озерцом тяжелыми мощными выступами, и страх сковывал мои члены, ибо чудилось мне, что свирепые колоссы из мрака Нергалова царства стали в строй и выдвинули челюсти в боевом азарте... Но ничего не происходило. Тишина — хотя и зловещая — не предвещала того безумия, кое началось чуть позже, и ни малейшего движения вокруг я не замечал...

Но вот с неба сорвалось солнце — я не знаю, откуда оно там взялось, потому что до того я его не видал; может, пряталось за горами? — и одним сверхбыстрым пролетом срезало вершины скал. Огромные куски камня повалились в озеро, стремительно засыпая его (а ты помнишь, наверное, что отличалось оно весьма малыми размерами) — только искристые брызги полетели во все стороны!.. И вот

я, охваченный диким ужасом, заметался у берега, закричал... Нет, я не кричал... Я орал! Я вопил! Я визжал! Я был похож на безобразную тупую обезьяну, у которой туземец своровал дневной запас бананов!.. Пот заливал мои глаза, смешиваясь со слезами... И наконец я решился. Прыгнув в озеро — оно было неглубоко, по грудь мне, — я стал руками отбивать летящие сверху камни, в горячке не чувствуя ударов, да и рук своих тоже не чувствуя. Кровь моя текла ручьями, отчего вода вокруг меня делалась розовой, а потом... А потом вдруг озерцо, наполовину уж заваленное кусками скал, всплеснулось, вытолкнуло меня обратно на берег, мощными струями начало отшвыривать камни, так что те ломались и крошились еще в падении! О, Конан, как это было страшно и... завораживающе...

— А дальше? — с любопытством осведомился варвар, видя, что старик не собирается продолжать.

— Не знаю... — пожал плечами купец. — Дальше я пробудился.

— Кром! Значит, ты так и не увидел, кто победил? Добро или Зло?

— Нет. Но, думаю, ни одному человеку сего знать не дано. Да и не кончена еще борьба...

Кармио Газа опять замолчал, то ли заново переживая свой сон, то ли просто собираясь с силами. Уставясь в середину стола, он медленно потягивал вино, погруженный в неведомый никому и ему самому мир. Но, заметил Конан с удовлетворением, руки его уж не дрожали, и глаза были сухи.

— Так вот, дорогой друг, что касается Великого Равновесия, — внезапно молвил он, поднимая взор на киммерийца. — Я знаю, так бывает чрезвычайно редко, но бывает: когда жизнь не имеет просвета; когда она состоит из одних только черных дней; когда и надежда на лучшее, не получая и малого подтверждения, гаснет, гаснет... пока не исчезнет бесследно... И наоборот: лишь невинные белые облачка изредка омрачают ясную погоду жизни баловня богов. Он счастлив, хотя и не желает того признать — на лице его печать скуки и грусти, но не надо этому верить, потому что он и сам в это не верит. Он так убежден в благосклонности

небес к его милой жизни, что маска сия всего-то дань им, высшим, нечто вроде жертвоприношения... Мол, я слаб и ничтожен, и нахожусь в вашей власти, и понимаю это, а посему не оставьте меня в ужасном жестоком мире одного; помогайте мне; смотрите на меня; любите меня всего, любите меня всегда и ни в каком случае не переставайте меня любить... Ну, так или примерно так... Вот те исключения, когда Великое Равновесие не проявляется никак, и, мне кажется, друг, се тоже есть коварство Зла...

— Но ведь вторая жизнь счастливая, ты сам сказал. — Конан, который все это время с энтузиазмом молодости поглощал вторую миску лапши, забрав ее с половины купца, на миг прервал трапезу, чтобы с удивлением посмотреть на собеседника.

— Хм-м, дорогой друг... Вечное счастье, представляется мне, родом как раз из царства Нергала... Человек может не осознавать того, довольный ровным течением своего существования, но на деле именно так и есть...

— Не встречал я еще парня, которому бы пришлось страдать...

— Есть и такие, — усмехнулся купец, — Но я не о них. И не о страдании вообще. Я о том, что в любой жизни — и твоей и моей, и каждого — должно всенепременно присутствовать Великое Равновесие, дабы можно было понять чужое горе, простить чужую ошибку и прочее... Иными словами, дабы жить среди остальных людей праведно — конечно, насколько позволяет натура. Впрочем, я знаю точно — и натура имеет прекрасное свойство подвижности и со временем приобретает новые черты, успешно избавляясь от некоторых лишних прежних... Но сие был бы очень долгий разговор, Конан... Давай остановимся на общем нашем убеждении о необходимости наличия в бытии Великого Равновесия...

— Давай, — согласно кивнул варвар, приступая к телятине.

— Итак, течение моей собственной жизни — благосмирной, ровной и, в общем-то, вполне счастливой — неожиданно повернуло вспять. (Дальше я буду только рассказы-

вать, что произошло, а оценивать предоставлю тебе, поскольку я могу, сам того не желая, ошибиться и направить мысль твою по ложному пути...)

Спустя полтора года после той истории с пастушкой и овцами от внезапной болезни умер мой старый друг. Я знал его с детства, которое ныне кажется мне таким далеким, что я уж сомневаюсь, был ли я когда-либо ребенком вообще... Но я отвлекаюсь, прости меня...

Упоминал ли я о том, что жил мой друг в городе Шамаре, что в славной Аквилонии? Нет? Увы, увы... Расстояние порою разрывает накрепчайшие узы... Так и мы с ним — не виделись без малого пятнадцать лет. Но все это время я получал от него весточки и сам отвечал ему... Я знал, что живет он один в огромном доме — как и я, пока не появился мой Виви. Также я знал, что в Танасуле — этот город тоже находится в Аквилонии — у него есть сестра, а у той — дочь. Как-то раз, за несколько лет до его смерти, мне привелось увидеть и ту и другую: по своим торговым делам, кои шли тогда не слишком удачно, я заехал в Танасул и там навестил их. Сестра его оказалась чудесной женщиной, но строжайших — строжайших! — правил... Признаюсь тебе, что, проведя с нею один лишь вечер, я не чаял поскорее уйти, и только маленькая Данита — существо прелестное, милое и живое — скрасила мое пребывание в этом доме. Она не отходила от меня, все ластилась, показывала слепленные ею из глины смешные фигурки и трепала мои тогда еще густые волосы частым своим гребнем...

Известие о печальном конце моего друга — а надо сказать, что болезнь его поразила пренеприятнейшая, что-то вроде тропической зеленой лихорадки — заставило меня бросить все дела и поехать в Шамар. Но, к несчастью, я прибыл поздно: дом его был уже продан, а имущество разобрано за долги, коих у него оказалось достаточно. Там же, в Шамаре, я увидел и Даниту. Мать ее умерла незадолго до смерти дяди, и девочка осталась совершенно без средств. Конечно, я взял ее с собой. Она помнила меня и с великой радостью согласилась последовать в Мессантию, с тем что-

бы стать моей дочерью. Таким образом, и страдание мое по поводу потери старого друга завершилось неожиданно счастливо: кроме сына у меня теперь была и дочь. Видишь, как ревностно стерегла тогда удача мои ворота?

Я привез девочку в Мессантию, познакомил ее с Виви. О, Конан, они очень понравились друг другу! Мальчик подарил ей краба, которого сам выловил в море и который оказался странной породы — он мог жить и в море и на суше одинаково легко...

— Плипсо?

— Да, я забыл, что ты уже видел его. А Данита подарила Виви глиняную фигурку Митры, дабы она охраняла его жизнь и покой... Два дня безоблачного счастья!.. Я любовался на своих детей, и мне тогда казалось, что я сам молодею рядом с ними... Всего два дня... Однажды вечером привратник доложил, что встречи со мной просит какой-то древний старик... Я никогда не отказываю просителям, Конан, ибо кто может знать, не станешь ли вдруг просителем сам... Я велел позвать его в дом.

Только глаза — одни глаза — не понравились мне в нем. В остальном же это был обыкновенный благообразный старец, весь седой, с длинной, до колен, бородою, с жидкими и тоже длинными волосами, с руками, тронутыми язвой, а годами и болезнью согнутый крючком; одет он был в некогда белую, а теперь серую от пыли хламиду, на ногах — рваные сандалии; наконец, опирался он на палку, потому что ко всему прочему был еще и хром...

Он не сразу смог говорить — путь его, как поведал он мне потом, был долог и труден, тем более для его преклонных лет. Я обеспокоился: он выглядел совсем плохо, ноги не держали его и вместо слов из горла вырывался один хрип. Мой слуга принес слабого терпкого вина и немного еды, и через некоторое время несчастный старец оправился, сумел даже улыбнуться мне и поблагодарить... Затем я попросил слугу проводить нашего гостя наверх, дабы он отдохнул с дороги... А наутро я уже слушал его печальную историю, которую сейчас же перескажу тебе как запомнил.

Звали его Деденихи (такое вот странное имя), и родился он без года сто лет назад в небольшом горном селении на границе Шема и Турана. Шемит ли он? Туранец? Он того не ведал. С юных лет покинул он родной свой дом и отправился в странствие по свету. Наверное, ты не раз встречал таких на своем пути...

— Я и сам такой, — усмехнулся варвар.

— Нет, ты не такой. Ты... О, Митра, я не умею этого объяснить, только ты совершенно не такой... Может быть, потому, что у тебя совсем другие глаза...

— При чем тут глаза, Кармио? — недовольно фыркнул Конан. — Мы толкуем о течении жизни, а ты вдруг о глазах!

— Пусть будет так... Хотя... Ну хорошо, пусть будет так... Будучи еще очень молодым, Деденихи на некоторое время осел в Шепине, маленьком кхитайском городке — но не по своей воле. Его обвинили в нарушении правил поведения, то есть в том, что он был слишком богато одет для того бедного квартала, в коем решил остановиться на ночлег. Помимо пяти золотых, заплаченных им за сей «ужасный» проступок в государственную казну, он должен был отработать три луны подмастерьем портного и только после этого мог отправляться в дальнейший путь. И он отработал. За это время Деденихи успел не только научиться шить затейливые кхитайские платья, но и весьма близко познакомиться с очаровательной девушкой Те-Минь, дочерью его хозяина. В молодости любовь приходит столь же быстро, сколь затем исчезает... Думаю, нетрудно догадаться, что по истечении положенного срока юноша покинул сей негостеприимный город уже не один, а с прелестницей кхитайской...

...После полугода странствий молодые люди были вынуждены сделать долговременную остановку в Бритунии, ибо Те-Минь ждала разрешения от бремени. Вскоре в маленькой деревушке Кью-Мерри на свет появился сын Деденихи, названный им в честь осиротевшего в Шепине портного Лау-Ко. Итак... О, Конан, кажется, я утомил тебя своим повествованием... — прервал себя Кармио Газа, уви-

дев, что киммериец уже осушил две бутылки немедийского красного и теперь зевает во весь рот.

— Кром... Ладно, я могу потерпеть, — учтиво ответил гость, тем не менее не в силах сдержать следующий зев.

— Нет-нет, сейчас я распоряжусь...

Купец поднялся, быстрым шагом засеменил к двери. Провожая его сонным взглядом, Конан лениво отметил, что доброму старику до сих пор еще не пришлось в голову держать звонок для вызова слуг прямо здесь, у скамьи, или хотя бы у двери, чтобы всякий раз, когда нужно распорядиться о чем-либо, не бегать в дом...

— Это Пепино, Конан! — бодро возвестил Кармио, появляясь в дверном проеме. — Он проводит тебя наверх, в твои покои!

Барвар скептически осмотрел гномоподобного Пепино, который сверкал на него из-под густых бровей черными косоватыми глазками, затем встал и пошел за ним, во всех членах своих ощущая неимоверную усталость, а в голове — полную пустоту...

* * *

Конан проснулся еще до сумерек. Массивное тело его утопало в пуховых подушках, а от яркого солнца не спасала даже тяжелая темная занавесь: хоть лучи его и не проникали в комнату, зато нагрели ее за весь день до состояния туранской бани, так что киммериец едва мог дышать от жары. Поэтому, наверное, снилась ему бескрайняя пустыня, по коей брел он в Гирканию, к Учителю; поэтому, наверное, на полпути упал почти бездыханный в раскаленный песок; поэтому и очнулся так скоро, и вскочил с роскошного ложа своего с проклятиями, адресованными Нергалу и его прихвостням, хотя в чем состояла их вина, вряд ли сумел бы сказать.

Однако Кармио Газа был поистине тароватый и внимательный хозяин: у изголовья разъяренный Конан вдруг обнаружил низкий столик, а на нем — бутылку непрозрачного толстого стекла и глубокую золотую чашу. Вино на сей раз оказалось местным, но, на удивление, мягким и доволь-

но приятным на вкус. Не прибегая к помощи чаши, гость жадно выхлебал всю бутылку до дна и лишь тогда почувствовал, что жив.

Кармио Газа ждал его на том же месте. Судя по прищуренным и тусклым глазам его, он тоже пробудился только сейчас. Встретив Конана обычной своей ласковой улыбкой, старик жестом пригласил его занять скамью и вкушать вечерней трапезы, состоящей из черепашьего супа и фруктов. Вина же было вдоволь всякого. Не медля и вздоха, киммериец набросился на угощение.

— Ну, Кармио, — пробурчал он, попеременно глотая то суп, то вино. — Что там еще произошло с этим Дедехи, рассказывай!

— Деденихи, — поправил купец, с умилением глядя, как гость его уписывает черепаший суп. — Итак, я остановился на том, что у него родился сын... Такая радость!.. Увы, мне не пришлось испытать ничего подобного — мой сын пришел ко мне уж будучи юношей... О, нет, Конан, я не стану утомлять тебя описанием собственных чувств; они настолько просты, что понятны и так... Вернемся к нашему герою, если, конечно, можно сим прекрасным словом обозначить этого человека.

Спустя лишь полтора года после рождения малыша Лау-Ко Деденихи вновь овладела страсть к перемене мест. Недолго думая, он оставил в Кью-Мерри жену и сына и отправился в путь, намереваясь вернуться не позднее следующего года — во всяком случае, так сказал мне он сам. Но — богам не угодно было его воссоединение с семьей (и это тоже его слова). При переходе через горы Кофа его пленила банда разбойников, коих прельстил его пышный наряд. Раздев злосчастного путешественника почти что донага, они скинули его со скалы, но... Между нами говоря, дорогой друг, я так и не понял, откуда у Деденихи было столь богатое одеяние, что в Кхитае его за это судили, а в Кофе ограбили... Как ты помнишь, он родом из небольшого горного селения (а я знаю совершенно точно, что состоятельные люди предпочитают все-таки жить в городах), то есть самое большее, на что мог он рассчитывать — так это

на плащ из овечьей шкуры. Да и последующую его жизнь не назовешь роскошной...

Ты улыбаешься, Конан... В этом месте его рассказа я тоже чуть было не улыбнулся, но пожалел старца... Так вот: разбойники столкнули его со скалы, и он неминуемо разбился бы, если б в падении не развязалась вдруг набедренная повязка — единственное, что на нем оставалось, — и не зацепилась бы за куст, росший из расщелины в этой самой скале... Увидев такое чудо, злодеи решили, что на стороне их жертвы сами боги; они бросили ему конец веревки и вытянули вверх.

То ли я плохо понял, то ли повествователь здесь несколько сдукавил, но совершенно неожиданно для меня выяснилась такая странная вещь: после низвержения со скалы Деденихи потерял память! Вот и ты теперь смеешься, друг... Да, трудно поверить... Ведь его же не били по голове, и, как мне показалось, в полете ему не встретилось ничего такого твердого, обо что можно было удариться... Ну, кроме куста, за ветки которого он зацепился набедренной повязкой... Впрочем, если разбирать все несоответствия, обнаруженные мной в его рассказе, то я и к ночи не закончу... Так что я думаю, что мы не станем сейчас размышлять, лгал он или нет. Позволь, я продолжу...

К великой радости Деденихи, забыл он только самые ненужные вещи из своей прошлой жизни: место рождения, происхождение, принудительную службу в подмастерьях у портного и, наконец, существование в маленькой бритунской деревушке Кью-Мерри жены Те-Минь и сына Лау-Ко. Не правда ли, память его довольно рационально подошла к столь важному вопросу: что помгить нужно, а что совсем необязательно? Таким образом Деденихи снова стал свободным (или, как выразился он сам, «бедным одиноким странником»); жаждущая новых приключений душа его не могла успокоиться и, естественно, — естественно для такого человека, я имею в виду, — он возжелал остаться с разбойниками, дабы изведать и сию сторону жизни. Он вещал об этом так серьезно, Конан, что я начал сомневаться в ясности его мыслей. Проще говоря, я решил вдруг, что он ума-

лишенный, и с этого мгновения внимал пространному рассказу его лишь из вежливости и неистребимого во мне уважения к преклонным годам. О, дорогой друг, а не так ли и ты сейчас слушаешь меня?

— Прах и пепел! — поперхнулся варвар глотком вина. — Нет, конечно! Когда я не хочу слушать — я не слушаю! Давай дальше!

— Попробуй еще этого, сладкого. Оно привезено из Шема, с виноградников одного моего старинного приятеля...

— Уж больно оно желто, — с сомнением покачал головой Конан, заглядывая в широкое, с его кулак, горлышко кувшина. — Как мед, смешанный с водой...

— Из особого сорта винограда! Если тебе понравится, я велю принести еще... Теперь я пропущу некоторые мало-важные подробности из повести забредшего ко мне старца и перейду сразу к самому главному. Вплоть до пятидесяти лет Деденихи странствовал по свету беспрерывно. Иранистан, Кхитай, Коринфия, Туран, Аквилония... Так однажды пришел он и на свою родину, в Шем. Усталый с дороги, он остановился на ночлег в постоялом дворе, что вблизи города Эрука. Подозвав красивого молодого хозяина, он попросил принести немного пива и хлеба, а сам присел у очага... И вот, когда он пил свое пиво, закусывая свежайшим хлебом, с лестницы, ведущей на второй этаж, спустилась женщина, чье белое и чистое лицо с чуть раскосыми глазами показалось Деденихи смутно знакомым. «Кто ты и откуда, милая?» — так обратился он к ней, не забыв улыбнуться и поклониться. «Я — Те-Минь, дочь портного из Шепина...» — тихо ответила она, затем вдруг повернулась и поспешно скрылась за дверью под лестницей. В этот-то момент он и вспомнил все.

Поначалу безумное волнение сковало его члены: он не мог двинуться с места, не мог говорить и почти не мог дышать. Постепенно приходя в себя, несчастный припоминал прошлое, и в особенности пребывание свое в кхитайском городке Шепине, знакомство с дочерью портного, последующее бегство с нею, страстные ночи любви и рождение малыша Лау-Ко в бритунской деревне Кью-Мерри. Значит,

хозяйкою постоянного двора была его жена, а этот красивый молодой человек — его сын? О, Митра!

...Не смотри на меня так, дорогой друг. Я не сошел с ума. Я просто передаю тебе его рассказ как могу подробно. «О, Митра!» — воскликнул Деденихи, обливаясь слезами. Он бросился вслед за Те-Минь, проворно сбежал вниз по темной лестнице и нашел ее в небольшой комнатке, где бедная женщина, бросившись ничком на кровать, тихо плакала о нем и о загубленной своей молодости. Она сразу простила Деденихи, а когда он поведал ей о полете со скалы и потере памяти, прижала его голову к своей еще высокой и полной груди и покрывала поцелуями изрядно поредевшую его макушку. В ответ и Те-Минь рассказала мужу о нелегкой жизни одинокой женщины с младенцем на руках. В Бритунии она прожила двенадцать лет, пока окончательно не потеряла надежду на возвращение Деденихи. Потом с малышом Лау-Ко она перебралась в Шепин, но лишь на четверть луны: лавка отца ее оказалась закрытой, а соседи рассказали, что он давно уже умер; женщина помыкалась по городу в поисках родных и, поскольку никто не захотел признать ее и ее сына, выехала в Шем, памятуя о том, что это родина ее драгоценного супруга, и может быть, когда-нибудь она отыщет его там. И вот спустя без малого тридцать лет после дня разлуки они снова были вместе.

Те-Минь позвала Лау-Ко, и молодой человек смог наконец обнять своего отца, чему, как мне кажется, более был рад сам отец... Так или иначе, но с этого вечера жизнь Деденихи совершенно изменилась. Он счастливо зажил с новообретенными женой и сыном, не уставая удивляться их сноровке в ведении хозяйства постоянного двора. Сам он, проболтавшись по миру столько лет, не был привычен к каждодневному тяжелому труду, а потому не столько помогал, сколько мешал, так что Лау-Ко даже был вынужден просить его вообще ничего не делать, а только отдыхать. Растроганный таким отношением Деденихи с превеликой радостью изъявил согласие немного отдохнуть... Так прошло еще — сейчас ты опять будешь смеяться, Конан — сорок лет. За это время многое изменилось в жизни семьи

бывшего путешественника. Вскоре после его возвращения Те-Минь умерла, едва успев порадоваться женитьбе сына, а еще через три года овдовел и он — благодарение богам, молодая жена его сначала принесла мальчика (которого Лау-Ко, добрый и почтительный сын, назвал в честь отца — Деденихи), а только потом душа ее улетела на Серые Равнины... (я повторяю то, что сказал мне мой гость).

Но — приближается конец повествования. Признаюсь, что в продолжение всего рассказа я никак не мог уяснить, зачем же он пришел ко мне. Я никогда не знал и не встречал ни его жену, ни его сына и внука, ни, разумеется, его самого. Мучаясь сим вопросом, я тем не менее все не решался прервать его, всякий момент ожидая, что сейчас услышу желаемый ответ. Наконец-таки к сумеркам он добрался до сути, кою я немедленно тебе изложу... Кстати, не хочешь ли отведать зингарского белого? Редчайшее вино! Погоди немного, я велю принести...

Глава пятая

Зингарское белое оказалось весьма похожим по вкусу на немедийское красное, только было оно чуть более терпким и чуть менее крепким. Конан по достоинству оценил угощение купца и выпил около четверти кубка, остальное приберегая для дальнейшей беседы с Кармио Газа. Старик не таянул: промочив горло вином, он тут же приступил к той самой обещанной желанной сути, сделал лишь одну оговорку...

— Я не ручаюсь за правду, дорогой друг. Помнишь, я сказал тебе сразу, что мне не понравились глаза этого человека? Так что не обессудь, если предложенная им повесть к концу покажется тебе уж совсем странной...

За три года до того, как Деденихи появился в моем доме, в семье его случилось несчастье. Внук — а ему к тому времени было уже сорок пять лет! — покупая на базаре в Эруке необходимые для постоялого двора продукты, попал в пренеприятнейшую историю. Он заметил вора, который вытащил из наплечного мешка одного ремесленника толстый кошель (тот потом кричал, что эти деньги он копил несколько лун), и попытался схватить его за руку.

Недолго думая, вор вывернулся из объятий младшего Деденихи, оставив злополучный кошель в его кармане, и исчез. Привлеченный воплями народ окружил несчастного; он кричал, что вор не он, а он — честный гражданин Шема, но — ведь выбора не было, ведь настоящий вор убежал, а в

азарте охоты люди редко склонны разбираться, кто прав, кто виноват; кликнули стражу, и к вечеру того же дня внук моего гостя сидел в темнице, проклиная ли свою судьбу, вовсе ли не думая о ней — не могу знать.

Деденихи и Лау-Ко распродали большую часть имущества, чтобы подкупить судей, но все оказалось бесполезно, а скорее всего, просто мало... Дела их шли все хуже и хуже, словно с первым же за долгие годы горем удача отвернулась от них. Оба уже старики — ведь даже Лау-Ко было почти восемьдесят лет, — они оказались в ужасном положении: запасы кончались, все деньги разошлись по судейским карманам, и постояльцы приносили скорее убыток, нежели доход... Если б младший Деденихи был с ними, все обернулось бы совсем иначе, потому что в последнее время он один вел все дела постоялого двора; без него же им грозила скорая и неминуемая смерть в нищете... Так говорил мне мой гость...

И вот однажды услышал Лау-Ко от прохожего об удивительном человеке, что живет в городе Мессантии... Великий дар получил он от богов при рождении — дар принести удачу: тот, с кем будет он рядом, будет иметь все, чего только не пожелает... И зовут сей талисман... Ты-то знаешь, Конан, как его зовут...

Оживившийся за время повествования Кармио Газа опять сник. Варвар же, который уже отлично понял, в чем дело, молчал: старик по доброте своей совершил ужасную ошибку, отправив Висканьо с ублюдком Деденихи выручать из темницы его внука, и что теперь он мог сделать? К тому же вся эта история случилась не нынче, а более трех лет назад, так что выручить талисмана из беды — если он вообще еще жив — вряд ли было возможно.

— Кром... Какого Нергала... — Конан хотел упрекнуть купца в излишней и глупой доверчивости, но тот поднял на него взгляд, и варвар не продолжил. — Тьфу!

— Да, Конан... Я понимаю, что ты хочешь мне сказать, но не говоришь, жалея... Я старый глупец. Я сам подарил своего сына первому встречному. А потом я искал его и не сумел найти. Я...

— Хватит, — поморщился киммериец. — Хватит, Кармио. Ты совершил то, что считал нужным, и поздно теперь о том сокрушаться.

— Да, конечно... Прости...

— Да мне-то что тебя прощать? — рыкнул Конан, в непонятном ему самому раздражении отшвыривая пустой кубок в сторону.

В полном молчании они сидели еще некоторое время. Купец — устремив взор в звездное небо, киммериец — вяло засовывая в рот апельсинные дольки. Странная судьба рыжего талисмана взволновала его, хотя он ни за что не признался бы в этом вслух. Сейчас он вспоминал, как нашел Висканьо пять лет назад, привязанного к доске и с кляпом во рту; как с ним на спине переплывал Хорот; как вызволял его из лап Красивого Зюка... Что с ним теперь? Зачем старый проходимец увел его? Уж конечно, Конан не поверил в историю с освобождением внука... Все это было ловко придумано для того лишь, чтобы выманить рыжего из дома...

И тут варвар догадался о причине внезапного своего раздражения. В глубине души он с самого начала рассказа Кармио предполагал, что выручать парня придется ему, что, естественно, было совсем некстати. Но не даром же ему встрети-лась Данита с Плипсо, а потом эта дохлая мышь у ворот дома купца... Те числа, о которых втолковывала ему Низа, привели его именно сюда, а первый же человек, коего он узнал в лицо... Конан замер, припоминая: «...коего ты узнаешь в лицо, сообщит о дальнейших твоих действиях...» Как же расценить повествование Кармио Газа? Он ни о чем его не просил, просто поведал, что произошло в его жизни за то время, пока он не виделся с Конаном. Так и любой человек, встречая давнего приятеля, спешит рассказать ему о себе...

Но как же тогда дорога в Гирканию, к Учителю... В голове киммерийца все перепуталось. Что делать? Отправ-ляться на поиски талисмана или плюнуть на него и идти за великой Силой? Неодолимо Конана влекло все же к Учителю, а потому, усилием отбросив всякие мысли о спасении рыжего, он прервал молчание, обратившись к купцу:

— Вот что, Кармио... Я...

— Конан! — звонкий и чистый голосок Даниты не позволил ему закончить, чему он был рад, ибо легче схватиться со снежным тигром, чем отказать другу в помощи... Даже если он о ней и не просит... В конце концов, можно уйти ничего не объясняя и не прощаясь — так он и поступит на рассвете, а пока...

— Данита! Где ты была? — Он обернулся и с удовольствием посмотрел в нежное личико. — А Плипсо с тобой?

— Со мной. Вот он.

Краб на ее ладони снова зашевелил клешнями, заворочал бусинками глаз, и Конану показалось, что он хочет взглянуть на него — он, первое число, хочет взглянуть на варвара и тем самым еще раз напомнить ему о напутствии старой колдуньи. Ярость всколыхнулась в душе мужчины, но так же быстро и угасла: непонятное и весьма неприятное чувство, сменившее ее, угнетало, но разбираться в его происхождении значило отступить от прежнего решения. Нет, такого Конан допустить не мог. Упрямо сжав губы, он отвернулся от Плипсо.

— Ступай-ка спать, девочка, — мягко произнес купец, глядя на нее так ласково, как до того он смотрел только на Висканьо.

— Позволь мне побыть немного с вами, отец, — Данита прильнула к плечу старика, ластясь, заглянула в его глаза. — Совсем немного...

— Ну хорошо, — тут же растаял Кармио. — Только тогда принеси для Конана того туранского, которое привезли прошлой луной.

Данита чмокнула отца в седой висок, вепорхнула легко и, махнув рукой киммерийцу, скрылась за дверью.

— Я знаю, о чем ты думаешь, Конан, — прямо посмотрев на гостя, сказал вдруг купец, — и могу сказать тебе вот что: ступай своей дорогой. Моя беда не должна мешать жить тебе. Я виноват сам, а значит, и расплачиваться должен сам. А ты — ступай. Я только хотел бы, друг, чтобы ты не забывал нас...

Варвар криво ухмыльнулся. Предназначение Низы уже сбывается — первый человек, коего он узнал в лицо, нако-

нец «сообщил ему о дальнейших его действиях», посоветовав ступать своей дорогой. То есть он сказал именно то, что Конан и хотел от него услышать. Значит ли это, что Митра по-прежнему благоволил к нему и желает одарить великой Силой без промедления?

...Он вспомнил схватку со снежными тиграми — белыми полосатыми ублюдками, которые перекрыли ему путь в Гирканию... Потом семь дней и ночей в хижине колдуньи... Потом ее волшбу и после — угасание, начало то ли смерти, то ли долгого беспамятства... Кто их знает, этих богов! Нынче они благосклонны, наутро хмуры, через день зловредны... К Нергалу их всех! ...Он, Конан, ничем теперь не связан с прошлым, что бы там ни нагадала ему Низа. Ступать своей дорогой? Отлично!

Бодрые, хотя и несколько сумбурные мысли эти тем не менее вяло прокручивались в голове киммерийца. Сердце же его вообще молчало. Со вздохом обратил он взор свой на Кармио Газа, что поник головой и, кажется, собирался вздремнуть.

— Вот что, Кармио, — медленно произнес Конан, размышляя о том, напомнить ли купцу, что расплачивается за свою ошибку не он один — он-то остался дома, а вот талисмана умыкнули... Решив и на сей раз сдержаться, варвар встал, прошел к дальней стене, где валялся брошенный им кубок, и, подняв его, вернулся на место. — Вот что, Кармио, я скажу тебе. Если Виск еще живой — я найду его.

Так решительно произнес Конан, что и сам опешил. А в общем, сие уже было predetermined, и как он ни сопротивлялся, против себя пойти не мог. Расчетливый мозг его отвергал столь нерациональный поступок, как розыск ничем — для него ничем — не примечательного мальчишки. Но — и это выяснялось с годами — кроме работы ума внутри него происходила еще и работа души, которую он, суровый воин, прежде с презрением не желал признавать. Затем стало понятно, что душа и есть он сам, и его мозг у нее лишь подмастерье, а уже как следствие этого открытия Конан склонен был теперь прислушиваться к своим чувствам — правда, пока только порою...

Лицо купца вытянулось. Дрема в мгновение слетела с его тяжелых век, и он уставился на киммерийца с изумлением, чуть ли не с ужасом, словно тот сказал нечто богохульное, за что немедленно будет поражен молнией либо обратится в камень. Но следующий вздох его был вздох облегчения. Некогда полные и розовые, а ныне сухие бесцветные губы его дрогнули в растерянной улыбке, а глаза вновь наполнились слезами — на этот раз счастливыми. На вошедшую же в этот самый момент Даниту старик уже смотрел с такой радостью, что девушка остановилась в дверях, не понимая, что произошло.

— Хей, Данита, — благодушно буркнул варвар, к которому понемногу возвращалось доброе настроение. — Ты принесла вина?

— Да.

Она подалась к нему, протягивая сосуд с обещанным туранским, и Конан, забирая его, едва сумел подавить возглас удивления.

— Эту флягу купил Висканьо, — звонко объявила девушка, усаживаясь на скамью рядом с отцом. — В порту, у одного черного гребца.

— Прах и пепел... — проворчал киммериец. — Я так и понял.

Фляга сия оказалась сделана в форме трубящего слона, что, конечно, сразу напомнило Конану о третьем предложенном колдуньей числе, кое должно было развеять его сомнения. Что ж, теперь и в самом деле не приходилось сомневаться — он пойдет на поиски рыжего, если уж все числа совпадают именно на этом...

Наливая в кубок вино из задранного вверх хобота слона, варвар уже не мучил себя размышлениями ни по поводу талисмана, ни по какому иному поводу: сумбур в голове развеялся, все было совершенно ясно. Он с удовольствием глотнул великолепного туранского, ощущая себя если не королем, то во всяком случае принцем, а вовсе не гостем в доме аргосского купца, и весело посмотрел на старика с дочерью, что взирали на него влюбленными глазами и молчали.

— Ну, Кармио. Теперь поговорим о деле?

— Дважды я отправлял в Шем своих слуг — самых молодых, самых пронырливых и хватких. Увы, они возвращались ни с чем... Не то что моего мальчика, но даже Деденихи и его сына Лау-Ко они не смогли обнаружить там. Постоялый двор в предместьях Эрука действительно есть, но он заброшен давно — местные крестьяне поведали, что хозяев не видели с десятков лет!

— И кто же были хозяева?

— Ты будешь удивлен, добрый друг, но они говорили именно о Лау-Ко и его матери, почему-то вовсе не упоминая отца...

— А почему слуги твои не искали младшего Деденихи? — осведомился варвар, прикладываясь к весьма поправившемуся ему туранскому.

— В темнице? Искали! В том-то все и дело, Конан, что в Эруке его нет, и никто там о нем не слыхивал!

— Отец, — робко вступила в разговор Данита. — Ты просил Конана найти Висканьо?

— Я не просил, дочка, — с улыбкой ответил купец. — Наш друг сам решил помочь нам, за что я буду благодарить его до конца дней своих...

— И я... — Данита опустила глаза. Щеки ее покрылись нежным румянцем, и она, почувствовав это, отвернула лицо.

— Не будем терять время, — пробурчал киммериец, тем не менее довольно усмехаясь. А впрочем, благодарить его пока было не за что — он еще не только не нашел рыжего, но даже и не начал его искать. — Это все, что тебе известно, Кармио?

— Увы, — пожал плечами старик.

— Негусто... Кромом клянусь, негусто. Ладно, теперь это моя забота. Если понадобится, я найду ублюдка Деденихи и распотрошу его. Кармио, вели к рассвету приготовить для меня лошадь, ну и... Все. Да, пусть еще соберут дорожный мешок — и чтоб там была фляга туранского.

— А немедийского красного?

— И немедийского красного...

Отдав такие распоряжения, варвар допил вино из кубка и встал. До рассвета оставалось совсем немного времени, а долгая беседа утомила его так, что он не чувствовал в себе сил даже на то, чтоб попрощаться с Данитой, как хотел... Последняя мысль промелькнула в его голове уже у входа в отведенные ему покои. Содрав с себя куртку и штаны, Конан рухнул на поистине королевское ложе свое, уткнул нос в подушку и тут же провалился в глубокий, без сновидений, сон.

Перед рассветом в дверь его тихонько постучали. Пока гномоподобный Пепино с умильной улыбкой разглядывал помятую физиономию гостя, сам гость принял из рук его новую одежду, о коей успел позаботиться Кармио Газа, облачился в нее, затем осушил с полбутыли полюбившегося ему туранского и лишь после этого позволил слуге полить ему на руки из серебряного кувшина.

У ворот уже разгуливал купец, явно поджидая Конана. Он не спал всю ночь — глаза его отекли и превратились в щелки, углы губ были устало опущены, а плечи сгорблены. Сейчас он выглядел дряхлым стариком, и варвар внутренне содрогнулся, представив вдруг, что когда-нибудь и он может стать таким. Но в его возрасте подобные думы редко задерживаются надолго, а посему, положившись на милость Митры, он выкинул их из головы и подошел к купцу.

— Что не спишь, Кармио?

— Не могу, — улыбнулся старик. — Последнее время я плохо сплю — все думаю о мальчике... Да и годы уже...

— Лошадь готова?

— И лошадь, и дорожный мешок — все, как ты велел. Если позволишь, я хотел бы отправить с тобой Пепино. Несмотря на малый свой рост, он обладает силою и сноровкой и может пригодиться тебе...

— Нет! — наотрез отказался варвар. — Еще Пепино мне не хватало.

— Тогда возьми меня!

Киммериец и купец обернулись. От дома к ним направлялась Данита, одетая в мужское платье, и даже издалека

было заметно то суровое выражение, какое она старательно пыталась придать своему нежному милему личику. Конан расхохотался.

— Прах и пепел! Да ты смелая девочка, я смотрю!

— О, нет! — замахал руками старик. — Нет, Данита, и не думай! Я никуда тебя не отпущу! Митра свидетель, хватит с меня и того, что пропал мой Виви!

— Но отец!..

— Ступай домой! — приказал Кармио, и Конан впервые услышал в его мягком голосе железные нотки.

— Я не возьму тебя, Данита, — поддержал он старика. — Мне и Пепино-то не нужен, а ты...

— Да я умею больше, чем Пепино! Я умею стрелять из лука и бросать копьё, я умею...

— Я не возьму тебя, Данита, — твердо повторил Конан, отворачиваясь. — Кармио, пусть подадут лошадь.

Вороная кобыла, приведенная сонным привратником, была достойна особ королевских кровей — высокая, тонконогая, с маленькой породистой головой и огромными фиолетовыми глазами, она обошла купцу не менее чем в пятьдесят золотых и, подозревал киммериец, считалась в его конюшне лучшей; под стать ей была и сбруя. Конану захотелось немедленно оседлать красавицу, но дорога предстояла неблизкая, и поэтому сначала следовало проверить содержание его дорожного мешка.

— Все, — заключил варвар, снова завязывая мешок. — Ну, Кармио, прощай пока.

Он вскочил на вороную — она капризно дернулась под его массивным телом, — наклонился и потрепал по волосам Даниту, которая точно так же капризно дернулась под его рукой; рассмеявшись, киммериец направил кобылу к воротам. Оглядываться он не хотел: долгие проводы означали частые воспоминания, а уж что-то, но воспоминаний ему в последнее время и без того хватало... Стрелой помчалась его красавица по длинной улице спящей еще Мессантии, и вскоре дом Кармио Газа остался далеко позади — зато далеко впереди Конана-варвара ждали другие люди и другие приключения... А что еще нужно вечному страннику?

Несколько удивленный собственным определением самого себя, киммериец снова засмеялся — наконец-то легко и бездумно — и прищипорил лошадь.

* * *

К вечеру того же дня Конан был уже на полпути от Шема. Поначалу он собирался ехать подальше от берега моря, помня о том, что ветры порой не просто бушуют там, а безумствуют; но по прошествии некоторого времени изменил это решение, ибо погода и ночью и днем стояла на редкость мягкая, спокойная и теплая. Вблизи моря воздух был чист и свеж, а полоса густого плодородного леса обеспечивала его кобыле постоянный корм, так что варвару оставалось лишь заботиться о пресной воде для нее — у него самого на случай жажды в дорожном мешке лежали три аккуратно заткнутые фляги: с туранским, немедийским красным и аргосским белым. Правда, в первой вино уже плескалось на дне, зато две другие были полны, и по его расчету, до первого постоянного двора он вполне мог ими обойтись.

Привязав лошадь к толстой обломанной ветке старого дуба, киммериец развел костер. На фоне темно-синего, как его глаза в гневе и страсти, неба золотые и красные искры казались осколками далеких звезд, что сияли сейчас так ярко, словно не только зажглись, а уже догорали. Закусив остаток туранского куском свежей розовой ветчины, Конан расстелил на траве теплый плащ, так же предусмотрительно, как и вино, упакованный слугой купца в его дорожный мешок, и смежил веки — это была первая его остановка за день, а посему и сон оказался близок.

...Но так же внезапно, как уснул, посреди ночи Конан пробудился. Он не стал вслушиваться в тишину, опустившуюся к берегу моря Запада, не стал всматриваться в черную даль и не менее черную близь — ничего такого, что могло бы потревожить его, здесь не было. Полный покой дарил южный Аргос одинокому путешественнику в эту ночь... Редкие вскрики птиц, стрекотание цикад, еле слышимый мягкий плеск волн — вот все звуки, кои впились в

ночную тишину, ничуть не нарушая ее. То же, от чего он вдруг вернулся в явь, было совсем другого происхождения, не природного. Ему приснился сон купца — тот самый, о схватке Добра и Зла; Конан не раз за последние дни думал о нем, искренне сожалея, что Кармио Газа не удалось увидеть финала. Не то, чтобы его так уж волновал исход битвы (он отлично знал — как бы там ни было во сне, на самом деле истина в Великом Равновесии, и пока земля не раскололась на тысячи кусков, ни Зло, ни Добро не одержат победы), но каким-то краешком души он надеялся, сам того не сознавая, если не уничтожить, то хотя бы сильно покалечить противника. А в это понятие — Зло — для него входило многое, и прежде всего — маги и колдуны всех видов и мастей. Он был уверен: основное зло от них, ибо они — не кто иные, как проводники его, берущие начало в царстве Нергала, всеми корнями вросшие в его твердь.

Кармио Газа стар и немощен, и сон такой должен был присниться, конечно, не ему, а мужу молодому, могучему — вот хотя бы Конану. Чем купец мог помочь Добру? Недаром оно само вытолкнуло его, решившись на битву со Злом. Его, Конана, не вытолкнуло бы... Киммериец со вздохом повернулся на другой бок. Ему удалось увидеть только самое начало сего сна: прозрачное горное озерцо, окруженное черными огромными скалами... И если старик спокойно выдержал ту страшную тишину, что перед схваткой окутала землю, то варвар в этом месте пробудился — у него заложило уши, да так, что казалось, вот-вот голова расколется как гнилой орех...

Теперь оставалось только надеяться на длинную ночь и продолжение этой истории со столкновением Добра и Зла. Он снова закрыл глаза, но уснуть не смог. Как в каморке у старой колдуньи, сейчас вспоминал он прошлое — уже не под воздействием волшебного зелья, а просто по стремлению души. Он редко проводил ночь без сна — разве что только в том случае, когда гулял в кабаке или любил женщину; обыкновенно сон его был хотя и чуток, но крепок. Наверное, поэтому он не знал, что ночью все — и прошлое, и настоящее, и даже будущее — видится совсем ина-

че, нежели днем. А вернее всего, прежде он этого не замечал. Не заметил и теперь. Ему и в голову не пришло задуматься, отчего так сдавило грудь, отчего тоской повеяло от тех, порой весьма веселых приключений, отчего дыханию стало тесно в его большом теле, и даже свежий морской воздух не помогал ему.

Он вспомнил Белит — и кстати. С ней ему привелось встретиться как раз после той нелепой истории с золотой пастушкой и ее овцами, когда, подобно тому же сну Кармио Газа, победа не досталась никому. Впрочем, можно сказать, что киммериец не взял ее, эту победу, вышвырнув пастушку в море, а овец разделив. Дебу Абдарраху повезло меньше: он утонул в море Запада, недалеко от берега... Где он теперь? На Серых Равнинах? Или в ободранной шкуре какой-нибудь злобной собаки или хитрой кошки? Хуже, если он вселился в несчастного младенца... А в общем, Конан не верил ни во второе, ни в третье. Про Серые Равнины знают все, а остальное — всего лишь досужие выдумки придворных лентяев... А вот Белит...

Конану очень не хотелось бы, чтоб Белит ходила по тем же тропам, что и Красивый Зюк. Конечно, Серые Равнины не Мессантия, и не весь Аргос, и не Киммерия и Ванахейм с Асгардом вместе взятые; сколько душ там уместается — столько на земле не живет людей. И все же сама мысль о том, что его возлюбленная могла пройти рядом с гнусным ублюдком Дебом, была противна варвару. Но, возможно, тот все-таки остановился на своей родине, в царстве Нергала, и тогда Белит не встречает его вовсе...

Киммериец зевнул. Конечно, как сие не пришло ему в голову раньше? Таких, как Красивый Зюк, после смерти забирает к себе Нергал, и из них потом лепит своих вонючих демонов... Так что Конан может быть спокоен за Белит, она далеко оттуда...

...Дремота снова овладевала им, но была тяжела и неспешна. Затылок, виски наливались сном как бурдюк пивом — до отказа; перепутанные мысли тугим клубком застряли где-то под переносицей, и жажда высушила горло, но тянуться к мешку за флягой не хотелось. Он с трудом

вернулся в прерванный сон Кармио Газа, желая непременно увидеть продолжение (горное озеро, скалы... что это? он забыл, ибо уже не владел собой), и медленно, медленно начал погружаться в небытие...

* * *

Перед закатом следующего дня Конан уже был в Асгалуне. Этот пышный и величественный и в то же время сумбурный, нелепый шемитский город нравился варвару тем, что здесь можно было найти развлечения на любой вкус и на любое настроение. Если последнее располагало к веселью — маленькие кабачки, коими просто усеяна была окраина, ждали гостей и ночью и днем.

Там беспрестанно играла музыка, и волоокские девы с пухлыми грудями и широкими пышными задками не только плясали и пели, но и за пару монет дарили свою любовь тому, кто этого хотел. Вино там лилось рекою или даже водопадом и стоило весьма дешево; как и везде в Шеме, там можно было что угодно продать и что угодно купить — иные шастали туда ежедневно только за этим, и чаще только ради азарта, а не выгоды; половина деловых знакомств тоже заводилась там.

Если же душа жаждала покоя и тихой грусти, человек устремлялся в дом Гуина (а и таких в Асгалуне было более десятка), где в полном — или не совсем полном — одиночестве коротал вечер под нежные и высокие звуки цитры. А поскольку огромный зал в доме сем делился на сотню крошечных комнатшек, посетителя никто не беспокоил, кроме учтивых и расторопных слуг, готовых по первому желанию привести для гостя девушку или юношу, или и девушку и юношу, способных усладить не только плоть его, но и взор своим прелестным видом.

Гуин, придумавший такие трактиры, был идиотом и давно уже умер, но многочисленные родственники его продолжали столь удачно начатое дело, ибо доход оно приносило просто невероятный. Конану приходилось бывать в этих домах и, хотя он ни разу не заказывал себе утешительницу, пить в одиночестве чудесное — и очень дорогое — вино

любил. Но соответствующее настроение посещало его редко, и обычно из дома Гуина он шел в те самые кабачки, где можно было разгуляться, оставив покой и тихую грусть за порогом.

От западных ворот города киммериец направил вороную прямо, а потом налево: насколько он помнил, именно эта улица изобилвала заведениями подобного рода. Так и оказалось.

Он спешил к первой же двери, где с одной стороны на вывеске грубо, но красочно была намалевана баранья нога (в каждом городе была по меньшей мере пара забегаловок с такой картинкой), а с другой — и это даже рассмешило бы Конана, если бы к иронии не примешивалось раздражение — красной яркой краской художник изобразил уродливого краба, больше напоминавшего не собственно сию тварь, а колдуньино его изображение в виде числа; вверил лошадь слуге, что болтался у входа, и забрав с собой дорожный мешок, вошел в кабак, предвкушая уже все те удовольствия, которые здесь получит этой ночью.

В небольшом зале, набитом до отказа самым пестрым людом, стоял невероятный гвалт. Орала все. К ночи половина здешних посетителей успела налакаться до такой степени, что уже потеряла всякую способность слушать и слышать, да и свежему человеку в грохоте и звоне кружек, тарелок, ножей и бутылей не представлялось возможным разобрать не то что слова, а и тон и тембр голоса соседа.

Только Конан переступил порог, как к нему подскочил раскрасневшийся от усердия подавальщик, морщась от шума, выслушал заказ и, кивнув в знак того, что все уяснил, немедленно исчез в глубине зала. Варвар усмехнулся: будь он одет как прежде, наверняка пришлось бы самому идти на поиски слуги, но сейчас на нем был богатый наряд, подаренный Кармио Газа, и он выгодно отличался от прочих оборванцев, наполнявших кабак.

Впрочем, его и в бедном одеянии отличали всегда — по росту, по стати, по выражению лица... Конан отодвинул с дороги обнявшуюся парочку пьянчуг и прошел к длин-

ному столу, где вклинился между тонким бледномордым юнцом и толстым одышливым торговцем, у коего в левой руке, поднятой призывно вверх, посверкивало маленькое зеркальце в золотой оправе. Иной раз к толстяку подходили покупатели, но предлагаемая ими цена, как видно, не устраивала продавца — он отрицательно мотал головой и продолжал жадно поглощать куски мяса, не поднимая глаз от тарелки.

Приняв из рук слуги огромное блюдо с жареной бараниной, Конан плеснул в свою кружку пива, отхлебнул сразу половину и, удовлетворенный его вкусом и ароматом, приступил к трапезе.

...Когда на блюде остались одни только кости, варвар позволил себе передохнуть, а значит, и осмотреться. Сытый взгляд его блуждал по залу недолго: в противоположной стороне он заметил вдруг некую особу, напомнившую ему старую знакомую из Шадизара. Ни та, ни эта не обладали стройной девичьей фигурой и нежным голоском — совсем наоборот: гвардейский рост в сочетании с пышным задом, тугими румяными щеками и хриловатым басом являлись их основными и для некоторых мужчин самыми привлекательными чертами.

Порой и Конана тянуло на нечто подобное, особенно после принятия нескольких кувшинов кислого и крепкого пива... Вперив помутневший от еды и питья взор в мощную грудь привлекавшей его красоти, варвар медленно поднялся и пошел к ней, легко рассекая потную толпу любителей подраться, кои с визгами и воинственными воплями копошились прямо посредине зала.

— Как звать тебя, милая? — криво ухмыляясь, поинтересовался он, локтем плотно прижимая к ее мягкому животу.

— Мархит, — игриво ответила она басом, в ответ еще крепче вдавливая его локоть в свой живот. — А ты кто будешь, незнакомец? Вижу, что не шемит...

— Киммериец, — жарко выдохнул он ей в ухо. — Конан. Ты здешняя хозяйка?

— Да...

Томные выпуклые глаза могучей Мархит впились в его синие, откровенно призывая к немедленной любви, и варвар согласно прохрипел в ответ на это те ничего не значащие ласковые слова, которые произносил уже многожды и многим и вот теперь — ей. Но она все равно не слушала. Ухватив рукав его новой кожаной куртки, она влекла его за собой, наверх, на второй этаж, где было тихо и темно, где под ногами таинственно скрипели половицы и где в любом уголке коридора пахло любовью... Конан зарычал, рывком повернул Мархит к себе лицом и, не дожидаясь, когда она отворит дверь, сжал ее в своих объятьях...

Глава шестая

Подперев полной белой рукою щеку, Мархит смотрела на спящего Конана. Мысли ее, словно волны в загоне, были вялы и ленивы, и никогда не покидали заранее очерченной границы — то есть все, о чем она думала, сосредоточивалось только на хозяйстве и любви, а также на том, что так или иначе касалось того же. Появление в ее жизни этого огромного киммерийца отлично вписывалось в такую схему: он пробыл с нею одну ночь и, может быть, пробудет еще немного — от природы практически устроенная натура Мархит позволяла ей не обольщаться и смотреть на жизнь спокойно и трезво, не лелея мечтаний и не питая несбыточных надежд; своим появлением он украсил ее довольно однообразное, хотя и совсем не скучное существование, и она была за то благодарна ему; еще некоторое время после его отъезда она не раз вспомнит о нем с приятною и сладким томлением в душе, потом — забудет. Мархит легко отдала Конану маленький уголок в своем сердце, с тем чтобы уже никого туда не поселять, но и с тем чтобы через годы никогда туда больше не заглядывать. И это была ее жизнь, которая не то что вполне ее устраивала, но и нравилась ей.

Она осторожно тронула подушечкой пальца белый шрам на его твердой щеке, подула на пушистые длинные ресницы, с детским любопытством наблюдая их трепет. Мог ли он стать ее мужчиной? Мархит не задумалась об этом и на миг. Справедливо полагая, что мужчины вообще не более

чем спелый фрукт или кусок хлеба, созданный богами затем лишь, чтобы утолить голод и исчезнуть, уступив место следующему, хозяйка трактира и Конана воспринимала точно так, инстинктивно все же выделяя его из прочих. Как любая женщина, она умела почувствовать истинную силу и надежность, исходящую от него даже спящего...

Наконец ей надоело на него смотреть. Наклонив свое лицо над его лицом, так что длинные густые волосы ее смешались с такими же его волосами, Мархит, лукаво засмеявшись, ткнула его носом в губы, потом в подбородок, желая пощекотать, а когда он сердито сдвинул брови во сне, хихикнула и быстро отпрянула, тотчас открыв его лицо появившимся как раз в этот момент солнечным лучам. «Хр-р... хр-р-м...» — не хотел просыпаться Конан, но сон уж нельзя было удержать. Глубоким вздохом проводив его, киммериец открыл глаза и угрюмо взглянул на Мархит.

— Рассветает, парень, — пророкотала она ему в самое ухо, снова засмеявшись. Но теперь, с пробуждением его, игривый смех не удавался, хотя она и близко не чувствовала никакого смущения.

— И что? — Конан дернул плечом. — Какого Нергала мне сдаться этот рассвет? Зачем ты меня разбудила?

— Быр-быр-быр? Быр-быр-быр! — передразнила Мархит его хриплый голос, забывая, что и сама обладала почти таким же. — Затем, что мне надо идти в зал, а тебе — со мной. Ты же хочешь выпить вина?

— Ну... — неуверенно бормотнул варвар. Он толком не знал, хочет ли вина, потому что ясно хотел чего-то другого, только не мог сейчас сообразить, чего же именно. — Ладно... Пойдем.

Конан свесил с кровати босые ноги, горячими ступнями с удовольствием ощутив прохладный пол. Одежда его, накануне комком брошенная в угол комнаты, теперь лежала тут, на кресле, аккуратно сложенная. Варвар натянул штаны, безрукавку, остальное пока оставив, и встал, не обращая внимания на пристальный взгляд Мархит.

— Вижу война, — почему-то со вздохом произнесла она, тоже поднимаясь с кровати. — Война, и все тут.

— А еще чего? — хмыкнул заметно довольный этим замечанием варвар.

— Воина, — повторила Мархит, — и бродягу. Пусть Ашторех отворотится от меня навеки, если это не так... И пусть до конца дней моих в мою постель не ляжет мужчина, если Конан-киммериец приехал в Шем только для того, чтоб найти себе девушку на ночь. Что скажешь на это, парень?

— Гм-м... Ну, не только за этим, — с видимой неохотой согласился Конан, которому все больше хотелось того, чего он не мог еще назвать. — Мне вообще в Эрук надо.

— В Эрук? — Мархит, застегивая юбку, замерла на мгновение, подняла на него темные глубокие глаза. — Вонючий Эрук! Что тебе там понадобилось?

Услышав про ненавистный ей почему-то Эрук, добрая женщина отбросила всякую дипломатию и задала интересующий ее вопрос прямо.

— Мало ли... — туманно отвечивал Конан, с тщательным скрываемым удовлетворением взирая на хозяйку трактира своими синими равнодушно-холодными глазами (вот оно, женское любопытство, проявилось при первой же встрече! Ему не из чего теперь делать тайны, но и раскрываться сразу он не намерен).

— Вонючий Эрук! — процедила Мархит сквозь зубы. — Там умер мой брат. Поехал туда — и умер. А потом и мать. Пока жила в Асгалуне — ни на что не жаловалась. Была румяна и здорова, как я сама! А задумала поехать в Эрук за телом брата, и... Как вернулась, в два дня зачахла... Теперь одна тут, среди сброда. Ненавижу этот сброд! Ненавижу этот вонючий Эрук!

Сумбурная речь хозяйки трактира несколько удивила киммерийца: весь вид ее, величественный, чуть не королевский, не предполагал вспышки, тем более направленной не на определенное и одушевленное лицо, а на город. Конан и сам не любил некоторые города — например, Мессантию, — но чтоб так волноваться по этому поводу...

— Клянусь Кромом, красавица, кто-то из парней в Эруке крепко обидел тебя, — сделал киммериец единственно

правильный вывод, на что Мархит фыркнула и отвернулась. — А для меня этот город ничуть не хуже любого другого, так что давай мне вина, и я поеду...

Не дожидаясь, пока хозяйка разберется со всеми застежками на блузе, он подхватил с пола свой дорожный мешок, сгреб в него одежду с кресла и, заправляя волосы за воротник безрукавки, пошел к двери.

— Вонючий Эрук! — донеслось ему вслед.

* * *

Сидя в душном, на три четверти опустевшем к утру зале, Конан понял наконец, чего ему так сильно хотелось: воды. Простой холодной воды, которой не было во рту его вот уже три дня. Прекрасное вино купца, да и то, что предложила ему сейчас Мархит, баловало вкус и повышало настроение, но жажды не утоляло. Юный подавальщик с красными от недосыпания глазами, спотыкаясь, побежал за водой и потом с изумлением смотрел, как, обливаясь и давясь, огромный северянин пил эту мутную воду, набранную им в зацветшем и грязном ручье у городской стены.

Мархит, навалившись на стол мощною грудью, также не спускала глаз с лица гостя. Никаких мыслей не было в голове хозяйки в этот момент, и сие являлось привычным ее состоянием, притом отнюдь не умаляя несомненных достоинств доброй женщины. Взгляд ее тем не менее был тот, что обыкновенно называют задумчивым — она казалась целиком погруженной в какие-то важные мысли или воспоминания, и влажные глаза лишь подтверждали такое впечатление. Вернув пустой кувшин слуге, Конан что-то спросил ее раз, другой — она не ответила; тогда он принялся за вино, легко забыв о ее присутствии, и она вдруг очнулась. Взгляд ее изменился, словно бы просветлел, хотя всего лишь наполнился неким смыслом — не отрывая его от киммерийца, Мархит подвинула к себе его кубок, отпила большой глоток, и тут же широкое лицо ее озарилось милой улыбкой, но совсем не из-за вина. Ей почудилось в его взоре нечто (увы, только почудилось), а оттого, несмотря на твердое мнение о мужчинах вообще,

захотелось вновь поволочь его наверх, чтоб там он подтвердил свое чувство. В следующий миг добрая женщина, близоруко сощурившись, разобрала во взоре сем то ли иронию, то ли — и это было бы ужасно — насмешку; брови ее грозно сдвинулись и кулаки сжались; в темных коровьих глазах блеснул совершенно неподходящий для них огонь гнева, а пышная грудь начала вздыматься, не в силах сдержатъ горячее дыхание.

— Прах и пепел! — удивленно воскликнул Конан на это. — Что с тобой, Мархит? Никак ты перебрала этой кислоты?

— Это не кислота, — отрезала хозяйка, — а мое лучшее вино! Из Хорайи! А ты, киммериец, иди-ка...

Но она не успела обозначить направление его пути, ибо пламенный взгляд ее упал вдруг на вход в зал да там и остановился. Мгновением позже алые пухлые губы Мархит раздвинулись странным образом: нижняя отъехала к полному белому холму груди, а верхняя почти присоединилась к носу, из глубины меж ними вырвался короткий то ли стон, то ли вскрик, и только потом мирный негромкий гул трактира полностью забил, заглушил истошный вопль, от которого варвар едва не захлебнулся очередным глотком вина.

Добрая женщина орала так, что, будь на месте Конана человек с менее крепкими нервами, душа его наверняка отлетела бы к Серым Равнинам, дабы хоть там получить желанный покой. Конан не дрогнул. В первый момент, правда, рука его сама собой дернулась к поясу за мечом, ибо вой хозяйки по силе и тембру был точь-в-точь как звук походной трубы тревоги, но ему хватило половины вдоха для того, чтобы понять, в чем, собственно, дело. Оставалось только проследить за взглядом выкаченных невероятным образом глаз Мархит и убедиться в истинности своей догадки; так он и сделал.

У дверей в зал стоял маленький человечек с пышными длинными усами, лысой головою и тонкими — даже в шароварах сие было заметно — кривыми ножками. На бледном узком лице его киммериец не увидел вовсе при-

знаков какого-либо волнения, хотя и он смотрел на Мархит, и все в трактире понимали, что он — настоящий виновник происходящего с доброй женщиной припадка. Робость, видная даже в том, как он стоял, явно не относилась к воплю Мархит, а являлась природной чертой его характера. Вообще выглядел он достаточно уныло: круглые черные глаза взирали на мир кротко и с долей печали; над ними вздымались грустно составленные уголком брови; углы тонкого рта опускались книзу, а непомерно большой нос в профиль напоминал нищего, который нагнулся за брошенной ему монеткой и не смог разогнуться. Но сей замечательный нос киммериец увидел чуть позже — когда у Мархит прервалось дыхание и человек, воспользовавшись наступившей вдруг тишиной, направился к их столу.

— Ах ты ублюдок! Тощая тварь! Гнусь! — хрипло выкрикнула хозяйка трактира, потрясая внушительными кулаками. — Поглядите на него, люди! Поглядите на эту падалу! Он явился! Да я тебя на клочки разорву! На мелкие кусочки! Я тебя...

Дальше варвар не слушал. Он с сочувствием смотрел на маленького человечка, вблизи оказавшегося еще меньше, и с любопытством пробовал предположить, что же случится далее. Судя по виду Мархит, ничего хорошего далее беднягу не ждало, однако он спокойно сел между ней и Конаном, тонким голоском заказал у подавальщика (тот стоял рядом со столом с самого начала и от ужаса был на грани обморока) пива с вяленой рыбой, затем поворотил голову к женщине, улыбаясь ей так мило, будто не она сейчас орала и не на него.

— Как я рад видеть тебя, Мархит. Ты совсем не изменилась.

— Тьфу! Паршивый козел! — злобно выплюнула она, как ни странно, тоном ниже. — А я чтоб сроду тебя не видала — вот было б хорошо! И за что мне Иштар свалила на голову эту гниду, — плаксиво вдруг протянула Мархит, но Конан, уже успевший немного узнать добрую женщину, ей не поверил — она явно (теперь уже явно) была предовольна появлением маленького человечка. Он же продолжал

вести себя так, словно не слышал никаких оскорблений и свой адрес.

— Ах, моя Мархит, моя девочка,— со вздохом сказал он. — Сколько ночей провел я без сна, вспоминая о тебе...

— Это правда? — густым голосом спросила Мархит, краснея. — Херби, ты не обманываешь меня?

— Что ты... Что ты, малышка... — прошептал крошечный Херби, и варвар с удивлением уловил в тонком голоске его бархатные медовые нотки заправского соблазнителя. — Сколько ночей... Тебя... Хочу... Твое тело... Грудь... Пц-ц-ц...

Теперь даже Конан, занимавший с влюбленной парочкой один стол, мог слышать только обрывки фраз. Впрочем, и он скоро отвлекся своими гораздо более занимавшими его мыслями. Дорога в Эрук, поиски Деденихи и уворованного им талисмана, затем возвращение с рыжим в Мессантию и снова в путь — в гирканские степи, к Учителю... Сие необходимое сразу затмило чужую суету, и он, раскрыв несколько похудевший дорожный мешок, начал скидывать туда со стола всевозможные яства, справедливо полагая, что этой ночью он оплатил их сполна.

Мархит бросила на него равнодушный взгляд, ничуть не возражая против такого грабительства, а маленькому Херби действия варвара напомнили о том же, только в обратном порядке — он раскрыл свой дорожный мешок и стал высыпать оттуда на стол все содержимое, приговаривая: «А что я привез моей девочке... А что я привез в подарок моей малышке...»

Конана чрезвычайно мало интересовало то, что привез своей малышке этот карлик, а посему он поднялся, закинул сумку за плечо и... И в этот-то момент поскучневший взор его вдруг упал на стол (добрая женщина, естественно, смотрела туда же — в ожидании подарка от Херби), и короткий возглас его совпал в первом миге с пронзительным визгом Мархит: среди всевозможного хлама, вываленного маленьким человечком из дорожного мешка, валялась, обнажив передние длинные зубы, дохлая мышь, по всей вероятности, отравившаяся чем-то вредным внутри мешка.

«Второе число подскажет тебе, где остановиться...» Но второе число уже было — у ворот дома Кармио Газа... Конан сплунул в сердцах, совсем запутавшись в наставлениях старой колдуньи, но тут вспомнил неожиданно, что числа могли повторяться. Да, она точно предупреждала его об этом... Или ему только приснилось?..

Киммериец мотнул головой, отгоняя сомнения, и снова уселся за стол. Пора было знакомиться с Херби.

— Ты откуда, приятель? — громко осведомился он, без труда перекрывая хриловатым зычным голосом своим затихающий уже визг Мархит.

— Из Эрука, — охотно ответил карлик, с брезгливой гримасой подымая мышь за хвост и швыряя подальше.

— Из Эрука...

Сейчас Конану и на ум не пришло утреннее выступление хозяйки трактира против этого города — для него с Эруком была связана вся история рыжего талисмана, если, конечно, ублюдок Деденихи действительно потащил его туда... Но — ведь дохлая мышь! Значит... Конан понятия не имел, что же это значит.

— Славный город! — обратился Херби к Мархит. — Не правда ли, милая?

— Правда, — завороченно прошептала добрая женщина, прижимая к сердцу подарок любимого — тончайшую розовую накидку кхитайского шелка. Могучая длань ее легла на узкую бледную ручку карлика, закрыв ее всю, в порыве чувства сдавила, да так, что бедолага сморщился. С лица его, однако, не сошло выражение приятности и благодушия.

— А ты, незнакомец, бывал ли на родине моей? — вежливо осведомился Херби у Конана.

— Приходилось, — кивнул варвар. — И сейчас туда еду.

— О-о-о! Как бы я хотел отправиться с тобой! — воскликнул карлик, но, посмотрев на Мархит, поспешно поправился: — Впрочем, я только что оттуда. Как звать тебя, северянин?

— Его зовут Конан, — несколько пришла в себя хозяйка трактира. — Он из Киммерии, и с ним я провела эту ночь.

— Что ж,— легкоотреагировал Херби, улыбаясь.— Та-кой мужчина... Я тебя понимаю, моя красавица. А что нужно тебе в Эруке, Конан? Могу я тебе помочь?

— Нет,— качнул головой киммериец, сомневаясь сам в своем ответе — а вдруг он может помочь? дохлая мышь ведь была в его мешке...

— Херби — большой человек в вою... в славном Эруке,— гордо проговорила Мархит.— Он — стражник в темнице!

— Уже десятник, милая.

— О, Х-х-херби...

Взор влюбленной женщины преисполнился страсти. Тяжело дыша, она дернула карлика за руку, с целью уволочь его наверх и там испытать любовь уже не простого охранника, но десятника, но тут вмешался отвергнутый и нимало этим не огорченный гость ее.

— Потерпи, Мархит,— твердо сказал он, ледяным взглядом синих глаз припиливая обоих к стульям.— Мне надо кое о чем спросить твоего Херби.

— Потерпи, Мархит,— немедленно поддержал его карлик.— Ты долго терпела, любимая («Восемь лет!» — проворчала она), так выпей пока этого чудесного пива, а я поговорю с твоим гостем. Что хотел узнать ты, Конан?

— Прежде скажи, давно ли ты служишь в темнице?

— Два десятка лет и еще три луны. Тебе надо вытащить оттуда приятеля? Я помогу.

— Нет... Сначала скажи — что случилось с человеком, которого посадили к вам что-то около семи лет назад. Его зовут Деденихи, лет ему... Вот как тебе примерно.

— Убийца? Вор? — деловито поинтересовался Херби.

— Нергал его знает... Но забрали его на базаре с чужим кошельком.

— Погоди-ка... За все время у нас таких было только трое — остальные обычно откупаются по дороге в темницу... Это не тот, что кричал, будто вор не он, а другой парень, а он будто честный гражданин Шема и...

— Точно! Ты знаешь его?

— Я — нет. Но я много слышал об этом... Только не семь лет назад это было, а пять. Наши не любят вспоми-

нать того парня, ибо... Прости, Конан, если он твой друг, но...

— Не друг,— отказался варвар от младшего Деденихи.— Я его в жизни не видал, и, клянусь Кромом, не хотел бы увидеть. Но я должен знать о нем все.

— Хорошо, я расскажу тебе, что мне известно... — после некоторого замешательства сказал карлик.— Немного, Конан, совсем немного... Хотя и того достаточно, чтобы опозорить единственную в городе темницу... Ребята говорили, что первые несколько дней он был самым тихим узником из всей тысячи, хотя рожа у него... Бр-р-р! Разбойничья! Такого встретишь ночью темной и... Хотя и ты на вид так могуч и грозен, что я и тебя не желал бы встретить ночью темной...

— Он — лучше того недоноска,— вступилась Мархит за гостя.— И не отвлекайся, рассказывай скорее!

— Конечно, лучше,— успокоил ее Херби.— Что и говорить! А недоноска... Когда он понял, что никто не собирается его отпускать... Одному нашему парню он чуть было не перегрыз глотку, когда тот вошел к нему с вечерним кувшином воды! Если б рядом не было пяти охранников (а как раз происходила смена караула), то Хаму точно пришлось бы покинуть мир сей раньше срока...

— Он еще и буйный? — хмуро спросил Конан, забыв о том, что и сам ради собственного освобождения ломал шеи и разбивал головы.

— Отцом нашим Адонисом клянусь, он не простой карманник, Конан! Он бандит! После случая с Хамом его просто опутали цепями и посадили в подвал, так на следующий день обнаружили, что он уже порвал цепи на ногах и начал рвать на руках! Ну, приковали к стене... Так он и провисел почти полтора года...

— А потом? — насторожился киммериец, в уме подсчитывая, как совпадало время заточения младшего Деденихи с исчезновением талисмана.

— Потом-то и произошло это... непонятное... Отчего все и знают у нас его историю... Одним прекрасным утром... То есть совсем не прекрасным утром, конечно... то есть само по себе утро было очень даже прекрасное, а...

— Тьфу ты! — сплюнула Мархит. — Мы поняли тебя, Херби. Ты можешь не рассказывать про утро?

— Могу, — заверил Херби, нежно целуя ее в тугую щеку. — Я и не то еще могу... Ладно, продолжаю. Короче говоря, однажды утром охранник обнаружил, что в камере никого нет! Цепи — есть, так и висят на стене, а его — нет. Как он сумел оттуда выбраться? Никто не знает. Окошко там с твою ладонь, Конан; на двери кроме замков — наружные засовы, уже не говоря о том, что стражи полны все коридоры. Но не только это поразило нас... Спустя пару лун Хам увидел его в городе. Парень он неглупый, а потому не стал бросаться к нему с криками, а проследил, куда это Нергалово отродье пойдет. И что вы думаете? — Херби сделал паузу и посмотрел на слушателей, с удовольствием, находя в глазах их интерес к его повествованию. — Он оказался владельцем огромного дома под Эруком! Сколько там слуг — говорил Хам — столько нет охранников в нашей родной темнице!

— Это был не он, — убежденно сказала Мархит, качая головой. — Твой Хам все перепутал. Так не бывает.

— И я думал. Но на другой день к тому дому пошел охранник, который видел эту рожу полтора года подряд, и он тоже узнал его! Роскошно одетый господин оказался тем самым карманником!

— О, светлая Иштар... — пробормотала ошарашенная Мархит. — Не могу поверить... С таким богатством и...

— Тебя удивляет, любимая, что он украл кошель? В этом как раз нет ничего странного. У нас...

— Меня не удивляет то, что он украл кошель, — перебила хозяйка трактира. — Я и сама знаю богачей, что воруют почему зря у самых нищих. Но что мне непонятно, так это то, почему он полтора года просидел в темнице? Такие не сидят...

— Ты права, моя умница, — снова чмокнул ее в щеку карлик. — Ты как всегда права. Только кто ж знал, что он у нас? Он мог бы передать послание, конечно, но после его нападения на Хама ни один охранник не хотел иметь с ним дела. Ребята говорили, что он проделывал такие под-

лые штуки... Мол, зайдешь к нему — он вроде глаза прикрыл, спит... И вдруг как плюнет в рожу! Бр-р-р... Как еще наши его не убили, не понимаю...

— Если все так, то почему ты сказал, что история эта непонятная?

— Потому что я до сих пор не могу догадаться, как он удрал...

Зато Конану не надо было и догадываться — он знал отлично всю схему побега. Как бы ублюдочный Деденихи ни обидел этого Хама, как бы он ни плевался, все равно нашелся кто-то, кто за порядочную мзду передал на волю его записку. А потом слуге или наперснику его оставалось только надуть доверчивого Кармию Газа печальной легендой о несчастном узнике и его умирающем дедушке, забрать талисман и уехать в Эрук. Прах и пепел! Как же просто!

— Прах и пепел... — прорычал варвар, вставая. — Ты скажешь мне, Херби, где тот дом?

— Я скажу тебе, где найти Хама — он покажет и дом, и ублюдка. Только... Я хочу предупредить тебя, Конан: охранник, который полтора года носил ему еду и воду, утонул в мелком водоеме у городской стены...

— Перепил? — коротко осведомилась Мархит.

— Возможно, — пожал плечами Херби. — Хотя почему-то к его шее был привязан камень... И это случилось через треть луны после того, как он узнал в важном господине ту тварь!..

* * *

За два дня пути вороная совсем выбилась из сил, и как Конану было ни жаль, пришлось оставить ее на постоялом дворе в деревеньке близ Эрука. Взамен он взял могучего, серого в яблоках коня, который был далеко не столь красив, но зато домчал его до стен города задолго до сумерек.

Теперь киммериец особенно чувствовал время: он ступил наконец на верный путь, и чем ближе был его конец, тем ближе было и начало пути иного. Поэтому, наверное, он не стал заезжать в знаменитые своими винными погре-

бами забегаловки Эрука, а погнал коня сразу к дому Хама, благо карлик Херби подробно описал ему дорогу туда.

Крошечная деревянная развалина стояла в ряду таких же унылых бедных конурок на самой окраине, у городской стены; Конан, опознав ее еще издалека по огромному гнезду на крыше, стрелой пролетел мимо изумленных его богатым видом и прытью горожан и осадил коня прямо у низкого разбитого крыльца.

Хам оказался дома. Это был чернявый низкорослый крепыш с курчавыми волосами, большими выпученными глазами, крупным носом и тонкими, весьма подвижными губами. Стоило Конану произнести имя Херби и напомнить историю с младшим Деденихи, как парень тотчас разразился бешеными ругательствами в адрес последнего, видимо оставившего поистине кровавый след в его душе — или, вернее, на его шее.

Изодренная брань, потоком низвергающаяся из его уст, в другой раз немало повеселила бы варвара, но только не сейчас. Хмурясь, он потягивал из глиняной кружки некрепкое домашнее пиво и пытался прояснить для себя два вопроса. Первый: почему Деденихи, судя по рассказу Кармио Газа, человек почтенный и нравом тихий, вел себя в заточении как прожженный бандит? И второй: почему Хам сказал, что имя его он слышит впервые, и что за полтора года так и не удалось установить, как его зовут или хотя бы прозывают? Что-то не похоже было все это на обычную печальную историю шемитского простолудина, по ошибке попавшего в темницу. Между тем Хам продолжал:

— И вот тут на тебе! Вижу — наш придурок! У меня сразу шея заныла. Во, погляди, погляди, вон где укусил... — тыча себе толстым пальцем куда-то между ухом и плечом, сердито сказал парень.

Конан приподнял брови, вроде как сочувствуя, и тем самым окончательно расположил к себе Хама, которому и в голову не могло прийти, что гость его просто-напросто недоумевает, как злоумышленник сей смог вцепиться зубами в шею, если ее вовсе не было.

— Идет важный такой, разодетый, гладкий! Чтoб его к богу Шакалу в пасть... Я — за ним. Дай, думаю, погляжу, где эта гнида проживает. И что ты думаешь, господин? То есть ты думаешь именно то, что нужно, если Херби все тебе рассказал. Приводит он меня... нет, не к дому — ко дворцу! Я сроду таких не видывал! Размером, понятно, поменьше императорского будет, зато красотой точно не уступает. Я-то поначалу не очень и удивился: мало ли где он прислуживает. Но потом увидел, как охрана перед ним чуть не на колени падает, а разодетый в богатое барахло старикашка кланяется и ручку лобызает...

— Чтo еще за старикашка? — буркнул варвар скорее по доброй привычке все знать в подробностях, чем из действительного интереса.

— Да не знаю... Противный такой... Старый!

— Ясно что старый, — пожал плечами Конан. — Ладно, после поглядим... А далеко отсюда этот дом?

— Как тебе сказать... Не в Эруке. Но рядом с ним, — туманно пояснил Хам. — Мне поехать с тобой?

Парень смотрел на могучего гостя своего с нескрываемой надеждой, явно подозревая, что он собирается расправиться с его обидчиком, и, конечно, желая при сем попристутствовать. Но гость ничего не отвечал. Нахмутив низкий широкий лоб, он медленно прихлебывал пиво, как-то вдруг погрузившись в некие важные думы и совсем позабыв о хозяине дома. Хам не любил, когда о нем так внезапно забывали, а потому, помолчав с пару вздохов не столько из уважения, сколько из боязни рассердить огромного северянина, он тихонько кашлянул и повторил:

— Так мне поехать с тобой?

— Да, — коротко заключил киммериец, поднимаясь.

* * *

Достоинства Хама как проводника были несомненны: он знал в Эруке каждый закоулок и к тому же имел собственную низкорослую и широкую, как он сам, лошадь, перебиравшую мохнатыми ногами ничуть не реже, чем Конанов серый в яблоках конь. Белое жаркое солнце еще только пригото-

лось опускаться к горизонту, а спутники уже подъезжали к восточной окраине города, где, к удивлению киммерийца, стены не было, а граница Эрука обозначалась пустырем, сплошь заросшим растрепанным и сухим бурьяном, в проплешинах коего виднелись насыпи песка. Хам уверенно направил свою кобылку через пустырь, потом через редколесье, узкой полосой проходящее вдоль него, и наконец остановился у ручья, от коего так и несло гнилью.

— Теперь близко,— объявил он, обернувшись к Конану.— Но лошадей привяжем здесь.

Он спешил, быстро зацепил узду за ветку сухой смоковницы, затем, подпрыгивая от нетерпения на одном месте, подождал, пока варвар сделает то же самое, но только более обстоятельно.

— Идем скорее! Дом — там, за холмом.

Конан двинулся за ним, про себя удивляясь, как ловко он сумел выследить младшего Деденихи и не попасться ему на глаза — стоило тому раз оглянуться, и он несомненно заметил бы крадущегося за ним охранника темницы. Будто услышав эти его мысли, Хам скороговоркой пояснил:

— Я почти все время полз. Хорошо, он был пеший, а то точно б упустил... Знаешь, Конан (парень впервые назвал его не господином, но по имени)... Я так боялся, что он обернется и увидит меня... Один на один мне б его не одолеть...

Конан хмыкнул, но ничего не сказал. Из того, что он уже знал о младшем Деденихи, становилось ясно, что человек этот далеко не так прост, как представил его дед купцу Кармио Газа. Что-то мало был он похож на скромного хозяина постоянного двора, вечного холостяка, что вынужден смиренно ухаживать за двумя древними стариками. Впрочем, кто же он таков на самом деле, выяснится очень скоро — не успеет огненное око светлого Митры коснуться краем своим черты горизонта... Да и был ли он вообще, этот Деденихи? Был ли отец его? Был ли дед?..

— Вот этот дом! — выдохнул Хам, останавливаясь.— Смотри, какой...

В розовых лучах заходящего солнца дом белого и черного мрамора казался настоящим дворцом. Окруженный

сравнительно невысокой, в полтора человеческих роста, каменной стеной — такую варвар запросто мог перепрыгнуть с первой же попытки, — он тянул к небу четыре шпиля, венчавших небольшие изящные башенки; каждая из них смотрела на спутников всего одним окном — узким и высоким, зато стена имела ряд крошечных бойниц, сквозь которые легко было обозреть все подходы к дому.

С презрением игнорируя возможное наблюдение за ними, киммериец прыгнул с холма и не таясь направился к воротам.

— Хей... Хей, Конан! — испуганно зачастил сзади Хам.— Ты куда это? Я не пойду.

— Не ходи,— пожал плечами варвар, не оборачиваясь и не замедляя шаг.

Он не знал еще, что будет делать, что скажет, постучав в ворота, но хорошо знал другое: он и в глаза не видал этого Деденихи, из чего следовало, что и Деденихи его, Конана, тоже не видал. Если можно решить спорный вопрос об обладании талисманом мирным путем, то лишь благодаря тому, что обе стороны пока не знакомы друг с другом. Киммериец не склонен был доверять себе дипломатические сношения с кем-либо — проще оставить слова болтунам и поднять меч; он бы так и поступил сейчас, если б не тайна судьбы рыжего. Ныне все сложилось так, что прежде чем обнажать клинок, надо все-таки открыть рот и попробовать договориться, как бы его от этого ни тошнило...

Совсем иное дело Хам с его недогрызенным горлом. Конечно, его-то бандит узнает сразу, поэтому ему и не следует сейчас Конана сопровождать. Рассуждая таким — или почти таким — образом, варвар подошел к мощным железным воротам (без удивления уже обнаружив на них выгравированные целые стада слонов — третьего числа, призванного избавить его от сомнений), рядом с которыми обнаружил еще маленькую дверь. Только он со всей силой ударил ногой, обутой в сапог с кованым носком, в низ ворот, как дверь эта открылась, и перед киммерийцем, любезно улыбаясь, предстал сам хозяин дома. Конан узнал его в тот же миг. Звали его — Деб Абдаррах.

Глава седьмая

За прошедшие пять лет он ничуть не изменился, и это было довольно странно, особенно если учитывать то прискорбное обстоятельство, что как раз пять лет назад он утонул. Те же приятные твердые черты гладкого белого лица; та же гнусная вкрадчивость в жестах, в походке — во всем; тот же холодный взгляд, от бывшего когда-то отличный тем лишь, что теперь он и не пытался его смягчить.

Он молча посторонился, предлагая войти, и Конан, спяной ощущая протесты перепуганного Хама, следившего за ним из-за кустов у холма, решительно перешагнул порог и оказался на вражеской территории.

Прямо от ворот к крыльцу вела ровная дорожка, посыпанная белым песком, а по обе стороны от нее стройными рядами росли плодовые деревья, пышными кронами затеняя небольшое пространство. Так же молча Красивый Зюк провел варвара за дом, где в глубоком квадратном наузе плавала совершенная, только в два раза уменьшенная, копия того галеона, с борта коего пять лет назад бандит сгинул в море Запада за золотой пастушкой.

Здесь же, в полукруге буйно цветущего кустарника, находилось место отдохновения хозяина — низкий, по колена Конану, стол дорогого кхитайского тополя и два плетеных кресла с причудливо изогнутыми ножками — одно синее с фиолетовым отливом по краям, другое желтое. Не дожидаясь приглашения, киммериец уселся в то, что по-

больше — синее, и с удовлетворением заметил промелькнувшую на красивом лице бандита гримасу раздражения: по всей видимости, это было его личное кресло. Принужденно улыбнувшись, он занял желтое, предварительно повернув его так, чтобы видеть и Конана и галеон; потом забросил на стол скрещенные ноги, обтянутые черными бархатными штанами, и уставился на гостя своими жуткими, так пугавшими когда-то талисмана, черными глазами.

— Я ждал этой встречи, северянин, — тихо и медленно проговорил он. — Давно ждал...

— Отдай рыжего, — мрачно рыкнул киммериец, не желая слушать болтовню Красивого Зюка. А то, что тот просто обожал помолоть языком, он помнил отлично. — И без лишней трепотни, приятель. Ну?

— Варвар, — качнув головой, резюмировал бандит. — Варвар и есть. Ладно, я отдам тебе Висканьо — что ж, он все равно не приносит мне пользы. Но, как ты знаешь (а если не знаешь, то вот я тебе говорю), ничто в мире не должно доставаться даром, а посему...

— Даром? — фыркнул Конан, с презрением глядя в мутные змеиные зрачки бандита. — Он не твой и никогда твоим не был. Но ладно, — он поднял руку, видя, что Деб собирается возразить, — я не стану спорить с тобой, пес. Клянусь Кромом, лучше ослиного дерьма нажраться... Говори, чего ты хочешь за рыжего?

— Чего я хочу? — задумчиво протянул Красивый Зюк, наконец уводя взор свой от Конанова лица и обротив его в сторону галеона. — Да я пока и сам не знаю, чего... Знаю одно: так просто я тебе его не отдам.

В бессильной ярости варвар сжал кулаки, понимая, что сила его сейчас стоит не более медной монеты — он понятия не имел, где Деб может прятать Висканьо. В доме? В подвале? На галеоне? И в Эруке ли вообще? А сколько у него тут слуг? Пока Конан не видел ни одного, но чувствовал их присутствие, да и Хам говорил, что народу здесь не меньше, чем охраны в темнице... И словно в подтверждение последней мысли звякнули створки ворот и по саду разнеслись голоса прислуги, вернувшейся с базара; только

они затихли, растворившись во чреве дома, как на фоне его белой стены, что ярко блистала под снопом лучей заходящего уже солнца, появились сначала тени их, а потом и сами три огромные черные фигуры с секирами за мощными плечами. Ростом они, как показалось варвару, намного его превосходили, в злобных красных глазах, направленных прямо на него, сверкала ненависть, присущая дикарям Зембабве — это в их характере ненавидеть просто затем, чтоб ненавидеть. Иные чувства более сложны, а потому и менее доступны для их безмозглых маленьких головок. Кстати — и Конан не раз замечал это прежде, — головы у них действительно крошечные, особенно по сравнению с могучими телами...

— Понравились? — самодовольно ухмыльнулся Деб, проследив за взглядом своего гостя. — Я привез их из Зембабве. Тупы как бараны, зато сильны как львы. А большего от них и не требуется.

— Чего ты хочешь за рыжего? — повторил киммериец основной вопрос. Он уже решил для себя, что если бандит начнет тянуть и торговаться, он продырявит его шею своим верным мечом и дальше схватится с чернокожими. Что будет потом — только Митре известно, но если талисману суждено быть свободным и вообще быть, то подарит ему небо над головой именно Конан, и никто другой... В конце концов, от этого зависит его дорога к Учителю...

— Не спеши. — Деб вдруг поднялся с желтого кресла, с раздражением отшвырнул его ногой в кусты. — Поведай мне раньше, как ты нашел меня. Конечно, я ждал твоего появления, но не так скоро...

Он с размаху уселся прямо на землю, выжидающе посмотрел на Конана. То ли его и в самом деле интересовал путь варвара к его обители, то ли он просто тянул время — сейчас это не имело значения. Мрак царства мертвых уже возник за его спиной, а кого там волнует, как Конан из Киммерии нашел бандита Деба Абдарраха...

— Что ж ты молчишь? — с улыбкой спросил Красивый Зюк. — Или ты не меня искал? А кого? Не Деденихи ли?

Киммериец вздрогнул. С того момента, как он увидел здесь Деба, он ни разу не вспомнил о злополучном Деденихи и его истории, приведшей Конана именно сюда. Холодные синие глаза его, до этого равнодушные будто рыбы в пруду, потемнели; гнев полыхнул в них с такой силой, что бандит невольно отшатнулся к кустам — впрочем, всего на миг.

— Кто приходил к Кармио Газа? — сквозь зубы процедил Конан, думая, что если Красивый Зюк назовет сейчас свое имя, он разможжит ему башку вот этим самым столом — кхитайский тополь плотнее камня и крепче железа, так что бандиту мало не покажется.

— Лау-Ко, — пожав плечами, ответил Деб, — мой дядька. А что еще нам оставалось делать? Ублюдки шемиты повязали меня на базаре как вора — между нами, северянин, кошель-то действительно увел я, не удержался — и потащили в темницу. Будь их хоть десяток, я б сумел уйти, но на мне повисло с полсотни потных козлов, чтоб их к Золотому Павлину Сабатеи всех...

Бледное лицо Красивого Зюка заметно оживилось, и Конан понял вдруг, что ему просто очень хотелось поговорить — для того и затеял сей бессмысленный поначалу спор. Такая слабость, по мнению сурового киммерийца, была достойна всяческого презрения, особенно если она присутствует в столь сильном и твердом характере, как у Деба. И он бы не преминул оскорбительным словом задеть собеседника, но все мысли и чувства сейчас не проявлялись четко, заглушенные единственным желанием — узнать истинную историю происшедшего.

— А Деденихи тогда кто? — спросил он, сим вопросом настраивая Деба на продолжение разговора.

— Послушай, все это так запутано... Деденихи и в самом деле отец Лау-Ко, но...

— Так кто приходил к купцу? — потерял терпение Конан. — Деденихи или Лау-Ко?

Красивый Зюк с сожалением посмотрел на гостя, при этом в душе безумно радуясь его интересу. Варвар с его первобытным чутьем угадал верно: трепливый бандит

изнывал от желания поболтать, и ради этого готов был рассказать все, от начала и до конца, тем более что ему тоже чудился мрак царства мертвых — только за спиной Конана, — а кого там волнует, что произошло в действительности... Значит, тайна Деба умрет вместе с этим угрюмым грубым парнем, что и требуется...

— Я же сказал тебе — Лау-Ко... — произнес он торопливо, словно опасаясь, что гость перебьет его и вернет к вопросу о талисмане (тем не менее едва Конан подумал, что вот он — настоящий признак старости, Деб усмехнулся и продолжал уже совершенно спокойно). Ясно было, что он вовсе не опасался этого вопроса, ибо ответ приготовил заранее, а лишь считал его незначущим и недостойным внимания. — Что ж... Я вижу, пытливый ум твой требует правды? Хорошо, я поведаю тебе ее.

Почтенный Деденихи, коему ныне перевалило 6 уже за сто лет, давно поселился на сопках Серых Равнин — я даже и не помню когда. Он — непутевый дядюшка моего бедного отца, в юности покинувший родной дом (к слову сказать, он появился на свет не в какой-то там поганой горной деревушке, а в Эруке, у знатных и богатых родителей). Шлялся Деденихи по миру всю свою жизнь, так что сия часть рассказа Лау-Ко глупому купцу есть истина, равно как и та часть, где говорится о его благочестивой супруге Те-Минь и ее пребывании с сыном в Кью-Мерри. Она, бедняжка, познала и нужду и беду, потому как в чопорной Бритунии женщина с ребенком, но без мужа, считается кем-то вроде бродячей собаки, особенно если эта женщина имеет другой разрез глаз...

Надеюсь, тебя не очень удивит, если я скажу, что и сам такого же мнения? Кхитайка и шемит... Фу! Все равно что обезьяна и гиена... От этого-то противоестественного союза и родился мой отвратительный дядька Лау-Ко... Мать его после внезапного и бесследного исчезновения возлюбленного перебралась в Шем и поселилась в качестве прислуги на постоялом дворе у одного сладострастного старика. (Отступая от прямой тропы моего рассказа несколько в сторону, замечу, что постоялый двор сей находится рядом с моим

нынешним домом, а если быть совсем точным, так на этом самом месте, где мы с тобой сидим.)

Так вот. Клянусь тебе грудью Иштар, варвар, даже я содрогаюсь, только представлю, чем он заставлял ее заниматься! Но боги были милостивы к этой женщине: хозяйина ее вскоре прибил до смерти пьяный постоялец, и она осталась одна. Мерзавец Лау-Ко подрастал, понемногу проявляя в своем характере самые что ни на есть гнусные черты полукровки, и мать нарадоваться не могла на ненаглядного сыночка, который заправлял всем хозяйством почище ее убиенного мучителя.

Спустя там-там-там лет (прости, я не стану придерживаться точных дат жизни моей семейки) на постоялом дворе, якобы случайно, появился этот идиотский Деденихи — как водится в таких случаях, весь в слезах и соплях. Те-Минь, чуть не умирая от счастья, зовет сыночка: мол, вот он, твой родной отец, шемит, бродяга, и... А-а, больше она ничего о нем не знала... И вот лицемер Лау-Ко бросается на чахлую грудь родителя и тоже рыдает (хотя ему к тому времени было уж к тридцати, не меньше), называет его любимым и долгожданным, клянется в сыновней верной любви и так далее. Конан, ты не устал слушать?

Конан не устал. Рыжий талисман был прав, когда-то рассказывая ему об удивительном обаянии этого бандита — в его интонациях, мимике, жестах не было ничего лишнего, и если 6 киммериец не наблюдал его в иных обстоятельствах, сейчас слушал бы его повествование без той настороженности, что отравляла естественный интерес. Кивнув Красивому Зюку в знак своего внимания, он достал из мешка бутылку с хорайским вином, взятую в трактире Мархит, и, вытянув зубами пробку, приложился к узкому горлышку.

— Я могу допить? — вежливо спросил Деб, когда Конан поставил опустевшую на треть бутылку на стол.

— Пей, — пожал плечами варвар. Он не привык отказывать в последней просьбе человеку, который в скором времени отправится в царство мертвых и более уже никогда не отведаст хорошего вина (да и плохого тоже).

Красивый Зюк со своей стороны полагал, что человеку, который в скором времени переселится на Серые Равнины, хорошее вино без надобности, а потому выпил его до капли, а бутылку выбросил в кусты.

— Итак, Конан, я остановился на том, что Лау-Ко приветил отца как и подобает доброму сыну, то есть оросил его дорожное платье слезами, а может, и слюнями — не ведаю. С этого счастливого дня Деденихи прочно уселся на шее своих близких, радуя их тем лишь, что много спал и редко выходил из комнаты. Вскоре Те-Минь ушла туда, откуда возврата нет, и Лау-Ко, по привычке слегка поплакав, решил заняться наконец воспитанием нахлебника. Дважды он подсыпал ему в мясо отраву в небольших дозах, дабы тот помучился — и тот мучился, не понимая, конечно, происхождения колик и рвоты. Но, поскольку оба раза убирать за отцом приходилось опять же ему, Лау-Ко вспылел и прекратил земное существование Деденихи обыкновенным тесаком, то есть взял да и вонзил его старику в грудь. Так что, ты понимаешь теперь, что престарелый скиталец никак не мог прийти к купцу с печальным рассказом о своей и моей участи, ибо его к тому времени вовсе не существовало.

Сынок же его был живее всех живых — он быстро разыскал в Эруке моего отца (благодарение Адонису, не с тем, чтоб и его прибить), поведал ему о внезапной кончине его дядюшки Деденихи от неизвестной болезни и поселился в нашем доме на правах близкого родственника. Потом пришло мое время: я вырос и... Впрочем, это к нашему делу не относится. Короче говоря, Лау-Ко вновь появился в моей жизни не так давно, лет шесть тому назад. Я приютил его здесь, на сей раз не на правах близкого родственника, а на правах прислуги и сторожа, ибо мне самому приходилось скрываться в иных местах...

— В Собачьей Мельнице? — ухмыльнулся варвар.

— Там. Далее следовала та история с пастушкой и овцами, которая тебе хорошо известна, и в ней Лау-Ко, разумеется, не принимал никакого участия. Когда я утонул — а я действительно утонул по твоей милости, варвар,

и спасло меня в последний момент лишь то, что пальцы мои вдруг захватили со дна золотую пастушку, против коей дар талисмана не властен, — я еле вынырнул, и после этого несчастного случая долго болел. Лау-Ко привез меня сюда и ухаживал за мною заботливо и преданно, словно родная мать. (Истины ради открою тебе, что как-то раз он и меня попытался отравить, но не со зла, а так, вследствие привычки... Я, конечно, поругал его, а потом простил. Я добросердечен и незлобив, такая уж у меня натура.) Вот и все, — неожиданно заключил Красивый Зюк.

— Не все, — возразил киммериец. — Где Гана и Мисаил?

— Мои неблагодарные дети... — сморщил нос бандит. — Ну их к богу Шакалу, варвар... Они разбили мое нежное сердце на тысячу кусков, каждый из которых до сих пор стонет от невыносимой боли. Но — если тебе так хочется знать... Последний раз их видели на пути в Гирканию, года два назад... А после — ничего. Может, они давно уже гуляют по Серым Равнинам...

— Ждут тебя? — хмыкнул Конан.

— Ждут меня? Не думаю. Я и там им спуска не дам. Ну, теперь все?

— Нет. Как ты выбрался из темницы в Эруке?

— А-а, это совсем просто. Охранник, который носил мне каждый день еду и воду, со временем перестал меня бояться, и я передал через него послание для моего дядьки. Там я написал, что он должен сделать. Он, конечно, немедленно поехал в Мессантию, разыскал там купца и предложил ему печальную историю — тебе известную в двух версиях, — назвавшись почему-то именем своего отца. Остальное и вовсе вздор, не стоящий твоего внимания: старик приволок Висканьо в темницу и с ним беспрепятственно прошел в подвал, снял с меня цепи, и мы спокойно ушли. К чести юнца скажу тебе, что, увидев вместо ожидаемого младшего Деденихи меня, он развернулся и хотел убежать, и только по чистой случайности мне удалось зацепить его куртку указательным пальцем и так держать, пока Лау-Ко не освободил меня.

— А что за охранник передал записку? Тот, которого ты потом утопил?

— Он самый, — кивнул Красивый Зюк, поднимаясь. — Пойдем теперь, я отдам тебе твоего рыжего...

— Даром? — хмуро поинтересовался киммериец. Почему-то у него появилось такое чувство, что бандит обдурил его — вот только как, когда и где?

— Отчего же даром? — лукаво подмигнул ему Деб. — Ты выслушал меня — вот вполне достаточная плата за мальчишку. Кстати, Конан, ты так и не сказал мне, каким образом ты меня нашел?

* * *

Конан не стал ему отвечать, памятуя о том, что в царстве мертвых никого не волнует, каким образом он нашел Красивого Зюка. Поднимаясь следом за бандитом на галеон (до мельчайших деталей напоминая тот, что стоял у берега Мессантии), он рассчитывал время и место предстоящей схватки с ним. Если б не чернокожие гиганты, киммериец свернул бы шею Дебу прямо сейчас, ибо уже понял, где тот прячет талисмана. Но Конан привык рисковать только собственной жизнью, так что сначала хотел выпустить рыжего на волю, а потом уж, если понадобится, драться с дикарями из далекого Зембабве — Митра знает, кто одержит победу в этой драке, но Висканьо должен вернуться к отцу.

— Дру-уг мо-о-й! — пропел вдруг Деб, склоняясь над трюмом. — Ты живой еще?

Не дожидаясь ответа, варвар присел рядом с бандитом и с силой дернул железное кольцо крышки, обвитое прожавшей цепью. С треском разорвались звенья, крышка отлетела, чуть не придавив ногу Красивому Зюку, и тут же из черноты трюма донесся такой смрад, перемешанный с сыростью и затхлостью, что Конан невольно отпрянул в сторону.

— Ф-фи! — скривился Деб и отошел подальше. — Ну и вонь! Как будто пятьдесят мартышек одновременно пукнули... Лучше не спускайся, варвар, а то задохнешься.

Только сейчас Конан понял, что все эти три с лишним года бандит держал Висканьо здесь, в этой темной сырой конуре, из мести ли, из сентиментальных воспоминаний ли превратив в темницу галеон. Дикая ярость ослепила его; дыхание на миг перехватило; молниеносно выхватив из ножен меч, он замахнулся, видя перед собой не человека, а лишь цель, и в этот момент протяжный хриплый стон прервал его движение. Сердце варвара дрогнуло. Резко отвернувшись от Красивого Зюка, он сунул голову в дыру, но в крошечной тьме, конечно, ничего не смог разглядеть. Долей мгновения позже страшный удар в бедро едва не сбросил его в смрадное чрево трюма — уже падая, Конан успел зацепиться левой рукой за край крышки; одновременно кулаком правой, в котором намертво была зажата рукоять меча, он оттолкнулся и, подбросив вверх свое массивное тело, приземлился на все четыре конечности в двух ладонях от широко расставленных ног бандита.

С ловкостью гепарда тот отпрыгнул в сторону, словно предугадав намерение противника ухватить его за лодыжки и шмякнуть головой об пол. Сейчас на лице Красивого Зюка уже не было и следа благодушия и скуки: в глазах его, почти черных, мутных и бездонных, горели красные волчьи огоньки, губы изогнулись в злобной ухмылке, все черты обострились, напомнив киммерийцу о том, что перед ним сильный и опасный враг. Мягкими скользящими шагами, чуть пригнувшись, бандит начал обходить Конана, желая, видимо, прыгнуть ему на спину и впиться зубами в шею, дабы перекусить толстую голубую жилку, содержащую жизнь. Розовый язык его облизывал пересохшие губы, вожделея крови, и варвар, презрительно сплюнув на шершавые доски палубы, молча ринулся на противника, стремясь поразить его мечом в грудь.

Красивый Зюк увернулся легко, тем самым вновь напомнив Конану о своей дикой, полужвериной-полудемонической сути: так и пять лет назад, в трюме того галеона, он небрежно пропустил три удара меча, ни один из которых даже не задел его. Варвар еще раз, без замаха, молниеносно выбросил острое клинка, целя под кадык — этот хитрый

прием он использовал редко, считая его недостойным воина, — но и сейчас Красивый Зюк избежал гибели, просто напросто откинув голову назад так, что меч прошел в пальце от него, не коснувшись. Такого Конану пока не приходилось видеть. Или Деб владел неким неизвестным ему боевым искусством — а в это варвар не мог поверить, или его рождению и правда посодействовал какой-нибудь демон из царства Нергала; во всяком случае Конан не встречал еще человека, который был бы так неуязвим — он даже не пользовался мечом (висевшим у него на поясе, как видно, исключительно для красоты)! Тогда варвар отбросил оружие в сторону и, не теряя ни мига, бросился на бандита, стремясь раздавить его в железных тисках своих рук.

Ярость, раздражение и недоумение слились в одно целое, образуя в груди Конана пылающий шар, который, разрастаясь, мешал дышать; мешал он и соображать, как быть дальше — одна только мысль занимала сейчас всего его: кто? кто сжат кольцом рук его? человек или демон? Точно не живую плоть обнял он смертельной хваткой, ибо кожу его то обжигал холод склизкого медузьего тела, то царапал занозами деревянный чурбан. Но — не трещали кости, не вырывался из глотки натужный стон; сквозь розовую пелену, заставшую глаза, Конан видел все ту же злобную и насмешливую ухмылку на устах врага. Внезапно раскрыв руки, он выпустил Красивого Зюка, сам откатился в сторону и снова подобрал меч, без промедления хватив им бандита по плечу. Яростный рык возвестил о том, что на сей раз удар достиг цели. И, хотя на белоснежной рубаше не показалось и капли крови, Красивый Зюк пошатнулся, прошипел проклятие на незнакомом варвару языке, подался к борту, видно, думая сигануть в науз в случае чего. Тем не менее следующий удар был за ним.

С прежней ловкостью увернувшись от Конанова клинка, он метнулся к противнику и всадил под челюсть ему свой железный кулак. Потом, не давая опомниться, ребром ступни пробил твердые мышцы живота, так, что Конан согнулся вдвое от резкой боли, а потом оставалось

уже немного — быстро наклонившись, Красивый Зюк сунил обе руки под колени врага и опрокинул его в черную дыру трюма. Только послышался стук упавшего тела варвара, как крышка с грохотом закрылась, брякнула цепь, обворачивая железное кольцо, и Конан второй раз стал пленником Деба Абдарраха.

* * *

— Хей, Виск. — Он с трудом встал, осторожно продвинулся на шаг вперед, рукой проверяя дорогу, потому что больше всего опасался сейчас массой своего огромного тела ненароком придавить талисмана. Прежде киммерийцу приходилось видеть людей сразу после длительного их заточения в темнице, так что он хорошо представлял себе несчастного рыжего, что наверняка за три года превратился в тень, в подобие человека, все соки жизни коего впитали эти стены и эта тварь наверху. Пока глаза не привыкли к мраку, Конан решил не двигаться: от Деба можно ожидать любой каверзы, и только боги знают, не подпилит ли он пол и не подвесит ли к потолку железное ядро, призванное упасть на голову узнику при малейшем неосторожном движении.

Ночь уже опустилась на землю и была безлунна, потому и сквозь щели (а сентиментальный бандит в своей новой копии старого галеона не забыл даже про щели) совсем не проникал свет. Постепенно — Конану показалось, что прошла целая ночь, но на деле всего лишь несколько мгновений — мгла вокруг него сдвинулась, начали проявляться предметы, и в одном из них он узнал вдруг то, что осталось ныне от рыжего талисмана. Бесформенной грудой он лежал на полу, прикованный к стене длинной тонкой цепью, змеей скрутившейся меж палок ног... У головы его стояла миска, в которой варвар с отвращением увидел мутную воду с накрошенным в нее хлебом; лоб талисмана касался края миски, и Конан, не сдержавшись, отпнул ее, расплескав вонючую бурду по всему полу.

— Хей, Виск... — пробормотал он, присаживаясь на корточки перед другом. — Слышишь? Это я, Конан...

Он не знал, что сказать еще, как заставить его очнуться и открыть глаза; он вообще не знал, жив ли еще этот парень, над коим так жестоко посмеялись проклятые боги, подарив ему счастливую способность приносить удачу другим, самому ее никогда не имея.

— Конан... — Хрип, с присвистом вырвавшийся из пересохшей глотки талисмана, заставил варвара вздрогнуть и тут же сжать зубы в ярости: Деб отнял у рыжего все — не только свободу, не только суть, но и вид, и голос, ибо то было дребезжание колеса телеги, скрип мачты или треск обломанной ветром ветки, но только не голос человека...

— Ты можешь встать? — спросил Конан угрюмо, но не отводя взгляда от кучи костей на полу.

— Да, — просипел талисман, приподымаясь на локтях.

— Надо уходить отсюда скорее... Клянусь Кромом, этот ублюдок сейчас или утопит нас или...

— Утопит... — Наконец талисману удалось сесть. — Слышишь, как шумит вода? Он открыл под трюмом люк...

— Прах и пепел! — В ярости варвар ударил кулаком в стену, тем самым обвалив на себя с потолка мокрую труху. Он опять попался, и теперь уже, видимо, крепко... Наклонившись, он без труда разорвал тонкую цепь, сковывавшую ноги Виви, рывком поставил его на ноги и прислонил к бочке в углу.

— Вода прибывает, — тихо заметил рыжий, обзревая лужу во весь пол шириной и в три пальца глубиной. — Он говорил, что не успеет выпить и кубок вина, как мы уже...

— Нет! — яростно отрезал Конан, снова вынимая меч и всматриваясь в потолок, в то место, где должна была быть крышка трюма.

— Он давно этого хотел... Чтоб нас вместе... Он ждал тебя...

— Хватит, Виск, — оборвал талисмана Конан. — Давай выбираться отсюда.

Холодный расчет, присущий его натуре всегда, в любые времена жизни, после первых мгновений ярости на себя самого снова начал действовать. Он вбил острие меча в щель в потолке, рядом с крышкой, и с силой надавил на

рукоять. Доска со скрипом отошла, и киммериец, просунув под нее пальцы, отодрал ее совсем. Едва талисман (ослабленный до такой степени, что вообще еле двигался) ценой невероятных усилий успел преодолеть расстояние в пять шагов до друга, как у того уже была готова отличная дыра, в которую он, хотя и боком, но вполне мог протиснуться.

Конан готов уже был, подтянувшись на руках, пролезть в дыру, как вдруг до него донесся сверху чей-то сильно дрожащий, хотя и громкий голос: «А вот и я, грязная скотина! А вот и я!» С холодным ужасом он понял, кто это... Хам! Не дождавшись варвара у холма, он решил сам сразиться со страшным хозяином дворца, для чего и пробрался в сад... Возможно, он даже наблюдал драку Конана и Красивого Зюка, и тогда его появление сейчас сродни подвигу — небольшой ростом бандит довольно легко справился с огромным, состоящим сплошь из железных мускулов киммерийцем. В отчаянии сплюнув, Конан приказал талисману лезть следом за ним и, более не теряя и мига, змеей просочился в дыру.

Глава восьмая

Вот и я! Вот и я, демон! — нервно выкрикивал Хам, размахивая дубиной в пол его роста перед самым носом у невозмутимого бандита. — Ага, боишься? Я тебе, Нергалово отродье, сейчас башку сниму!

Подбадривая себя этими воплями, парень кружил вокруг Красивого Зюка и даже пару раз оказывался за его спиной, но дубину опустить все не решался, по всей видимости, памятуя о прокушенной шее, а впрочем, может, просто примериваясь к голове врага — чтоб ударить только один раз и наверняка. Бандит же, казалось, вовсе не замечал Хама.

Задумчиво глядя в густо-черное небо, в коем блистали три крупные серебряные звезды, он стоял возле люка, карауля возможную попытку варвара выбить крышку. Если б возбужденный донельзя Хам не кричал так истошно, он бы смог расслышать странные слова, кои Деб бормотал себе под нос: «Третье время проходит... Третье... Что дальше?...» Глаза его, цветом слившиеся с небом, словно повернули взор внутрь, так глубоко стали теперь; руки, сложенные на груди, лежали покойно, не двигаясь и для того, чтобы пугнуть Хама; расправленные плечи, правда, как бы чуть опустились, но сила от них исходила прежняя, огромная, нечеловеческая...

Наконец нервы охранника не выдержали, и дубина врезала-таки по голове бандита, но, вопреки ожиданию, ни треск проломленного черепа не разорвал ночную тишь, ни кровь

и мозги не забрызгали палубу — недовольно кривя губы, Красивый Зюк обернулся на Хама и, пригладив волосы на затылке, бесцветным голосом промолвил:

— А-а, это ты...

Оскорбленный до глубины души Хам с вытаращенными от страха и ужаса глазами снова поднял свое оружие, надеясь если не сверху, то хоть сбоку оглушить врага. Ухнув, он махнул дубиной, целя в ухо бандита, и сам чуть не улетел за ней следом, влекомый ее тяжестью. Он не успел заметить, как мотнулась голова Красивого Зюка, уклоняясь от удара; он успел понять только, что промазал, хотя это и казалось ему совершенно невозможным — их разделяло не более шести шагов, дубина же была длиной семь, а то и семь с половиной. Хам ахнул, опустил оружие сие книзу, и обреченно уставился в бездонные глаза противника.

— У тебя ничего не выйдет, мальчик, — спокойно и даже вполне доброжелательно сказал вдруг Красивый Зюк, не трогаясь с места. — Пока меня нельзя убить. Ты знаешь, что такое «Три времени Сета»?

Дрожа всем телом, Хам отрицательно задвигал челюстью, тоже не трогаясь с места, но по другой причине, нежели Деб: ноги его, в коленях слабые, приросли к полу и, кажется, никакая сила не смогла бы их оторвать.

— Это такая штука... Как бы тебе объяснить... — медленно продолжил Деб. — Моя душа рождена была до тела, и рождена была не матерью моей и не отцом. Великий Сет... Один вдох его продолжается год, а выдох не занимает и краткой доли мига... Так вот, к моему счастью, он выдохнул когда-то мою душу...

— Я не понимаю тебя! — в отчаянии пискнул Хам, пытаясь. — Я не понимаю!

— А я не тебе и говорю, — пожал плечами Красивый Зюк. — Пусть меня слушает тот, кто стоит за моей спиной.

Не в силах унять дрожь, парень перевел взгляд чуть выше и вздрогнул в еще большем ужасе: за спиной бандита высилась громадная темная фигура, особенно жуткая на фоне черной дали. То был Конан, и Хам, в следующее же мгновение узнав его, облегченно всхлипнул.

— В юности я повстречал однажды мага Черного Круга, которого принял за купца и возжелал ограбить. Он не стал обращать меня в камень или в жабу — он поклонился мне и поведал о том, что ты только что услышал, варвар, — не оборачиваясь, говорил Деб. — Он сказал, что для таких, как я, за всю жизнь трижды выпадает время Сета, когда тело становится неуязвимым, а мозг выбирает из сотни решений лишь одно, самое верное. Он рассчитал для меня эти три времени... Первый раз выпал на мой тридцатый год. Тогда в руках моих оказался весь Эрук, и если б не...

Тут в бесстрастном до того голосе бандита появилось раздражение, немало порадовавшее и чуткого Хама, и киммерийца. Деб же, справившись с собой, подавил неприятное чувство сие и принялся вещать дальше.

— ... не парень, называющий себя слугой Митры (чтоб таких, как он, рвал на куски бог Шакал), вскоре я захватил бы весь Шем. Увы, он воспользовался тем, что перед великим временем Силы обязательно бывает ужасное время слабости, и измотал меня чуть не до смерти... Потом я ответил ему достойно — и Серые Равнины стали его последним и единственным пристанищем, — но все равно главное было упущено... Я остался на прежней позиции, не имея возможности продвинуться хотя немного вперед...

Потом подошло и второе время — ты помнишь его, варвар. Я вознамерился завладеть хатхоновской золотой безделушкой, могущей принести мне власть над миром. Ты на пару с глупым рыжим талисманом встал на пути моем, и я тебе этого не прощу никогда. Хорошо еще, что ты не появился чуть раньше, в предшествующий Силе период слабости...

— Когда ты прятался в Собачьей Мельнице? — подал слабый голос Висканьо, который полулежал у ног Конана и внимательно слушал рассказ Красивого Зюка, дергая друга за штанину, едва тот пытался прервать бандита.

— Вот-вот, — утвердительно кивнул Деб, не удостоив тем не менее рыжего взглядом. — Именно в Собачьей Мельнице я отсиживался перед тем, как выйти в мир с Силой моего второго времени. Вот то Равновесие, какое желал бы попра-

вить я! К чему же мне, обладающему даром Силы самого Сета, испытывать сию болезнь слабости? Конечно, то есть борьба Добра и Зла, я понимаю это и одобряю — без борьбы неинтересно жить. Но при чем тут я? Пусть бы они боролись между собой где-нибудь в другом месте, подальше от меня...

— А перед третьим тебя повесили на цепях! — возбужденно выкрикнул Хам, уже вполне пришедший в себя и ободрившийся от присутствия двух соратников. — В нашей темнице! — гордо добавил он, видя, что реакции на его заявление не последовало ни с какой стороны.

— Ныне пришло третье мое время — последнее, — вежливо подождав, когда бестактный Хам замолчит, сказал бандит. — Я создал сей дом, сей сад и сей галеон. Я создал слуг, которых видели вы все. Но то лишь фантом — нет ни дома, ни сада, ни галеона, ни слуг. Есть я — только я — и этого достаточно для того, чтобы вы утонули в той воде, какой нет... Но я не буду вас топить — первая попытка сорвалась, и повторять ее я не желаю... Будущим вечером я отправлюсь отсюда в некую страну (вам незачем знать название, ибо сейчас я раздавлю вас как назойливых муравьев) и спустя всего-то луну стану ее правителем. Теперь прощайте.

Так неожиданно завершив свою речь, Красивый Зюк обернулся наконец к Конану и, не упуская драгоценных мгновений, молча кинулся на него, ощеря в злобной и радостной ухмылке ровные белые зубы.

* * *

Варвар встретил его прямым ударом в челюсть, что, как видно, явилось для Деба полной неожиданностью, ибо он отлетел на несколько шагов и оказался в крепких, хотя и совсем не дружеских объятиях Хама.

— Три времени Сета, говоришь? — усмехнулся киммериец, поднимая меч. — Посмотрим...

Без труда выдравшись из рук охранника, бандит кошкой отпрыгнул в сторону, так, чтоб видеть одновременно всех троих. Но только один Конан был готов к драке — ни

Хам, ни тем более измученный долгой неволей талисман явно не собирались подставлять свои шеи выродку свирепого Сета.

А когда свистящий клинок киммерийца прошел сквозь его тело как сквозь облачко дыма, не причинив ни малейшего вреда, у обоих соратников Конана пропало всякое желание даже наблюдать далее за ходом поединка. Хам заплетающимся от ужаса языком призывал светлого Адониса немедленно вмешаться и сжечь демона молнией; Висканьо с тихим отчаянием вспоминал отца и Даниту, кои ждали его сейчас в Мессантии, и обращал мольбы к благому Митре об их здоровье и благосостоянии... Не лучшие ощущения переживал в данный момент и варвар: до того Деб невероятно ловко, но все же уклонялся от ударов меча — теперь он и не подумал этого сделать, демонстрируя заявленную ранее неуязвимость. Впрочем, особенно переживать Конан не имел времени, а потому он отбросил меч к ногам Хама и кинулся на бандита, который тоже изготовился к прыжку, скрежеща зубами уже не как человек, а как истый демон, рожденный мраком и кошмаром неведомых миров.

Поначалу в дико рычащем клубке невозможно было разобрать, где варвар и где Деб Абдаррах — три серебряные звезды светили тускло, будто пораженные своим одиночеством в огромном черном небе; но потом глазам наблюдателей представилась такое невероятное действо, что они уже не всматривались в спины и волосы, чтобы в случае чего не ударить по затылку своего, ибо перепутать противников сейчас мог только слепец; затаив дыхание, они следили за леденящими кровь превращениями бывшего бандита. Мерцая во тьме как обернутый в кхитайский шелк кусок дерьма, он изворачивался в мускулистых руках варвара то хрипящей собакой с разодранной на спине шкурой, то пантерой с окровавленной жаркой пастью, то шипящей толстой змеей, чье смертоносное жало несколько раз коротко и почти любовно касалось лица Конана.

— Это опять фантом... Не смотри на него, Конан. Ну, дави же сильнее, дави... — чуть не плача, шептал Хам, сидя

на короточках у борта. Дубина в руках его тряслась, круглым концом стуча по дереву палубы, и то и дело путалась в ногах киммерийца; парень видел это, но не в силах был отодвинуться хоть на полшага — страх, сковавший его в момент второй схватки Конана и бандита, больше не стал, но и меньше тоже, так что несчастный Хам с бешено бьющимся сердцем не мог даже расцепить пальцы, чтобы бросить бесполезную вовсе дубину...

— Не так! — напрягая слабый еще голос, талисман пытался перебить рычание драки. — Слышишь, Конан? Не дави, а рви! Рви!

— Рви! — подхватил и Хам, почуяв в совете рыжего истину. — Рви! Конан, рви!

Киммериец терял силы. Перед глазами егоплыли разноцветные круги, а виски сдавливал невидимый, но от этого не менее безжалостный и крепкий обруч смерти. Враг в его руках устал менять личины и устал играть: Конан понимал, что последние мгновения схватки на исходе — бандит вновь принял собственный, от рождения данный ему облик, и кожа на теле его натянулась так, словно он раздался вдруг в ширину и все мускулы его надулись. Сейчас он разорвет кольцо Конановых рук и вонзит белые острые зубы в голубую, заранее присмотренную жилку на могучей шее... Киммериец внутренне содрогнулся. Много смертей грозило ему прежде, и каждую готов он был встретить достойно, дабы после взглянуть в суровые серые глаза Крома уверенно и прямо. Да и нынешняя ночь в этом смысле ничем не отличалась: если суждено ему погибнуть здесь, то уж никак не по вине слабости душевной. Демон, коего не берет ни меч, ни сила человеческая — вот враг его, и кто скажет потом, что Конан не сделал всего, что только мог... С другой стороны, умереть от укуса бандита ему тоже не улыбалось, а потому он все крепче и крепче сжимал пальцы вокруг шеи Красивого Зюка, чувствуя, что вот-вот от напряжения лопнут жилы...

«Рви! Рви, Конан, рви!» — донеслось до него откуда-то сверху (он не понял, чьи это голоса, потому что в момент схватки забыл и о Хаме и о почти спасенном им рыжем).

Затуманенный мозг его на треть лишь мига прояснился, и в эту самую треть варвару показалось, что он слышит глас Митры — Митры, который намерен-таки вручить ему свой бесценный дар! «Конан, рви! Рви, Конан!»

И Конан, собрав последние силы, вонзил пальцы в спину бандита и рванул — так, как только еще мог. Жуткий вопль взлетел в ночную бесстрастную тишину; замерли, сами пока не понимая, отчего, Хам и рыжий талисман; обмякло в руках киммерийца тело врага... И в этот момент три серебряные звезды сорвались с неба, вспыхнули желтым фальшивым огнем, стремительно полетели вниз и — погасли, так и не успев коснуться земли...

В то утро, с которого началось
реживаниям и безумству,
единственная его дочь
возымела желание совершить
ку в окрестностях Кордавы.
три воздыхателя да пятеро с
богато украшенных скакунах с
узким и причудливо изгиба-

Юная Зингелла, в чьих неж-
из самых родовитых семейств
данным и азартным нравом
гарцам вообще, в ней же о-
степени. Бешеная скачка по-
одной из любимых ее заба-
аристократку паническое ша-
лошадей, их перекошенные
нутые рты. Впрочем, жители
выкнуты к манере езды доче-
правило, завидев еще издали

на полном скаку соперничавшие между собой воздыхатели, сверкала огненно-черными глазами маленькая наездница... Почтенные дуэны давно отстали и, остановив коней и обмахиваясь страусовыми перьями, обсуждали, как лучше всего представить ситуацию почтенному Гарриго, чтобы получить от него наименьшую выволочку. На повороте к базарной площади, в одном из самых тесных и многолюдных мест города, случилось нечто неожиданное. Старуха в рваной и грязной одежде, разглядывавшая расстеленные для продажи прямо на мостовой дешевые платки ядовитых расцветок, не успела вовремя отскочить с дороги. Вернее, не захотела отскочить, как сделали это все вокруг, ибо времени у нее было достаточно.

Великолепный гигант жеребец Зингеллы отчего-то не врезался в наглую оборванку на полном скаку, что было бы естественно, но шарахнулся в сторону и, заржав, взвился на дыбы. Юная наездница едва не скатилась кубарем наземь и лишь благодаря своей цепкости удержалась в бархатном, расшитом серебром седле.

Побагровев от ярости так, что щеки ее приняли оттенок спелого граната, девушка размахнулась и изо всех сил хлестнула старуху плетью, той самой, что погоняла коня. Ветхая одежда лопнула на костлявой спине. Старуха охнула. Миг спустя она вздернула голову и расхохоталась беззубым ртом. Коричневая морщинистая кожа растянулась в уродливую маску, похожую на ту, что одевают на карнавале, изображая демонов. Смех ее перешел в издевательски жалостливое причитание.

— Ох-ох, бедная моя красавица! Не пройдет и пятнадцати лун, как с тобой случится то же, что случится сегодня с этим красивым кнутиком, которым ты так ласково погладила меня!..

— А! Ты еще угрожаешь мне, грязная тварь! — Зингелла, на этот раз уже побледнев, замахнулась снова, намереваясь теперь рассечь лицо, нагло ухмыляющуюся морщинистую маску.

Но старуха с неожиданной молодой прытью нагнулась и юркнула в ноги толпы, окаменевшей от страха и изумле-

ния, и тотчас растворилась в ней, затерялась в водовороте тел, лиц и красок.

Занесенная плетью опустилась на первую попавшуюся под руку спину. Второй удар достался крупу коня. Дернув за поводья, Зингелла развернулась и без единого слова или жеста своим спутникам поскакала назад. Растерянный кортеж загремел копытами следом.

Настроение девушки было непоправимо испорчено, и о продолжении прогулки не могло быть и речи. Проскакав в таком же бешеном темпе до ворот отцовского замка, она резко осадилась во дворе взмыленного жеребца и бросила поводья подбежавшим слугам.

Слуги подскочили недостаточно быстро, и их спины также отдавали по свистящему поцелую плети. Выбежавший конюший успел увернуться от рвущей воздух гиппопотамовой кожи, но зато получил удар лакированным башмачком в колено.

— Эту тупоголовую скотину, эту пугливую корову не смей больше оседлывать для меня! — визгливым от ярости голосом приказала дочь герцога. — Отправьте его на шкуру, на колбасу, на корм псам!..

Неистовая скачка и битье слуг несколько охладили ее гнев, но не до конца. Ноздри девушки судорожно расширялись, глаза сверкали, пальцы теребили, ломали и рвали все, что попадалось под руку. Изящный кнут с выложенной перламутром ручкой оказался в числе этих несчастных предметов. Перестав рассекать плечи и спины, он сделался ей ненужным. Зингелла переломила его о колено, даже не осознавая, что делает, и швырнула обломки в костер, полыхавший посередине двора, на котором обычно жарили себе мясо сторожившие ворота охранники.

Поднявшись к себе в комнату, дочь герцога надавала пощечин двум служанкам, недостаточно низко присевшим при виде ее, и выбросила в окно букет роз, показавшийся ей увядшим. Стянув с помощью горничной тесное и узкое черное платье, переодевшись в свободный наряд и сполоснув лицо прохладной водой, она наконец успокоилась.

Подойдя к окну, Зингелла принялась размышлять, чем же заменить неудавшуюся прогулку за город и какой скакун с этих пор будет удостоен чести носить ее легкое и гордое тело. Взгляд ее бездумно остановился на полыхающем внизу костре. Один из охранников что-то вытаскивал из огня острием своего меча. Присмотревшись, Зингелла поняла, что это обуглившиеся остатки ее плети, из которых, дую на обожженные пальцы, солдат пытался выковырять потемневшие чешуйки перламутра.

* * *

Герцога Гарриго нельзя было обвинить в излишней склонности к суевериям. Напротив, скорее то был человек с изрядной долей здорового цинизма, грубовато-земной, безмерно любящий жизнь во всех ее проявлениях. Поэтому, услышав встревоженный лепет Зингеллы о предсказаниях какой-то грязной старухи, он искренне расхохотался. Этим, правда, он вызвал целую бурю слез, крушение семейного фарфорового сервиза и лавину упреков в холодности и нелюбви. Упреки его огорчили и пристыдили. Свою единственную дочь, «бешеную Зи», как называл он ее, маскируя насмешливостью нежность, оставшуюся без матери в самом раннем возрасте, герцог не просто любил, но втайне боготворил и слегка побаивался.

Они были очень похожи. Но те черты, которые в герцоге казались полунамеченными, в его дочери достигли полного расцвета. Герцог был вспыльчив и раздражителен, Зингелла — необузданна и горда до бешенства. Герцог был храбр, его дочь — азартна и безрассудна. Внешность Гарриго была благородной, хотя черты лица казались вылепленными излишне поспешно и грубовато. Зингелла обещала вырасти в подлинную красавицу.

Она была невысокого роста, но очень прямой и стройной. Черные волосы, обычно перевязанные на макушке алой лентой, падали на плечи и словно придавливали их своей тяжестью, настолько густыми и непроглядно смоляными они были. Чуть крючковатый нос и жесткое выражение блестящих глаз придавали лицу сходство с хищной пти-

цей. Но капризно изогнутые губы были хороши и соблазнительны, как готовящийся распусться пион. И без того худенькая, она затягивала платье в талии так, что казалась неестественно тонкой и ломкой, и носила высокие каблуки.

Гарриго и любовался, и гордился своей дочерью, и тревожился за нее. Не раз он замечал с усмешкой, что очень не завидует будущему мужу Зингеллы, и уж лучше тому обручиться сразу со львицей или с зеленой крокодилицей из мутных вод Стикса...

Когда герцог убедился, что слова безвестной нищей старухи всерьез смутили покой его гордой и бесстрашной дочурки, он принял все меры для ее успокоения. Перво-наперво он приказал отыскать старуху и привести к нему. В течение десяти дней дюжина его лучших воинов прочесывала город и окрестности. Операцией руководили те пятеро стражников, которые видели оборванку в лицо и могли ее опознать. Двое воздыхателей, бывших с Зингеллой в то роковое утро, предложили свою бескорыстную помощь и также потратили немало времени, осматривая улицы, площади и задворки и приказывая поднять голову и подойти ближе каждой подозрительной нищей. Но все было тщетно. Наглая оборванка словно провалилась сквозь булыжную мостовую.

Убедившись, что казнить старуху и внести тем самым покой в растревоженную душу дочери невозможно, герцог пошел другим путем. Он обратился к той публике, которую до сих пор громогласно объявлял обманщиками, шарлатанами и вымогателями, то есть — к гадалкам и звездочетам. В Кордаве, как, впрочем, и во всей Хайбории, такого сорта искателей легкого заработка водилось предостаточно. На сбежавшуюся к нему со всех ног — стоило только свистнуть — алчную свору пришлось потратить не один мешок с золотом, но безумные эти траты не достигли цели. Зингелла не только не успокоилась, но, напротив, пришла в еще большее смятение.

Да и как ей было успокоиться, если провидцы и собеседники звезд вещали разное. Часть из них действительно высмотрела опасность для юной дочери герцога, и опас-

ность эта грозила от огня. Об огне намекали свежие потроха черной курицы с красным гребешком, зарезанной точно в новолуние, ибо они были неестественно багрового оттенка. О том же писали ласточки своими острыми крыльями на закатном небе, ровно в тот момент, когда гадатель, предварительно выбрив себе макушку и шепча заклинания, плевал по ветру. Зловеще имитировал вырвавшийся на волю огонь блеск магических кристаллов. В гороскопе девушки большинство планет сгруппировались в знаках огня и в обители смерти...

Но другая часть оккультной братии, не менее многочисленная, утверждала, что никакой опасности нет, старуха же — обыкновенная помешанная. Именно им готовый возрадоваться герцог отвалил больше всего золотых, после чего все они незаметно покинули пределы Кордавы и больше в ней не появлялись.

Наконец, третья часть ученых мужей находила некоторую опасность, но не от огня и не в столь юном возрасте. Кто-то пророчил, что Зингелле надо опасаться своего первенца, но не ранее, чем после рождения двенадцатого ребенка. Другой советовал никогда не предпринимать путешествия на корабле с четным количеством членов команды. Третий зловеще предостерегал от выполнения супружеских обязанностей после того, как ей исполнится пятьдесят три года...

Гарриго был на грани нервной горячки. Он разогнал всех гадателей, заперся в своей комнате и велел никому к себе не пускать. Но в его уединенный, обвешанный толстыми коврами покой все-таки проникал один тревожащий его звук. То был голосок его дочери, с каждым днем становящийся все более звонким от напряжения, все более пронзительным от сдерживаемого ужаса.

Бледный и похудевший герцог снова открыл свои двери предприимчивым и алчным мудрецам. Правда, он вернул только тех, кто считал, что опасность от огня существует, и категорически потребовал от них точных рецептов избежания этой ужасной опасности. Мнения мудрецов разделились. Один требовал, чтобы Зингелла

ежевечерне в течение полутора лет ложилась спать, укутавшись в только что спущенную, свежую шкуру теленка. Другой, с пеной на тонких губах, настаивал, чтобы трижды в день — на рассвете, в полдень и на заходе солнца — девушка сорок раз приседала и трижды поворачивалась вокруг своей оси. Третий рекомендовал принимать ванны из дельфиньего молока... Пятнадцатый настоятельно советовал ни под каким видом не прикасаться к собственной левой поздре...

Ни пирушки с друзьями, ни взыскательные любовницы, ни военные или охотничьи нужды не отнимали у Гарриго такой уймы денег, что ушла ясновидцам и болтунам в течение какой-нибудь половины луны. Взамен же он получил нервное расстройство, потерю аппетита и стойкое отвращение к запаху тлеющего сандала.

* * *

В таком состоянии и застал его вздумавший навестить доброго приятеля Конан, бывший дикарь из северной Киммерии, теперь же — корсар на службе Его Величества короля Зингары. Киммериец отличился в недавней битве с аргосской флотилией, за что король Фердруго предоставил ему нечто вроде отпуска. Сойдя на берег, Конан первым делом отправился в особняк Гарриго, поскольку тот не один раз приглашал его отведать отличного вина из его наследных погребов, славящихся по всей Кордаве.

Отношения между киммерийцем и знатным зингарским вельможей назвать дружбой было бы не совсем точно. Слишком разной была их сословная принадлежность, имеющая немаловажное значение во всех цивилизованных странах, а уж в Зингаре особенно. Но они питали друг к другу самые уважительные и добрые чувства. Конан не раз наблюдал Гарриго в бою, отмечая его горячую, бьющую через край отвагу, сочетающуюся с трезвостью рассудка. Не могло не нравиться киммерийцу и то, что знаменитая высокородная зингарская спесь смягчалась в герцоге природной естественностью и открытостью. Даже если он и не считал северного варвара ровней себе,

в интонациях речи, с которой он обращался к Конану, это никак не проявлялось.

Герцог же, в свою очередь, относился к Конану с тайной завистью и с тайным же восхищением. Он был искренне обрадован его посещением, хотя радость эта была омрачена тем, что в нынешнем своем состоянии он не мог принять достойного гостя как следует.

— Прости меня, Конан! Столько раз я звал тебя погостить, а теперь, когда ты наконец ко мне выбрался, — ты встречаешь жалкую развалину вместо человека! — сокрушался Гарриго.

Они сидели в креслах возле пылающего очага, так как вечер был прохладный. На герцоге был один домашний халат, полуспущенный с плеч и открывающий шею и часть спины, куда осторожно прикладывал пиявки его домашний доктор, старый Хелио.

— Поверишь ли, если не цеплять перед сном этих кровососущих тварей, не смогу заснуть — так раскалывается голова! — продолжал герцог. — Наверное, нет нужды рассказывать, что стряслось в моем доме и явилось причиной моего недуга. Я думаю, весь город и так судачит об этом на каждом углу.

— Рассказывать нет нужды, — согласился Конан. — Герцог Гарриго — слишком заметная фигура в Кордаве, чтобы о свалившемся на него несчастье нельзя было не услышать от первого встречного. Но, признаться, в таком виде застать тебя я не ожидал.

— Я и сам не ожидал от себя такого!.. — с горечью усмехнулся герцог и поморщился от зуда в шее.

— Не знаю, что тебе посоветовать, — задумчиво произнес киммериец, глядя на пляшущие в очаге рваные лоскутки огня. — На те деньги, что ты отвалил бойким на язык и ловким на руку шарлатанам, можно было приобрести и оснастить целый корабль. Целый корабль, Гарриго! Карак или каравеллу... Нанять хорошего капитана... да вот хотя бы меня! Я уже давно подумываю о том, чтобы оставить службу у толстяка Фердруго и снова стать вольной птицей. Вернее, вольным зверем. Поверь мне, веселая качка палубы под ногами, свист

ветра, дюжина бесстрашных головорезов под твоей командой да достойные тебя враги — мигом прогонят все твои хвори!

— Ты забываешь, что я отец, Конан, — печально сказал герцог. — Ты не знаешь, что такое отцовские чувства, и в этом, наверное, твое счастье.

— Я не знаю, что такое отцовские чувства, — согласился киммериец. — Хотя и пора бы, наверное, уже знать. Я ведь старше тебя на три года... Но какие б они ни были, эти самые чувства, не думаю, что они превратили бы меня в доверчивого простака, швыряющего деньги направо и налево и трясущегося от слов глупой старухи.

Гарриго слегка побледнел и поджал губы. Поняв, что выразился чересчур резко, Конан примиряюще улыбнулся и, встав со своего кресла, похлопал сумрачного приятеля по плечу.

— Не обижайся, не обижайся! Видит Кром, как я хотел бы тебе помочь! Как я хотел бы снова увидеть тебя хохочущим, бесстрашным, бешеным... А кстати, сколько ей лет, твоей Зингелле?

— Недавно минуло тринадцать, — помолчав и прожевав обиду, откликнулся герцог.

— Нда! Маловато. Будь она года на два постарше, ты мог бы просто выдать ее замуж. Не сомневаюсь, что вокруг нее уже начала вертеться пара-тройка хлыщей с напomaженными усами! Конечно, муж должен быть не из таких. Он должен быть зрелым, хладнокровным, опытным... Но и не дряхлый денежный мешок, из которого песок сыплется!.. Лет тридцати, проявивший себя в битвах. Поверь мне, после свадьбы старуха со всеми ее угрозами мигом вылетит из кудрявой ее головки под напором новых впечатлений! Она ведь горячая девчонка и большая выдумщица к тому же. Ей понравится быть женщиной, уверяю тебя! Кстати, в Куше и Зембабве выдают замуж уже с двенадцати лет...

Веко герцога задергалось, а губы снова поджались. Слова «горячая девчонка», относимые к боготворимой им дочери, не могли не царапнуть его потаенной родительской гордыни. Поняв, что опять неудачно выразился и вместо

утешения еще больше расстроил приятеля, Конан сокрушенно вздохнул. Он замолчал, глядя в огонь и твердо решив про себя в дальнейшем ограничиваться лишь междометиями.

В полной тишине старый Хелио снял с шеи хозяина насосавшихся крови, лоснящихся тварей. Осторожно и любовно ухватив каждую двумя пальцами, он опустил их в хрустальный сосуд с чистой водой. Закрыв его пробкой, старик деликатно кашлянул и негромко осведомился:

— Можно мне вмешаться в ваш разговор, любезные господа?..

Гарриго молча кивнул.

— Прежде всего, я очень попрошу вас успокоиться, мой добрый господин,— сказал Хелио, ласково поглаживая герцога по плечам, которые он вновь укутал воротником халата.— Успокойтесь, успокойтесь, а то кровь ваша так бурлит и кипит, что мои маленькие черные помощники могут захлебнуться или ошпариться ненароком... Что касается толпы гадателей и звездочетов, то вы очень правильно сделали, что прогнали их всех в шею. Жалко только, что вы не сделали этого сразу, и они успели изрядно потрясти ваш кошелёк. Как совершенно правильно заметил ваш достойный друг, лучше было бы на эти деньги купить каравеллу. Или еще один дом... Не могу понять, зачем вы позвали их в таком количестве? Нужно было выбрать из всех одного, кому вы доверяете, и следовать только его рекомендациям!

— Да никому из них я не доверяю, никому! — буркнул герцог и стукнул кулаком по подлокотнику кресла.

— Вот и правильно, вот и правильно! — подхватил доктор.— Конечно же, доверять им нельзя!.. Разве вы не слышали историю рыцаря Сталенсо из Герида? Нет?.. Тогда, с вашего позволения, я расскажу вам ее. Этот самый рыцарь Сталенсо, человек почтенный и достойный всяческих похвал, имел несчастье в молодости обратиться к астрологу, и тот составил ему гороскоп. Гороскоп получился чудесный, рыцаря ждала долгая жизнь, полная многообразных побед и успехов. Боги улыбались ему и на поле битвы, и в спаль-

нях хорошеньких женщин, и во дворцах влиятельнейших особ. Но было там одно маленькое «но». В возрасте тридцати лет рыцарю нужно было быть очень осторожным, ибо жизни его грозила серьезная опасность. И опасность эта исходила от... горошины! Самой обыкновенной маленькой горошины из стручка. Вы усмехаетесь, почтенный капитан Конан, но я рассказываю истинную правду, клянусь вам! Не меч, не кинжал, не яд придворного интригана, не чума — но крохотное семя растения, во множестве покрывающего поля селян... Как только рыцарю стукнуло двадцать девять, то есть за год до роковой даты, он повелел очистить все подвалы своего замка от запасов гороха, а также — для пущей надежности — от фасоли, бобов и риса. Если дела требовали его отлучки из дома, он тщательно планировал свой маршрут и следил, чтобы путь его не пролегал мимо полей, засеянных горохом либо чем-либо напоминающим это бесхитростное растение. Даже гобелены, висящие по стенам его замка, даже картины и статуэтки он внимательно осматривал и выбросил все, в сюжете которых присутствовало хоть что-то зеленое, маленькое и круглое. И что же вы думаете, мои добрые господа?.. — Доктор выдержал паузу и обвел загадочным взглядом внимающих ему приятелей.— Однажды прекрасным утром незадолго до рокового тридцатилетия рыцарь завтракал на открытой веранде своего летнего дома. И его первенец, очаровательный пятилетний шалопай, влетел со двора с радостным криком: «Папа! Папа! Ты только посмотри, как метко я научился стрелять!» В руках у мальчугана была тростниковая трубочка, в которую он дунул изо всех своих ребячьих силенок. Мальчишки на улице научили его стрелять горохом, и он был так горд! Горошина, одна-единственная маленькая горошина ударила об лоб благородного рыцаря Сталенсо, и спустя один вздох тот умер.

— Он все-таки умер! — воскликнул Гарриго, сверкнув глазами и сжав кулаки, а Конан громко хмыкнул.

— Он умер, мой господин,— кивнул доктор.— Но, конечно же, не оттого, что крошечная горошинка ударила его в лоб. Его нервы весь последний год были в таком

напряжении, его сердце так издергалось в ожидании грозного удара, а одно прикосновение злополучной горошины повергло его в неописуемый ужас. Ужас был так силен, что сердечная жила разорвалась, и Серые Равнины приняли нового обитателя точно в срок, предуказанный когда-то.

Конан расхохотался.

— Твой хваленый рыцарь был не отважнее зайца! — сказал он, отсмеявшись. — Подумать только: не выдержала сердечная жила, оттого что слишком долго потел и трясся! Представляю, как он вел себя на турнирах и на дуэлях, не говоря уже о полях сражений...

Гарриго не заразился смехом приятеля. Он глубоко вздохнул и скорбно покачал головой.

— Да-да, ты прав: мне следовало бы разогнать эту магическую публику сразу и не тратить на них столько золота... Но как успокоить мне мою дочь? Моя маленькая Зи так изменилась! Ее голосок больше не звенит в доме — то светлый и беспечный, как ручей на поляне, то негодующий, как рык молодой львицы... Она забросила все свои прежде любимые забавы. Она больше не скачет, как юная амазонка, по городским улицам, не порет собственноручно нерадивых служанок, не разит жгучим, как красный перец, язычком своих дураков-кавалеров... Бедное мое дитя все чаще сидит в одиночестве, сжавшись в комок, и в черных ее глазах — затравленность и ужас. Я знаю, в этот момент она видит огонь, в котором сгорел ее кнут с рукоятью из перламутра. Я знаю, бедные губки ее в это время шепчут, подсчитывают, сколько лун, сколько дней осталось ей до рокового дня...

— Видит Митра, как я желал бы помочь нашей маленькой красавице! — горячо воскликнул старик. — Сердце свое бы вырвал из груди и отдал, если бы звездам была угодна такая замена!.. Но вот что хочу я еще сказать вам, мой господин: я слышал об одном настоящем астрологе. Да-да, настоящем! Не чета тем, что бросились врассыпную от ворот вашего дома, лишь только поняли, что здесь им больше нечем поживиться. Очень редко, но встречаются и

такие среди болтливой и лживой своры в распитых звездами колпаках... Живет он в трех днях пути от Кордавы. Он пришлый, аргосец, зовут его Майгус. Я слышал, что если он брался помочь кому-нибудь, то творил поистине чудеса! Правда, нрав у него очень странный, а характер капризный и непредсказуемый. Говорят, иногда он помогает простым людям, тратит по нескольку дней на какого-нибудь оборванца, у которого сбежала корова, и не берет за это даже медной монеты. Иногда же не пускает на порог роскошный караван, груженный подарками, откуда-нибудь из Иранистана (поскольку слава его достигает и этих отдаленных краев). Порой назначает за гороскоп немыслимую цену, услышав которую заказчику остается только плюнуть и уйти восвояси. Порой отказывается от денег, но велит совершить нечто невообразимое, от чего у почтенного человека встают дыбом волосы на бороде... Я не могу поручиться, что этот чудаки спасет нашу крошку Зингеллу. Но отчего бы не попытаться, пока еще есть время и пока еще есть надежда?

* * *

Набитые бутылками дорожные сумки мелодично позванивали в такт крупной конской рыси. Звук этот немного развеивал унылые и скучные мысли, осаждавшие киммерийца, словно рой мошкеры где-нибудь в ванахеймской тундре. Чтобы разогнать их окончательно, Конан вытащил прямо на ходу одну из бутылей, хорошенько взболтал, вынул зубами пробку и отхлебнул несколько крупных глотков. Да, Гарриго не прихвастнул: вино в его древних родовых подвалах и впрямь отличное и крепкое, словно ласка красотики после длительного воздержания!

Но все равно он зря поддался на его уговоры вчера вечером...

— Прошу тебя, Конан, сделай это ради нашей с тобой дружбы! — упрашивал его герцог. Изможденный его вид и напряженно горящие глаза придавали еще большую убедительность голосу. — Разве ты не говорил, что хотел бы помочь мне, хотел бы увидеть меня прежним?..

— Говорил! И не отказываюсь от своих слов! Но что ты хочешь от меня? — горячился варвар. — Нужно с кем-нибудь сразиться, скрестить мечи или шпаги?.. Нужно вытрясти из кого-нибудь душу?.. Нужно подставить грудь под удар?.. Что?!.. Я не ослышался: ты просишь меня протрестись шесть дней в седле, чтобы добраться до этого Майгуса (Нергал его побори!) и обратно? У тебя, что, нет гонца и пары охранников в придачу, чтобы поручить им это?.. Или этот самый Майгус отличается свирепым нравом и разрывает на клочки всякого, кто подъезжает к нему ближе, чем на пять локтей!..

— О нравах и привычках Майгуса я знаю только то, что они непредсказуемы, — терпеливо ответил герцог. — Именно поэтому я прошу съездить к нему тебя, Конан. Ты сам понимаешь, насколько для меня важно, чтобы этот аргосский чужак согласился помочь Зингелле. В нем — последняя моя надежда, последнее мое упование! Не секрет, Конан, для тех, кто тебя знает, что удача бежит за тобой по пятам. О твоих невероятных подвигах ходят легенды по всей Хайбории. Боги любят тебя! Если Майгус почему-либо взбрыкнет и откажется составлять гороскоп Зингелле, один его взгляд на тебя может заставить его переменить решение. Один твой вид, Конан, способен убедить любого!..

На такие слова киммерийцу возразить было нечего. И хотя мысль о предстоящем путешествии нагоняла на него тоску, он согласился. Немало способствовало его согласию и то, что Гарриго обещал плотно набить все дорожные сумы Конана и двух его спутников (солдат охраны, которых он настоял взять с собой для большей надежности) самым отборным вином из своих знаменитых подвалов.

— Но и это еще не все, Конан, — сказал герцог, провожая его ранним утром к воротам своего особняка. — Ты погляди только, какой красавец! Теперь он твой.

Слуги подвели к Конану огромного вороного жеребца, горячего и статного, из лучших аквилонских конюшен. Киммериец восхищенно присвистнул. Высокие и сильные кони, с широкой грудью и холкой в человеческий рост, на

которых его мощная фигура смотрелась ловко и соразмерно — были его слабостью.

— Эту зверюгу я подарил Зингелле год назад, — сказал Гарриго со вздохом и провел ладонью по блестящему крупу, отчего конь фыркнул и замотал головой, раздувая ноздри. — После случая со старухой она невзлюбила его и каждый день спрашивает, спустили ли с него шкуру и отдали ли на колбасу...

— На колбасу — такое чудо?! — Киммериец вскочил в седло и подобрал поводья. — Она большая шутница — твоя Зингелла. Надеюсь, когда с ней будет все в порядке и на строение ее улучшится, она станет шутить веселее!

* * *

К вечеру третьего дня Конан и двое его спутников добрались наконец до обители нелюдимого звездочета. К этому времени дорожные их сумки значительно полегчали и не издавали больше мелодичного звона. Зато время в пути пролетело почти незаметно, и все трое — Конан и охранники — прониклись раскованной и теплой приязнью друг к другу.

— Надеюсь, почтенный Майгус не окажется скрягой, — заметил Конан, поворачивая вороного жеребца к видневшейся в десяти шагах от дороги живой изгороди, тесно примыкающей к двухэтажному каменному дому. — Пусть вино в его погребах не такой тонкой выделки, что у Гарриго, лишь бы его оказалось вдоволь!

— Слышал я, что звездочеты вообще не пьют! — заметил один из охранников, простодушный молодой парень по имени Хорхе.

— Брось! — возразил Грумм, более старший и умудренный жизнью его приятель. — Я слышал как раз наоборот: заливают в себя до тех пор, пока звезды не начинают так и скакать по небу, выписывая немыслимые кренделя!

Подъехав вплотную к дому, Конан сокрушенно присвистнул.

— Похоже, он все-таки скряга! Я слышал, что Майгус богат, словно иранистанский султан. А в таком обшарпан-

ном домишке постыдился бы жить и последний кордавский сапожник!

И впрямь дом выглядел неухоженным и убогим. Кусты и деревья, окружавшие его со всех сторон, были нестрижены и напоминали клочок вольного леса. Крыша из грубой черепицы давно требовала ремонта. Стекла на разноцветных витражных окнах были покрыты слоем пыли. Густой плющ, покрывавший фронтальную стену до самой крыши, напоминал рваный ковер, истрепанный дождями и выцветший на солнце.

Медные ворота не имели запора и открылись от толчка рукой. Вступив в сад, Конан настороженно огляделся. Его могли охранять дикие звери, притаившиеся в густых и буйно переплетенных зарослях. Чуткий слух варвара ловил малейшие шорохи. Впрочем, ведь хозяин дома — маг. Что ему запоры и звери! Может быть, Конан со всего размаха треснет сейчас лбом о невидимую преграду...

Добравшись до входной двери — слегка разочарованный тем, что ничто и никто его не остановил — киммериец уже не удивился, обнаружив ее незапертой. Велев своим спутникам держаться к нему поближе, Конан вошел в дом. Он старался производить как можно больше шума, чтобы привлечь внимание его обитателей и не слишком шокировать их внезапностью своего появления.

Грохот ножен о стены, топот обутой в тяжелую кожу ног и грубые веселые голоса не остались незамеченными. В прихожую выкатился низенький круглый человечек, босой, лысый, в несвежем и мятлом халате.

— Проводи-ка меня, приятель, к твоему хозяину! — обратился к нему Конан, приветственно кивнув. — Спутники мои не прочь передохнуть и подкрепиться с дороги. Наши кони, которых мы оставили в саду, — тоже.

Человечек нагнул голову, как показалось Конану, слегка насмешливо и покатился в глубину дома, приглашающе махнув короткой и толстой ручкой. Охранников он направил в левое крыло обители, откуда доносились теплые и пряные запахи свежеприготовленной пищи. Конана же повел дальше, вертя по сторонам блестящей в свете свечей голо-

вой и словно приглашая полюбоваться висящими и стоящими тут и там диковинами. Киммериец не мог не отметить про себя, что внутри дом производил гораздо более роскошное впечатление, чем снаружи. Он уже не казался ни приземистым, ни ветхим. Стены были обиты отличным кхитайским шелком, полы покрывали ковры причудливых расцветок, любой подсвечник — из бронзы, серебра, нефрита, лабрадора — являл собой произведение искусства. На каждом шагу попадалось что-либо очень красивое и дорогое: то мраморная статуя богини Иштар в полтора человеческих роста, то причудливые водяные часы, издававшие звонком капель определенную мелодию, то чучело невиданного зверя, то что-нибудь совсем непонятное, но притягивающее взор.

Не то что сапожник, но и знатный зингарский вельможа не отказался бы жить в таких хоромах! Конечно, если бы дом не был таким убогим снаружи. Может быть, почтенный Майгус никогда не выбирается за пределы своих стен, и ему неизвестно, как неприглядно смотрятся они со стороны?.. Слуг своих он также мог бы одеть поприличнее, во всяком случае, не заставлять их шлепать по паркету из мореного дуба босиком...

Дойдя до небольшой круглой комнаты, выдержанной в малиновых тонах, лысый человечек остановился и неожиданно плюхнулся в одно из бархатных кресел. Не позволив себе выказывать удивления, киммериец с достоинством опустился в другое кресло, напротив.

— Итак, зачем тебе нужен хозяин этого дома? — спросил человечек, ерзая и подергиваясь, чтобы устроиться поудобнее.

— Я предпочел бы объяснить это самому почтенному Майгусу, — ответил Конан. — Разговаривать с его слугами мне кажется пустой тратой времени.

Человечек подпрыгнул в кресле и хлопнул ладонями по подлокотникам.

— Брось, мой мальчик! Ты отлично понял, что перед тобой сам Майгус. Зачем же показывать себя большим варваром и дикарем, чем ты являешься на самом деле?..

В последний раз Конан слышал обращенные к себе слова «мой мальчик» лет двадцать или более назад. Хмыкнув, он обратил на сидящее напротив него нелепое существо более внимательный взор.

Майгусу было на вид лет пятьдесят. На смугло-желтом морщинистом лице, выдававшем аргосца или шемита, усмехались умные круглые глаза, темные, с желтыми белками. Нос был короткий, курносый и вздорный, подбородок — безвольный и скошенный. Весь он был мягкий и — несмотря на толщину — гибкий. Больше всего он напоминал старую, но подвижную и жизнелюбивую черепашку, каким-то образом умудрившуюся потерять свой панцирь.

— Если ты забыл, зачем пришел ко мне, можешь вспоминать неограниченно долгое время, но только — в одиночестве! — нетерпеливо воскликнул звездочет. — Я очень дорожу каждым своим мигот и потому не могу рассиживаться тут попусту!

— Я не забыл! — откликнулся Конан. — Мне тоже интересно задерживаться здесь надолго, поэтому я рассказываю очень быстро, в двух словах. Герцог Гарриго, известный зингарский вельможа...

— Погоди! — воскликнул Майгус, взмахнув руками. — Только один вопрос! Скажи мне, могучий и медлительный чужеземец, нет ли у тебя брата-близнеца?..

— Брата-близнеца? — переспросил Конан, недоумевая, что значит этот вопрос. — Нет. У меня вообще нет братьев. Но отчего ты спрашиваешь? Ты встречал кого-нибудь, похожего на меня?..

— О, да! Очень и очень похожего! Такого славного, крепкого молодца, которого не могу с тех пор забыть. Но если он не был твоим братом, не будем больше о нем... Так о чем ты хотел рассказать мне? Что это за неотложная причина, подвигнувшая тебя нарушить мое стариновское уединение?

Точными и сухими словами киммериец обрисовал несчастье, выпавшее на долю герцога Гарриго и его дочери, так некстати огревшей кнутом зазевавшуюся старуху.

Майгус слушал внимательно, почесывая крохотный подбородок, беспрерывно ерзая и меняя положение тела, словно никак не мог выбрать самое удобное. Когда Конан окончил свой лаконичный рассказ, звездочет спросил:

— А знает ли герцог Гарриго, что для того, чтобы составить точный гороскоп его дочери, мне нужно знать о ней очень многое?

— Он знает об этом, — кивнул Конан. — Его предупредили те, кто уже имел счастье встретиться с тобой. — Порывшись за пазухой, он вытащил и протянул хозяину объемистый свиток пергамента. — Вот, тут есть все. Портрет Зингеллы, очень точно срисованный с нее искусным художником. Точное время и место ее рождения. Вот перечень всех ее родин — в каком месте каждая. Сказали, тебе особенно нужно знать всю эту ерунду... Вот прядь ее черных волос. Вот отпечатки сажей, взятые с обеих ладоней. А тут написано, в какую сторону закручиваются волосы на ее затылке...

— Хватит, хватит. — Нетерпеливо закивав, Майгус взял свиток. — Я вижу, герцог Гарриго хорошо наслышан о методах моей работы. Думаю, всего этого будет вполне достаточно. Правда, в последнее время я крайне редко стал заниматься астрологической практикой. В более интересные занятия и исследования окунается теперь мой ум... И я намеревался было отказать тебе, Конан-варвар, как только ты завел речь о том, ради чего добрался сюда. Я бы обязательно отказал, если бы речь шла о гороскопе для самого Гарриго, или его жены, или дворянского дядюшки. Но — единственная дочка! Это совсем другое дело. У меня тоже есть дочь, единственная. Взыскательная, строптивая, капризная и — увы! — полностью проглотившая мое сердце. Так что я знаю, что это такое...

— Да, чуть не забыл! — Конан отцепил от пояса небольшой, но увесистый мешочек, приятно звякнувший, и перебросил его звездочету. — Гарриго просил передать, что через полтора года, если с его дочерью не случится ничего нехорошего, он пришлет еще два таких же.

— Возьми его назад, Конан! — Повертев и взвесив в ладонях, Майгус бросил мешочек обратно.

— Но почему?! — нахмурился варвар, готовый оскорбиться.

— Я бы взял его, если б от меня требовалось только составить гороскоп, — объяснил звездочет. — Но ведь Гарриго нужно, чтобы я помог изменить страшную судьбу его дочери. Не так ли?..

Конан кивнул.

— А попытаться изменить повеление звезд можно при одном непереносимом условии: если я очень пожалею эту девушку, посочувствую ей, приму ее в свою душу, как собственную дочь. Если ж в голове моей поселится мысль о будущих мешочках с золотом, ничего не получится. Ты понимаешь меня?..

— Не особенно, — признался киммериец. — Мне кажется, вполне можно сочувствовать девушке и любить при этом мешочки с золотом, или наоборот — сочувствовать золоту и любить девушку. Не представляю, как одно может помешать другому. Впрочем, ты вполне оправдываешь слухи, которые о тебе ходят, поэтому я не удивляюсь и не настаиваю. Не думаю, что Гарриго сильно расстроится, когда я верну ему назад его деньги.

— Он не расстроится, уверяю тебя! — покивал головой Майгус и прыгнул с кресла, шлепнув босыми пятками о паркет. — А сейчас я оставлю тебя и примусь за работу. Случай этот очень серьезный, и я не знаю, сколько времени мне потребуется. Может быть, дней пять, а может и поллуны... Очень возможно, что у меня вообще ничего не получится. В таком случае я прямо скажу вам об этом, не прибегая к красивой лжи, которой, как я понимаю, опутали с головы до ног бедного Гарриго мои так называемые собратья.

— Это было бы весьма достойно с твоей стороны, — кивнул Конан, также поднимаясь с кресла.

Перспектива провести в этом захолустье неизвестно сколько времени отнюдь не воодушевила его, что нетрудно было прочесть на его враз поскучевшем лице. Заметив это, Майгус расплылся в некоем подобии радушной улыбки.

— Я понимаю, любезный гость, каким скучным может показаться пребывание в этой глуши тебе и твоим солдатам...

— А нет ли у тебя винного погреба? — с надеждой перебил его киммериец.

— К сожалению, нет. Ни я, ни моя дочь, ни мои малочисленные слуги не пьем вина. Но в четверти дня пути отсюда есть деревушка с вполне приличной таверной. При таверне есть постоялый двор, так что твои солдаты могут поселиться там, чтобы не совершать каждый день утомительный путь туда и обратно. Ты же, посланник герцога, можешь выбирать: либо присоединиться к своим ребятам, либо жить в моем доме — увы! — лишенном винного погреба, как и многих других приятных вещей. Сам я целиком уйду в работу, и вряд ли мы будем видеться, даже мельком. Но у меня есть дочь, молодая и очень умная девушка. Она не позволит тебе скучать, я очень надеюсь. Так что выбор за тобой, киммериец.

«Положим, чтобы выбрать, сначала нужно взглянуть на дочку», — подумал Конан, но вслух от подобного замечания удержался, лишь хмыкнул многозначительно.

— Впрочем, сначала надо познакомить тебя с дочерью! — воскликнул Майгус, прочитав его нехитрые мысли, и хлопнул себя по гладкой и словно покрытой желтоватым лаком макушке. — Должен только предупредить тебя, Конан. Дочь моя росла и воспитывалась в почти полном одиночестве, игрушками ее были магические кристаллы и талисманы, с десяти лет она зачитывалась книгами по мантике и астрологии... Сам понимаешь, это не могло не наложить отпечатка на ее характер. Она немножечко странная, моя Иглессия... — Майгус произнес имя с такой нежностью, что Конану стало ясно, как много значит для старика его странная дочурка. Открытие это наполнило его уверенностью, что гороскоп для Зингеллы, такой же единственной дочери у отца, будет сделан со всей добросовестностью. — Она взбалмошная и эксцентричная. Одиночество приучило ее разговаривать и смеяться саму с собой. Ей уже минуло двадцать, но порой она шалит и озорничает, словно малый ребенок...

«Пожалуй, лучше провести это время с ребятами в таверне, — подумал Конан, не питавший особых пристрастий к эксцентричным девицам, воспитанным на магических кристаллах и тайных книгах. — Если она еще и похожа внешне на своего папочку...»

Но лишь только, повинаясь зову отца, в комнате возникла Иглессия, варвар мгновенно переменял свое решение.

* * *

— ...Теперь взгляни сюда, Конан, на этот меч. Не правда ли, отличный экземпляр?.. Глядя на него, ни за что не скажешь, что его выковали целых четыре тысячи лет назад! Его лезвие так светло и прохладно, на нем нет ни единой зазубрины, словно и не орошали и не разъедали его все эти годы бесчисленные потоки горячей вражеской крови... Словно и не разрубал он со всего размаха мириады черепов и костей... Он напоминает мне вечный лед. Голубые острые вершины гор где-нибудь в сумрачной Гиперборее, где и был он призван к жизни в незапамятные времена. Знаешь ли ты, что у многих народов меч служит символом мировой оси, соединяющей небо, землю и подземный мир? В Гиперборее, Асгарде и Ванахейме в тайниках жрецов хранятся мечи, очень древние, наделенные магической силой первобытных творцов космоса из хаоса, мечи, которым поклоняются, как божествам. Им приносят в жертву людей и животных. Из каждой сотни пленных один мужчина, самый могучий и мужественный, торжественно лишается головы на алтаре, рядом с воткнутым вертикально в землю бессмертным оружием. Этот меч — он из тех самых. Меч-бог!

Иглессия провела пальцами по огромному лунно-блестящему клинку. Ее голубые глаза, такие же холодные и блестящие, что и божественное лезвие, светились гордостью и восхищением. Вне всяких сомнений, меч для нее был живым и очень почитаемым существом.

— Все, кому доводилось когда-либо касаться этой рукояти, становились его слугами. Не он, меч, служил им, но

наоборот: сражавшиеся им были преданными его служителями, послушными исполнителями высшей его воли. А знаешь ли ты, что у этого меча есть имя? Но очень мало кто его знает, и вслух произносить его нельзя... Если ты задумаешь покончить с собой, киммериец, делай это мечом и ничем больше. Только удар благородного меча придает этому поступку высокое достоинство... Когда мне нужен совет, я прихожу не к отцу своему, но сюда, к нему, как к оракулу. Он разрешает самые неразрешимые вопросы... Если к нему приблизится тот, кому суждено окончить свою жизнь на плахе, самый конец лезвия побагровеет и задрожит. Подойди-ка ближе, киммериец, еще ближе! Видишь, меч спокоен, значит, тебе эта позорная судьба не грозит.

Все стены просторной комнаты, куда Иглессия привела Конана, от пола до потолка были увешаны узорными коврами. На медных гвоздях, вбитых прямо в пушистый ворс, висело невероятное количество оружия. Мечи, луки, дротики, арбалеты, секиры, трезубцы... Такого изобилия роскошных орудий смерти, любовно собранных вместе, Конану прежде видеть не доводилось.

— Взгляни теперь на эти кинжалы, Конан. Если меч виден всем и укрыть его невозможно, то это маленькое и юркое оружие прячется в складках одежды или за отворотами сапог и наносит удары исподтишка. В отличие от благородного и гордого меча, кинжал олицетворяет низость, предательство. Впрочем, порой он служит заменой славного лезвия и в таком случае принимает на себя высокий смысл последнего. Скажем, когда все мечи поломаны, стрелы кончились, а битва все продолжается. Или когда необходимо срочно совершить самоубийство, а меч раздобыть невозможно — тогда позволительно заколоть себя и кинжалом. Правда, смерть в этом случае получается несравненно менее красивая...

А вот двусторонняя секира — лабрис! Формой своей она напоминает мотылька, верно? Есть легенда, что когда-то очень давно любимый голубой мотылек богини Иштар превратился в стальной лабрис. Это случилось оттого, что богине грозил насилием мерзкий змееподобный Сет и потребова-

лась ее защита. В древности лабрис разрешалось носить только женщинам — жрицам Иштар. Теперь же им размахивают во все стороны и сносят чужие головы все кому не лень... А вот копье с древком из ясеня. Наконечник его позолочен, так как издавна копье является символом солнечного луча. Если висящее на стене копье вдруг задержится само собой — жди в скором времени землетрясения или урагана. Копье также служит символом мужской силы, плодородия...

А вот из этого лука стреляла когда-то предводительница амазонок. Наверное, ты слышал, Конан, об этом племени презирающих мужчин воительниц. Не знаю, верно ли это, но ходят слухи, что амазонки выжигают себе в детстве правую грудь, чтобы она не мешала как следует натягивать тетиву. Детей они рожают мало, так что одной груди оказывается вполне достаточно...

А вот великолепный бич из шкуры гиппопотама! Символ ярости, мести, правосудия. Как здорово он свистит при ударе! Не такой ли плеточкой малышка Зингелла приласкала оборванную старушку? Старушка, хоть и была безоружна, сумела достойно отомстить за удар. Не смотри на меня так удивленно, Конан: я слышала все, что ты рассказывал моему отцу, слово в слово. Мой отец знает об этом и несколько не сердится на меня, догадываясь, от кого унаследовала я свое любопытство... Но не надоело ли тебе здесь, любезный мой гость? Кажется, я совсем заговорила тебя!

— Ничуть! — откликнулся Конан, переводя взор с чудесной коллекции на Иглессию и обратно. (И то, и другое с одинаковой силой притягивали внимание.) — Я с удовольствием побродил бы здесь еще.

— О, у тебя будет время! — махнула рукой девушка. — Что касается меня, то язык мой совсем высох от долгой болтовни! Не прогуляться ли нам по окрестностям, северный гость? Не настрелять ли дичи к ужину?

— Я не против! — с готовностью отозвался Конан.

Девушка прошла вдоль стены, задрав голову и выбирая себе оружие. Киммериец невольно отметил про себя, что прекрасная дочь звездочета (хвала Крому, не похожая

на отца ничем!) удивительным образом напоминает красивые и грозные игрушки, о которых знает так много и умеет так увлекательно рассказывать.

Ее холодные голубые глаза казались двумя бликами, отразившимися от лезвия величественного меча-божества. В тонкой фигурке чувствовалась гибкость бича и затаенная его ярость. Прохладный голос звенел, совсем как кинжал из отменной стали, когда он ударяется о серебряный доспех... Впечатление смягчало лишь платье из синего шелка с черными оборками на вороте и рукавах, мягкими складками падавшее с узкой талии. Волосы девушки были прямыми и довольно короткими. Смоляные пряди закрывали половину лба, ровно подстриженной скобкой падали на уши и шею, едва достигая плеч. Скулы были широковаты, но очень породистой лепки, подбородок маленький — хотя и не скошенный, как у отца, но твердый, глаза — продолговатые и чуть раскосые.

Заметив, что гость откровенно любит ее, девушка усмехнулась. После недолгого раздумья она сняла со стены лук предводительницы амазонок. Он казался чрезмерно большим и тяжелым для ее рук с тонкими запястьями, тем не менее девушка с легкостью натянула тетиву, вставив одну из стрел.

— Вот смешные эти амазонки! — заметила она небрежно. — Выжигали правую грудь вместо того, чтобы отвести назад локоть. Вот так! — показала она. — Так и стрела летит в два раза дальше!

Увидев, что острие стрелы нацелено ему прямо в горло, Конан в притворном испуге вскинул руки.

— Как?! Ты еще раз хочешь в меня выстрелить?..

— Разве я уже стреляла в тебя? — удивилась Иглессия.

— А как же! Ты выстрелила в меня, как только вошла! Две прекрасные голубые стрелы вонзились мне в сердце и навечно застряли там.

Конан не был испуган в искусстве галантных баталлий, и бесхитростный комплимент, сотворенный им, удивил прежде всего его самого. Выразительный взгляд девушки, кото-

рый она подарила ему, опуская лук, показал, что даже опасные, напоминающие оружие создания не глухи к пыльным словам.

Кажется, Иглессия обладала редким достоинством: все, за что бы она ни бралась, она делала с отточенным совершенством. На коне она сидела так же умело и ловко, как рассказывала о древней символике секир и мечей. А стрелы, вылетающие из амазонского лука, не знали промаха и поражали даже мелкую дичь на расстоянии сорока шагов. Синее платье она передела на кожаные штаны до колен и кожаную же безрукавку и сидела в седле по-мужски. Точнее, седла и стремян вообще не было, круп легконогой гнедой кобылицы покрывала только попона.

— Ты удивительная девушка, — заметил Конан, подъезжая к ней и протягивая подобранный им с земли сраженную ею дичь. — Ты красива и женственна, и в то же время не каждый мужчина сравнится с тобой в ловкости и меткости.

— Не каждый, — согласилась девушка, укладывая тушки птиц в висящую на боку сумку. — Во мне довольно много мужских черт, ты верно заметил. Иногда, когда я совсем заскучаю в доме отца, я одеваю мужскую одежду, прячу под шляпу волосы и скачу в ближайшее селение. Там я напиваюсь в трактире — отец бы умер, если б узнал! — долго сижу, приглядываясь и прислушиваясь к тому, что творится вокруг. Если случается рядом пьяная ссора — обычно ввязываюсь. Так, из азарта, из интереса! Пару раз бывали настоящие дуэли. Один раз надутый зингарский вельможа вызвал меня на поединок на шпагах за то, что я не так отозвалась о расфуфыренной красотке, едущей вместе с ним. Было забавно!..

Иглессия рассмеялась, вспомнив дуэль, и откинулась гибкой спиной назад, так что затылок ее лег на укрытый попоной круп кобылы. Она отпустила поводья, и лошадь, почуяв свободу, понеслась вперед плавным галопом. Не вставая, девушка смотрела в небо, пока что-то там не привлекло ее внимания. Она выпрямилась и на полном скаку послала вверх стрелу.

— Не знал, что можно приготовить жаркое из ласточек! — заметил Конан подъехавшей девушке, бросая ей черное тельце, только что поднятое им с земли.

— Жаркое из ласточек? Что ты имеешь в виду?

— Иначе для чего тебе сшибать на лету эти бесплотные комочки перьев? Я всегда считал, что настоящий охотник никогда не тратит стрел попусту!

— Ах, это! — расхохоталась Иглессия. — Твой упрек справедлив, киммериец! Мне очень стыдно. Но, видишь ли, мне хотелось похвастаться, как метко я умею стрелять. Ты так понравился мне, северный гость, что я из кожи вон лезу, чтобы произвести на тебя хоть какое-то впечатление!

Еще раз расхохотавшись, девушка хлестнула кобылу и умчалась вперед. Конан не сразу догнал ее, растерявшись и не в силах с уверенностью определить: чего было больше в ее последнем выпаде — искренности либо насмешки?..

* * *

Впрочем, гадать ему пришлось недолго. Вечером, когда Конан в полном одиночестве заканчивал свой ужин в любезно предоставленной ему комнате, столь же роскошно обставленной и полной всевозможных диковинок, что и все остальные, за дверью раздался мелодичный женский голос, смех и топот легких ножек. Киммериец сразу же вспомнил о предупреждении Майгуса относительно привычки его дочери разговаривать с самой собой, выработанной годами одиночества. Слов разобрать он не мог, но смех был беспечный и игривый.

Конан хотел было распахнуть дверь и возникнуть неожиданно перед девушкой, но не успел. Дверь распахнулась сама, вслед за коротким слабеньким стуком, больше похожим на царапанье.

— Я зашла только, чтобы спросить: доволен ли наш гость ужином? — осведомилась Иглессия. — Не нужно ли ему еще чего-нибудь?..

Конан сглотнул непрожеванный кусок дичи, чуть не застрявший в его глотке, и отхлебнул сладкой водицы, принесенной ему вместо вина.

Иглессия вновь переделась. Теперь на ней было нечто полупрозрачное и лиловое, закрепленное на правом плече серебряной пряжкой в форме птицы, изогнувшей назад тонкую шею. Как выяснилось очень скоро, такой наряд в числе прочих достоинств обладал одним, поистине неоценимым: чтобы избавиться от него, достаточно было лишь нажать на язычок пряжки...

— Нужно,— ответил Конан, замешкавшись лишь на пол-вздоха.— Надеюсь, что именно мне нужно — ты угадаешь сама. Еще больше надеюсь, что и тебе это нужно, обольстительная Иглессия...

Глава вторая

Когда поздним утром Конан проснулся среди разбросанных на полу шелковых и бархатных подушек, он был один. Кто-то успел уже убрать остатки вчерашнего ужина, огарки свечей и обломки пахучих палочек — все атрибуты ночной волшбы. Обильный завтрак ждал его, и солнце играло бликами на медных боках кувшина с молоком.

Восстановив в памяти события прошлой ночи, Конан с удовольствием отметил про себя, что внешнее впечатление не обмануло его: дочь звездочета действительно делала все, за что ни бралась, с отточенным совершенством. Единственное, что ему не слишком понравилось — это излишняя ее активность и стремление доминировать там, где от женщины требуется лишь податливость, нежность и чуткость. Киммериец был вовсе не против, чтобы женщина разбиралась в оружии, стреляла и сидела в седле не хуже мужчины, но в области любовных игр она должна все-таки соответствовать своей природе. Впрочем, у него еще будет время ее перевоспитать! Хорошо бы чудаковатый Майгус не слишком спешил с составлением гороскопа Зингелле...

Деликатный стук в дверь прервал приятные размышления киммерийца. Розовая, смеющаяся и свежая Иглессия проскользнула в комнату и коснулась его губ приветственным поцелуем. Выглядела она так, словно спокойно спала всю ночь, а не вытворяла один Нергал знает что на мягких коврах и атласных подушках... На этот раз на ней было

светло-зеленое платье из переливчатого шелка, едва прикрывающее колени босых ног. В этом одеянии она казалась совсем девочкой, озорной и растрепанной со сна. Она ловко увернулась от лап киммерийца, попытавшегося заключить ее в объятия.

— Поосторожнее, поосторожнее, варвар с Севера! Иначе мои хрупкие косточки затрещат под твоим напором, как кости котенка!

— Ну, положим, не такая уж ты хрупкая! — возразил Конан. — И гораздо больше, чем на котенка, ты смахиваешь на резвящуюся пантеру...

— О нет, ты ошибаешься! В душе я кротка и нежна, как домашний котенок. Впрочем, у тебя будет еще время убедиться в этом! — Она многообещающе улыбнулась и, демонстрируя нежность, провела тонкими пальцами по нечесаной вороной гриве варвара. — Чем прикажешь развлекать тебя сегодня, любезный гость?..

— Честно говоря, я был бы не прочь еще раз посетить вашу оружейную. В жизни не видел такого обилия прекрасного оружия в одном месте!

Иглессия поморщилась.

— Опять в оружейную?.. Неужели тебе так понравилось там? Клянусь, я подарила бы тебе любую игрушку из висящих на стенах, на выбор, если бы не... — Она запнулась.

— Если б не что? — живо переспросил киммериец.

Перспектива получить в дар один из прекрасных мечей, или луков, или арбалетов изрядно взволновала его.

— Если б не мой отец! К сожалению, он очень дорожит всеми этими вещами, доставшимися ему от его отца, деда и прадеда. Он потеряет сон, если лишится хоть одной из них.

— Вот уж не думал, что звездочет так ценит то, что пристало ценить воину! Не сочти за упрек, но твой почтенный отец совсем не производит впечатления бравого рубаки, — заметил Конан с легкой обидой, поняв, что ни один из прекрасных мечей не покинет медного гвоздя, на котором висит.

— Разумеется, он не рубака. Но хватит о моем отце! Ты можешь посещать оружейную, когда тебе вздумается, и проводить там хоть целые дни напролет. Только будь ос-

торожен: некоторые клинки заговоренные и могут ненароком поцарапать или — того хуже — сорвавшись со своего места, ударить по голове...

Конан рассмеялся.

— Тем приятнее было бы приручить этих стальных хищников! А можно брать на охоту некоторые из них?

— Можно, — разрешила Иглессия. — Только охотиться сегодня ты будешь без меня: я не слишком люблю два дня подряд заниматься одним и тем же. Да и вдыхать древнюю пыль в оружейной и дышать запахом крови меня тоже не тянет. Когда тебе надоест любоваться зубами и когтями смерти, спускайся в сад, киммериец, я покажу тебе деревья и цветы, которые сама вырастила!..

* * *

Достопочтенный Майгус с головой ушел в составление гороскопа дочери герцога. Конан почти не видел его, лишь два или три раза они мельком встречались в галерее, соединяющей ряд комнат. Старик рассеянно кивал и спешил дальше, шлепая босыми ступнями и прижимая к груди какой-нибудь невиданный и непонятный прибор из стекла, камня и бронзы. Также кругленький силуэт хозяина дома бывал виден по вечерам на плоской крыше. Майгус внимательно вглядывался в усыпанное звездами южное небо, прикладывая к глазам различные трубочки и стеклышки.

Иглессия объяснила Конану, что ее отец способен полностью забывать о себе, не есть, не пить, не спать и не умываться — если работа по-настоящему захватывает его. По-видимому, так случилось и на этот раз. Зловещая судьба очаровательной и необузданной Зингеллы всерьез поглотила Майгуса. Впрочем, Конан не особенно страдал от недостатка общения со знаменитым звездочетом. Также он не слишком скучал по двум своим спутникам, солдатам из охраны Гарриго. Да и те, по всей видимости, не скучали и не роптали на судьбу: на следующее же утро по прибытии в дом Майгуса Конан отсыпал каждому по щедрой горсти золота из мешочка герцога, отвергнутого звездочетом, и объяснил, как добраться до деревушки с веселой

таверной и постоянным двором. Ни Хорхе, ни Грумм больше не попадались ему на глаза.

Один раз, впрочем, киммериец решил провести своих подопечных. Иглессия вызвалась составить ему компанию. Добравшись до таверны, варвар нашел ребят раскрасневшимися, довольными жизнью и не слишком связно ворочающими языками. Не сразу узнав Конана, они буйно обрадовались ему и, хватая за руки и хлопая по плечам, принялись наперебой уговаривать присоединиться к ним, ибо вино здесь отличное, хозяин — душа-человек, а девчонки — пухленькие, разбитные и веселые... Конан с трудом отговорился и отцепился от них, то и дело поглядывая в сторону своего спутника — очень юного и очень надменного мужчины в широкополой шляпе, которого он представил как племянника Майгуса, заехавшего к нему погостить...

Иглессия в мужском костюме держалась на редкость горделиво и высокомерно, она окидывала всех, заговаривающих с ней, таким ледяным и презрительным взглядом, что казалось странным, отчего горячие и самолюбивые зингарцы вызывали ее на дуэль лишь два раза, а не чаще...

— Отчего же ты не присоединишься к своим веселым товарищам? — спросила девушка, когда они возвращались назад. — Разве тебе не хотелось как следует выпить и погулять? Да и селянки тут покладистые и хорошенькие...

Конан покосился в ее сторону, желая понять, насколько серьезно она говорит. Но по непроницаемому лицу дочери звездочета определить это было невозможно.

— Я бы остался, — ответил он, — но мне показалось, что тем самым я бы обидел тебя.

— Обидел?... Иглессия усмехнулась. — Что же здесь обидного? Я нашла бы, чем занять свой вечер. Будь уверен, скучать бы я не стала!..

* * *

Пожалуй, больше всего в дочери звездочета притягивала Конана ее восхитительная непредсказуемость и непостоянство. Она менялась по двадцать раз на дню. Утром могла быть томной, загадочной, нежно пришепывающей краси-

вые слова на незнакомом языке... Днем становилась стремительно-резкой, насмешливой, с язычком, жалящим и свистящим, как гибкая плоть бича... После обеда пускалась в многословные заумные разговоры, одновременно поражая Конана разносторонностью своих познаний и навевая дремотную скуку. Которую тот, правда, научился быстро разгонять: стоило лишь протянуть руки к глубокомысленно вещающей девушке и обнять ее покрепче, своими губами преграждая выход ненужным и непонятым словам...

Что поражало особенно приятно — каждой ночью Иглессия тоже была разной. То излишне напористой и по-мужски активной, то податливо-нежной, то вдохновенно-раскованной, то холодной, словно ледник на вершине горы, и как бы делающей ему великое одолжение. Казалось, в теле этой удивительной девушки не одна душа, но пять или семь (и как им только не тесно там!). Даже цвет ее глаз менялся в зависимости от настроения: был то льдистоголубым, холодным и жестковатым, то светился желтыми искрами, похожими на блики солнца в морской воде.

— Впервые вижу женщину, которая умеет менять цвет глаз! — сказал как-то Конан, любясь девушкой, увлеченно рассказывающей ему о свойствах кристаллов лунного камня, то расширяя, то сужая таинственные зрачки. — Клянусь Кромом! С каждым днем ты удивляешь меня все больше.

— В самом деле? Ты не кривишь душой, чтобы сказать мне приятное? — польщенно улыбнулась Иглессия. — Я-то, наоборот, уже начинаю подозревать, что ты заскучал со мной, гость с Севера!

— О нет! С тобой трудно заскучать! — энергично запротестовал киммериец. — Если бы у твоего отца была дюжина дочерей, и от разных матерей в придачу, вряд ли мне было бы интереснее с ними, чем с одной тобой.

— Вчера я спросила у отца, скоро ли он окончит работу над гороскопом, — сказала девушка, легкой улыбкой откликнувшись на комплимент варвара. — Он сказал, что не может знать этого точно. Возможно, скоро, возможно, потребуются еще столько же дней, сколько уже прошло. Он просил тебя извинить его, Конан, за то, что дело оказалось сложнее,

чем он первоначально рассчитывал. Он очень хочет помочь этой бедной вспылчивой девочке из Кордавы, но пока что ничего не выходит...

— Пусть он работает столько, сколько ему нужно! — разрешающе махнул рукой киммериец и подмигнул ей. — Я не в обиде!

— И все-таки я боюсь, что понемногу ты начинаешь скучать... — повторила Иглессия и взглянула на него, загадочно прищурившись. — И поэтому я решила приготовить тебе сюрприз. Это будет сегодня ночью, сразу же после полуночи. Конечно, если ты не испугаешься, Конан.

— Чего мне бояться? — пожал плечами киммериец. — До сих пор все твои выходы веселили меня. Не думаю, что я расстроюсь, даже если ты бросишь меня в объятия ручной пантеры или кого-нибудь в этом роде.

— В таком случае, будь готов, Конан, — еще таинственной сказала девушка и прикрыла веки. — Ровно в полночь я приду за тобой...

* * *

Как и обещала, дочь звездочета появилась на пороге комнаты киммерийца в полночь. Но она не вошла, как случалось обычно, а лишь поманила его за собой. В руках она держала подсвечник. Толстая, зеленого воска свеча была отлита в форме обнаженного женского торса без головы и рук. На месте головы трепетал язычок пламени с зеленоватым же оттенком, напоминая вздыбленные от ветра волосы. Одевание девушки было также изумрудно-зеленым, обволакивающим ее от подбородка до кончиков пальцев ног. Складки одежды казались живыми и тихо колышались и переливались, как прохладное пламя.

Конан шагнул вперед и хотел было обнять соблазнительное изумрудное видение, но Иглессия отстранилась и, прижав к губам палец, повела его за собой. Они прошли в полном молчании несколько комнат, пока девушка не остановилась на пороге одной из них и жестом пригласила войти. В этом помещении Конану прежде бывать не приходилось. То была просторная, почти идеально круглая

комната без окон. Точнее, единственное хрустальное окно в форме глаза было на потолке. Пол устилал ковер с очень длинным, чуть ли не в ладонь высотой, темно-синим ворсом. В центре комнаты прямо на ковре стоял светильник с девятью свечами. Все они были из зеленого воска и изображали танцующих обнаженных женщин без рук и голов. Конана удивило, что зеленое пламя — волосы крохотных танцовщиц — раскачивалось и колебалось в разные стороны, словно бы по помещению гуляло множество маленьких сквозняков во всех направлениях. Прямо над светильником с потолка на прочной бронзовой цепи спускался большой хрустальный шар со множеством отполированных граней. Пламя свечей, отраженное в нем и размноженное в тысячи раз, освещало комнату до мельчайших ее уголков. Тлели, распространяя сильный дурманный аромат, пахучие палочки, закрепленные вдоль стен. Их дым, подсвеченный зеленоватыми огнями, стлался в воздухе, принимая причудливые очертания, и казался живым и немного зловещим.

— Это моя комната, — прошептала Иглессия. — Проходи и садись возле светильника, но только — во имя Митры! — не произноси ни звука...

Не очень понимая, зачем нужна такая таинственность, Конан послушно присел, скрестив ноги, на мягкий ворс. Мерцающий хрустальный шар величиной с голову младенца оказался в половине локтя от его лица. Конан тихонько толкнул его пальцем, и шар закачался, как маятник, пуская по стенам и потолку длинные светло-зеленые блики. Иглессия строго взглянула на него и рукой успокоила шар. Затем она подняла руки, привстала на цыпочки, и раздался мелодичный звон. Подняв голову, Конан увидел, что с потолка, помимо шара, спускались медные пластинки разной длины и толщины. Девушка прикасалась то к одной из них, то к другой тонким серебряным стержнем, извлекая из меди шелестяще-звонкую мелодию...

Перезвон пластинок, мелькание зеленых бликов, густой дым дурманных палочек — все это погрузило Конана в странное оцепенение, похожее на транс. Он потерял границу между зыбкой реальностью и отчетливым сновидением,

потерял строгую нить сознания, потерял себя... Гибкое женское тело в переливчатом изумрудном шелке скользило перед ним, извиваясь в танце... Звенела и завораживала медь... Девять крохотных безруких женщин со светящимися волосами танцевали вокруг него... Слоистый дым повторял очертания женских тел, постепенно утончающихся, становящихся все более загадочными и прозрачными...

Голова у Конана окончательно закружилась, в глазах стало двоиться, словно он выпил не один кувшин доброго вина за сегодняшний вечер. Проклятие!.. Конан зажмурился и помотал головой, чтобы выйти из транса, из странного и тревожащего опьянения без вина... Но раздвоение не прекращалось. Два дивных женских тела в изумрудных одеждах кружились подле него, извиваясь, блестя короткими смоляными волосами, шелестя длинным ворсом ковра под нежными розовыми ступнями... Легкая ткань оведала его щеки, колени и плечи. Прохладные руки касались скользкими, возбуждающими движениями то с одной, то с другой стороны. Иглессия слева томно подмигивала ему... Иглессия справа, по-детски приоткрыв рот, смотрела томно и многозначительно...

Чтобы покончить с наваждением, Конан схватил девушку (ту, что справа) за локоть и резко притянул к себе. Мелодичный звон оборвался. Дочь звездочета охнула и, не удержав равновесия, рухнула киммерийцу на колени.

— Вот так-то! А то совсем голова закружилась от твоего вихляния! — проворчал Конан, готовясь окончательно покончить с дурманом с помощью крепкого поцелуя, но, скосив глаза влево, замер.

Вторая фигура не исчезла, как следовало бы ожидать, но, опустив растерянно руки, смотрела на него взглядом испуганным и недовольным.

Левой рукой притянул ее к себе также. Обе женщины, и левая, и правая, были живыми. Ни одна не была наваждением или грезой. Обе пытались вырваться, бормоча под нос не то заклятия, не то ругательства.

Конечно же, они бормотали заклятия!.. Вдоль позвоночника варвара пробежала цепь крупных мурашек. О, дочери

Нергала!.. Магия! Мало что вызывало у киммерийца, в общем-то довольно невозмутимого, такое активное неприятие и отвращение, как магия. Да еще такая наглая, такая явная магия, лезущая ему и в глаза, и в уши, и в осязание!..

— Клянусь молнией Крома! — взревел Конан и хлопнул себя изо всех сил по левому бедру. Но, конечно же, меча там не оказалось. Да и кто стал бы одевать меч в предвкушении любовного свидания, не выходя за пределы дома. Поколебавшись лишь долю мгновения, варвар схватил с пола массивный светильник и замахнулся им. — Кто бы ты ни была, дочь Нергала, тебе не поздоровится за такие штучки со мной! Мигом прекрати колдовать, иначе!.. — Он многозначительно потряс светильником.

Несколько восковых фигурок с волосами из пламени скатились на ковер, и ворс его занялся в двух-трех местах.

— О, Конан! Успокойся, умоляю тебя! — испуганно закричала Иглессия (та, что была слева).

Другая же, изрыгая сквозь розовые губки крепкие мужские проклятия, принялась затаптывать огонь прямо босыми пятками. Покончив с этим, она неожиданно и очень больно ударила Конана по голове хрустальным шаром. Киммериец крикнул, но светильник из рук не выпустил. Набывчившись, он повернулся к той, что его ударила, и грозно сверкнул глазами.

— Ну что за грубый, безмозглый, тупоголовый идиот! — воскликнула она. — Так все испортить!.. Так бездарно все разрушить и исковеркать! Растоптать своими слоновыми, варварскими ногами все волшебство!

— Плевал я на твоё волшебство! — огрызнулся Конан. — На ваше волшебство! — поправился он, взглянув на другую Иглессию, что жалобно всхлипывала и не сводила с него расширенных, словно у смертельно испуганного ребенка, глаз. — Вот уж чего не мог никогда терпеть, так это всяческого волшебства и магии!.. Не прикасайтесь ко мне своими липкими пальчиками, не смейте! Лучше слейтесь поскорее в одно целое, иначе я за себя не ручаюсь!.. Ну, же! Быстро!..

Глава третья

Утихомирил киммерийца и привел его в более-менее спокойное состояние лишь внушительный глиняный сосуд с вином, который вытащила из каких-то тайников Сэтлл.

— Пей, пей, сердитый гость, — ласково приговаривала она, пододвигая Конану вазу с фруктами. — Вино прогонит обиду и ярость из твоей души и наполнит дивным теплом твое тело. Пей! Отец не знает, что мы время от времени позволяем себе наслаждаться солнечным волшебством вина. Отчего-то он не выносит эту дивную веселую влагу. Нам с Иггл здорово бы досталось, узнай он о нашей тайне! Но ты ведь не выдашь нас, гость с Севера?.. Пей! Пей все, что там есть, до самого доньшка!

Иггл, угрюмо сведя брови над ледяными глазами, молча счищала пальцами копоть со ступней своих ног. На сестру и Конана она не смотрела, всем видом своим выражая презрительное негодование.

— Но почему — разорви вас Нергал! — вы сразу не сказали мне, что вы близнецы?! — продолжал горячиться Конан, но уже больше для острастки, чем от настоящего гнева. — Отчего вы вздумали со мной играть?.. Я что, произвожу впечатление простоватого дурачка? Полуграмотного тупого дикаря?..

— Ты производишь впечатление могучего воина, не ведающего поражений ни в бою, ни в любви! — успокоила его Сэтлл. — Да, мы играли с тобой, но мы и представить не

могли, что это нанесет тебе такую обиду. Ведь правда, Иггл? — повернулась она за поддержкой к сестре. — Разве хотели мы обидеть или унижить нашего славного гостя? Мы хотели только, чтобы ему было не скучно с нами. Разве не так?

— Только тупоголовые недоумки могут не понимать прелести подобных игр! — буркнула Иггл, не оборачиваясь. — Только дикари с мозгами, похожими на студень!.. Ты можешь себе представить, во сколько нам обойдется другой такой же ковер? И сколько времени мы будем разыскивать похожий оттенок?!..

Увидев, что Конан нахмурился, Сэтлл ласково провела ладонью по его щеке, отворачивая его взгляд от угрюмо-рассерженной сестры.

— Не сердись на нее, киммериец! Иггл порой бывает излишне резка, но это ненадолго. Скоро она обо всем забудет и расхохочется. Но пока она дуется, лучше ее не трогать.

— В этом мы с ней похожи, — усмехнулся киммериец, остывая.

— Давай, пока она не успокоилась и не развеселилась, я расскажу тебе нашу историю! — предложила Сэтлл. — Хочешь? Рассказ будет долгим, но спешить нам, по-моему, некуда. Не так ли? Когда ты узнаешь нашу историю, я надеюсь, исчезнут последние остатки твоего гнева и твоей обиды.

— Расскажи! — согласился Конан.

Он покончил с вином, приятно разгорячившим его тело и возвеселившим душу, и развалился на ковре, положив руки под голову и прикрыв веки. Из-под полуопущенных ресниц он наблюдал за Иггл, продолжавшей злиться, и Сэтлл, прилежно и серьезно приступившей к изложению их истории.

Внешне близнецы были точной копией друг друга. Но различать их оказалось совсем не трудно: разница характеров проявлялась в мимике, движениях, интонациях голоса. Да еще глаза — холодно-голубые, словно стальной клинок перед битвой, у Иггл и мягко искрящиеся у ее более женственной и кроткой сестрички.

— Должно быть, тебе известно, Конан, что наш отец и мы — пришлые в Зингаре. Мы родились и провели все наше детство в Аргосе. Сначала в маленьком селении у самой границы с Шемом, затем в столице. Отец был преуспевающим астрологом и гадалею, как и его отец, и его дед. Он был зажиточным и влиятельным человеком, заказчики, наслышанные о его умении, приезжали не только со всех уголков Аргоса, но и из Кофа, Шема и Аквилонии. Те времена, когда мы с Иггл появились на свет, были очень трудными для нашего государства. Аргос был обескровлен и почти разорен затяжной войной с Зингарой, значительно превосходящей численностью своих войск и кораблей и качеством вооружения.

Незадолго до нашего рождения король Мило издал суровый закон, предписывающий каждого второго ребенка в семье отдавать государству, лишь только последнему исполнится восемь лет. Если то был мальчик, его воспитывали умелым и хладнокровным воином, презиравшим смерть, и всю дальнейшую свою жизнь он проводил в сражениях, в которых, как правило, не было недостатка. Если же девочка... Девочек, если так можно выразиться, сортировали. Самым красивым давали хорошее воспитание, и, вырастая, они становились наложницами вельмож, и рыцарей, и самого короля. Некоторые, из очень знатных семей, могли стать и женами... Иных красавиц-сироток преподносили в дар чужеземным союзникам, в основном правителям Шема, Кофа и Стигии. Девочек же попроще ожидала более прозаическая судьба — как и мальчики, они шли в ненасытную глотку войны с Зингарой, становились прачками, маркитантками, сиделками, девушками для увеселения солдат... Отец наш был астрологом, и оттого он знал заранее, что у него родятся две дочери, родятся близнецы. Через восемь лет он должен был бы расстаться с одной из них, по своему выбору.

Но знал он также — ибо владел не только явным, доступным всем смертным знанием, что разлучать близнецов нельзя ни в коем случае. Если сами они пожелают расстаться, когда вырастут, — это другое дело. Но разлучать их

насильно, разлучать в детстве — все равно что ломать судьбу каждому из них. К тому же мы еще и не родились, еще только нежились в утробе матери, а отец наш уже любил нас больше всего на свете. Больше, чем наша мать, как это ни странно. Наша бедная мать умерла спустя три года после нашего рождения, и все эти годы она провела в тревоге и ужасе, ожидая сурового возмездия государства, чьи законы посмел нарушить отец. Это было тем страшнее, что вся страна была наводнена шпионами и осведомителями короля.

Скрыть что-нибудь от всевидящего ока правителя представлялось абсолютно невозможным. Но отец наш сумел. Он скрыл ото всех тот факт, что у него родилась двойня. Акушерка, принимавшая роды, получила большие деньги за свое молчание и в скором времени переселилась в другую страну. Второй человек — кормилица, также посвященная в страшную тайну, под страхом смерти не имела права выходить за пределы нашего особняка, даже на короткое время. Она также значительно повысила свое благосостояние за то время, что прожила с нами. Больше об этом не знал никто, даже самые верные слуги. Девочек было двое, но одна считалась дочерью кормилицы. А чтобы никто не догадался об истине, увидев наше поразительное сходство, ни один из слуг не допускался в детскую комнату, где резвились мы с сестрой. Гостям же и многочисленным родственникам показывали одного ребенка...

— Как правило, это была Сэтлл, — заметила Иггл, нарушив свое сердитое молчание и передвинувшись чуть поближе к веселому блеску свечей.

— Да, обычно гостям выносили меня, — кивнула Сэтлл. — Иггл ведь могла и, укунить за нос какую-нибудь сиятельную даму или вырвать клоч бороды у вельможи, если он имел несчастье чем-то ей не понравиться... Чем старше мы становились, тем больше было с нами проблем. Ты, наверное, заметил, киммериец, что Иггл танцует, как разбуженная посреди зимы медведица. Это оттого, что она терпеть не могла уроки танцев, и почти все из них доставались мне. Я же, напротив, до сих пор толком не знаю, с

какого бока садятся на лошадь. Скакать верхом, стрелять из лука, фехтовать — от всех этих воинских забав Иггл была без ума, и я охотно уступала ей уроки верховой езды и фехтования. Когда мы подросли еще больше и пришла пора вывозить нас за пределы дома — балы и прочие подобные развлечения доставались обычно мне. На охоту же или поглазеть на рыцарские турниры — отправлялась сестренка. Мы никогда не спорили и не ссорились по этому поводу.

— Вот уж неправда! — фыркнула Иггл. — Ну и память у тебя, сестричка! Помнишь, какие истерики ты мне закатывала, когда в столице объявлялся бродячий цирк или на рыночной площади давали представление актеры в живописных лохмотьях, с флейтами, барабанами и бубнами!..

— Да, — вздохнув, согласилась Сэтл, — и цирк, и театр мы любили обе, и случалось, доходило даже до царапанья. Правда, скоро мы научились справляться и с этой проблемой: Иггл переодевалась мальчишкой, гримировала лицо, одевала рыжий парик и в таком виде прокрадывалась на представление. Она строила мне из толпы уморительные рожи и подмигивала, и я с трудом удерживалась, чтобы не расхохотаться, с трудом сохраняла на лице скучное выражение благовоспитанной барышни из хорошего дома...

— Умение переодеваться и гримировать лицо не раз выручало меня и позже, — заметила Иггл. — Когда хотелось выбраться за пределы надоевшего отцовского дома, понюхать вольного воздуха, наглотаться неожиданных и острых впечатлений. Сэтл, примерная девочка, никогда не отваживалась на это.

— Неправда! — возразила Сэтл. — Просто нас притягивали разные впечатления, и выбравшись из дома, я, как правило, устремлялась в другом направлении... Хотя, конечно, покидала стены дома я реже, чем сестра. Зато уже к шестнадцати годам я прочла все отцовские книги по магии, астрологии и тайнознанию! — В голосе Сэтл зазвела гордость. — Отец был вынужден разрешить мне зарываться в древние, пахнущие пылью столетий фолианты, ибо чем еще я могла заниматься в долгие периоды отшельни-

чества?.. Ведь пока Иггл фехтовала, ездила на охоту или просто болтала с кем-нибудь в доме, я не могла и носа высунуть из своей тайной комнатки. И я погружалась в книги... Зато теперь отец называет меня своей правой рукой! Нередко я помогаю ему в составлении гороскопов, особенно если случай очень трудный, и он не может на меня нахвалиться!..

Иггл расхохоталась.

— А меня отец называет левой рукой, разве ты не знаешь?! Левая — та, что ближе к сердцу. Ближе к тайне, ближе к сути вещей... Я тоже читала древние книги отца. Один раз я неудачно упала с лошади и сломала ногу, другой раз серьезно поранилась, занимаясь фехтованием на незатупленных шпагах. Лежа в постели и выздоравливая, я читала, ибо чем еще было мне заниматься?.. Вышивать и плести кружево я терпеть не могла, в отличие от сестренки.

— Когда она лежала со сломанной ногой, я вынуждена была ковылять по всему дому на костылях! — рассмеялась Сэтл. — Все родственники и домашние поражались, как быстро я выздоравливаю, как моментально срastаются мои кости!.. А Иггл все время ныла, что ей надоели книги, что она устала вдыхать пыль и разбирать заплесневелые зако-
рючки...

— Да, я ныла и скучала! — согласилась Иггл. — Но зато, в отличие от тебя, мне не надо было вникать в эти полустлевающие пергаменты, перечитывать их по несколько раз, чтобы понять, о чем идет речь. Мне хватало одного раза: я тут же понимала, вернее, вспоминала все. Потому и отцу работать со мной гораздо легче, и помогаю я ему больше и существенней... Но ты лучше расскажи о другом. Расскажи о мальчиках!

— Наш отец очень любил нас обеих, — продолжала Сэтл, согласно кивнув сестре. — Любовь свою он проявлял во всем. Из-за горячей любви к нам порой он совершал поступки, которые могли бы показаться странными для отца двух молоденьких и хорошо образованных девушек. Но ему было глубоко безразлично чье-либо мнение! Всегда и во всем отец наш слушал и слушает лишь свое сердце, свой ум,

свою вольную и горячую кровь. И мы уродились в него. В этом мы абсолютно такие же! Наверное, ты заметил, Конан, какое жалкое, почти нищее впечатление производит наш дом снаружи.

Киммериец кивнул.

— Это оттого, что нашему отцу глубоко наплевать на чье-либо мнение о доме, в котором он живет. Он не видит его снаружи, а что думают о его виде другие — отцу безразлично. Внутри же он постарался обставить его так, чтобы все вокруг радовало и услаждало душу. Не раз наши богатые заказчики поражались, в каком убогом — внешне — домишке проживает столь почтенный и знаменитый человек, но отец только отшучивался на это и смеялся... Так вот, любовь отца к нам толкала его порой на поступки, которые одобрил бы не всякий из наших родственников, если бы о них узнал. Однажды, вскоре после того как нам с Иггл исполнилось по шестнадцать лет, отец взял меня с собой на невольничий рынок. В этот день был большой завоз рабов из Кофа и Зингары... Отец сказал, что хочет прикупить парочку юных стражников для охраны нашего дома. Он предложил мне, чтобы я выбрала их по своему вкусу. — Щеки Сэтлл слегка порозовели, а глаза опустились долу. — И я выбрала двух, самых стройных и красивых из всех. Один из этих юношей, семнадцатилетний стигиец, вскоре стал моим первым учителем любви...

— Надо сказать, учителем он был никудышным! — вспомнила Иггл, усмехаясь. — Слишком юн и неопытен, хотя и красив, как статуэтка из темного дерева!.. Полгода спустя отец взял на невольничий рынок меня, и мой выбор был гораздо удачнее. Не соблазняясь на хорошеньких и юных, я выбрала тридцатилетнего, покрытого шрамами светловолосого воина, откуда-то с севера. Согласись, Сэтлл, это было совсем не то, что твой стигийский мальчик!..

Сэтлл согласно кивнула.

— Все это было очень приятно, забавно и весело, — сказала она. — До тех пор, пока меня не постигло несчастье привязаться к одному из наших любовников по-настоящему. Отец очень опасался, что кто-нибудь из них догадается,

что нас двое. Ведь мы разные, и в постели разница наша не могла не проявляться особенно явно... Поэтому он держал их в доме от силы две-три луны, а затем перепродавал кому-нибудь, обычно за пределы Аргоса. Однажды я обнаружила, что пропал пылкий, темноволосый и ласковый юноша-шемит, которому удалось завладеть не только моим телом, но и сердцем. Это был большой удар для меня...

— Сестра устроила отцу бурную сцену с криками и слезами, — заметила Иггл. — Бедный отец оправдывался и тоже плакал. Он говорил, что если бы юноша догадался о тщательном скрываемом и проболтался, это тут же дошло бы до короля, сурового и мстительного. И отец бы погиб. А нас ждала бы судьба жалких наложниц аргосской знати... Мне тоже не слишком нравилось, что юноши часто менялись. Сердце мое было свободно и спокойно, но иные из них оказывались такими мастерами любви, что обидно было терять их и заменять другими, часто гораздо менее умелыми...

Поэтому я поддержала Сэтлл в ее негодовании. Под нашим общим напором отец сдался. Он принял решение продать дом с прилегающей к нему землей и всем имуществом и покинуть пределы Аргоса. На совместном совете решено было поселиться в Зингаре, под видом беженцев, попавших под королевскую опалу. У отца было немало заказчиков из числа зингарской знати, которые помогли бы ему в обустройстве на первых порах. Но жить в столице или большом городе отец больше не хотел. Он устал от суеты, светской мельтешни, толп тщеславных и пустоголовых гостей. Он не раз повторял, что заработал уже достаточно денег, обеспечил нам с сестрой безбедную жизнь до конца наших дней и теперь может позволить себе погрузиться с головой в оккультные изыскания, к чему настойчиво тянется его душа и неутомимый разум. Он предлагал купить нам с сестрой дом в Кордаве, но мы отказались. Нас тоже устраивала уединенная жизнь в глуши, расцвеченная редкими визитами заказчиков. Ибо чем больше мы с сестренкой находимся в обществе друг друга, тем более счастливо и наполнено наше существование.

Конан недоверчиво усмехнулся и перевел взгляд на Сэтлл. Та кивнула ему с серьезным видом.

— Да, Конан. Иггл не врет и не преувеличивает. По-настоящему нам с ней никто, кроме друг друга, не нужен... Теперь ты знаешь нашу историю, и тебе уже не должен казаться странным наш образ жизни и наши поступки.

— Нет, все-таки он представляется мне странным, — возразил киммериец. — Вы живете теперь вдали от Аргоса и короля Мило. Зачем же до сих пор разыгрывается все тот же спектакль? Почему вы по-прежнему выдаете себя за единственную дочь звездочета?

Сэтлл рассмеялась и шаловливо встряхнула короткими волосами.

— Во-первых, мы просто привыкли к этому за восемнадцать лет жизни в Аргосе! Во-вторых, как ты уже мог заметить, нам очень нравится играть. При всем различии моем и Иггл любовь к играм у нас общая. Такое положение, какое мы поддерживаем сейчас, дает возможность придумывать самые забавные, увлекательные и острые игры! Скажем, Иггл вбила себе в голову, что проживет дольше меня...

— Ненадолго, совсем ненадолго! — перебила ее сестра. — На несколько дней, от силы — на одну луну.

— Пусть так, на одну луну... Но она прямо-таки хмелеет от мысли, какой спектакль можно будет разыграть по поводу моей смерти! Ты представляешь, Конан? Меня хоронят, всю в белом, с бриллиантовым ожерельем на шее, с букетом роз на груди... А несколько дней спустя торжественно объявляется Иггл — в том же самом наряде! Повергая всех, видящих это, в шок. Порождая на долгие годы вперед слухи о невероятном воскрешении таинственной дочери звездочета...

Конан рассмеялся. Задумано и впрямь было здорово, ничего не скажешь. Хотя и непонятно зачем.

— А такая игра, как сегодня? — продолжала Сэтлл. — С тобой у нас получился полный конфуз, мы признаем это, но ведь сколько раз до тебя мы проделывали эту забаву с успехом!.. Раза два наши возлюбленные кавалеры с воем и

вздыбленными на макушке волосами уносились прочь, и отец с тех пор их больше не видел... Один раз громадный шемит с бычьей шеей грохнулся в обморок, и нам пришлось обливать его водой, приводя в чувство, чуть ли не до рассвета!.. Но зато трое, — помнишь, Иггл? — ничуть не испугались, но даже обрадовались, и с каждым из них мы провели поистине упоительную ночь! Никто из них не обижался на нас и не хватался в ярости за подсвечник, как ты, киммериец!

— Пожалуй, я бы тоже обрадовался и провел с вами неплохую ночьку, — честно ответил Конан и вздохнул, сожалея об упущенной прекрасной возможности. — Если б только вы не представили это как магию! Мало что в жизни приводит меня в такое бешенство, как магические штучки и выкрутасы. Брр! — Киммериец передернул плечами. — Несчетное число колдунов и черных магов переправил я в область Серых Равнин, и, клянусь Кромом, это всегда было трудным и омерзительным занятием!..

— Но ведь мы не знали! — вздохнула Сэтлл. — Мы ведь тоже люди и тоже иногда ошибаемся.

— И все-таки Майгус — старый чудак! — заявил Конан. — Вместо того, чтобы зарываться по уши в свои книги и гороскопы, ему следовало бы поискать вам хороших женихов. Стоит ему свистнуть, и отбоя не будет от самых знатных! Иначе вы доиграетесь до один Нергал знает чего — от безделья и скуки.

— О, это давняя мечта отца! — воскликнули Иггл и Сэтлл хором и хором же рассмеялись.

— Не спрашивал ли он тебя, Конан, о брате-близнеце? — поинтересовалась Иггл, отсмеявшись.

— Кажется, да. Спрашивал.

— Он задает этот вопрос всем мужчинам, бывающим в нашем доме. От пятнадцати лет до пятидесяти. Он очень давно и очень страстно мечтает выдать нас замуж. В мечтах и во сне он рисует гороскопы своим многочисленным внукам и распределяет между ними свое наследство... Но вот незадача — близнецов разлучать нельзя, невозможно. Он может выдать нас замуж лишь за таких же неразлуч-

ников. Мы живем здесь уже пять лет, но за это время не слышали ни об одном близнеце, во всяком случае, неженатом. Бедный наш отец совсем отчаялся.

— Я слышал, что в Зембабве правят два короля-близнеца, — сказал Конан. — Вам стоит только отправиться туда и стать королевами!

Сестры совершенно одинаково поморщились.

— Разумеется, мы тоже слышали о королях Зембабве! И еще о том, что у каждого из них пяток жен, с которыми обращаются немного получше, чем с рабынями, и немного похуже, чем с лошадьми. Хорошую же судьбу желаешь ты нам, наш добрый киммериец!

— Может быть, я немного туповат, — сказал Конан, — но никак не могу уяснить, почему — разорви меня Кром! — близнецам нельзя разлучаться?! Что случится такого страшного, если вы выйдете замуж и будете жить в нескольких днях пути друг от друга? Что, от этого поблекнет ваша красота? ослабеет ум?.. заболит головка?.. А, понимаю! Придет конец вашим очаровательным играм!

Иггл и Сэтлл переглянулись, словно спрашивая друг друга, стоит ли им открывать киммерийцу свою главную тайну. Иггл решительно кивнула.

— Взгляни-ка сюда! — велела она Конану.

Привстав с места, на котором сидела, она протянула вперед руку и занесла ее над одной из свечей. Язычок пламени коснулся середины ладони. В тот же миг Сэтлл громко охнула и затрясла рукой.

— Взгляни-ка сюда! — повторила Иггл, на этот раз протягивая ладонь киммерийцу.

Конан увидел вздувшийся пузырь ожога.

— А теперь взгляни на мою! — воскликнула Сэтлл.

По ее сморщившемуся лицу текли обильные слезы. Волдыря на ладони не было, но было сильное покраснение.

— Только мне при этом гораздо больнее! — всхлипнула Сэтлл.

— Зато когда тебя укусила змея прошлым летом, ты поправилась уже на третий день, меня же лихорадило чуть ли не пол-луны! — возразила Иггл.

— Зато когда ты в детстве сломала ногу и покойненько отлеживалась потом в постели, мне приходилоськовылять по дому на костылях и при этом чувствовать, как горят мои бедные кости! А потом, когда ты все еще лежала, я уже танцевала на балах, и должна была не стонать и улыбаться своим кавалерам!..

— Зато ты...

— Хватит, хватит! — прервал их излияния киммериец. — Это, конечно, забавно, что вы мне показали. Не сомневаюсь, что вы и еще кое-что можете в этом роде. Скажем, читать мысли друг друга или причесывать друг другу волосы на расстоянии десяти шагов... Но все-таки отчего вам нельзя разлучаться? Выберите себе таких мужей, которые дадут вам обещание не бить вас, не ломать кости и не прижигать огнем, — только и всего!

— Он не понял ничего, Сэтлл.

— Не понял, Иггл!

— А вот так? Может быть, так будет понятней? — Иггл внезапно придвинулась к Конану, обняла его гибкими, горячими руками и впиалась страстным поцелуем в губы.

Голова киммерийца закружилась, пальцы впились в плечи девушки...

После долгой и сладкой паузы в разговоре Иггл резко вывернулась из его рук и вернулась на прежнее место.

— Ну и что? — спросил Конан, отдышавшись.

— Ничего. Просто у нее, — Иггл кивнула на сестру, отчего-то порозовевшую, — голова сейчас кружилась больше, и сердце билось сильнее.

— И все-таки я не могу до конца понять... — упрямо забубнил в очередной раз киммериец.

Глава четвертая

Не успел Конан как следует выспаться после столь волнующей и наполненной событиями ночи, как служанка, некрасивая и неразговорчивая, разбудила его, постучав в дверь и сообщив, что с ним желает побеседовать хозяин дома.

Проклиная про себя почтенного Майгуса, которому приспичило видеть его в такую рань (тут киммериец ошибался: было уже не рано, и солнце успело вскарабкаться почти на треть своего дневного пути), Конан глотнул холодного яблочного сока, сполоснул лицо ледяной водой и прошел в гостиную.

Почтенный звездочет встретил его в том же бархатном мятом халате, что и в первый раз. Было похоже, что он вообще никогда не снимал с себя это одеяние. Пухлые щеки его втянулись и пожелтели еще больше, под глазами висели серые мешки, и весь вид выражал крайнее изнеможение.

Забравшись в мягкое кресло с ногами и изогнувшись так, словно вместо позвоночника у него была веревка, Майгус вертел перед своим носом свиток, мелко исписанный и изрисованный непонятными закорючками.

— Гороскоп юной Зингеллы готов, — объявил звездочет после короткого приветственного кивка. Он потряс в воздухе свитком, а затем развернул его с торжественной важностью. — Дочь герцога Гарриго родилась под созвездием Осьминога, с Пульсом Судьбы в Рыси и Луной в Вороне.

Владыка ее рождения находится в обители смерти в точном совпадении с Солнцем...

— погоди, почтенный Майгус! — перебил его Конан. — Тебе нет нужды нагружать мою голову этими диковинными словами. Я все равно ничего не пойму. Лучше скажи и желательно покороче, каким образом юная Зингелла может избежать своей нехорошей судьбы — если, конечно, ей грозит что-нибудь нехорошее.

— Так я же об этом и говорю! — Рассердившись, что его перебили, старик затряс головой и принял еще более немыслимую позу, подтянув колени к самому подбородку. — Я именно об этом и втолковываю!.. Созвездие Осьминога символизирует беспощадные объятия возмездия. Градус ее рождения указывает на нрав гордый и неуступчивый. Также Осьминог мистически соответствует детородным органам Великого Космического Человека, вследствие чего все, подверженные влиянию этого знака, чрезмерно страстны и чувственны и для утоления своих желаний способны на все. Лунные стрелы в обителях богатства и смерти, а также звезда Эль-Шиб в точном совпадении с Пульсом Судьбы усиливают фатальную предопределенность этого рождения. Об этом же говорит и родинка в форме наконечника стрелы над левой грудью...

Конан громко и выразительно вздохнул.

— ...Звезда Куусилл, точно противостоящая владыке обители смерти, говорит о кончине в юном возрасте, — продолжал бубнить Майгус, не обращая внимания на начинающего закипать киммерийца, — а звезда Шеадд, совпадающая с огненной планетой Барух, указывает на смерть от огня, огня испепеляющего и неотвратимого. Звезда Рурхе в созвездии Орла, на границе обители здоровья, недвусмысленно показывает, что удар будет нанесен в сердце, но — не человеком, а стихией. Таким образом, делая вывод из всего вышесказанного, можно заключить, что Зингелле суждена смерть в юном возрасте от удара молнии. Поскольку фатальность данного воплощения достигает наивысшей степени, на что указывает общий рисунок родинок и форма большого пальца, изменить предначертанное звездами не представляется возможным.

— Невозможно? — переспросил Конан, ухватившись за, пожалуй, единственное понятное слово в этом ворохе зауми. — Почему невозможно?! Для чего же я тогда — порази меня Кром! — тащился сюда?.. Зачем ждал столько времени? Чтобы выслушать сотню заумных слов и отправиться восвояси?!

— Я сделал все, что мог, — ответил с горьким достоинством Майгус и аккуратно свернул свиток. — Я пытался найти для дочери герцога хоть какой-нибудь выход. Если ты помнишь, я не взял от тебя денег, чтобы никакие материальные влияния не замутняли чистоту моей работы. Я честно пытался полюбить Зингеллу, заставить биться свое сердце в унисон с ее сердцем. Я почти полюбил ее, несмотря на то, что девушка эта — сущее исчадье ада, и я глубоко сочувствую ее благородному отцу. Но... Но! — пересилить нависший над ней рок я не в состоянии. Веления звезд сильнее моего жалкого разума, моих слабых сердечных порывов. Увы, мой мальчик!

— Я не мальчик! — огрызнулся Конан. — Мне скоро сорок лет. Но и в мои пятнадцать мало кто осмеливался называть меня мальчиком. Ты говоришь, Зингеллу убьет молния? Так разве нельзя предотвратить это? Скажем, при первых же признаках надвигающейся грозы девушка может спрятаться в глубокий погреб. Не думаю, что молния способна разить под землей!

— Степень тяжести рока, на которую указывает гороскоп, такова, — с важностью ответил Майгус, — что найдется молния — специально для юной дочери герцога! — способная проникнуть и под землю. Слышал ли ты, киммериец, о молниях в виде светящегося шара? Они бывают размером со сливу, с яблоко, с детскую головку — и способны сотворять удивительные вещи!

— Должен ли я передать герцогу Гарриго, что самый знаменитый хайборийский астролог считает его дочь обреченной на гибель в раннем возрасте и ничем не может этого предотвратить? — спросил Конан с видом презрительным и угрюмым.

Майгус кивнул.

— Ты правильно понял меня, посланец герцога. Впрочем, можешь добавить к этому, что изменить роковую волю звезд может один-единственный человек.

— И кто же это, интересно?!

— Сама Зингелла.

Конан усмехнулся.

— Сомневаюсь, чтобы тринадцатилетняя девушка была искушена во всяких магических штучках, заклятиях и *заклинаниях*!..

— А ей и не нужно знать ни магии, ни мантики, ни астрологии. Ей вообще ничего не нужно знать или уметь сверх того, что она знает и умеет сейчас. Планеты и звезды своими невидимыми лучами сплели для нее очень прочную клетку. Прочнее тюремной камеры. Прочнее каменного мешка глубоко под землей. С потолка клетки точно над ее головой свешивается зазубренное лезвие. С каждым ее вздохом веревка, удерживающая лезвие на весу, становится все тоньше. Точно в назначенный срок меч падет ей на голову... Может ли она выскользнуть из этой камеры, спросишь ты меня, мой мальчик? И я отвечу тебе: может. Но лишь в одном-единственном случае: если Зингелла перестанет быть самой собой.

— Перестанет быть собой? Это как?.. — спросил Конан, решив на этот раз оставить «мальчика» без внимания. Нергал с ним, с чудаковатым старикашкой, лишь бы сказал что-нибудь путное. Лишь бы не возвращаться к Гарриго ни с чем. — Объяснись попонятнее, высокоумный звездочет.

— Попробую, — вздохнул Майгус и перевернулся в своем кресле. Теперь лицо его было задрано к потолку, а ступни ног располагались под мышками. — Зингелла, насколько я ее понял и прочувствовал, очень горда, безмерно вспыльчива, катастрофически безрассудна. Она любит скакать сломя голову на породистых жеребцах, и горе тому, кто не успеет вовремя увернуться от их копыт, подкованных звонкой сталью! Она собственноручно порет служанок, нечаянно ущипнувших ее при причесывании или слишком туго затянувших платье на талии... Она разит беспощадными насмешками толпящихся возле нее воздыхателей... Она

обожают отца, но обожание это порой принимает странные формы, более смахивающие на мучительство... Она поражает, она обжигает, она слепит и не дается в руки — совсем как молния. И она достанется молнии в конечном итоге. Она сольется с ней, ибо астральная сущность девушки — из того же вещества, что и этот грозный небесный бич. Это очень трудно для понимания, мой мальчик, но вещество, из которого строится клетка судьбы, и плоть натуры того, кто заключен в этой клетке, — одно и то же. Впрочем, я не буду углубляться в это, так как сам еще многого не понимаю... Юная Зингелла не достанется молнии, если только перестанет быть собой. Когда в ней самой — в душе ее, в мыслях, во всем теле — не останется ничего от молнии, беспощадной, ярой и разящей, тогда огненная плетка, гуляющая в небесах во время грозы, ничего не сможет с ней поделать. Но это очень трудно, Конан, — перестать быть собой. Это почти невозможно.

— Отчего же?.. — Конан пожал плечами. — Если она очень не захочет превратиться в кусочек угля... Но не мог бы ты дать более определенные указания, более конкретные советы, каким образом любимой дочери герцога сохранить свою драгоценную жизнь?

— Пожалуйста. Передай ей или лучше ее отцу, Конан: пусть дочка его сразу же, лишь только получит из твоих рук сверток со своим гороскопом, снимет свое нарядное платье и блестящие лакированные башмачки. Пусть вынет из волос и ушей драгоценности и золото. Пусть оденет платье хуже того, что носят ее служанки, и идет ко мне. Но только пешком. Совсем одна, без слуг, без охраны, без друзей, без воздыхателей... Путь сюда неблизкий, но дней за десять она доберется. Пусть не берет с собой в дорогу денег и питается лишь тем, что поднесет ей земля либо сердобольные поселяне. Если она подвергнется нападению злых людей, если потеряет в пути невинность — это только к лучшему. Да-да, мой мальчик, не смотри на меня так и не удивляйся. Вместе с невинностью она лишится и львиной доли своей гордыни, тем самым увеличив свой шанс не достаться молнии.

Конан расхохотался, хотя и не слишком весело.

— Если я скажу подобные слова Гарриго, он запустит в меня подсвечником либо вызовет на поединок! Он горячий человек, знаешь ли, истинный зингарец!.. «Если она потеряет невинность, это только к лучшему!» Ха-ха-ха-ха! Ты шутник, Майгус! Ты намного остроумнее, чем кажешься. Ты даже остроумнее, чем твои очаровательные дочки!..

— Дочки?.. — переспросил Майгус, и усталое его лицо посветлело. — Значит, они уже раздвоились для тебя? Да, они очень любят шутить и веселиться, мои девочки. Но я не таков. Я совсем не таков, варвар с Севера, хотя и имею счастье быть их отцом... Веселюсь я редко, и уж тем более не думал шутить, говоря о потере невинности. Если почтенный Гарриго хочет видеть свою дочь живой на протяжении долгого времени, пусть хорошенько подумает, прежде чем хвататься за подсвечник! Но я еще не кончил свою мысль. Когда прекрасная Зингелла доберется до меня — добредет, доползет, доковыляет — она поселится в моем доме вместе со слугами и будет делать то же, что и они: вытирать пыль, чистить бронзу, вытряхивать портьеры, затачивать гусиные перья и палочки для туши...

И так будет до тех пор, до того самого рокового дня, рокового мгновения, в которое предназначено обрушиться карающему мечу на ее хорошенькую головку. В тот день Зингелла не будет вытирать пыль. С раннего утра до позднего вечера проведет она этот день в моей комнате, где мы с ней будем медитировать, молиться, петь, разговаривать с кристаллами и самоцветами. Молния будет искать ее, но не найдет, будет рыскать в двух шагах от дома, словно хищник, вынюхивающий добычу, но ничего не сможет вынюхать. Конечно, это при том условии, что Зингелла полностью перестанет быть собой к этому времени... А утром следующего дня она отправится обратно в Кордаву, к отцу. Она поедет верхом на лошади, которую я подарю ей в награду за прилежный труд, и отец не узнает ее. Совсем другая девушка слезет с коня во дворе особняка Гарриго, хотя и наделенная той же нежной и жгучей красотой...

— Все это очень красиво и трогательно, почтенный Майгус,— вздохнул Конан,— и я чуть было не прослезился. Но было бы лучше, если бы ты написал все это в своем свитке. Герцог грамотный, он умеет читать.

— Я написал. Но мне показалось, что из твоих уст, могучий варвар, это будет звучать для него более убедительно.

Конан протянул руку, и Майгус отдал ему свиток, который тот засунул себе за пазуху.

— Я скажу ему это, раз ты так просишь. Не знаю только, до какого места твоего рассказа сумею дойти, прежде чем герцог начнет крушить все, что попадется ему под руку. Но я начну рассказывать, обещаю тебе. Но вот что ты забыл мне сообщить, мудрейший из мудрых: в какой именно день опустится карающий меч в виде молнии? Гарриго желал бы знать это в первую очередь. Те гадатели и звездочеты, к которым он обращался до тебя, называли разные дни. Хотя у двух-трех они и совпали. Знаешь ли ты точное время, Майгус?

— Разумеется, знаю,— с достоинством кивнул звездочет. Он спустил босые ноги на пол, и поза его стала более человеческой.— Но я не буду называть точного дня и времени суток. Это случится немного раньше того, как девушка достигнет четырнадцати лет, и хватит об этом.

— Но почему?!

— Чтобы сохранить рассудок благородного Гарриго. Если я назову точное время, герцог предпримет всевозможные меры, чтобы уберечь свою дочь. Но ей ничего не поможет, она достанется в пищу молнии, несмотря на все его ухищрения. (Конечно, если она не будет в этот самый момент в бедном платье и босиком глядеть на пляшущие язычки огня в моей комнате.) Дочь его погибнет, и герцог сойдет с ума от одной-единственной мысли: «Я ведь знал, знал, когда это случится, с точностью до нескольких вздохов,— и не уберег!» Чтобы рассудок его не сломался, я не стану называть точной даты.

— О, ты очень добр и великодушен, почтенный Майгус! — ответил Конан с едва уловимой иронией и склонил

голову.— Думаю, герцог оценит это и проникнется к тебе самыми теплыми чувствами. Поспешу же обрадовать герцога! Благодарю за приют и несколько весьма нескучных дней, проведенных в твоём жилище.

— Не спеши так, мой молодой друг! — попросил звездочет, спрыгивая со своего кресла и разминая уставшие от долгого сидения мягкие мышцы. Лицо его оживилось от разговора и порозовело, а мешки под глазами стали меньше.— Задержись еще на день! Дочки мои хотят порадовать тебя на прощание каким-то сюрпризом. Видно, ты не на шутку понравился им. С ранней зари сегодня они готовят-ся, наряжаются и суетятся.

— Как! Еще сюрприз?! — взревел киммериец.— Не слишком ли много сюрпризов на меня одного?

— Ты уж не обижай их, Конан, славных моих девочек,— попросил Майгус.— Выдумщиц моих...

Глава пятая

Хрустальный шар мерцал ярче, чем в прошлый раз, и блики, которые он разбрасывал, колеблясь, по стенам и потолку, отливали уже не зеленым, но ярко-лазоревым. Причиной этого, как заметил Конан, было большее количество свечей, расставленных вдоль стен и в центре комнаты. Свечи теперь имели форму диковинных цветов с длинными, загибающимися книзу лепестками.

Иглл отцепила хрустальный шар от бронзовой цепи, на которой он раскачивался, и протянула Сэтлл. Та прижала его обеими руками к груди и медленно опустилась на ворс ковра, на котором стояла.

Выпрямив спину, скрестив ноги и закрыв глаза, Сэтлл превратилась в статую со слабой, неопределенной улыбкой на отчего-то побледневших губах. Иглл, непривычно серьезная и строгая, провела ладонями, не касаясь, вдоль лица и груди сестры. На юном спокойном лице с закрытыми глазами не дрогнул ни один мускул, не встрепенулась ни одна ресница...

— Сейчас ты увидишь, Конан, нашу историю, — тихо сказала Иглл. — И тебе многое станет ясно.

Мягко надавив киммерийцу на плечи, она усадила его напротив застывшей сестры. Затем зажгла от ближайшей свечи несколько пахучих палочек. Дым от них оказался неожиданно резким, таким, что Конан закашлялся и слезы выступили у него на глазах. Пока он прочищал глотку и протирал глаза, мерцание шара изменилось. Из лазоревого

он стал вдруг белым. Казалось, Сэтлл держит в ладонях очень плотный и круглый сгусток вечернего тумана.

— Наклонись-ка поближе, Конан, — прошептала Иглл. — И смотри внимательней.

Конан послушно потянулся вперед, вперив глаза в туманный сгусток. Шар стал еще белее и плотнее. Туман превратился в снег. Сквозь отполированные грани проступили неясные очертания, становившиеся все более четкими...

— Клянусь Кромом, — пробормотал киммериец, — это очень похоже на Ванахейм или Гиперборею...

— Это Гиперборея, — сказала Иглл.

— Да-да, теперь я узнаю эти зубчатые стены высотой в тридцать локтей и почти такие же в толщину... А вот и гиперборейцы в черных плащах... худые, словно стигийские мумии... глаза как у голодных котов... Проклятое племя... Но зачем ты показываешь мне эту отверженную светлыми богами страну?

— Потерпи немного, и тебе станет ясно, — ответила Иглл. — Что ты видишь теперь, киммериец?

— Теперь один из этого угрюмого племени подошел вплотную... Он смотрит прямо мне в лицо! Ну и физиономия, надо сказать... Кожа землистая, щеки впали, глаза — как у волка-оборотня...

— Ты ошибаешься, Конан. По-своему этот молодой гипербореец красив, — возразила Иглл, как показалось киммерийцу, с некоторой обидой в голосе. — И никакой он не оборотень, но правая рука королевы-жрицы Лухи. А эти толстые стены окружают крепость Похиолу, где она правит уже несколько столетий.

— Если тебе такие юноши кажутся красивыми, спорить не буду, — заметил Конан покладисто. — Что касается жрицы, то я имел счастье видеть ее и довольно близко. Правда, это было много лет назад. Омерзительная тварь, надо сказать, и злобная, как голодная медведица... Ого, вот и она сама! — оживился варвар, разглядев в шаре закутанную в черное высокую фигуру с величаво расправленными плечами и царственно поднятой головой. — Она несколько не постарела с тех пор, как я видел ее в последний раз!

— Скорее, помолодела, — заметила Иглл. — Все, что ты сейчас видишь, происходит двадцать четыре года назад. А молодой ее помощник, который кажется тебе таким уродливым, это я, собственной персоной.

— Ты?!.. — не поверил Конан. — Как же это может быть? Даже отдаленно нет ничего похожего. Глаза у него зеленые, кожа серая, ростом он повыше тебя в полтора раза, да и постарше на несколько лет... Даже если ты искусно загримировалась, вряд ли бы ты сумела изменить рост и цвет глаз!

— Это я, но в прошлом моем воплощении, — ответила Иглл терпеливо. Она смотрела на молодого жреца, не отрываясь, и взгляд ее был странным: и грусть, и горечь, и удивление, и тайное любованье — все было в нем. — Мы ведь рождаемся на земле не один раз, но много. Некоторые даже — очень много раз. В прошлый свой приход на землю я была мужчиной и жила в угрюмой северной стране, где солнце почти все время скрыто за тучами, а одну луну в году вообще не появляется из-за горизонта, и бескрайние снежные равнины окутывает холодный мрак. Тогда самый громкий и отчетливый звук — непрекращающийся вой волков в ночи. Самый яркий и радующий глаз цвет — радужные сполохи, перебегающие в небесах в сильные морозы... Уже в десять лет у меня стали проявляться магические способности, и родители мои, которые были простыми земледельцами, отдали меня в обучение жрецам Лухи. В пятнадцать лет я уже сама стала жрецом. Стал жрецом, — поправила Иглл. — А к двадцати пяти годам — столько, сколько мне сейчас там, — она кивнула на шар, — я стал правой рукой Великой Жрицы. Некоторые обряды, например оживление недавно погибших мертвецов, удавались мне даже лучше, чем ей.

Конан поморщился.

— Нашла чем хвастаться! Оживление мертвецов! Знаешь, каково рубиться с этими вылезшими из могилы, смердящими трупами, которых невозможно убить ничем — ни мечом, ни копьем, ни стрелой! Они разваливаются от твоего удара напополам, но снова поднимаются и прут на тебя... —

Воспоминания о давней битве с ожившими гиперборейскими мертвецами были так ярки, что Конана передернуло. — Стигийские жрецы Черного Круга и то не додумывались до таких мерзостей, как северные колдуны Белой Руки! — Взглянув на девушку, киммериец смягчился и усмехнулся. — Впрочем, ты, конечно, наговариваешь на себя. Не могла ты заниматься такими мерзостями!

— Вовсе не наговариваю! — возразила Иглл. — Но и не хвастаюсь. Я родилась в той стране, а не в какой-либо иной. Мне были даны определенные способности, способность к магии, а не к вышиванию, скажем, или к выращиванию коз... И я занималась теми вещами, которым меня учили с детства, не зная, что может быть какой-то иной выбор. Меня учили подымать из могил мертвых воинов, вкладывать им в руки оружие и заставлять выполнять мои приказы. Меня учили заговаривать мечи и копья — чтобы даже пустяковая рана, нанесенная ими в бою, оказывалась для врага смертельной. Меня учили останавливать словом кровотечения. Меня учили выбивать в толще льда на вершинах гор — в толще вечного, прозрачного, нетающего льда — магические буквы и знаки... Но самой главной моей обязанностью было каждое полнолуние приносить человеческие жертвы Ледяной Лухи.

— О да, тебе есть чем гордиться! — саркастически бросил Конан.

— Не перебивай меня, киммериец! — возвысила голос Иглл. В глазах ее появилась горделивая властность. Казалось, надменная ледяная кровь жреца Лухи снова заговорила в ней. — Каждую луну, точно в полнолуние, я должен был выбрать из очередной партии пленников, которыми непрестанно пополнялись наши темницы, двух человек — мужчину и женщину. Мужчина должен был быть самым сильным и бесстрашным из всех, женщина — самой красивой. Выборы и последующее жертвоприношение совершались прилюдно. Это было одним из немногих и, пожалуй, самым любимым и доступным развлечением для простых гиперборейцев: ремесленников, земледельцев, воинов...

В тускло мерцающем шаре Конан мог разглядеть, как мрачный молодой жрец с землистым цветом лица медленно идет вдоль выстроенных на крепостной площади пленных. Судя по светлым и рыжим головам, то были уроженцы Ванахейма или Асгарда. Поодаль, с гранитного возвышения в форме усеченной пирамиды за процедурой наблюдала Великая Жрица. Еще дальше полукругом замерла любопытствующая толпа.

— С мужчинами было проще, — продолжала рассказывать Иггл. — Обычно я предлагал отдать себя в жертву Лухи добровольцу. Чаще всего в толпе пленных оказывался один, а иногда и несколько, кто готов был принять смерть. Именно такой мужчина был наиболее бесстрашным и благородным, и такой жертве Ледяная Лухи радовалась больше всего. Если добровольцев оказывалось несколько, бросали жребий... Случалось и так, что мой призыв оставался без ответа, и все мужчины молчали, потупившись и не глядя ни на кого. Тогда я делал следующий шаг. Предлагал самому сильному и храброму из них сразиться с богатырем Баггу. В награду, если Баггу будет побежден, я обещал смельчаку свободу. Также я обещал освободить и всех его родственников и друзей...

Я ничем не рисковал при этом, ибо Баггу был мертвецом, ожившим от моих чар, и подчиняющимся моим приказам мертвым гиперборейским воином. Когда он был жив, его силе не мог противостоять никто, он один сражался с десятками. Мертвый же — стал совсем непобедимым, ибо не страшился больше ни ран, ни потери своих членов, ни самой смерти. Пленные не знали об этом, и всегда находилась какой-нибудь рослый молодец, желавший скрестить мечи с Баггу. Мертвец только ранил его, но не убивал, и раненая жертва доставалась Ледяной Лухи. Такой жертве Лухи радовалась меньше, чем целой и здоровой, но все-таки принимала ее.

...Мертвый воитель Баггу был высоким — даже по гиперборейским меркам — сутулым мужчиной, с волосатой грудью, длинными волосатыми руками и маленькой, словно выросшей в плечи головой. На его тело, испещренное шра-

мами, была брошена волчья шкура, оставлявшая открытыми руки и ноги. Мороз, казалось, совсем не беспокоил его. Глаза под тяжелыми надбровными дугами запали так глубоко, что невозможно было определить, в какую сторону он смотрит. Возможно, глаз у него вообще не было, возможно, их выклевали когда-то вороны, и остались лишь два темных провала под нависшими бровями. Кожа на его лице была не просто землистой, но цвета мокрой глины. Баггу поигрывал тяжелым мечом, перебрасывая его из одной руки в другую. Вызвавшийся на бой с ним пленный воин-ас казался рядом с рослым мертвецом щуплым подростком. Нижняя челюсть Баггу то и дело отваливалась, и он захлопывал ее с громким стуком... Должно быть, подойдя вплотную, пленник разглядел, с кем имеет дело, увидел выклеванные вороном глазницы, — поскольку невыразимый ужас проступил на юном лице, и меч он поднял с видимым усилием, преодолевая сопротивление скованных страхом мышц...

— С пленными женщинами было труднее, — продолжала Иггл, лишь мельком взглянув на поединок столь неравных противников. — Каким-то образом они догадывались, что выбирают самую красивую из них, и всячески старались себя изуродовать. Распарывали щеки и лбы, обмывались сажей, взлохмачивали и пачкали волосы, морщились... Тех, кто грязнил себя особенно сильно, Великая Жрица с усмешкой приказывала обливать водой прямо на морозе. Их волосы и одежда покрывались ледяной коркой, многие тут же замерзали до смерти... Как правило, мне приходилось несколько раз проходить взад-вперед вдоль цепи пленниц и рассматривать их очень внимательно, прежде чем удавалось выбрать достойную жертву для Лухи... А вот и она, Конан, вот и сама Ледяная Лухи, голодная Лухи, алчущая набить свое просторное чрево. Полюбуйся же на нее!..

Голодная Лухи была гигантской статуей из зеленоватого льда. Она стояла вплотную к самой высокой башне крепости, достигая трех обхватов у основания. Алчная богиня, блестящая и обтекаемая, немного напоминала дет-

скую игрушку, но только увеличенную в тысячи раз. Голова ее казалась несоразмерно большой по сравнению с телом. Маленькие руки, едва намеченные резцом в толще льда, были похожи на плавники тюленя. Самым замечательным в ней был рот — огромный, распахнутый, шириной в четыре локтя, он приходился вровень с круглой площадкой на вершине башни.

— Статую Лухи каждый год отливали заново, — размеренно продолжала Иглл. — Хотя в Гиперборее никогда не бывает лета, но одну или полторы луны в году солнце припекает так, что лед тает. Сначала, с приходом теплых дней Лухи худеет, делается ниже ростом, потом теряет свою голову, потом обнажается ее ненасытное чрево... Это поистине удивительно, но ее ледяное брюхо всегда оказывается пустым, когда она полностью тает. Нет даже костей и черепов, даже ремней от одежды или подошв от сапог. Голодная Лухи пожирает все...

Итак, выбирая женскую жертву для Лухи, я обычно долго прохаживался вдоль группы ободранных, испачканных и расцарапанных женщин. Но в тот раз было не так. В тот раз лишь только я приблизился к пленным, как тут же выбрал. Вернее, выбрала меня она, моя судьба. Это была юная пленница из Ванахейма, с волосами, как сноп солнечных лучей, с кожей белее снега и глазами, подобными прозрачной воде в высокогорном озере.

Молодой жрец Лухи остановился как вкопанный перед рослой девушкой с непокрытыми, свободно падающими на плечи золотистыми волосами. Она стояла спокойно, не морщилась, не отворачивалась, не стремилась спрятаться за спины других женщин. Ни одной царапины не было на чистой, белоснежной коже лба и щек. Прозрачно-голубые глаза, окруженные густыми светлыми ресницами, смотрели без страха. Россыпь веснушек на переносице и под глазами придавала ей вид совсем юной девочки, хотя по сильным плечам, высокой груди и горделивой осанке можно было заключить, что ей уже не меньше семнадцати лет.

— Не слишком она похожа на Сэтлл, верно? — спросила Иглл, любуясь пленницей.

Конан перевел глаза на застывшую с закрытыми глазами Сэтлл и вновь взглянул на юное и спокойное лицо в хрустальном шаре.

— Совсем не похожа, — пробормотал он. — Ты хочешь сказать, что это... Сэтлл?

— Когда она засмеется, ты увидишь, как похожи у них улыбки и смех. Увидишь, как у обеих скачут в глазах сумасшедшие желтые искры. Впрочем, вряд ли она будет смеяться...

Но пленница из Ванахейма, словно опровергая ее слова, рассмеялась, лишь только стоящий перед ней зеленоглазый жрец произнес что-то. Она блеснула зубами, взмахнув светлой гривой и сузив глаза, и Конан не мог не отметить, что в этот миг она и впрямь чем-то неуловимым напоминала Сэтлл.

— Что ее так развеселило? — спросил киммериец.

— Я сказал ей, что она красивее всех, кого я видел когда-либо, и я должен отдать ее Ледяной Лухи. Но, — сказал я, — сделать этого я не в силах. Мне легче принести в жертву Лухи самого себя. А она рассмеялась и ответила, что если я принесу в жертву самого себя, Ледяная Лухи выплюнет меня обратно.

Конан одобрительно хмыкнул. Прошрое воплощение Сэтлл ему определенно нравилось. Чего нельзя было сказать о ее сестренке...

— Я уже хотел пройти мимо нее и взять первую попавшуюся под руку женщину, любую, чтобы отдать ее Лухи. Но не успел. Великая Жрица заметила, что я о чем-то разговариваю с пленницей. Зрение у нее было отличное. «Отчего ты колеблешься? — громко спросила она меня со своего каменного постамент. — Красивее ее нет никого в этой толпе грязных и испуганных оборванок. Отдай же ее скорее Ледяной Лухи. Лухи ждет!»

Конан увидел, как молодой жрец вывел из толпы пленниц светловолосую девушку. Они медленно шли ко входу в башню, возле которой блестела ледяной макушкой и распахивала ненасытную пасть голодная Лухи. Толпа наблюдала за ними молча, восторженно и нетерпеливо.

— Если бы я не был жрецом Лухи,— прервала тягостное молчание Иглл, с болью наблюдающая за этой сценой, словно переживая ее заново,— я мог бы попытаться упасть перед Великой Жрицей на колени и умолять ее отдать прекрасную пленницу мне в жены или наложницы. Но жрецы обязаны давать обет безбрачия и целомудрия, нарушить который нельзя. Страшная и мучительная смерть грозит нарушителю обета. Я не мог просить, не мог умолять, не мог даже выкупить жизнь пленницы ценой собственной жизни: Лухи не примет вместо прекрасной девушки костлявого и некрасивого жреца... Мы вошли с ней в башню. Жертва Лухи должна быть живой. Получив мертвую жертву или избитую до беспамятства, богиня могла серьезно обидеться. Мужчина мог быть ранен — если он сражался с мертвецом Баггу, но женщина должна быть нетронутой, нетронутой и прекрасной, как утренний снег...

Мы подымались по ступеням башни, а следом поднимался стражник, один-единственный стражник, гремющий длинным копьем о гранитные стены. Он должен был присутствовать при жертвоприношении на тот случай, если жертва вздумала бы сопротивляться и цепляться за свою жизнь. Главная башня святилища Лухи очень высока. Мы поднимались долго, очень долго... Люди, собравшиеся в ожидании увлекательного зрелища, уже стали переминаться с ноги на ногу и тихо роптать. Громко возмущаться пугливое простонародье не смело...

Люди, скопившиеся во дворе святилища Лухи, мерзли, скучали и недовольно жестикулировали. Великая Жрица хмурилась, то и дело поглядывая на пустую вершину башни, постукивала нетерпеливо тяжелым посохом о гранитный постамент, на котором по-прежнему стояла, словно величественная черная статуя... Наконец по толпе пронесся вздох облегчения. На верхней площадке башни появился жрец со своей пленницей. По-видимому, у смешливой дочери Ванахейма в конце концов сдали нервы, и она потеряла сознание,— потому что жрец нес ее на руках. В развевающихся под ветром одеждах из грубой шерсти ноша его казалась тяжелой и громоздкой. Голова ее была плотно

замотана краем ее же плаща, возможно, чтобы криком своим жертва не смущала ледяной покой Лухи.

Подойдя к краю площадки, жрец вытянул вперед руки, и тело девушки рухнуло в холодную пропасть распахнутого рта богини. По толпе пронеслись крики радости. Великая Жрица удовлетворенно расправила сведенные брови, и уголки ее губ приподнялись в скупой улыбке.

Спустя недолгое время, молодой жрец вышел из дверей башни. Следом за ним шел стражник в низко надвинутом на лоб кожаном шлеме. Длинное копьё в его руке звенело, задевая за ледяные наросты на земле.

— Сэтлл была моей судьбой, а я — ее,— продолжала рассказывать Иглл. Глаза ее напряженно горели: ни следа бывлой ледяной насмешки.— Я понял это сразу, лишь только взглянул на нее в первый раз. Такие вещи всегда понимаешь в единый миг. Слов не нужно, объяснения излишни... Сэтлл тоже поняла сразу. Но поскольку она была женщиной, ей оказались нужны еще и слова. Мы сказали их друг другу, пока поднимались в полутьме винтовой лестницы, сказали шепотом, чтобы не мог расслышать поднимающийся следом стражник... Митра свидетель — мне жаль было того стражника, ничего не заподозрившего простофилю, которого не насторожили наши странные перешептывания. Мне было очень жаль, когда я поразил его в горло его же копьём — от неожиданности бедняга даже не успел защититься,— и затем, когда бросал бездыханное тело в одеждах ванахеймской пленницы в ледяную пасть-пропасть... Но то была его Судьба. Моя же Судьба отныне заключалась лишь в том, чтобы не разлучаться больше с найденной моей половинкой. Ни на день. Ни на миг.

...Молодой жрец и ванахеймская пленница пробрались в обитель жреца — небольшую комнату в левом крыле крепости, где прямо на каменном полу валялись старинные книги в деревянных и бронзовых переплетах, магические кристаллы, пожелтевшие от старости берцовые кости и черепа с драгоценными камнями в глазницах, стеклянные колбы всевозможных форм и размеров. Девушка стянула с головы кожаный шлем, и веселые яркие волосы осветили

угрюмую каморку отшельника. Они были почти одного роста, жрец и пленница...

— Отчего же они медлят?.. — хрипло спросил киммериец, вглядываясь в запотевший от его дыхания шар. — Чего они ждут? Им ведь надо как можно скорее...

— Да-да, мы знали, что нужно бежать как можно скорее. Но днем пробраться за ворота крепости было невозможно. Приходилось дожидаться ночи. Мы хотели переодеться и изменить внешность до неузнаваемости. Она собиралась даже пожертвовать своими прекрасными волосами... Украсть пару коней не представляло особых трудностей. Гораздо сложнее было пройти мимо охранявших ворота стражников. Но я готов был на самые страшные преступления — на убийство, на предательство, на подлог и измену — лишь бы сохранить ей жизнь и добыть нам обоим свободу. Я ведь уже встал на путь преступлений, убив своего ни в чем не повинного сородича. Мы серьезно и хладнокровно готовились к побегу. Мы предусмотрели все... Все, кроме мстительного нрава Ледяной Луки. Хотя мне следовало бы подумать об этом прежде всего! Поскольку в этот раз в ее голодное брюхо бросили не живую прекрасную девушку, но бездыханное тело стражника, богиня сочла себя оскорбленной.

Не успел еще собравшийся во дворе крепости народ разойтись по своим убогим земляным хижинам, как разыгралась буря. Поднялся ветер, завывала вьюга, злой острый снег закружился, забивая глаза и ноздри. В это время года в Гиперборее стоят обычно спокойные, ясные морозы, и ветра почти не бывает. Внезапная снежная буря не могла не насторожить Великую Жрицу. Она догадалась, что богиня в ярости, оттого что ей принесли недостойную ее жертву. А может быть, даже не догадалась, но почувствовала. Ведь для многих, и меня в том числе, не было секретом, что Великая Жрица и ледяная гигантская статуя связаны между собой непостижимым образом. И жертвы, падавшие в ледяное нутро, на самом деле восполняли жизненные силы великой колдуньи, главы Белой Руки. Не мешкая, Великая Жрица отдала приказ обыскать всю крепость. Спрятаться

мы не успели, да и разве можно укрыться от всепроникающих ее чар! Стражники выбили ногами дверь в мою каморку и схватили нас.

...Великая Жрица не казалась ни разгневанной, ни возмущенной, когда к ней привели жреца-изменника, ее верного помощника, ее правую руку, и девочку из Ванахейма, пленницу, рабыню, ради которой он совершил свое непонятное предательство. Одно только удивление, но очень слабое, еле заметное удивление слегка искривило ее безжизненные черты.

Великая Жрица удивилась еще больше, когда, услышав о каре, которую она избрала для них, жрец-изменник не упал на колени, умолая о прощении, но вздохнул с облегчением и непритворной радостью.

— Великая Жрица повелела принести в жертву оскорбленной и разгневанной Ледяной Луки нас обоих, и прямо сейчас, немедленно. Это была большая удача. Это было лучшее, что могла подарить мне старая ведьма за годы преданной службы. Я поблагодарил ее со слезами на глазах. И еще — возрадовался в душе, что всегда был любознателен сверх меры и кроме обязательных магических познаний, зарывшись в древние книги, добыл много иных интересных сведений. Они оченьгодились мне сейчас...

Жрец-изменник и светловолосая пленница вновь поднимались по винтовой лестнице башни. На этот раз их сопровождали два стражника с длинными копьями, ни на миг не спускавшие с них бдительных глаз. Руки приговоренных были стянуты за спиной веревками, отчего девушка порой спотыкалась, теряла равновесие, и жрец, поднимавшийся следом, поддерживал ее, упираясь костлявыми плечами в сырые стены.

— ...У нас было очень мало времени. Я не имел возможности объяснить ей все толком. Я успел шепнуть только несколько слов, пока мы поднимались. Я сказал ей, что надо смотреть друг другу в глаза. Все время смотреть друг другу в глаза, что бы ни происходило вокруг нас и с нами, как бы ни было страшно и больно. А еще — повторять в уме одну фразу, одну-единственную. Что это

за фраза, я не вправе сказать тебе, Конан, ты уж прости. Когда мы вышли на круглую площадку наверху башни, Ледяная Луки — не будь дурочкой — сразу успокоилась, поняв что к чему. Она уладила свой ветер, уладила бьющий в глаза снег. Иначе ведь мы могли промахнуться мимо ее жадного зева.

Вьюга утихла. Низкое зимнее солнце пробилось из-за сизых туч. Две высокие фигуры, почти вровень друг другу, застыли на вершине башни. Блестящий диск солнца был почти одного оттенка с вольно плещущимися волосами девушки. Жрец обернулся и что-то сказал стражникам, подталкивающим их к краю площадки. После недолгого колебания те развязали им руки и отступили назад, угрожающе стиснув в руках копы.

— Я сказал стражникам, что Ледяная Луки любит, когда жертвы прыгают добровольно, и они развязали нас. Затем я сказал ей, что прыгать нужно вниз головой, чтобы сразу разбиться. Чтобы не корчиться долгое время в агонии, с перебитыми костями, в просторном ледяном желудке. Еще я сказал, что нужно смеяться и радоваться. Смеяться, не смотря ни на что. Чувство, которое испытываешь в последний миг своей жизни, окрашивает потом всю последующую жизнь. Если мы будем кричать и бояться — страх и отчаяние растянутся на десятилетия следующего воплощения. Они будут виться над нами черным флагом судьбы, и наши предсмертные крики поселятся внутри нас, разрывая сердце. Мы обнялись, вернее, я прижал ее к себе, очень крепко. Так, что трудно было смотреть в глаза: зрачки были совсем рядом. Но мы смотрели.

Иггл замолчала. Картины в хрустальном шаре смешались, быстро и неотчетливо сменяя одна другую. Мелькнули белые зубы и золотистые волосы смеющейся пленницы... Напряженно-пристальные глаза жреца... Волокнистые ледяные глыбы... Что-то темное и теплое, наплывающее со всех сторон... Что-то пульсирующее и мерцающее...

— И что же было потом? — спросил Конан, когда шар перестал показывать и вновь обрел свое прозрачно-лазоревое сияние.

Иггл молчала, не сводя взгляда с лица сестры. Глаза Сэтл были все так же закрыты, и все та же безмятежная улыбка покоилась на бледных губах. Но тонкие пальцы, держащие шар, чуть подрагивали.

— Потом?.. — переспросила Иггл, отчего-то вздохнув. — Потом было все, как и должно было быть. Поскольку мы смотрели только друг на друга и все время повторяли в уме фразу, окружавшую нас, словно невидимая сфера и отделяющую от всего остального мира, то мир не смог пробиться к нам. Разбившись о лед, мы попали, как и полагается, на Серые Равнины, но не задержались там. Мы проскочили стремительно эту унылую область, где стонущие и хнычущие тени толпятся годами и веками. Мы пронеслись мимо них, словно звезда, сорвавшаяся с неба. Двойная звезда... Мы обрушились вниз, в теплую и влажную тьму. Мы упали в нее, как зерна. И почти сразу же взошли, как зерна... Правда, теперь мы уже не сжимали друг друга в объятиях и не смотрели в глаза. Но мы были рядом. Свернувшись в два комочка, нежась в блаженной тьме, мы были совсем близко. Мы касались друг друга, мы ощущали друг друга. Мы знали, что на всем белом свете есть только нас двое... Так мы покоились в тепле, любви и блаженстве целых десять лун. А потом пришла пора покидать этот маленький рай и выбираться наружу. Выбираться на свет — резкий, злой, беспощадный. Но и на свету мы оставались вместе. Благодарение доброму и мудрому нашему отцу! — никто и ничто не разлучило нас...

Глава шестая

Вина было вдоволь — оно весело искрилось в высоких стеклянных сосудах, напоминающих алхимические колбы (и, по-видимому, ими и являющихся). К вину подавались хрустящие жареные фазаны, тающий во рту сыр, янтарные ломтики речной рыбы... За все дни, проведенные в доме звездочета, Конан впервые сидел за таким изысканным и изобильным столом. Близнецы постарались проводить его на славу.

— Пей, ешь, Конан, и не поминай нас недобрым словом! Даже если мы чем-то не угодили тебе! — щедро угощала его Иглл.

Сэтлл больше молчала, загадочно улыбаясь, и казалась не до конца вышедшей из своего транса. Глядя на нее, Конан невольно представлял рядом юную пленницу из Ванахейма и мысленно их сравнивал. Да, улыбки похожи, искры в глазах, манера жмуриться и встряхивать волосами...

Вот Иглл гораздо меньше напоминает мрачного жреца Лухи. Пожалуй, только изредка бывает у нее схожий взгляд: пристальный, жесткий, выдающий незаурядную волю и холодное напряжение всех сил натуры...

— Пей, Конан, и не надо так внимательно нас рассматривать! — усмехнулась Иглл. — Ты и без того никогда не забудешь пережитое здесь, можешь не сомневаться! Но и для нас с сестрой ты кое-что значил, верно, Сэтлл? — Она повернулась к сестре, и та кивнула, не меняя нездешнего

выражения лица. — Мы неплохо провели с тобой несколько дней и поэтому решили отблагодарить любезного гостя. Тебя ожидает приятный сюрприз, киммериец!

— О Кром! — вздохнул Конан. — Кажется, еще одного сюрприза я просто не вынесу!

— Вынесешь, не сомневайся! — рассмеялась Иглл. — Уже завтра утром ты оценишь по достоинству наш дар. К сожалению, он не вечный и действует лишь три года. Спустя этот срок сюрприз потеряет силу. Но и за три года можно очень удачно распорядиться им. Мы уверены: ты не растеряешься и извлечешь для себя немалую пользу из нашего дара.

Киммериец неопределенно пожал плечами.

— Может быть... Хотя от загадочных даров, особенно связанных с магией, мне хотелось бы отпихнуться обеими руками! Поэтому не спешу рассыпаться в благодарностях... Но со своей стороны обещаю вам, что если на моем пути встретятся мало-мальски приличные неженатые близнецы, я тут же буду направлять их в вашу сторону. Да и сам заверну как-нибудь, разок-другой, если дороги мои будут пролегать недалеко отсюда!

— А вот этого, Конан, не надо! — замахала руками Иглл. — Ни того, ни другого.

Конан удивленно вскинул брови.

— Близнецов присылать не надо, поскольку мы никогда и ни за кого не выйдем замуж, — объяснила девушка. — Мы не ставим в известность об этом нашего бедного отца, чтобы не ранить его. Не разбивать окончательно его надежды на внуков, о которых он грезит днями и ночами, которым мечтает передать все свои магические и астрологические знания. Ведь женщина-астролог не внушает особого доверия. Он так хочет обучать мальчиков! Впрочем, мы с Сэтлл и рады бы выйти замуж, но только при условии, что через пару лун можно будет отпустить мужа на все четыре стороны. Большой срок с одним мужчиной выдержать для нас невозможно, не так ли, Сэтлл?

— Я бы отпустила его через одну луну, — ответила Сэтлл. — Скучно! Очень долго быть вместе с одним и тем

же мужчиной, видеть его каждый день и каждую ночь, быть обязанной ему повиноваться и потакать — невыносимо скучно. Только разнообразие позволяет нам сохранять некоторый интерес к мужской половине человечества.

— Поэтому, Конан,— ты только пойми и не обижайся! — не стоит тебе навещать нас снова, даже если дороги твои пройдут рядом,— заключила Иггл.— Нам было с тобой нескучно эти несколько дней. Так пусть же останется об этом хорошая память у тебя и у нас. Встречаться через какое-то время снова — все равно что перечитывать книгу, которую и без того знаешь почти наизусть. Постарайся понять и не обидеться!

— Пей, Конан, пей! — добавила Сэтлл, придвинув к нему колбу с вином и ласково улыбнувшись. По-видимому, обильным и настойчивым угощением она стремилась загладить обиду, которой не мог не почувствовать киммериец.— Пей и не думай ни о чем тяжелом, ни о чем недобром!

Конан послушно осушил полный сосуд. Обида грызла ему сердце, но он постарался ничем не высказать ее. К чему? Для двух очаровательных бездельниц, для двух вертихвосток, целыми днями предающихся сомнительным играм, он является прочитанной и знакомой назубок книгой?.. Пусть! Они не дождутся, что он покажет, как это задевает его.

После второго выпитого кувшина настроение Конана и впрямь улучшилось, а обида растворилась почти без следа. Все вокруг, а близнецы особенно,— стало казаться искрящимся, приветливым, легким...

— Скажите-ка мне,— проговорил он слегка заплетающимся языком.— Если правда то, что вы показали мне в шаре,— а у меня есть сомнения, что это какие-то обычные магические штучки,— если это все-таки правда, то отчего вы не родились братом и сестрой?

— Брат и сестра, как бы ни были они похожи, близнецами быть не могут,— серьезно ответила Иггл.— Их судьбы разные. Как бы ни были они нежно привязаны друг к другу, им придется когда-нибудь разлучиться, разойтись по своим семьям, детям... К тому же при таком воплощении

всегда остается опасность кровосмешения. А это — страшный грех, несмыслимый позор.

— Ну, хорошо! — кивнул Конан, сильнее и размашистее, чем обычно.— Тогда почему вы не появились на свет в виде двух братьев?

— Об этом самом мы часто спорим между собой, киммериец! — рассмеялась Сэтлл.— И никак не можем прийти к одному мнению. Мне кажется, что это оттого, что моя любовь больше. То есть, любовь пленницы из Ванахейма была больше,— поправилась она,— и оттого сила ее пола перетянула.

— Вовсе необязательно! — возмутилась Иггл.— Просто женщинам опять-таки легче не разлучаться всю жизнь, ни на день — от зачатия и до последнего вдоха. Братьям же неизбежно пришлось бы иногда расставаться: войны, королевская служба, охота, политика и прочие мужские дела... Правда, нас угораздило родиться в такой стране, где даже сестер разлучали еще в детстве. Видимо, намерзлись на севере, захотелось тепла, моря, яркого солнца, изобилия фруктов — вот и сунулись в Аргос. Если бы не наш добрый и мудрый отец, наша жизнь обернулась бы сплошной тоской и отчаянием.

— «Добрый и мудрый отец!» — хмыкнул Конан.— Отчего же, если он такой мудрый, он не помог несчастной дочке герцога? Что-нибудь одно: либо он не очень-то добр, либо не особенно мудр.

— Не говори о том, чего ты не понимаешь! — вспыхнула Иггл.— Отец сделал все, что только можно было сделать! Он не ел и не спал, пока составлял гороскоп. Он ясно указал способ, каким она может избежать своей злосчастной судьбы. Другое дело, что способ этот Зингелле не под силу.

— А ваши гороскопы он составлял, прекрасные сестрички? — развязно спросил киммериец, чтобы сменить грустную тему. Выпитое вино приятно горячило грудь и расцвечивало все вокруг яркими красками. Каждый предмет в комнате улыбался ему и ласково подмигивал.— Как насчет гороскопа собственных дочурок?.. Ведь должен же он

увидеть, клянусь Кромом, что ни зятьев, ни многочисленных внуков ему не видать!

Иггл отчего-то нахмурилась и замолчала. Словно зеркало мгновенно отразило эти изменения — в лице притихшей сестры. Конан удивленно помотал головой, не в силах понять причин затянувшейся неловкой паузы.

— Отец не составлял на нас гороскоп, — ответила наконец Иггл. — Вернее, он начал его, как только мы родились, но не закончил. Он бросил его, едва начав прозревать некие страшные предопределения. Он не хотел знать ничего плохого о будущем своих любимых дочек. Груз тайнознания — если оно касается близких или тебя самого — не каждый способен вынести. Отец наш слаб и безволен, что видно по его внешности: у него даже нет подбородка. Он заклился когда-нибудь заглядывать в наше будущее и честно постарался забыть все, что уже успел узнать. Когда мы с Сэтл выросли, мы сделали себе гороскопы сами.

— Страшные предопределения? — переспросил Конан. На миг голова его чуть протрезвела и прояснилась. — Что же может случиться с вами такого страшного? Вы ведь такие умные, такие ловкие, такие сведущие во всяких магических штучках?..

— Тем не менее это так, — сухо ответила Иггл. — Но, к счастью, все страшное суждено одной мне. Это касается обстоятельств моей смерти. Они будут еще мрачнее, чем у глупышки Зингеллы. Правда, это случится не в юности.

— Но... но почему? — опешил Конан. — И разве нельзя этого... избежать?

— Странно было бы ожидать иного, учитывая те вещи, что я творила, будучи гиперборейским жрецом, — ответила девушка с видимым усилием. — А избежать? Конечно же, можно. Как и Зингелле. Можно все, если очень сильно этого захочется. Но я не хочу. И хватит об этом! Хватит, хватит! Мы пригласили тебя на веселый прощальный ужин, так веселись же и пей, киммериец!..

— Да-да, пей! — подхватила Сэтл. Она потянулась к очередному кувшину с вином, чтобы пододвинуть ее Конану,

но в растерянности обнаружила, что все стеклянные сосуды уже пусты. — О! Неужто ты справился с ними так быстро?!

Конан горделиво кивнул и расхохотался. Он потянулся было над блюдами и сосудами, чтобы обнять и приласкать двух славных сестричек, особенно ту из них, которой сейчас взгрустнулось, оттого что высмотрела у себя в гороскопе нечто страшное... Но руки и тело отказались ему повиноваться, и, смахнув локтем на ковер пару самых высоких колб, киммериец тяжело рухнул набок. Тут же он, правда, попытался подняться, но безуспешно.

— Кажется, он готов! — воскликнула Сэтл и захлопала, как девочка, в ладоши.

Конан хотел было возразить, но из губ его вырвались лишь невнятные булькающие звуки. Он действительно был готов. Учитывая, что тело его сейчас напоминало бурдюк, доверху наполненный озорным молодым вином, это было неудивительно.

— Ну что ж, пора наделить его нашим подарком! — заключила Иггл.

В хмельном полузабытии Конан чувствовал, что девушки раздевают его, с усилием переворачивая с боку на бок. Он пытался помогать им, приподымая то голову, то колено... Он пытался заплетающимся языком высказать им свое сожаление, что не может принять активное участие в любовных безумствах, которым они, видимо, собирались предаться с ним напоследок...

Впрочем, сестры не обращали никакого внимания на его лепет. Раздев его, они принялись не то ласкать, не то массировать его грудь, плечи, шею и щеки. Впрочем, больше это напоминало втирание какой-то мази. Легкие и теплые пальцы девушек то и дело запинаясь о многочисленные рубцы от былых ран, густо покрывавшие тело варвара.

— Ты только посмотри, Иггл, — восхищенно шептала Сэтл, — он изранен похлепце старого гладиатора или вожака волчьей стаи!..

— Он изранен ровно настолько, насколько полагается настоящему мужчине, — отозвалась сестра.

— Некоторые шрамы уже наползают друг на друга... Скоро не останется ни кусочка свободной кожи!

— Ничего, целых три года теперь эту кожу не будет протыкать вражеская сталь или бронза...

Мазь была горячей и чуть пощипывающей, словно разогретая на огне горчица. От запаха ее тянуло чихать, что Конан и проделал раза четыре. Готовясь чихнуть в пятый раз, он потерял и без того слабую нить сознания и провалился в глухое беспамятство.

Глава седьмая

Утром следующего дня та же самая служанка, некрасивая и неприветливая (похоже, у Майгуса других слуг вообще не было), разбудила Конана, принесла ему завтрак, и объявила, что сестры спят и просили их не беспокоить, поскольку все прощальные слова были сказаны накануне. Хозяин же дома, почтенный Майгус, также просил к нему не входить, так как после окончания своей работы он обычно чувствует потребность в полном одиночестве. Таким образом, Конану недвусмысленно давали понять, что ему следует как можно скорее покинуть гостеприимный дом звездочета, не тревожа хозяев объятиями и слезами прощания.

Завтрак был обильный и сытный. Расставляя тарелки и скороговоркой передавая распоряжения своих хозяев, служанка косилась на киммерийца с явной опаской. Не понимая причины этого, Конан провел ладонями по лицу и одежде, но все было в порядке. Может быть, он устроил дебош вчера ночью? Крушил мебель, бил хрусталь?.. Возможно, сестренки чем-то рассердили его?.. Несмотря на обилие выпитого накануне, голова его была ясной: видимо, сестры угощали его самым отборным и чистым вином, что говорило об искреннем к нему расположении. Голова была прозрачной, как хрустальный шарик, но тем не менее имелись существенные провалы в памяти. Последнее, что помнил киммериец — не то массаж, не то начало любовной игры (интересно, довел ли он ее до конца, либо покрыл себя

несмываемым позором?), и все это было связано со словом «сюрприз». Сюрприз! Конечно же, нечто таинственное, о чем говорилось в таких загадочных и многообещающих тонах...

Конан еще раз ощупал себя со всех сторон, а затем перебрал свои скудные дорожные пожитки. Кроме увесистого свертка с гороскопом Зингеллы ни в вещах его, ни на нем самом ничего не прибавилось. Кром! В чем же заключается этот самый сюрприз игривых сестричек?..

Быстро покончив с завтраком и собравшись, Конан оседлал вороного жеребца и пустился вскачь в направлении деревушки с таверной. Мысленно он желал себе, чтобы охранники, не покидавшие постоялый двор все эти дни, оказались нынешним утром в том состоянии, когда можно без труда усесться на лошадь и тронуться в обратный путь. Гарриго, верно, давным-давно сгорает от тревоги и нетерпения!

Проскакав бодрым галопом не слишком великое расстояние между обителью звездочета и деревушкой, Конан добрался туда еще до полудня и вытащил двух своих товарищей из-за широкого трактирного стола, заставленного закусками и бутылками. Поскольку Грумм и Хорхе начали веселиться недавно, они еще были вполне пригодны для немедленного обратного путешествия.

— Давайте поспешим, ребята! — торопил их киммериец. — Забирайте с собой бутылки, за которые вы уже заплатили, они нам пригодятся в дороге! Несъеденную дичь берите тоже. Поскорее укладывайтесь! Хозяин ваш, бедняга Гарриго, должно быть, сошел с ума от нетерпения!..

Охранники послушно седлали коней и упаковывали дорожные сумки. Что-то в их поведении настораживало киммерийца. Что?.. Не слышно было обычных грубоватых шуток, беззлобных перебранок друг с другом. Сотоварищи Конана все делали молча, то и дело поглядывая на своего начальника со странным выражением: не то опаски, не то затаенного недовольства.

— В чем дело, Грумм? — спросил Конан старшего из них. — Вы что-то имеете против меня? Я чем-то обидел вас, разорви меня Кром!? Дал мало золотых, чтобы вы могли

повеселиться здесь, пока я скучал в обители звездочета?.. Слишком рано вытащил вас из-за стола сегодня? Испортил настроение, напомнив о герцоге?.. Отвечайте же, дети Нергала!

— Что ты, Конан! — поспешно ответил Грумм в несвойственной ему подобострастной манере. — Конечно же, нет! Все в порядке. Мы очень благодарны тебе и за золото, и за несколько дней отличного отдыха!

— Тогда почему ты и Хорхе смотрите на меня так, словно я только что вылез из могилы? Словно я явился с того света, чтобы выпить вашу теплую кровь? Может быть, в моем лице что-то изменилось и пугает вас?..

— Ну что ты! — опять запротестовал Грумм, а Хорхе умильно закивал головой, подобострастно моргая. — Лицо как лицо. Правда, ты стал как будто немного смуглее, чем был. Должно быть, давно не мылся или не брился. Но в этом нет ничего страшного!

Конан прошел в распахнутую дверь таверны и взгляделся в отполированный бронзовый щит, висевший у входа и заменявший зеркало. Действительно, кожа его приняла несвойственный ей прежде пепельный оттенок. Он выглядел теперь так, словно в его чистую киммерийскую кровь влилась тоненькая струйка кушитской или стигийской крови. Плонув себе на ладонь, он энергично растер щеки. Но пепельный оттенок не исчезал. Видимо, то была не грязь, а ввевшиеся остатки той самой вонючей мази, которой — как он смутно помнил — натирали его ночью близнецы. Проклятие! Остается лишь надеяться, что цвет его глаз и черты лица не позволят принимать его отныне за грязного кушита либо коварного и угрюмого стигийца.

Выйдя из таверны, Конан увидел, что его спутники уже сидят верхом в позах чуткого ожидания дальнейших приказов. От такой картины ему захотелось сплунуть и выругаться, но он сдержался. Вскочив на своего жеребца, Конан махнул рукой и сразу пустил его галопом. Наверное, он совершил ошибку, разрешив своим подопечным пьянствовать столько дней напролет, без перерыва. Должно быть, это было жестоко с его стороны, надо было хоть изредка давать

им какие-либо поручения, а не отделяться пригоршнями золота. Видимо, местное вино, если употреблять его в непомерных количествах, размягчает мозги. Бедняга Грумм! Бедняга Хорхе! Остается только надеяться, что как только из них выветрится весь местный хмель, они обретут былое достоинство и отвагу...

Конан был так погружен в недовольные размышления, так нахлестывал своего и без того горячего коня, что на выезде из селения едва не столкнулся лоб в лоб с солдатами в медных доспехах, сопровождавшими богатый купеческий караван. Верблюды в ярких пополах с мерно покачивающимися горбами, апатичные мулы, груженные вьюками и сундуками, крикливые погонщики, надменные грузные купцы в богатых одеждах — все это великолепие, по-видимому, возвращалось из Кордавы в Стигию. Офицер, едущий впереди, с роскошным султаном на племе замахнулся было копьем, чтобы проучить наглеца, столкнуть с лошади мчащегося не разбирая дороги невежу, едва не смявшего торжественное шествие. Но в следующий же миг копые дрогнуло, занесенная рука опустилась, и офицер резко дернул поводья, отворачивая своего коня в сторону, чтобы дать проехать Конану и его спутникам. Следом за ним дорогу поспешно уступала и остальная охрана каравана, а затем стали шарахаться в сторону верблюды и мулы, понукаемые своими погонщиками. Было весьма странно, что человек двадцать прекрасно вооруженных охранников ни с того ни с сего испугались троих встречных незнакомцев. Один из верблюдов от слишком резкого поворота не удержался и грохнулся наземь. Рассыпались, разбежались резные фигурки из слоновой кости, бронзовые монеты, блестящие медальоны, флакончики с благовониями...

Глава восьмая

З а что же ты благодаришь меня, разорви тебя Кром! — воскликнул Конан. — Ты разве не расслышал, что я сказал? Майгус не помог твоей дочери! Он подтвердил все самое худшее, но не сказал, каким образом может Зингелла избежать своей страшной судьбы. Совет, который он дал, звучит как издевательство! Честно говоря, я опасался, что ты вызовешь меня на поединок или запустишь в голову тяжелым креслом, едва услышишь эти слова!..

— Ну что ты, что ты! — кротко и болезненно воскликнул герцог. — Какое кресло? Какой поединок? Ты и представить себе не можешь, как я благодарен тебе, Конан!

За те несколько дней, что киммериец не видел его, герцог осунулся еще больше и казался совершенно больным и постаревшим. У него появилась привычка, которой прежде не было: теревить пальцами свои белоснежные манжеты. Разговаривая с Конаном, он не смотрел ему в глаза, отворачивался и постоянно то благодарил, то извинялся за причиненные хлопоты.

— Да за что, за что, ты можешь мне объяснить?! Поручение твое я не выполнил! Деньги, которые не взял за гороскоп Майгус, почти все потратил! Ребята, которых ты отправил со мной, Хорхе и Грумм, перепились со скуки до такой степени, что свихнулись! За что ты постоянно благодаришь меня?! — не выдержав, Конан бросился к приятелю и потряс его, словно стараясь пробудить от странного оцепенения и бестолковости, никогда прежде Гарриго не свойственных.

Но лишь только руки его коснулись герцога, как тот страшно побледнел. Казалось, вот-вот он упадет в обморок или умрет от разрыва сердца. Ошеломленный Конан силой усадил его в кресло, налил в бокал вина и заставил выпить.

— Да ты совсем заболел, пока меня не было, приятель! Позвать твоего славного старикана-доктора с его черненькими помощницами?

Герцог помотал головой. На белом, как извесь, лбу его выступила испарина.

— О нет, не нужно, не стоит беспокоиться. Я вполне здоров. Благодарю вас, любезный Конан...

— Опять благодарю?!.. И с каких это пор мы на «вы»?

Конан хотел было выругаться, но, взглядевшись в лицо герцога попристальнее, прикусил язык. Не болезнь, не усталость, не отчаяние, но страх, да-да, страх, застыл в черных глазах, обычно таких гордых и огненных. Гарриго боялся его, боялся до обморока. Совсем как... Хорхе и Грумм... как те нелепые караванщики... как некрасивая служанка Майгуса...

Наконец-то до него дошло, что означали загадочные слова сестричек о приятном сюрпризе! Так вот он каков! Вот чему служит пепельный оттенок кожи на лбу и щеках... Проклятие! Впрямь ли испытывали к нему игривые близнецы при прощании добрые чувства? Пожалуй, он склонен засомневаться в этом.

Отойдя от несчастного герцога на три шага и встав так, чтобы лицо его было в тени и магический пепельный оттенок не бросался в глаза, он заговорил, стараясь, чтобы голос его был убедительным и проникновенным.

— Послушай, дружище, я все тебе объясню. У этого Майгуса есть две дочери, близнецы, изощренные, как и он, во всяких магических штучках. В последний вечер они напоили меня до беспамьяства — вино, надо сказать, было отличное, поэтому я и хлебал его без остановки! — а затем обмазали с ног до головы какой-то едкой дрянью. Они называли это сюрпризом. Сюрприз этот — чтоб ему провалиться в глотку Нергала! — нагоняет страх на всякого, кто

на меня взглянет, будь это женщина, воин, ребенок или собака. Клянусь Кромом, я и представить не мог, что они собираются мне подарить! Проклятые девчонки!.. Ты знаешь меня не первый год, Гарриго, ты знаешь, как я отношусь к колдовству и магии. И уж тем более ты понимаешь, что мне незачем прибегать к колдовским уловкам, чтобы испугать кого-нибудь! Ты веришь мне, Гарриго? Ты веришь, что это грязная магия, и не больше?.. Если да, подойди ко мне, хлопни по плечу, и мы с тобой забудем это маленькое недоразумение за бутылку вина из твоих знаменитых погребов!

Но Гарриго не двигался. Лицо его было по-прежнему бледным, а взгляд — ускользающим в сторону. Манжеты утратили свою белоснежность, оттого что он теребил их не переставая.

— Гарриго! — снова заговорил киммериец. — Помнишь, как мы сражались с тобой против пяти аргосских плавающих стервятников полгода назад? Я — на своем «Вестреле», ты на «Стриже». Помнишь, как прозвали тебя аргосцы, те, кому посчастливилось выскочить живым из той битвы? Кордавский Демон — прозвали они тебя! Вспомни, Гарриго. Ты один вступал в бой с восьмерыми! Каждый нищий в Кордаве расскажет с десяток легенд о твоей безумной храбрости. Подойди ко мне, друг, плюнь на магию! Мы обнимемся, раскупорим несколько бутылей и вместе подумаем, как можно помочь малютке Зингелле.

Гарриго чуть улыбнулся, но улыбка вышла кривой и жалкой. Он шагнул было в направлении киммерийца, но тут же отшатнулся назад. Глаза его были полны такой муки, что Конан не мог ему не посочувствовать.

— Ладно, — бросил киммериец. — Стой, где стоишь. Что-то захотелось мне закончить свой отпуск раньше времени и скорее вернуться на свой «Вестрел»...

Внезапно в голову ему пришла неплохая мысль: раз уж он внушает всем вокруг беспричинный страх, почему бы не попробовать обратить этот страх на пользу и не поговорить с Зингеллой? Конечно, рекомендации Майгуса вызовут у нее буйный протест, но если он, Конан, повелит ей послушаться,

вряд ли она сумеет ему возразить. Чудаковатый звездочет уверял, что это единственный способ сохранить ей жизнь и не стать добычей молнии. Конан не особенно склонен ему доверять (впрочем, как вообще кому бы то ни было), но вдруг?..

— Позволь мне поговорить с твоей дочерью! — сказал он, выходя из тени и приблизившись к герцогу.

— Конечно, конечно, Конан! — залепетал Гарриго, отшатнувшись назад. — Я сейчас же велю позвать Зингеллу. Для нее будет большой честью разговор с вами!

Он поспешно вышел из комнаты, с таким явным облегчением, что киммерийцу захотелось выругаться. И это тот самый Гарриго, Бешеный Герцог, Кордавский Демон и прочая, прочая, с которым столько раз они вместе смотрели в ледяные глаза смерти и хохотали над ней!..

Зная безмерную гордыню Зингеллы, Конан втайне надеялся, что хотя бы она, знатная аристократка, не будет смотреть на него взглядом забитой собаки и вздрагивать от малейшей перемены его интонации. И в первые мгновения их встречи он готов был возликовать: с таким достоинством держалась девушка.

На Зингелле было платье из пурпурного атласа. В черных, непокорно вьющихся волосах блестела бриллиантовая диадема, на смуглой шее каплями окаменевшего вина горели рубины. Правда, бледное, исхудалое и измученное лицо ее мало гармонировало с роскошным нарядом. Под глазами, лишившимися блеска, залегли синие тени. Потерявшие яркость и свежесть губы больше не напоминали бутон, они были сжаты горестно и презрительно.

Поздоровавшись, Конан долго рассматривал девушку, чья суть была из того же вещества, что и молния, и оттого должна была достаться небесному бичу. Несомненно, огня в ней значительно поубавилось, хотя он еще был. На назойливый взгляд киммерийца она ответила гневно-возмущенным сверканием глаз и нахмурилась. Как и у герцога, пальцы ее все время были в движении, но они не теребили, а рвали — надутый кружевной платочек превратился в бесформенные лохмотки, становящиеся все мельче и мельче.

Конан как можно полнее передал ей слова Майгуса. Он подробно описал тот способ, единственный, как видно, способ, которым она может уберечь себя от страшной гибели в юном возрасте. Правда, кое-что в своем рассказе он опустил: не стал говорить о потере невинности, лохмотьях, а также о предназначенной ей в доме Майгуса роли служанки. Со всей доступной ему убедительностью он объяснил девушке, что как ни тяжелы и унижительны условия, поставленные ей звездочетом, но иначе, по-видимому, избежать небесной кары ей невозможно.

Зингелла выслушала все молча, не проронив ни звука, и только черные ее глаза наполнились еще большим негодованием и презрением. Она сухо кивнула, давая понять, что приняла к сведению сказанное им, и собралась было выйти.

— погоди-ка, — Конан остановил ее, не слишком галантно ухватив за плечо. Чтобы добиться своего, он решил вести себя более резко и властно. — Сейчас ты пойдешь к себе и переоденешься в платье одной из твоих служанок! Снимешь все драгоценности и оставишь прощальную записку отцу. Все длинные объяснения с ним я беру на себя. Затем я провожу тебя до городских ворот и объясню, как лучше всего добраться до звездочета. Ни денег, ни еды брать не нужно. Я жду! Надеюсь, переодевание не займет у тебя много времени.

Конан чувствовал, как под его рукой плечо девушки сжалось и заледенело. Она побледнела, совсем как герцог, и мелко-мелко дрожала. С горечью киммериец осознал, что Зингелла также боится его, боится смертельно, а все ее презрение в глазах и надменно нахмуренные брови — лишь притворство, маска, натягиваемая ею на себя из последних сил.

Его предположение подтвердилось тут же, так как девушка, не посмеяв послушаться, очень быстро вернулась и встала в дверях, ожидая дальнейших распоряжений. Платье, которое на ней было теперь, назвать простым можно было очень условно: хотя и лишенное золотого шитья и кружев, оно было сшито из тонкой и дорогой ткани, — но

Конан придирается не стал. Драгоценности она сняла, все, кроме маленького колечка с бриллиантом. Конан снял его сам, властно протянув руку и преодолев слабое сопротивление худых пальцев.

Вместе они вышли из особняка Гарриго. Домашние и слуги провожали их удивленными взглядами, но никто не осмелился ни о чем спросить. Герцог на пути им не встретился, видно, удалился на достаточное расстояние от внушающего безумный ужас недавнего приятеля.

Конан довел Зингеллу, как и обещал, до городских ворот и дал точные наставления, как следует ей идти, чтобы к исходу пятого или шестого дня достичь обители звездочета. Ему показалось, впрочем, что девушка не слышит или не понимает того, что он говорит, и лишь механически покачивает головой.

— Не унывай! — Он отечески похлопал ее по спине, напряженной и твердой, как дерево. — У звездочета есть две дочки, немного постарше тебя, так что скучать ты не будешь. Да, скучать ты не будешь, — повторил он, усмехнувшись, и лица Иггл и Сэтлл, одно холодное и насмешливое, другое смешливое и нежное, промелькнули перед его мысленным взором. — Они без устали играют и веселятся и то и дело выдумывают замечательные сюрпризы!..

* * *

Когда маленькая и напряженная фигурка девушки-молнии скрылась за поворотом дороги, Конан глубоко вздохнул и побрел обратно. Возвращаться в дом испуганного герцога ему не хотелось. Чтобы встряхнуться и разогнать смутные мысли, киммериец завернул в один из попавшихся ему на пути кабачков. Заказав несколько кружек пива и заставив ими половину приземистого стола, Конан огляделся вокруг и пригубил кружку, опустошив ее сразу наполовину.

Через два стола от него шумная и тесная компания сгрудилась возле матроса-шемита, голого до пояса богатыря, чьи мускулы больше напоминали обкатанные водой булыжники, чем человеческую плоть. Его красная от вина и

возбуждения физиономия с толстыми приоткрытыми губами и нависшим над ними огромным носом поглядывала вокруг с нескрываемым торжеством и превосходством. Матрос призывал всех желающих помериться с ним силой рук. Похохатывая и поводя плечами, он обещал всякому, кто выдержит своей рукой напор его мощной ручищи не меньше, чем в течение трех вдохов, поставить бутыль вина. Победенный, в свою очередь, обязывался выставить ему не меньшую бутыль. На столе перед ним громоздилось уже пять непечатых сосудов, что указывало на пятерых побежденных. Тесно сгрудившиеся зрители подначивали друг друга, но новые желающие проверить силу своих мускулов — если такие и были — пока колебались.

Осушив третью кружку, Конан поднялся со своего места и, потеснив плечами гомонящих хмельных мужчин, уселся на лавку напротив гиганта-шемита и молча грохнул о стол локтем правой руки. Шемит оживился и, довольно похохатывая, напомнил ему условия состязания: выдержавший его напор в течение трех вдохов получает полную бутыль, сдавшийся — расплачивается бутылью. Конан кивнул, не снисходя до слов. Шемит так же грохнул локтем о доски стола, и противники крепко сцепили ладони. Зрители разразились поощряющими криками.

Конан с удовольствием почувствовал противостоящую ему упругую мощь заросшей черными волосами лапы. Противник попался достойный! Блеснув зубами в улыбке, киммериец посмотрел шемиту в глаза с веселым и дружеским вызовом. Шемит ответил было таким же бравым и бесшабашным взглядом, но... мгновение спустя словно что-то дрогнуло в нем. Огонь в глазах погас, веки опустились, взгляд трусливо скользнул куда-то в сторону. И в тот же миг что-то сломалось и в крепких тисках, сжимавших ладонь Конана. Мускулы шемита подались, их каменная твердость размякла, рука упала на стол, загремев костяшками пальцев.

Конан готов был дать себе голову на отсечение, что полуголый матрос, человек-бык, сильнее его. Ввязываясь в состязание, он и не надеялся продержаться дольше трех

вздохов и собирал всю свою силу, стягивал всю волю в комок... Обмякшая и упавшая с грохотом рука гиганта больше чем разочаровала его — она его оскорбила.

Все так же пряча взгляд, шемит пододвинул одну из своих пяти бутылей Конану. Зрители возбужденно галдели и бесновались. Взяв за горлышко выигранную бутылку, киммериец неожиданно изо всех сил ахнул ею об угол стола. Багровые брызги вина и осколки стекла фейерверком осыпали всех поблизости. Повисло напряженное молчание. Шемит медленно и растерянно обтирал ладонью кровь с расцарапанного стеклом лица. Струйки крови смешивались с потеками вина и с прозрачными каплями пота. Конан переводил свои посветлевшие от бешенства глаза с одного лица на другое, словно приглашая каждого желающего помериться с ним силой, и уже не на жизнь, а на смерть. Но желающих не оказалось. Оскорбление было проглочено всеми присутствовавшими в полном и неестественном для такого скопления пьяных и грубых мужчин молчании...

* * *

Чем дальше, тем более смутно и тошно становилось у Конана на душе. Последними словами клял он навязанный ему близнецами подарок. Сюрприз, сделавший его прокаженным, от которого шарахается в ужасе каждый встречный! Неудовлетворенная ярость кипела в его грудной клетке, грозя разорвать ее своим невыносимым давлением, и требовала немедленного выхода. Если б сцепиться с кем-нибудь на узких портовых улочках Кордавы! Да не с одним, а с тремя-четырьмя!.. Тогда бы бурная кровь его успокоилась и вошла в русло. Но с кем? Кто осмелится вступить с ним в драку или в честный поединок на шпагах? Если даже матрос-шемит, больше похожий на буйвола, вставшего на задние копыта, чем на человека, проглотил его оскорбление, словно трусливая, забитая ногами собачонка?..

До позднего вечера бродил Конан по припортовым улочкам, выбирая самые темные и зловещие, но все, кто попадались ему на пути: и пьяные матросы, и буйно гуляющие на берегу пираты, и ночные стражники, и главари город-

ского дна — все они уступали набывчившемуся варвару дорогу, поспешно и почтительно, стоило лишь тому вперить во встречного свой угрюмый взгляд. Бурлящая кровь не находила успокоения. Неутоленная ярость грызла душу, словно изголодавшийся пес свои цепи.

В довершение всего, вернувшись к ночи в особняк герцога и рухнув на постель в отведенных ему покоях, первое, что услышал усталый и злой киммериец, — высокий и вибрирующий от бешенства голосок Зингеллы. Он был так пронзителен, что разносился по всему дому, не заглушаемый ни толстыми стенами, ни коврами вдоль стен. Дочь герцога распекала служанку, недостаточно ловко раздевавшую ее на ночь. Затем досталось комнатной собачонке, вздумавшей не вовремя вспрыгнуть ей на колени. После чего стены задрожали от обрушиваемой на них бронзы подсвечников и хрусталя цветочных ваз...

Как и следовало ожидать, горделивая и изнеженная Зингелла тотчас вернулась домой, лишь только рядом с ней перестала маячить фигура смертельно пугающего ее киммерийца. Теперь все и все вокруг расплачивались за перенесенные ею унижения.

Зингелла вернулась... Выходит, как ни страшна ранняя смерть от удара молнии, но потерять себя, лишиться сути своей и из гордой аристократки превратиться в бредущую по дороге одинокую босую нищенку — намного страшнее...

Зингелла вернулась, и таким образом Конан зря совершил путешествие длиной в шестеро суток, зря прождал столько времени в доме чудаковатого старика, пока тот спрашивал совета у пыльных фолиантов и задира л подборода к звездам. Нет, отчего же зря? Ведь сестрички осчастливили его великолепным подарком! Вот если бы только Митра или Нергал подсказали ему, как распорядиться этим чудесным даром? Пока что, кроме мутного осадка в душе и нарастающего раздражения, подарок этот не принес ему ничего...

Внезапно Конана осенила счастливая мысль. Если пепельный оттенок кожи делает все отношения его с друзьями, приятелями и незнакомцами такими неискренними и

тошнотворными, то, возможно, это же самое будет не лишним при встрече с врагами! Заискивающие и покорные интонации в голосе старого друга нагоняют тоску, но в устах давнего и смертельного врага они же будут звучать сладостной музыкой...

Вот только на ком бы первом испробовать? Врагов у варвара с Севера хватало всегда, но тут нужен самый-самый... Пожалуй, лучше всего подойдет барон Ричендо. Во-первых, это злейший враг. Во-вторых, враг старый и законеный, успевший попортить Конану немало крови. В-третьих, поместье его находится недалеко отсюда, всего в половине дня пути от Кордавы.

Вымощенная гранитом и мрамором дорога барона Ричендо, одного из самых богатых зингарцев, чванящегося древностью своего рода, пересеклась с тропинкой Конана, нарисованной ветром на морской воде, около тринадцати лет назад. В то время Конан был вольным морским разбойником, нагонявшим страх и трепет на все западное побережье на пару с прекрасной и бешеной королевой пиратов Белит. У него было прозвище Амра — что значит «лев», которому он вполне соответствовал. Фелюга Ричендо — длинный пузатый тихход с парусами цвета старой слоновой кости — была одной из многочисленных посудин, взятых ими на abordаж. Конан не был кровожадным злодеем и, как правило, отпускал на волю всех, кто бросал оружие, падал перед ним на колени и молил о пощаде. В их числе оказался и Ричендо, несмотря на свою зингарскую гордость и древние аристократические корни, ползавший перед киммерийцем по скользкой от крови палубе своего корабля. Конан отпустил его на все четыре стороны вместе с жалкими остатками экипажа (большинство подданных барона предпочли смерть в бою унижению) и даже выделил ему шлюпку и запас еды.

Надо сказать, Белит была против того, чтобы отпускать барона, и настаивала на его смерти. Вначале Конан склонен был приписывать ее настойчивость чрезмерной жестокости, но позднее увидел в этом пронизательность любящего женского сердца.

Уже меньше чем через пол-луны Конану пришлось пожалеть о своем великодушии. Едва добравшись до зингарского берега, барон всенародно поклялся добиться того, чтобы варвара по кличке Амра вздернули на одной из виселиц на тюремном дворе Кордавы, называемом «танцевальный помост» (прежде чем умереть, висельники исполняют на своих веревках хорошую пляску для собравшейся публики), либо собственноручно вздернуть его на крепком суку берегового дерева, либо — в самом крайнем случае — проткнуть длинной зингарской шпагой в праведном поединке. Пользуясь своими неограниченными средствами и связями при дворе короля, Ричендо тут же собрал и отправил в море для поимки наглых пиратов целую флотилию из пяти кораблей, и Конана от верной гибели тогда спасло только чудо, а вернее — преданность, бесстрашие и мастерство команды.

Поклявшись, барон честно стремился исполнить свою клятву. Он не жалел ни денег, ни энергии для отмщения ненавистному киммерийцу. Сколько плававших с ним ребят перекупил барон, переманил на свою сторону, толкнув на предательство!.. Сколько раз по его милости Конан баланировал на самом краю бездны, и призрак позорной смерти на виселице маячил перед ним совсем явно...

Ненависть Ричендо была того рода, что с годами не уменьшается, не слабеет, но лишь становится застарелой, словно бы затвердевает, превращая сердце носителя этого чувства в живой камень, днями и ночами грезящий о вожденном последнем ударе, о сладком экстазе свершившейся мести... Хотя прошло уже больше тринадцати лет со времени их встречи, и большую часть этого времени Конан провел вдали от зингарских городов и вод, барон не забыл его. За те последние полтора года, которые киммериец провел корсаром на службе Его Величества короля Фердруго, он успел убедиться, что огонь неутоленной мести не стал слабее в груди его врага, а мысль его по-прежнему отыскивает способы расправы над своим давним противником.

Идея навестить барона Ричендо в его замке так взбодрила и развеселила Конана, что он, освободившись от тяже-

сти смутных дум, мгновенно заснул и спал крепким сном до рассвета. Утром он хотел было покинуть гостеприимный и унылый особняк Гарриго, пока хозяин еще спит, но не успел. Герцог поднялся еще раньше, чем его гость, а может быть, учитывая синие мешки под глазами, не спал вообще. Худой и призрачный, как житель Серых Равнин, он столкнулся с Конаном в галерее и счел своим долгом на прощание бесконечно раскланиваться и извиняться, отводя взгляд в сторону и избегая приближаться к доброму приятелю ближе, чем на пять шагов.

Глава девятая

Вскоре после полудня, изрядно вымотав своего вороного жеребца, ибо нетерпение жгло ему пятки и заставляло то и дело пришпоривать потные бока благородного скакуна, Конан уже стучался в обитые бронзой высокие двери замка барона Ричендо. Обитель барона чем-то напоминала его почившую в соленых волнах фелюгу: такая же тяжеловесная и важная, словно раздувший щеки вельможа, с занавесками цвета слоновой кости, похожими на обвисшие паруса, на низких окнах.

Выглянувшему на стук охраннику Конан сообщил с наглым и беспашапным выражением в смеющихся глазах, что его хозяин, барон Ричендо, ждет не дождется дорогого высокородного гостя, и задержка его в дверях может дорого обойтись болвану в начищенных, словно женские украшения, доспехах.

Болван в чрезмерно начищенных доспехах и его напарник, как и следовало ожидать, не посмели пикнуть или усомниться, и очень скоро Конан уже развалился в глубоком бархатном кресле, вытянув вперед ноги, в роскошной приемной барона.

— Говорю же тебе, остолоп, я никого не жду сегодня! Я не звал никаких гостей!.. — раздраженно выговаривая потерявшему охраннику, барон торопливыми шагами ворвался в одну из дверей.

На нем был домашний халат с длинными, волочащимися по полу золотыми кистями и мягкие замшевые туфли.

Увидев киммерийца, Ричендо остолбенел. Мягкие розовые щеки его, падающие на ворот халата, приобрели серый оттенок. Круглые глаза выкатились из орбит.

— Здравствуй, дружище! — широко улыбнувшись, Конан поднялся с кресла, шагнул к нему и развел руки, словно стремясь поскорее заключить хозяина дома в жаркие объятия. — Ты так часто приглашал меня посетить твой гостеприимный замок, и я наконец-то улучил время! Помнишь, как ты упрашивал меня, как заверял, что твой дом будет моим домом, и все, что в нем, и все, кто в нем, — будет моим и моими! Я вижу, ты проглотил язык от радости, и это так понятно. Ну скорее же обними своего старого и верного друга, не забывавшего о тебе за все эти годы ни на миг!..

Конан отпустил свой язык на волю и от души веселился, глядя, как в изменившемся лице барона безмерное возмущение борется с чем-то неведомым, похожим на ужас, столь же безмерный.

— Значит, ты не хочешь меня обнять? Не хочешь прижаться к груди старого друга?! — Конан опустил руки и вздохнул с наигранной обидой. — Не ждал я, что долгожданная наша встреча будет такой сухой. Может быть, ты размочишь ее хотя бы хорошей бутылкой, если уж мне не удалось выжать из глаз твоих слезы радости?.. Но что с тобой?! — воскликнул он вдруг с тревогой.

Если тревога эта и была наигранной, то совсем чуть-чуть. Лицо барона из серого стало густо-багровым, с отливом в зловещую синеву. Глаза выпучились еще больше и приняли бессмысленное выражение. Хрипло вскрикнув, закрипев зубами и схватившись за отвороты халата, Ричендо рухнул навзничь, гулко стукнувшись затылком о паркет из мореного дуба. Результатом борьбы между негодованием и смертельным ужасом стал, по всей видимости, апоплексический удар.

Пока сбежавшиеся слуги хлопотали над недвижимым хозяином, Конан, несколько ошарашенный той легкостью, с какой в один миг, без всяких усилий со своей стороны, он справился с многолетним врагом, размышлял, что ему де-

лать дальше. Попрощаться как ни в чем не бывало и закрыть за собой двери?.. Уйти не прощаясь?.. Пока Конан раздумывал, в комнату вбежала женщина средних лет. Причитая и раскачивая высокой затейливой прической, она бросилась на колени перед поверженным багровым бароном. По-видимому, то была его жена, в самом ближайшем времени рискующая стать вдовой. Молодой человек, вошедший вместе с ней, пытался поднять ее с пола, вежливо и раздельно твердя слова утешения. Юноша был точной копией барона, лишь слегка облегченной в весе и значительно омоложенной. Такой же, как у отца, нос с крупными, то и дело раздувавшимися ноздрями нависал над безукоризненно черной и тонкой полоской усов. Алые губы нервно подергивались.

Конан тут же решил, что пока подождет ретироваться. Он знал вошедшего юношу. То был Кайсс, первенец и любимый сын барона, которому тот, в числе прочего, передал по наследству ненависть к бывшему пирату, варвару из Киммерии. Оглядевшись по сторонам, Кайсс, конечно же, сразу понял, кто явился причиной случившегося с отцом несчастья. Рука его потянулась к шпаге, висевшей за поясом, ноздри гневно раздулись, он порывисто шагнул по направлению к киммерийцу...

— Безмерно рад тебя видеть, мой юный друг! — в свою очередь Конан также сделал шаг вперед, предусмотрительно опустив ладонь на рукоять меча. — Мне очень жаль, но твой почтенный отец так обрадовался встрече со своим старинным приятелем, что от восторга потерял сознание. Надеюсь, твои нервы окажутся крепче, и ты не будешь реагировать столь бурно.

Судя по тому, что лицо сына приняло такой же багровый оттенок, что и у его отца несколько мгновений назад, надежды Конана могли и не оправдаться. Кайсс изо всех сил закусил нижнюю губу. Его черные глаза с породистыми голубыми белками то и дело меняли выражение — от смертельной ненависти до боязливой тоски...

— Успокойся, успокойся, мой добрый Кайсс! — воскликнул Конан как мог приветливо и добродушно. — Подумай о

своей матери. В один миг потерять и мужа, и сына — это уж слишком. Я вижу, что ты безмерно рад мне, но докажи эту радость чем-нибудь попроще: без потери сознания, без ударов затылком об пол! Прикажи лучше подать побольше доброго вина, а к нему незатейливой закуски!..

Организм юноши был крепче, чем у пожилого барона, потому он сумел вынести издевательство. Обернувшись назад, Кайсс хлопнул в ладоши и приказал — неестественно хриплым и вибрирующим голосом — как следует накормить и напоить гостя. Половина хлопочущих над бароном слуг кинулась исполнять это новое приказание.

— Надеюсь, ты не оставишь меня в одиночестве? — поинтересовался Конан с невинным видом. — Кусок не полезет мне в горло, если я буду сидеть за столом один. Составь мне компанию, дорогой Кайсс, отца же своего отдай попечениям слуг и бедной женщины, имевшей когда-то счастье выйти за него замуж.

Злосчастный заложник таинственной мази близнецов не смог заставить себя возразить ненавистному гостю. С затравленностью во взоре сидел он за роскошно накрытым столом напротив Конана, нервно пощипывая виноград и катая хлебные шарики. Конан же с удовольствием насыщался, отдавая дань изобильному и утонченному столу барона. Осушая одну за другой бутылки вина с тонкими, как шеи болотных птиц, горлышками, отправляя в рот внушительные куски жареной дичи и копченой рыбы, киммериец не переставал разглагольствовать, насколько это можно было сделать с набитым ртом.

— Как жаль, дорогой Кайсс, что отец твой не вынес встречи со мной! Какое для меня было бы счастье, если бы старый добрый Ричендо сидел сейчас вместе с нами, за этим столом. Нам было бы с ним что вспомнить, поверь!.. Когда мы с твоим отцом познакомились, ты был еще маленьким мальчиком, размахивающим деревянной шпагой и резво скачущим на пони. О, разве забуду я тот миг, когда благородный нобиль, чья шея и запястья утопали в кружевах, как руки прачки в пене, чьи пуговицы на камзоле были выточены из рубинов и аметистов, разве забуду я, как

все это драгоценное, кружевное и высокомерное бросилось передо мной на колени и, елозя по палубе, пропитанной кровью верных его слуг, принялось умолять о пощаде!.. Я пощадил его. Я дал ему крепкую шлюпку, бочонок с водой и ящик с солониной и пожелал попутного ветра. Но уже через несколько дней мне пришлось спастись от пяти кораблей с королевскими солдатами, которых твой добрый отец послал на охоту за мной и моими верными ребятами!.. О, он не пожалел золота, твой отец, он всегда был щедр и великодушен... А знаешь, что было первое, что ждало меня пол-луны спустя, когда я высадился на пустынном берегу к югу от Кордавы?.. Стрела! Да-да, стрела, мой мальчик, которую выпустил сидящий в засаде солдат из той же флотилии. Твой добрый отец — да поможет ему Митра подняться на ноги и вернуть розовый цвет на его щеки! — не поленился и не пожалел денег, чтобы выставить оцепление из солдат, тщательно замаскированных под земледельцев и нищих, на довольно протяженной части зингарского побережья. Стрела попала мне в бедро, но, к счастью, она была не отравлена, и мне удалось уйти и тайно перебраться в Аргос.

Уже в Мессантии мне услужливо доложили о той страшной клятве, которую дал твой отец в присутствии многих людей... Он добросовестно пытался выполнить свою клятву. Сдается мне, в его жизни с тех пор не осталось других устремлений и желаний, как только отомстить мне. Верно, малыш? Или я не прав? Или отец твой не тратил свое огромное состояние, снаряжая карательные отряды в погоню за мной? Или он не превратил каждый портовый кабачок на всем протяжении от Пиктских Пустошей до Стигии в место, где в любой миг меня мог ждать нож в спину, предательски пущенный в дело каким-нибудь подкупленным оборванцем... А тот случай в Мессантии, когда главарь местных воров едва не сжег меня вместе с постоялым двором, где я жил, и десятком других постояльцев, оттого, что твой отец обещал щедро заплатить за мои обугленные кости!.. Потом я уехал и не был в этих краях больше десяти лет... Но твой достойный отец не забыл меня! За

корсаром на службе Его Величества уже нельзя было охотиться, как за простым пиратом, но неистощимый ум его искал и находил выходы. К примеру, те две бутылки отравленного вина, которые якобы прислала ко мне в таверну «Девяти Шпаг» одна из влюбленных в меня знатных красоток! В тот вечер по милости твоего доброго отца я лишился двоих своих друзей...

А меч с отравленной рукоятью, якобы переданный мне одной из спасенных мною высоких особ, пожелавшей остаться неизвестной? Первым за его рукоять имел несчастье схватиться семилетний сынишка хозяина гостиницы, в которой все это происходило... А... Впрочем, я вижу, я утомил тебя своими воспоминаниями, дорогой Кайсс! Лицо у тебя такое кислое, словно в кувшине, из которого ты сейчас хорошо отхлебнул, не вино, а уксус. Прости меня за мою крепкую память, за мой не знающий усталости язык! Я многое мог бы еще сказать. Я ведь еще не дошел до наших общих с тобой воспоминаний, мой благородный Кайсс! Ты ведь тоже, переняв от отца его любовь ко мне, сделал немало, чтобы добиться моей ответной любви. Но этого я касаться уже не буду. Хватит! Не разболелись ли у тебя зубы, высокородный Кайсс? Твое благородное и красивое лицо так перекосилось... Нет?.. Я рад за тебя в таком случае.

Когда было выпито и съедено все, что только мог вместить в себя желудок варвара, Конан удовлетворенно откинулся на спинку кресла и ласково подмигнул сыну барона. Тот сидел перед ним, раздавленный и застылый, и лицо его казалось вылепленным из зеленоватой глины.

— Надеюсь, что твой добрый отец поправится, — добродушно зевнув, сказал киммериец. — Думаю, он не простит ни мне, ни себе, если, обретя способность двигаться и говорить, обнаружит, что я не дождался этого момента и покинул его гостеприимный замок. Чтобы этого не случилось, я проживу здесь, любезный Кайсс, несколько дней, может быть, половину луны или больше. Я уверен, твой отец, зная, что я в нетерпении жажду обняться с ним и предаться общим воспоминаниям, восстановит свои силы быстрее...

Каждую ночь Конан плотно задвигал засовом двери отведенной ему комнаты и проверял решетки на окнах. В первый же вечер он тщательно простучал стены и дверцы внушительных шкафов, проверяя, нет ли где потайного входа в его помещение. Хорошо изучив за долгие годы нрав хозяев, он не без оснований опасался, что молодой барон сделает все возможное, чтобы его уничтожить. Как только киммериец выпадал из поля зрения Кайсса, магия близнецов переставала действовать, и хозяин дома начинал выискивать любые способы убийства смертельно оскорбившего его наглеца с пепельным оттенком кожи.

Но Конан был начеку. Несколько раз его будил по ночам шорох и поскрипывание за дверью, и он громко и добродушно осведомлялся, кому это не спится и кто так жаждет его общества посреди ночи. Порой он молча вставал и распахивал дверь, но за ней никого не оказывалось, лишь слышался заглушаемый коврами топот убегающих по коридору ног. Также Конан никогда не ел и не пил в одиночестве, но только в присутствии молодого барона или его матери. (Старый барон по-прежнему не вставал с постели, не мог шевельнуть ни рукой, ни ногой, и только бессвязно мычал.)

Однажды утром, сразу после обильного завтрака, Конан прогуливался по чисто выметенным и чуть ли не вылизанным дорожкам сада. Неожиданно из-за кустов к нему метнулась здоровенная пантера с маслянисто блестящей на солнце короткой шерстью. Киммериец знал, что по ночам в сад выпускают для охраны диких кошек, днем же они крепко заперты в клетке на заднем дворе. Этим утром, видимо, заметив прогуливающегося варвара, Кайсс отдал приказ выпустить пантер. Мгновенно подобравшись, киммериец выхватил из-за пояса меч, с которым никогда не расставался. Зверь мотал хвостом из стороны в сторону, застыл в трех шагах и не сводя с него желтых глаз с резко сузившимися зрачками. Краем глаза Конан заметил еще одну такую же кошку, выжидательно присевшую под деревом шагах в восьми от него. Проклятие! А если их еще больше?.. Помнится, в просторной стальной клетке на зад-

нем дворе утробно рычали, терзая зубами телятину, штуки четыре или пять таких же вороних и блестящих кошечек с прижатыми округлыми ушами и когтями длиной в полпальца... С двумя он еще, может, и справится, но вот четыре или пять — это уже перебор!

Конан знал, что дикие звери очень не любят пристального взгляда в глаза. Поэтому он уставился в узкие щелевидные зрачки, постаравшись собрать всю волю в один пучок. Он почти ощущал этот самый пучок, жесткий до рези, исходящий из-под его напряженных век...

— Спокойно, спокойно, киска, — негромко приговаривал киммериец. — Я ведь не сделал тебе ничего плохого. Иди-ка подбодру-поздорову отсюда и подружек своих уводи...

Выдержать, не моргнув, тяжесть звериного взгляда было непросто. Конан чувствовал, как крупные капли пота бегут у него между лопатками, а виски ломит от волевых усилий. К тому же приходилось не выпускать из поля зрения вторую пантеру, пока, к счастью, не делавшую попыток сдвинуться с места. И еще он чутко прислушивался, ловя каждый шорох в траве и кустах: ведь остальные двое или трое зверей тоже, должно быть, прогуливаются где-то поблизости.

Прошло томительное время, равное пяти-шести вздохам, прежде чем пантера отвела наконец глаза. Судя по всему, магия близнецов на нее не действовала (отчего киммериец испытывал к дикой кошке невольную симпатию), но вот пристальный взгляд жестких и спокойных синих глаз подавил желание прыгнуть и впиться зубами в горло крупной и соблазнительной добычи. По-видимому, в их небольшой группе или семье этот зверь был лидером, поскольку, стоило ей отвернуться и пойти прочь от киммерийца, нервно позевывая и независимо шевеля хвостом, как и вторая кошка потеряла к Конану всяческий интерес и отправилась по своим делам.

* * *

В глубине души Конана веселило и подстегивало странное противоречие, которое составляло суть его обитания в

роскошном замке барона. С одной стороны, гибель — в виде яда, ножа, кинжала, зубов хищников — подстерегала его на каждом шагу, и нельзя было расслабиться ни на миг. Нельзя было даже пить вина вдоволь, и приходилось постоянно ограничивать себя, чтобы сознание оставалось ясным, а руки крепкими.

Даже сон его, обычно глубокий и лишенный сновидений, стал здесь чутким, мгновенно прерывающимся от любого подозрительного шороха. С другой стороны — каждая его дневная причуда выполнялась мгновенно, с раболепной поспешностью. Если за обедом он задумчиво вспоминал, как когда-то в Аргосе ел замечательный паштет из плавников морской рыбы, то за ужином ему подавалось именно такое блюдо. (А если и не совсем такое — за отсутствием поблизости необходимых рыб — то не особо разборчивый в еде киммериец этого не замечал.) Стоило Конану мечтательно вздохнуть, остановившись у висящей на ковре длинной зингарской шпаги, чей эфес из серебра был украшен гладко ограненными рубинами, напоминавшими застывшие капельки крови, скатившиеся со смертельного клинка, — как Кайсс тут же снимал оружие и протягивал гостю. То же случалось, если за трапезой Конан, прищурившись и цокая языком, принимался рассматривать на свет, поворачивая во все стороны, хрустальную чашу аквилонской работы. Комната его постепенно наполнялась изысканными и богатыми подарками.

На пятый день навестить больного отца приехала из Кордавы его замужняя дочь, герцогиня Оттази. То была пышная двадцатипятилетняя матрона с очень белой кожей, которую она вдобавок еще и пудрила мелко истолченным мелом, отчего напоминала умершую от малокровия и только что восставшую из гроба. На ее крохотных губках чаще всего держалось выражение брезгливого недоумения, словно все происходящее вокруг вызывало у нее это чувство, и никакое иное. По-видимому, брат, не питавший к ней особенно нежных чувств, не считавший нужным заранее сообщать о гостящем у них варваре, неведомым путем заставляющем всех вокруг трепетать перед своей персоной. Поэтому зна-

комство с Конаном оказалось для благородной и нежной Оттази сюрпризом.

За вечерней трапезой Конан сел рядом с белолицей красавицей и прожигал ее томными взглядами, отчего бедная женщина не раз поперхнулась и не смогла толком утолить свой аппетит. Недоумение в воловьих глазах с поволокой нарастало, брезгливость же исчезла, и теперь ее яркие губки мелко дрожали...

Конан не сомневался, что этой же ночью испуганная пышнотелая дурочка окажется в его комнате. Так и случилось. Она пришла к нему и робко поцарапалась в дверь, в одной белоснежной — того же цвета, что и щеки, — ночной рубашке, сквозь которую смутно просвечивали соблазнительные формы. От нее разило дорогими духами, с такой силой, словно она умылась ими. От резкого пряного запаха у Конана защипало в носу, а робкие прелести в сочетании с безумным ужасом в глазах и трясущимися руками повергли его в состояние неудержимого хохота. Отсмеявшись, Конан похлопал дрожащую красотку по пышному плечу и вежливо выпроводил. В качестве компенсации за неудавшееся свидание он вручил ей один из хрустальных бокалов, не глядя взяв его из груды подарков, наваленных на полу.

* * *

Почему-то эта испуганная гусыня явилась последней каплей. Закрыв за ней дверь и задвинув засов, Конан со всего размаха бросился на свое ложе с бесчисленным количеством атласных подушек. Беспечное веселье сменилось горечью. Проклятие! Неужели теперь всегда женщины будут отдаваться ему, трясаясь от страха и проглотив язык?! Неужели его удел отныне — полумертвые от ужаса ледышки, которые в другое время, не видя его и выйдя из-под воздействия магии, будут строить и приводить в действие разнообразные планы его убийства? Вместе с братьями своими и мужьями... Хорошенький же подарок сделали ему веселые сестрички, ничего не скажешь! Что они там говорили про три года? Три года! Целых три года перед ним будут лебезить его враги, будут отдаваться лишь от ужаса

женщины, а приятели и друзья — что самое отвратительное — превратятся в подобострастных и покорных идиотов, каким стал Гарриго. Горделивый, горячий, беспечный и безрассудный старина Гарриго!..

Правда, подарок этот, эта пепельная — Нергал ее победи! — кожа на скулах многое может ему дать. Очень многое... Груда изящных безделушек на ковре — лишь ничтожная часть того, что может он получить, пользуясь внушаемым всем вокруг беспредельным страхом. О, он может стать богат, очень богат! Он может превзойти богатством самого Ричендо. (А интересно, подарит ли ему юный Кайсс отцовский замок со всем, что там есть, если Конан прищурится и поцокает языком, глядя на огромное и приземистое каменное строение с барельефами львиных голов над каждым окном?..)

Но разве только богатство может принести ему дар близнецов? Конечно же нет! Обладая способностью наводить на всех, видящих его, панический страх, Конан может стать великим полководцем. Армия, во главе которой он встанет, не будет знать поражений. Вооруженные до зубов войска неприятеля будут обращаться в бегство при одном его приближении. Можно будет завоевать все соседние государства: Аргос, Аквилонию, Немедию... Можно будет завоевать полмира... да что там — целый мир! Вопрос лишь во времени.

Впрочем, к услугам Конана будут лучшие мировые целители, и уж они-то, общими усилиями, сумеют продлить ему жизнь. Он проживет двести, нет, триста лет и не только завоюет весь мир, но и установит везде самые справедливые и мудрые законы. Он будет величайшим правителем со дня гибели Атлантиды! Близнецы говорили, что подарок будет действовать в течение всего трех лет, но и три года — огромный срок, если есть ясная цель, море энергии для ее достижения и трезвая голова!.. Он, Конан, успеет стать за три года величайшим из королей, а затем, когда действие пепельной мази кончится, люди будут испытывать к нему страх и благоговение уже в силу привычки, в силу величия сана, им достигнутого...

Правда, целых три года придется ему жить с привкусом отвращения. И на душе у него будет смутно и тошно, ибо не останется у него больше друзей — одни пугливые и раболепные тени вокруг, сгибающиеся в поклонах до самой земли. Не очарует его и не взволнует больше женская красота, ибо все женщины, и прелестные, и дурнушки, будут бледнеть при виде его и раздеваться поспешно, стуча зубами... И не будет у него больше достойных противников, с которыми можно ударить мечом по мечу и славно помериться силами, и побродить, напряженно и весело сверля глазами друг друга, по самому краешку гибели...

Ни врагов, ни друзей, ни преданных женщин. Только рабы, рабы, рабы... Но во имя мирового господства, наверное, можно перетерпеть это, стиснув зубы и загнав все чувства куда-нибудь поглубже, сжав их в комок?..

Глава десятая

На следующий день Конан покинул замок Ричендо и вернулся в Кордаву. Он уехал ранним утром, не дожидаясь завтрака и не сообщив никому радостной вести о своем поспешном отъезде. Решение это было принято им импульсивно. Проснувшись и открыв глаза, он подумал, что сейчас снова увидит болезненно-ненавидящую и рабски-преданную физиономию молодого хозяина, что возле него будет дрожать и вздыхать дородная матрона с глупейшим выражением на надменно-испуганном лице, что любая, самая абсурдная и издевательская его просьба будет исполняться со всех ног... и мысль эта наполнила его таким отвращением, что, пренебрегая голодом, он поспешил оседлать своего жеребца и всадить в крутые бока его шпоры. Из всех подарков, бесформенной грудой валяющихся на ковре, он взял с собой только легкие и прочные серебряные ножны, взамен своих, давно истертых и потускневших от частого употребления меча.

Столицы он достиг быстро, и эта быстрота несколько обескуражила его. Что делать дальше, куда направить копыта своего жеребца? Под своды гостеприимного и унылого особняка Гарриго? Но встречаться с измученным, сломленным и трепещущим перед ним герцогом ему хотелось не намного больше, чем с Ричендо и Кайссом... Раздумья Конана прервали голодные спазмы в желудке, ощутимо напомнившие ему, что последний раз он ел накануне вечером. Конан направил коня к базарной площади, где наде-

ялся купить себе прямо с жаровни горячее мясо с приправой из овощей. Медленно прокладывая себе путь в толпе, каждое утро обильно заполнявшей площадь и прилегающие к ней улицы, киммериец неожиданно натянул поводья и заставил жеребца остановиться. Только через некоторое время он сообразил, почему так сделал. Шагах в пяти от него, прислонясь спиной к стене дома, сидел оборванный и грязный вендийский фокусник. Щеки и скулы его были темны, как ночи его родины. Неясно было, то ли это природный цвет его кожи, то ли такими их сделал густой слой пыли странствий.

Блестящие, словно намазанные маслом, смоляные волосы падали на лоб и плечи и были ненамного темнее лица. На макушке красовался тюрбан, когда-то, очевидно, бывший белым, теперь же потерявший всякое подобие цвета.

К губам оборванец прижимал длинную дудку из красного дерева и извлекал из нее незатейливую мелодию, полуприкрыв веки и шевеля в такт пальцами ног, вылезавшими из дыр в ветхой обуви. Между его ступнями стоял высокий кувшин с узким горлышком и облупившейся голубой эмалью на округлых боках. Из горлышка вытянулась на высоту локтя змея, плавно покачивавшаяся из стороны в сторону в такт мелодии. Судя по раздувшемуся клобуку на шее, то была кобра, хотя и очень необычной для кобры окраски: темно-синяя, с четким черным узором вдоль спины.

Конан спешил и, держа коня в поводу, подошел вплотную к самозабвенному музыканту. Не змея поразила его — подобных чудес он успел уже навидаться прежде, — но мелодия. Музыка, под которую танцевала кобра, показалась ему странно тревожащей и очень знакомой. Где он мог ее слышать? Отчего так томит сердце этот чуть заунывный мотив? Почему кровь его заструилась в жилах быстрее обычного?..

Внезапно он вспомнил. Мелодию эту не раз наигрывал Шумри — его спутник и побратим, с которым около десяти лет назад они совершили долгое путешествие к берегам Южного океана. Многие из того, что произошло с ними в

пути, навечно врезалось в память. Бродяга Шумри! Непутевый отпрыск знатного немедийского рода, ненавидящий оружие и кровь, полная его противоположность и одновременно — один из самых близких людей, когда-либо встреченных Конаном в его бурной и яркой жизни...

Вендиец кончил играть, опустил от губ дудку и открыл глаза. Они были отрешенными и мечтательными. Казалось, перистые облака скользят в них, затуманивая то и дело зрачки. Змея, покачивавшись какое-то время в тишине, скользнула в кувшин, который фокусник тут же закрыл круглой крышкой.

Из толпы сгрудившихся возле него зрителей к ногам в рваных сандалиях полетело несколько медных монет. Не обращая внимания на звонкие кружочки, музыкант обвел всех туманным и словно грезящим наяву взглядом и неожиданно спросил:

— Скажите-ка, добрые люди, зингарцы и чужеземцы, не встречал ли кто-нибудь из вас человека по имени Конан, богатыря и воина из далекой Киммерии?

Конану показалось, что он ослышался. Слишком невероятно было услышать свое имя из уст незнакомого бродяги, уроженца далекой Вендии. Музыкант повторил свой вопрос. Тогда, шагнув вперед и громко выдохнув, киммериец ответил:

— Я. Я знаю этого человека, воина из Киммерии, Конан-варвара.

Вендиец оживился. Поманив к себе поближе киммерийца черным и грязным пальцем, он одновременно сделал знак окружающим, что фокусов и музыки больше не будет и почтенная публика может расходиться.

— Где ты его встречал, и не знаешь ли ты, в каком месте этот самый Конан пребывает сейчас? — спросил оборванец, лишь только варвар присел рядом с ним на сомнительной чистоты подстилку, предварительно отодвинув кувшин со змеей в сторону.

Как ни странно, в глазах его не было страха, к которому так привык Конан за последние дни. Возможно, причиной этому был мечтательный туман, застилавший зрачки и не

дававший возможности рассмотреть как следует того, кто находится возле.

— Если ты скажешь мне, кто поручил задавать тебе такие вопросы, я, так и быть, отвечу, — сказал Конан.

— Охотно скажу! — добродушно кивнул оборванец. — Меня попросил об этом его давний приятель, с которым они не виделись много лет. Приятель этот долгое время путешествовал вместе с женой по морям и океанам, не задерживаясь подолгу ни в одном месте. Но вот уже два года, как странствия его окончились. Теперь он живет с женой и двумя детьми в Зингаре, не особенно далеко отсюда.

— И приятеля этого зовут Шумри! — воскликнул радостно Конан.

— Его зовут Кельберг, — поправил его музыкант. — Жену его зовут Илоис. Детей же, извини, не помню.

— Ну, да, Кельберг, это одно и то же! — Конан расхохотался и от избытка чувств потряс доброго вестника за плечо, чуть не разорвав и без того ветхую одежду. — И что же этот старый бродяга просил передать мне?..

— Тебе?..

— Ну да! Ведь я и есть тот самый Конан-киммериец. И если ты взглянешь на меня повнимательней, ты бесспорно меня узнаешь. Ведь Шумри, конечно же, назвал тебе мои основные приметы, из-за которых меня трудно с кем-нибудь перепутать!

— Да-да, назвал. — Вендиец взгляделся в своего собеседника. — Пожалуй, это и вправду ты, богатырь-Конан, воитель-Конан, Конан, повергающий в прах всех своих врагов...

По мере того как он всматривался в радостные черты варвара, туман в его глазах рассеивался, облака исчезли, а в расширившихся зрачках поселился страх. Тот самый, хорошо знакомый, обреченный страх, при виде которого киммерийцу захотелось хорошо выругаться.

— Клянусь Кромом! Я не съем тебя! Прекрати трястись, как затравленный собаками заяц! — взревел варвар.

Как и следовало ожидать, взрыв этот не успокоил вендийца, но вверг в еще большую панику.

— Да-да, Конан-воитель, конечно, — залепетал мечтательный музыкант. — Ваш друг Кельберг просил передать, если я где-нибудь и когда-нибудь вас встречу, что он окончил свои странствия. Теперь он оседлый человек, и у него есть свой дом, вернее, небольшой домишко в нескольких днях пути отсюда, на острове на реке Громовой, там, где впадает в нее река Ширка, вы без труда найдете, а если не найдете, спросите у местных жителей, его там хорошо знают, он вас очень ждет к себе в гости, очень-очень ждет, а мне пора, безмерно рад знакомству с вами, но мне надо торопиться... — Затравленный лепет его превратился в скороговорку.

Быстрые, как и язык его, руки в это время скатали подстилку, выдернув ее предварительно из-под киммерийца (при этом несчастный побледнел, должно быть, от ужасного предположения, что Конана жест этот может разгневать), затем, зажав под мышкой дудку и голубой кувшин, вендиец рванулся прочь, намереваясь как можно скорее затеряться в базарной толпе.

— Эй, погоди, приятель! — Конан ухватил его за плечо.

Музыкант зажмурился и присел под его рукой, ожидая чего-то невыносимо страшного. Пальцы его так тряслись, что случайно (а может, и не совсем случайно) сорвали круглую крышечку с горлышка кувшина. Синяя кобра тут же высунулась наружу и угрожающе раздула свой клубок. Конан отдернул руку и подался назад.

— Осади-ка свою подружку, — сказал он как мог спокойно. — Прикрой ее крышкой. Вот так... — Он внимательно следил, чтобы дрожащие пальцы как следует закупорили сосуд с рассерженной гадиной. — Я всего лишь хотел задать тебе несколько вопросов. Я не видел своего старого друга Кельберга десять лет и хотел бы услышать о нем хотя бы на два слова больше. Как он теперь? Каким путем оказался на острове? Счастлив ли он? Каким ветром занесло к нему на остров тебя, и отчего ему пришла такая замечательная идея: поручить тебе расспрашивать обо мне всех встречных?..

Вендиец вздохнул, затравленно огляделся вокруг и снова опустился на землю, уже без подстилки. Кувшин с коб-

рой он прижимал обеими ладонями к груди, словно черпая силы от близости своей опасной подружки. Конан присел рядом и ободряюще похлопал его по спине, отчего несчастный дернулся и снова зажмурился.

— Хорошо,— покорно сказал он, не открывая глаз и отворачиваясь, чтобы не взглянуть ненароком в страшное лицо с пепельным оттенком кожи.— Я расскажу все, что ты хочешь услышать. Только не наклоняйся ко мне так близко и, умоляю тебя, не касайся меня, ибо твоё дыхание леденит, а дружеские шлепки вколачивают в землю.

Конан отодвинулся, однако зорко следил, чтобы вендиец не вскочил и не растворился в толпе.

— Я шел из Аквилонии в Зингару вдоль правого берега реки Ширки,— начал музыкант.— В селениях, встречавшихся мне на пути, я давал свои представления, и хотя народ там небогатый, и денег мне никто не бросал, но зато меня кормили, а женщины чинили порвавшуюся одежду. Больше мне, впрочем, было и не нужно... Около трех лун назад я остановился в небольшой деревушке, расположенной в месте, где Ширка впадает в реку Громовую. Вечером, совершая свои ритуальные омовения в водах реки, я услышал прекрасную незнакомую музыку. Она доносилась со стороны скалистого острова локтях в пятистах впереди меня. Звуки были отчетливые и завораживающие. Прежде я никогда такого не слышал. Казалось, играют сами камни, сами деревья, сама река... Конечно же, я расспросил местных жителей. Они поведали мне, что играет один чужак и странник, года два назад поселившийся на острове вместе с женой и двумя детьми. Они были так любезны, что одолжили мне лодку и подсказали, как отыскать узкую тропинку в скалах. По ней я прошел сквозь заслон неприступных камней в зеленую плодоносящую долину, где стоит скромная хижина музыканта и его семьи. В этой долине я провел несколько поистине чудесных дней. Кельберг и его жена приняли меня с таким радушием, словно я был их старым другом. Дети их, чьих имен, к сожалению, я не помню, подружались с моей Чейей.— Вендиец ласково провел ладонью по изгибу голубого кувшина.— Надо сказать, ни один

человек, кроме них, не осмеливался когда-либо гладить Чейю, кормить ее с рук и носить на шее, подобно живому синему ожерелью. Расставаясь с ней, они плакали. Многим прекрасным мелодиям научила меня лютня Кельберга... Мне жаль было покидать их. На прощанье Кельберг попросил меня, где бы я ни был, спрашивать у своих зрителей, не знают ли они Конана-киммерийца, что я и делаю в благодарность за добрые дни в его доме. Он просил передать, что ждет своего друга и побратима Конана в любое время. Если ему тяжело, если сумрачно, если светло и радостно и не с кем разделить эту радость... Вот, теперь я сказал все.

Вендиец умолк.

— Спасибо тебе! — подымаясь и вскакивая на коня, сказал Конан. Он вытащил, не глядя, несколько золотых монет и бросил под ноги вендийцу, по-прежнему не открывавшему глаз.— Ты поистине добрый вестник! Открой же глаза наконец! Ты увидишь сейчас кое-что повеселее моей физиономии...

Тронув поводья, Конан выбрался из базарной толпы и поскакал по кордавским улицам. Радость переполняла его. Кельберг, он же Шумри, где-то неподалеку отсюда, и он хочет видеть своего старого спутника и побратима! До места слияния Ширки и Громовой он доберется всего за несколько дней. Всего через несколько дней он обнимется со старым бродягой Шумри, наговорится с ним, изоьет душу, утонет в воспоминаниях. Всего через несколько дней он встретится с нормальным человеком, живым, смеющимся, теплым, верным!..

Проклятие! Конан так резко натянул поводья, что жеребец его поднялся на дыбы и хрипло заржал. Чтоб ему провалиться в глотку Нергала! Должно быть, Нергал хохочет сейчас над ним, а может, и старина Кром кривит в усмешке губы... Как он мог забыть! Как он мог напрочь забыть о своей зловещей пепельной коже...

Конан заскрипел зубами и хлестнул ни в чем не повинное животное плетью. Жеребец завертелся на месте, еще раз заржал и понесся прочь. Редкие прохожие едва успевали освободить дорогу забесившемуся — как, должно быть, казалось со стороны — всаднику. Конан скакал сломя голову, выбирая, правда, наиболее безлюдные улицы и переулки. Как

же, раз мечтался! Обнимет друга, вспомнит о былом, наговорится... Разве Шумри не такой человек, как все — пусть и мудрее, и понятливее всех прочих — разве на него не подействует магия близнецов?! Стоит только представить, что в знакомых круглых глазах при виде его, Конана, заплещется тоскливый страх, в движениях засквозит угодливость, в голосе — лживые, льстивые ноты... Нет! Даже представить это выше его сил. А уж каково будет вынести это в реальности...

Конан успокоился так же резко, как и взъярился. Натянув поводья, он перевел скакуна с карьера на рысь, а затем на шаг и огляделся по сторонам. Он был уже за пределами Кордавы, незаметно для себя проскочив сквозь городские ворота, и вокруг простирались поля и огороды селян. Дорога, по которой шагал его конь, волею судьбы оказалась ведущей на юг. Если ехать по ней дальше, все время выбирая самый южный путь из всех возможных, то через три дня упрушься в живую изгородь, за которой виднеется обветшалый, заросший плющом под самую крышу дом чудаковатого звездочета. И веселых его дочерей... Воистину, это знак судьбы, и достаточно явно читаемый!

Конан снова прищипорил жеребца, но уже не в ярости, а в нетерпении. Если давать себе и коню лишь короткий ночной отдых, а еще лучше — себе отдыха не давать, коней же менять на придорожных постоянных дворах, то до Майгуса можно будет добраться и за два дня, и за полтора. Добраться и поскорее смыть въевшееся в кожу колдовское снадобье. Снять заклятие. Перестать чувствовать себя изгоем, прокаженным, от которого шарахаются все вокруг. Правда, сняв заклятие, он лишит себя возможности в ближайшие три года достичь всех мыслимых и немыслимых высот величия, богатства и славы. Ну и пусть! Величия и славы он все равно достигнет рано или поздно — залогом тому великие силы, кипящие в его сердце. Залогом тому — его звезда, яркая и высокая, свет которой он хорошо ощущает над своей головой. Он достигнет — но без помощи магии, тошнотворной и унижительной.

Глава одиннадцатая

Дверь неказистого, мохнатого от плюща дома, как и в первый раз, оказалась незапертой. Прежде всего Конан ринулся в комнату близнецов, но сестер там не оказалось. Знакомый хрустальный шар поблескивал под потолком, ловя и преломляя солнечные лучи из окна. При дневном свете комната не казалась таинственной, но выглядела уютной и радостной, несмотря на царивший в ней беспорядок. Множество солнечных зайчиков, подрагивающих, как живые, перепрыгивали со стен на потолок и обратно.

В поисках сестер Конан прошелся по всему дому, открывая каждую дверь на своем пути. Лишь за одной из них ему почудились звуки и шевеление. Войдя внутрь, киммериец увидел что-то распростертое на кровати, укрытое толстым одеялом. При более внимательном рассмотрении это «что-то» оказалось Майгусом. Хозяин дома имел теперь лицо не желтое, но оливково-бледное, пухлые прежде щеки бесследно исчезли, а подбородок стал еще меньше. В черных глазах застыла тоска. При виде киммерийца он ничуть не удивился, но лишь горько поморщился и пожевал губами.

— Рад приветствовать тебя, почтенный Майгус! — поздоровался с ним Конан. — Не пугайся, я не привез тебе новых заданий. Я и вообще приехал в этот раз не к тебе, но к твоим очаровательным дочкам. Не скажешь ли ты, где я могу их найти?

Майгус махнул рукой в направлении окна и снова пожевал губами.

— У тебя пропал голос? — участливо поинтересовался киммериец. — Да и вообще твой вид говорит о нездоровье. Никогда бы не подумал, что звездочеты тоже могут болеть, как и простые смертные! Надеюсь, это ненадолго. Чуть не забыл! Я передал все твои наставления Зингелле, я даже сам проводил ее до городских ворот и указал самый короткий путь к тебе. Но, лишь только я оставил ее, она вернулась домой, к отцу. Должно быть, полностью потерять себя — страшнее, чем сгореть от удара молнии.

На этот раз Майгусу удалось извлечь из себя звуки.

— Да, — слабо проскрипел он. — Потерять себя страшнее. Сгореть — это пустяк, это быстро: вспыхнул и все! Теряешь же себя на веки вечные... Но я очень прошу тебя, киммериец: оставь меня. У меня нет сейчас сил на долгие беседы с тобой... Мои дочери — пусть будет им Митра судьей! — в саду... Ты без труда найдешь их...

* * *

Конан и впрямь не потратил много времени на поиски близнецов, увидев их сразу же, как завернул за угол дома.

— Вот так неожиданный гости! Ты только посмотри, Сэтлл! Разве мы плохо объяснили тебе, что второй раз навещать нас с сестрой не следует? Ты не понял нас, киммериец?.. — Такими словами встретила вместо приветствия Иглл усталого и вымотавшегося до предела после двухдневной скачки Конана.

Она сидела в гамаке, откинув назад голову с короткими, блестящими на солнце волосами, а Сэтлл, стоя позади, раскачивала гамак, улыбаясь Конану намного мягче и приветливее, чем сестра.

— Не набрасывайся на него, сестра, так сразу, но прежде выслушай! Быть может, у него есть уважительный повод увидаться с нами снова, — заметила Сэтлл.

— О, повод у меня более чем уважительный! — воскликнул киммериец. — Я пришел просить вас забрать об-

ратно ваш замечательный подарок. Что-то я утомился от него за эти несколько дней!

— Забрать назад наш подарок? — поразились Иглл. Ее ледяные глаза загорелись потрясенно и негодующе. — Но это невозможно, Конан! Это немыслимо. Как только язык твой повернулся произнести столь чудовищные слова?.. Ты ничего не понимаешь в магии! Чтобы снять заклятие, требуется не меньше сил и умения, чем для его наложения. А уж тем более, заклятие того рода, каким мы одарили тебя.

— Вы верно сказали: в магии я не разбираюсь. И не желаю в ней разбираться, порази меня Кром! Но одно я знаю твердо: если что-то дано, значит, это что-то может быть и отобрано. Если меня чем-то намазали, значит, это что-то можно смыть. Если были нашептаны какие-то колдовские слова, значит, найдутся другие слова, посильнее первых.

— О, все не так просто! — покачала головой Иглл. Сэтлл перестала раскачивать гамак и присела рядом с сестрой. — Скажи, ты виделся с нашим отцом, прежде чем пройти в сад?

Конан кивнул.

— Он показался мне не совсем здоровым, — сказал он. — И постаревшим лет на пятнадцать. Клянусь Кромом, не иначе как вы довели его!

— Наш отец действительно тяжело заболел. — Иглл вздохнула и потупила глаза. — И причиной этого — ты правильно догадался — мы с сестрой. Как ни грустно и как ни стыдно это признавать. Дело в том, что мазь, которой натерли мы твою кожу в прощальный вечер, мы с сестрой тайком похитили из заветного ларчика отца. Конечно, он его запирает, но для нас открыть любой замок, даже самый сложный, не проблема. Должно быть, мы слишком увлеклись тобой, киммериец. Слишком заигрались с тобой, могучий гость, а это никогда не приводит к добру. К тому же в ту ночь не только ты поддался веселым чарам вина, но и мы тоже. Мы потеряли головы и так щедро намазали тебя магической мазью, что израсходовали ее почти всю. Осталось чуть-чуть, на самом доньшке.

— Наш бедный отец,— продолжила ее рассказ Сэтл, грустно и нежно покачивая головой,— на следующее же утро заметил нанесенный ему великий ущерб. Чтобы понять всю величину его отчаяния, надо тебе знать, киммериец, чем именно мы так безрассудно и щедро одарили тебя, обездолив собственного отца. Мазь, благодаря действию которой в течение трех лет человек обретает способность внушать всем вокруг непреодолимый страх, называется Чашей Бессмертия. Нашему отцу она досталась от его отца, а тому, в свою очередь, от его родителя, нашего прадеда. Прадед наш был настоящим чернокнижником. Это магическое снадобье он изготовлял в течение всей жизни. Главный его компонент — перемешанный пепел сожженных заживо сорока колдунов. Всю жизнь наш прадед раз в неделю отправлялся на казнь, совершаемую возле тюрьмы, на площади Правосудия в Мессантии. Если в этот день казнили на костре чернокнижника, то был праздник для него. За большие деньги он покупал у палача право в ночь после казни рыться в остатках костра, добывая вожделенный пепел.

Помимо этого он тщательно наводил справки, действительно ли сожженный был магом и вступал в отношения с демонами и нечистыми духами. Не секрет, что довольно часто сжигали на кострах невинных людей, ничего общего с занятиями магией не имеющих. Несчастные становились жертвой клеветы своих врагов или своих соседей, но палач, объявляя преступление казнимого, громогласно объявлял его злокозненным колдуном. Прадед не имел права на ошибку: если среди сорока останков хотя бы один принадлежал далекому от магии человеку, мазь не имела бы силы. Но нужно было не только перемешать в равных пропорциях пепел и связать его между собой маслом из корней дигадорры, растущей высоко в горах и, по преданию, выросшей из упавших на землю капель слюны злобного Нергала. Нужно было еще каждое полнолуние в течение десяти лет склоняться над свинцовым флаконом, где хранилась мазь (свинец, металл урюкого Сатурна, пригоден для этой цели более других материалов), шептать заклинание, и не просто

шептать, но вкладывать в магические слова всю свою волю, все желание.

Должно быть, ты знаешь, киммериец, что самое главное в талисманах, амулетах и прочих вещах силы — это воля изготовившего их мага. Если воля недостаточно сильна, если напор желания не слишком мощен — талисман работать не будет. Таким образом, наш целеустремленный и упорный прадед всю жизнь работал над изготовлением этой мази. Наш отец хранил ее всю жизнь в своем ларце и не использовал ни крупинки. Он берег ее для нас, желая предохранить от смертельно опасных дней, грозящих нам в будущем, после его смерти.

— Не нам, а мне,— поправила ее Иггл.— Наш отец, хотя и является самым опытным и мудрым астрологом на свете и отлично знает, что рок обмануть нельзя, но, когда дело касается нас с сестрой — мудрость и рассудительность отказывают ему во имя безумной надежды... Но дело не в этом. Ты видишь теперь, насколько ценно то зелье, которое мы так безрассудно потратили на тебя. Неужели ты будешь продолжать настаивать, чтобы мы забрали свой дар назад, чтобы все усилия нашего прадеда, чтобы болезнь и отчаяние нашего отца — все было напрасно?..

— Я очень сочувствую вашему отцу,— сказал Конан (и сказал искренне).— Правда, мало-мальски сообразительный человек догадался бы прятать свои магические безделушки там, где их не смогут найти любимые дочки. Еще больше я сочувствую вашему прадедушке, которому пришлось так долго рыться в смердящей золе площадных костров. Но при чем тут я? Разве я просил обмазывать меня с ног до головы этой пепельной дрянью, от которой все нормальные люди стали шарахаться от меня, словно от чумы?.. Насколько я помню, вы напоили меня до того, что я не смог шевельнуть ни ногой, ни рукой, и проделали всю эту процедуру без моего согласия.

— Да, мы не спрашивали твоего согласия,— кивнула Сэтл и терпеливо вздохнула.— Видишь ли, мы очень хотели, чтобы получился сюририз. Чтобы для тебя это было неожиданно, удивительно и весело.

— Ты показался нам умным и предприимчивым человеком, — добавила Иглл. — Таким, который сумел бы распорядиться этим бесценным даром. Что из того, что в течение трех лет все шарахались бы от тебя, как от прокаженного, и трепетали, как при виде самого Нергала? Зато ты смог бы стать великим и знаменитым человеком. Ты смог бы стать королем.

— Я стану королем и без ваших тошнотворных мазей, — спокойно заметил Конан. — Впрочем, язык мой пересох от спора. Сделайте поскорее то, о чем я прошу вас. Пока еще прошу, — добавил он с многозначительной интонацией в голосе. — А затем можете продолжать раскачиваться в гамаке и нежно любоваться друг другом. Клянусь, я уйду, как только моя кожа примет свой нормальный оттенок, и больше никогда не потревожу вас.

Сестры переглянулись. Взоры их были долгими и глубокомысленными.

— Он не понимает, Сэтлл, — холодно-грустно заметила Иглл.

— Не понимает, Иглл, — кротко вздохнула Сэтлл.

— Что ж, — Иглл откинулась в гамаке с изнеможенным видом, словно силы оставили ее после изнурительных объяснений с тупоголовым варваром. — Я постараюсь объяснить ему еще раз. Так, чтобы он понял. Для снятия действия Чаши Бессмертия, милый мой Конан, нужно совершить не меньше усилий, чем требовалось для ее изготовления. Таков один из основных законов магии, упрямый и неблагодарный киммериец. Поскольку тебе нужно, чтобы заклятие было снято, ты и должен потрудиться над этим. Прежде всего, неразумный варвар с Севера, ты должен добыть волосы сорока девственниц. Длина их должна быть не менее одного локтя и срезаны они должны быть у самой головы.

Если среди сорока хотя бы одна обманет тебя и окажется не девственной, ничего не получится. Добыв волосы, ты должен будешь сплести из них прочную веревку длиной в сорок локтей. Сплетая ее, при каждом движении пальцев ты должен повторять магическое заклинание, которое мы

тебе скажем. Этой веревкой ты должен будешь обмотаться вокруг себя восемь раз, когда мы приступим к снятию заклятия. Но это еще не все! Одной веревки из волос девственниц мало. Ты должен пойти на кладбище ровно в три часа ночи и разрыть три могилы. Могила младенца, не достигшего двух лет, могила старика, перешагнувшего столетний рубеж, и могилу...

— Довольно! — Конан решительно рубанул рукой воздух перед лицами сестричек. — Про разрытые могилы я выслушивать не намерен! Хватит с меня и сорока девственниц.

Круто развернувшись, киммериец большими шагами устремился в дом. Некрасивая служанка выронила поднос с обедом, который несла больному Майгусу, — так сильно Конан хлопнул входной дверью. Не обращая на ее охи и причитания никакого внимания, он прошел вдоль галереи, рывком открывая каждую дверь. А вот и то, что ему нужно! Оружейная, где в первый день его прошлого пребывания здесь Иглл так вдохновенно рассказывала ему о развешанных по стенам великолепных смертельных игрушках... Конан снял со стены меч — тот самый, грозный и древний меч, меч-божество, которому приносились человеческие жертвы в древней Гиперборее и вокруг которого, как вокруг алтаря, кружились перед битвой в неистовой, разогревающей кровь пляске северные воины. Варвар сжал серебряную рукоять, наслаждаясь тем, как удобно и прочно вошло оружие в его правую ладонь. Словно спохватившись, Конан похлопал левой рукой по рукояти собственного меча, как всегда висевшего у него за поясом.

— Не обижайся, братишка, — пробормотал он. — Я не предал тебя. Этот древний красавец нужен мне совсем ненадолго.

Подумав, Конан снял со стены еще и секиру с блестящим, хорошо наточенным лезвием и взял ее в левую руку.

— Хотя это и женское оружие, как убеждала меня малышка Иглл, но в моей руке, я думаю, штука эта будет не менее хороша и послушна, чем в руках бешеных амазонок...

Выйдя из дома, Конан оглянулся по сторонам с видом грозным и непреклонным, словно воин перед поединком с могучим врагом. Меч одновременно и тяжелил руку, оттягивая ее вниз, и наполнял тело удивительной легкостью и искрящейся силой. Киммериец вспомнил слова Иггль о замечательном оружии: владеющий им, служит ему, являясь послушным исполнителем высшей его воли.

Он усмехнулся.

— Посмотрим, кто кому послужит на этот раз! А ну-ка, грозное божество, поведай мне свою волю. Посоветуй, с чего начать! Что-то моя ладонь невыносимо чешется... Я уверен, тебе так же противно это магическое гнездышко, как и мне.

На глаза ему попался плющ, облепивший фасад дома. Он давно уже раздражал его своей густотой, какой-то наглой жизненностью и багровым оттенком листьев. Тремя взмахами секиры Конан перерубил стебли у основания. Растение с укоризненным шорохом сползло вниз по стене, образовав у ног его большой бесформенный ворох. Впрочем, лучше бы оно оставалось на своем месте: кусок стены, заслоненный прежде густой листвой, оказался еще более обшарпанным и жалким, чем части дома, открытые для обозрения.

— Не уверен, правильно ли я начал... Такую рухлядь даже громить противно. Шепни-ка мне свою волю погромче, чтобы не было ошибки!

Меч, который пока бездействовал в его руке, тихонько вибрировал со звенящим звуком, но какова именно его высшая воля, разобрать было непросто.

Широко размахнувшись, Конан ударил той же секирой по прекрасному витражу из аквилонских стекол на высоком окне. Он успел вовремя отскочить в сторону, иначе посыпавшиеся вниз крупные и мелкие осколки могли бы серьезно поранить его не защищенную ничем голову и шею. Конан хотел точно так же расправиться со вторым окном, но его остановили испуганные крики за спиной.

— Во имя Митры! Что ты делаешь, варвар?! — кричали ошеломленные и испуганные сестры, прибежавшие на звук разбиваемого стекла.

Они держались за руки, словно два ребенка. Насмешливость, ирония, спесь — все бесследно исчезло с побледневших и вытянувшихся лиц.

— Что я делаю? — весело переспросил варвар, обернувшись к ним. — Разве вы не видите? Я собираюсь разнести к Нергалу все ваше змеиное гнездышко! Вы что-то имеете против? Как только от этого проклятого дома останутся одни развалины, я сделаю знаете что?.. Вот этим славным мечом, — он потряс сияющим на солнце и трепещущим в его руке, словно огромная живая рыба, лезвием, — вот этим древним божеством, чью волю я сейчас послушно исполняю, я отрежу ваши черные гривы и сплету из них веревку.

К сожалению, вас трудно назвать девственницами, да и веревка получится короткой, но тем не менее она будет прочной, уверяю вас. Затем каждая из вас, как маленькая напакостившая девочка, получит сорок ударов этой веревкой пониже спины. Сорок — ваше любимое число, не так ли?.. Вашего больного отца я, так и быть, не трону. Хотя и следовало бы: за то, что мало порол в детстве своих игривых дочурок, своих выдумщиц, и мне теперь приходится наверстывать! Что, побледнели?.. Зовите слуг — я подожду, пока все они не сбегутся на вашу защиту! Не забывайте только, что пепельная грязь на моей коже, которую вы отказались смыть, обратит ваших слуг и стражников в трепещущих зайцев!..

Конан ожидал всего чего угодно: гнева, негодования, возмущенных воплей, слез раскаянья, униженных просьб о пощаде. Но только не того, что случилось на самом деле. Молча переглянувшись, сестры неожиданно расхохотались. Они смеялись искренне, раскованно, самозабвенно, то и дело взглядывая друг на друга и с каждым взглядом взрываясь еще более буйным и звонким хохотом.

Киммериец ошеломленно опустил секиру и приоткрыл рот. Он пытался понять, не истерический ли это смех, не безумные ли вопли двух одновременно сошедших с ума — и без того зыбкого — изнеженных и избалованных чудачек. Но нет, смех был настоящим. Не наигранное, но ис-

креннее веселье звучало в нем. Грозный меч притих и замер в его руке.

— Ну хватит, хватит,— растерянно пробормотал варвар.— Прекратите же! Чем я мог так обрадовать вас? Вас безумно развеселила возможность получить по сорок ударов собственными волосами? Или вы радуетесь, что ваш облезлый домишко превратится наконец в груды развалин?.. Прекратите же трястись, как припадочные!

Не сразу, но в конце концов сестры успокоились. Вытирая заслезившиеся глаза и переводя дыхание, они знаками дали понять Конану, что хотят помолчать немного, ибо дошли до полного изнеможения. Киммериец нетерпеливо сплюнул и всадил со всего размаха блестящее острие секиры в доски крыльца. Меч же он взял двумя ладонями и прижал рукоять к груди.

Наконец Иггл нашла в себе силы заговорить.

— Не сердись на нас, грозный варвар! Мы часто смеемся с Сэтлл, мы очень часто смеемся, и порой для этого не нужно бывает даже повода. Но сейчас повод для смеха был и, поверь мне, достаточный! Если б ты мог увидеть себя со стороны! Ты был так грозен, так величествен и вместе с тем так... за... за...— Иггл чуть было не расхохоталась снова (и Сэтлл с готовностью прыснула за ее спиной), но сдержалась невероятным усилием воли и лишь поперхнулась и откашлялась,— так забавен, что мы никак не могли удержаться!.. Нам безумно жаль старый плющ, прикрывавший немного обшарпанные и ветхие стены, нам до слез жалко прекрасный витраж — в этих краях невозможно найти мастера, который смог бы восстановить его! — но все это кажется нам не такой уж большой платой за ту бездну веселья, которое ты доставил нам, киммериец!

— А, я вспомнил! Вы хохотали, летя вниз головой в пасть Ледяной Луки. И теперь всю нынешнюю жизнь будете веселиться. Но если вы надеетесь, что своим глупым смехом собьете меня с толку и я выпущу из рук оружие, вы очень ошибаетесь! — Конан грозно сверкнул глазами.— Вы можете смеяться до посинения, вы можете полопаться,— я все равно сделаю то, что сказал.

— О, мы не сомневаемся в этом, грозный и огнедышащий варвар! — замахала руками Сэтлл, багровая от усилий сдерживать новый приступ смеха.— Конечно, ты сделаешь все, что обещал, и даже больше. Мы и не думаем останавливать или отговаривать тебя! Нам просто стало очень смешно.

В этот момент дверь дома приоткрылась, и на пороге показался звездочет, поднятый с постели шумом и звоном. Он кутался в атласное одеяло, придерживая его короткими ручками на животе. Жалкая морщинистая шея, на которой недоуменно топорщилась голая голова, в сочетании с толстым атласом придавала ему еще большее сходство с черепашкой, на этот раз уже в панцире, но не жестком, а пуховом, служащем только видимостью защиты...

— О, зачем ты покинул постель, отец! — заботливо воскликнула Сэтлл.

— Что... что здесь такое? — встревоженно проскрипел Майгус, с трудом шевеля губами.— Грохот... визг... осколки...

— О, ничего страшного! — успокоила его Иггл.— Наш добрый старый приятель Конан всего-навсего рушит дом. Ты можешь пройти в сад и устроиться там в гамаке, там тебе будет спокойнее.

— Рушит... дом?..— Майгус уставился черными тоскливыми глазами на киммерийца и сморщил лоб в усиленной попытке понять происходящее.— Чем не угодил тебе наш дом, варвар?..

— Мне не угодил кое-кто из его хозяев. Кто именно, догадайся сам,— ответил Конан.— Тебе и впрямь лучше перейти в сад, и подальше отсюда. Мне будет грустно, если такой наполненный мудростью череп расколется под рухнувшей балкой.

— Расколется?..— переспросил звездочет и пожевал губами. Какое-то время он молчал, и видно было, как шевелятся в глубине его души горькие мысли.— Ну что ж, этим ты окажешь мне большую услугу, гость с Севера. Ничего лучшего не мог бы я просить у судьбы. Прошу тебя, не медли, доверши начатое...

Он повернулся и слабой шаркающей походкой заковылял вглубь своего дома. Одеяло сползло с его плеч, приоткрыв усыпанную веснушками спину, и волочилось по полу.

— Бедный отец!.. — вздохнула Сэтлл.

Сестры грустно переглянулись. Недавнее веселье схлынуло с них без остатка.

— Еще бы не бедный! — согласился Конан. — Видно, боги сильно разгневались на него, раз послали таких дочурок!

— Об этом не тебе судить, варвар! — нахмурилась Иглл. — Довершай же начатое!

Движимый внезапным порывом сочувствия, Конан рванулся за стариком.

— погоди! — окликнул он Майгуса, маячившего в конце галереи. — Послушай меня!

Старик оглянулся и подхватил повыше сползшее одеяло.

— Что ты так убиваешься из-за этой вонючей пепельной дряни! — продолжал киммериец. — Поверь мне, я испытал ее действие на себе — это мерзкое снадобье!.. Видит Кром, как я хочу смыть с себя эту грязь и забыть о ней поскорее!..

— Если бы из-за мази... — пробормотал Майгус, но так тихо, что Конан с трудом расслышал его.

— Что-что? — переспросил киммериец.

Но звездочет, безнадежно махнув рукой, повернулся и скрылся за одной из приоткрытых дверей.

Вернувшись на крыльцо, Конан хмуро взглянул на сестьер, на чьих лицах застыли многозначительные усмешки, и повертел в руках меч, словно спрашивая у него совета. Лезвие сверкнуло на солнце, и он на миг зажмурился от блика, пробежавшего по глазам. Прежняя веселая ярость куда-то исчезла. Казалось, понурый Майгус унес ее с собой, скрипя босыми пятками по паркету...

— Я вижу, твой пыл иссяк, — заметила Иглл насмешливо. — А жаль. Мы совсем было приготовились к впечатляющему и веселому зрелищу... Но знаешь что, киммериец? Я кое-что вспомнила! Как ни странно, смех наш пошел тебе на пользу. Да-да. Не удивляйся и не сдвигай так грозно свои черные брови, иначе мы опять расхохочемся. Дело в том, что существует еще один способ снять заклятие. Он не такой

долгий и утомительный, как тот, который связан с острижением девственниц и раскапыванием могил. Это очень быстрый способ, он всплыл в моей памяти только сейчас. Если кто-нибудь рассмеется над человеком, заклятым Чашей Бессмертия, рассмеется искренне, без страха или подобострастия, — то заклятие может быть снято. Мазь удастся отмыть без труда. Иди-ка за мной, киммериец! Да положи наконец мой меч! Что ты держишься за него, как мальчик, вцепившийся в чужую игрушку! Благодарю Митру, что он надоумил тебя крушить наш дом секирой, а не этим божественным лезвием. Иначе ты мог бы случайно отрубить себе левую руку, да и ступни в придачу...

Конан с сожалением положил сверкающее лезвие на доски крыльца, рядом с воткнутой в них секирой. Положим, Иглл запугивает его и лжет: не стал бы благородный и мудрый меч рубить ему руки и ноги, ведь гнев его был праведным! Впрочем, кто знает...

Сэтлл, облегченно встряхнув волосами и ободряюще улынувшись, взяла киммерийца за руку и повела следом за сестрой к фонтану, в котором журчала чистая и прохладная вода. Иглл зачерпнула ее в обе ладони и провела ими по лицу киммерийца. Еще раз и еще... Сэтлл отстегнула от своей одежды полированную бронзовую пряжку и поднесла ее к глазам Конана, чтобы тот смог убедиться, что кожа его больше не пепельная, но чистая и смуглая, как обычно.

— Тебе надо еще смыть мазь со всего тела, но с этим, надеюсь, ты справишься и без нас, — сказала Иглл. — Когда вымоешься, можешь обтереться вот этим. — Она небрежно бросила на траву свою длинную светлую накидку. — Но только запомни, самонадеянный киммериец, мои слова: не пройдет и трех дней, как ты пожалеешь о том, что смыл наш подарок.

Усмехнувшись ему на прощание, Иглл обняла сестру за плечи, и обе они, повернувшись, пошли по дорожке по направлению к дому, чуть наклонив друг к другу головы с растрепанными легкими волосами и о чем-то переговариваясь. На замершего у фонтана Конана они не оглянулись ни разу.

Глава двенадцатая

В Кордаву Конан возвратился поздно вечером, и это обстоятельство едва не стало для него роковым. В темноте он не заметил засады из нескольких человек у входа в особняк герцога Гарриго.

Кайсс, едва киммериец покинул его замок, не сидел сложа руки, но развил бурную деятельность. Он добился у короля Фердруго разрешения на арест «чернокнижника и разбойника» из Киммерии, чьи козни стоили жизни его благородному отцу (барон Ричендо был еще жив, но, конечно, существование его, недвижимое и безмолвное, считать жизнью можно было лишь с очень большой натяжкой). С приказом об аресте Конана юный барон ни на миг не оставался спокойным.

От пережитого смертельного унижения руки его почти непрерывно тряслись, а губы дергались. Он не мог ни отдыхать, ни лежать, ни даже спать. Пока колдун-варвар не будет предан самой позорной казни, Кайсс ни на миг не прекратит усилий по поимке его — такую клятву дал сам себе взбешенный и униженный нобиль.

Кайсс расставил засады во многих местах Кордавы, особенно — зная привычки варвара — в питейных заведениях и борделях. Не забыт был и особняк Гарриго, чье přátельство со знаменитым корсаром ни для кого не являлось секретом. Кайсс не скупился и нанял самых известных, славащихся своей меткостью и выдержкой наемных убийц. Ярость его была столь велика, что если бы юного барона

поставили перед выбором: потратить все отцовское состояние, стать нищим, но отомстить варвару — он, не колеблясь, выбрал бы нищету, скрашиваемую гордым сознанием удовлетворенной мести.

Когда Конан во тьме, освещенной лишь редкими факелами, прикрепленными к стенам самых богатых домов, подъезжал к воротам особняка Гарриго, на плечи ему спрыгнул затаившийся на крыше соседнего двухэтажного дома наемный убийца. Он опознал киммерийца, благодаря подробному описанию барона. Конечно, он мог и обознаться, особенно в темноте, но вряд ли убийство постороннего человека его бы сильно смутило. В инструкциях, данных Кайссом, специально оговаривался этот момент: пусть лучше погибнут несколько ни в чем не повинных бродяг (впрочем, повинных в том, что шляются по городу ночью, когда их невозможно хорошо рассмотреть), лишь бы киммериец в конечном счете не ушел от возмездия.

Убийца спрыгнул так ловко, что оказался на крупе коня позади Конана. Он ударил кинжалом под левую лопатку киммерийца, на котором был лишь камзол и плащ из грубой шерсти. Конана спасла мгновенная реакция: он развернулся всем телом, и лезвие нанесло лишь неглубокую рану, пропорыв одежду и процарапав мышцы на ребрах. В тот же миг, сжав обе руки нападающего у запястий, киммериец сбросил его с коня на булыжную мостовую. Выхватив меч, он хотел было прикончить врага, но не успел. Еще несколько теней с зажатыми в руках кинжалами соскочили с соседних крыш и деревьев и преградили ему дорогу к воротам особняка.

Перевес был явно не на стороне Конана. Со всех сторон к нему были обращены лица, способные — в таком количестве — привидеться лишь в кошмарном сне. Глаза горели, словно у голодных волков, окруживших наконец долго затравливаемую и вожделенную добычу.

Конан мельком подумал, что такую ненависть в глазах и стремление немедленно впиться ему в горло он не видел уже давно — целую луну, кажется — благодаря действию пепельной мази и, по-видимому, отвык от этого. Потеря

Глава первая

бдительности чуть не стоила ему головы, так как круг наемников все сужался.

Развернув коня, Конан вскачь понесся назад, сшибив со своего пути несколько рослых убийц, пытавшихся остановить жеребца и цеплявшихся за его поводья. Грохот копыт далеко разносился по улицам полуночной Кордавы. Жители близстоящих домов крепче захлопывали окна и проверяли засовы на ставнях.

Конан вспомнил, как Иглл предупреждала, что не далее чем через три дня он пожалеет об их подарке. Сегодня как раз исход третьего дня. Но он не жалеет!

Конан расхохотался и сильнее пришпорил коня, и без того летевшего птицей. Огромной черной птицей в ночи... Хохот его разнесся в округе, он был громче стука копыт и напугал проснувшихся жителей столицы еще сильнее.

Он не жалеет, что тошнотворная магия смыта с его кожи, что отныне у него снова есть злобные враги, осмеливающиеся смотреть ему в лицо с вызовом. И даже кровоточащая рана на спине ничуть не уменьшает его отличного расположения духа. И перестук копыт настигающей его погони кажется ему музыкой...

Взметнувшиеся вверх и закаменевшие струи воды — вот на что были похожи серо-голубые скалы посреди широкой, томно-медлительной воды, обтекавшей их с ленивым плеском. Скалы были совершенно лишены растительности — голые, вертикальные, потрескавшиеся от зноя, шуршащие непрерывно осыпающейся с них от порывов ветра щебенкой. Трудно было представить, что кому-нибудь может прийти в голову искать под сенью этих бесплодных камней кров и убежище, да еще и не только для себя, но и для всей семьи. Разве что птицам — многочисленным шумным птицам, черным, белым и пестрым — должно быть уютно здесь, среди глубоких расщелин, куда так легко прятать яйца.

Словоохотливый пожилой селянин, согласившийся за несколько мелких монет одолжить Конану свою лодку, а также присмотреть за его жеребцом, заметил, перехватив недоуменный взгляд киммерийца:

— Сколько живу здесь, на берегу, никогда не знал, что за скалами этими есть долина. Если б не Кельбо-странник, и в голову не пришло бы, что там можно жить...

— И давно он поселился здесь, этот самый Кельбо? — спросил Конан.

— Да уж лет пять-шесть будет... Нет, постой, вру: два года с небольшим. Привыкли мы к ним быстро, вот и кажется, что они давно здесь живут... Чудаки они — и он, и жена, и детишки, — но не гордые, совсем не гордые. Если

заболит у кого что в нашей деревне или в той, что вверх по реке, либо кто ногу ломает — они помогают, и лучше деревенского знахаря у них это получается, право, лучше, и заживает отчего-то быстрее...

— Спасибо, старик, — перебил его Конан нетерпеливо и, оттолкнув лодку от береговых камней, вскочил в нее. — Надеюсь, за жеребцом моим ты приглядишь как следует, а я — за твоей посудиною...

Он выгреб веслом, выровнял нос утлой лодочки и направил ее прямо к застывшим каменным струям, помахав на прощание отдаляющейся стариковской фигуре в льняной безрукавке и тростниковой шляпе с огромными обтрепанными полями. Оглянувшись вокруг, он еще раз отметил, как странно выглядят посреди равнинного, с небольшими холмами, пейзажа центральной Зингары эти взметнувшиеся длинные камни. Похоже было, что кто-то с титанической силой вытолкнул их из подземельной тьмы в незапамятные времена, желая подбросить до самых небес.

Конан замахнулся веслом сильнее, чтобы поскорее преодолеть течение и достичь острова, но тут же невольно скрипнул зубами от острой боли в спине. Рана, полученная им во тьме от наемного убийцы два дня назад, к которой он отнесся так легкомысленно, воспалилась за время пути, и теперь каждое резкое движение отдавалось ударом бича вдоль всей левой половины спины. Проклятие!.. Остается лишь мысленно поблагодарить Кайсса, что кинжал не был отравленным. А впрочем... Вряд ли пустяковая царапина стала бы нарывать так сильно и гореть огнем, если б на лезвии не было яда. Эта мысль чуть было не нарушила легкого и радостного состояния духа варвара, но он отогнал ее прочь, заставив себя не думать о боли.

Лодка уткнулась носом в заскрипевший под ее днищем песок. Конан выпрыгнул и вытащил утлую посудину на узкую береговую полосу, отделявшую воду от вздыбившихся камней. Ширина ее была не больше трех его ступней, и лодка едва поместилась. Старик селянин сказал, что от берега вглубь острова ведет слабо протоптанная и еле видимая тропинка в скалах. Но Конан, как ни напрягал

зрение, не мог ее рассмотреть. Не желая тратить времени на поиски, он выбрал иной способ, также подсказанный стариком. Приложив ладони ко рту, он крикнул во всю мощь своих легких:

— Кельберг!!! Кельбо-странник!.. Шумри!..

Лишь только эхо, раздробив его крик на множество слогов и отголосков, отплясало среди голубоватых камней, как с вершины скалы, под которой стоял киммериец, скатилось несколько камушков. Конан поднял голову. Две детские головы смотрели на него с высоты сорока локтей, внимательные и безмолвные. На фоне неба они казались пушистыми.

У одной из них в ярко-рыжих волосах трепетали, пытаясь выпутаться, солнечные лучи. Киммериец приветственно помахал им рукой и свистнул. Головы тут же скрылись, как исчезают в норе испуганные сурки или лисята. Не успев еще осознать, что означает это странное явление, Конан расслышал скрип песка под ногами — торопливый, взволнованный, нетерпеливый шелест шагов спешащего ему навстречу человека. Из-за уступа скалы бросилась к киммерийцу фигура в кожаном плаще и льняной рубахе, с непокрытой взлохмаченной головой с дыбом стоящими на макушке наполовину седыми волосами...

* * *

— О, Конан! Как ты мог так запустить свою рану! — сокрушалась Илоис, осторожно промывая воспалившуюся царапину под левой лопаткой киммерийца. — Еще два-три дня, и она могла стать последней в твоей жизни!

— Пустяки! — беспечно отмахнулся варвар. Радость распирала его, синие глаза искрились, а губы постоянно тянуло распахнуться в улыбке. — Разве я мог обращать внимание на какую-то царапину! Правда, кинжал был отравленный — красавчик Кайсс постарался! — но я и думать забыл обо всем этом. Только погонял своего жеребца что есть силы, чтобы поскорее увидеться с вами! Лишь только нищий вендиец с синей змеей сказал мне, что ты, Шумри, жаждешь со мной обняться, все дела и намерения напроць

вылетели из моей головы. Я летел, как мальчишка на свидание с первой женщиной!

Илоис чуть улыбнулась. Ее прохладные пальцы касались воспаленной кожи на его спине так легко, что совсем не причиняли боли.

— Кинжал не был отравленным, — заметила она. — Но рану твою изрядно отравила попавшая туда грязь. Неужели было так трудно соскочить ненадолго с коня, промыть и перевязать ее?..

— Невероятно трудно! — воскликнул Конан. — К тому же тогда я был бы лишен счастья быть перевязанным и исцеленным тобой!

Шумри, сцепив под подбородком ладони и улыбаясь, разглядывал старого друга, отпускающего неуклюжие комплименты его жене. Конан не мог не отметить про себя, что годы почти не изменили немедийца. Разве что исчезла тревога и глубоко затаенная печаль из глаз, они стали намного спокойнее и словно лучились неярким, идущим из глубины, мудрым смехом. Да еще борода, бывшая когда-то неприлично куцей и жидкой, приобрела более благородные и окладистые очертания. Илоис, пожалуй, изменилась больше, хотя и не постарела. Когда-то она показалась Конану чересчур холодной, строгой и большелобой. Теперь это была женщина, излучающая тепло и естественную тихую радость каждым своим движением, каждым звуком голоса. Оба они — взглядами, то и дело бросаемыми друг на друга, стремлением услужить другому даже в мелочах — напоминали молодоженов, хотя прожили вместе больше десяти лет.

* * *

После первых объятий, бессвязных восклицаний и хлопываний по плечам на узкой береговой полоске Шумри повел друга по тропинке, и впрямь почти незаметной, причудливо вьющейся меж нагромождений голубоватых камней. Казалось, ее протоптали не люди или животные, но легконогие птицы. Едва они перевалили через гребень скал, как в глаза ударила яркая и свежая зелень, а ноздри наполнились сладкими запахами цветов и трав. Высоким и

неприступным со стороны реки дозором скалы окружали долину, чья пышность, изобилие и плодородие были совсем не характерны для засушливых и пыльных зингарских равнин и напоминали перенесенный сюда каким-то чудом кусочек буйно цветущего и плодоносящего Кофа.

— Здесь не бывает летних засух и зимних заморозков, — объяснил Шумри, кивнув на небольшое озерцо, вода в котором бурлила и пенилась, словно какое-то водное чудовище трепыхалось в глубине его. — Из земли бьет горячий источник, и деревья вокруг него плодоносят два раза в год. Как ты понимаешь, это очень кстати, учитывая мою природную лень, — добавил он, улыбнувшись.

Хижина, которую Шумри саморучно выстроил два года назад для себя и семьи, была очень простой и сильно напоминала те туземные хижины из тонких пальмовых стволов, укрытые сверху ворохом листьев, в которых им пришлось провести немало дней и ночей во время своего южного путешествия одиннадцать лет назад. Впрочем, раз здесь не бывает ни холодов, ни затяжных дождей, ему вряд ли имело смысл возиться, сооружая прочные стены из бревен или из камня... Очаг находился на улице, под навесом из камышовых циновок, и оттого ни запах, ни жар от приготовления пищи не достигал комнаты, где сидел сейчас Конан, скрестив на полу ноги и подставив спину нежно-исцеляющим ладоням Илоис. Все убранство небольшого округлого помещения состояло из аккуратных, сплетенных из травы циновок, глиняных и деревянных сосудов причудливой формы и букетов свежих и сухих цветов и трав.

Прямо у порога присели на корточках дети. В их настроенных позах читалась готовность в любой миг сорваться с места и ринуться прочь. Девочка была рыжей, как лесной пожар, как шкура степной лисицы. Мягкие недлинные волосы рассыпались по плечам, закрывали лоб и брови, падали на глаза, прозрачно-зеленые и раскосые, с умеренным любопытством мерцающие из-под нечесанных прядей. На вид ей было лет семь. Мальчик казался младше на год или полтора. Глаза его были светло-кариими, а волосы русыми, топорщащимися на макушке. Узкое треугольное

личико упиралось острым подбородком в колени, а при-
стальные и немигающие глаза буравили незнакомца.

— Как зовут ваших славных наследников? — спросил
Конан, с интересом поглядывая на затаившихся малышей.

— Вот это — Рыжая Шерстка, прошу любить и жало-
вать, — сказал Шумри с улыбкой, протянув руку и взлохматив
волосы дочери. — А если короче — Рыжик. А молодого
человека зовут Волчий Клык или Волчок. Прозвище дано
недаром, так что шутить с ним не советую...

Усмехнувшись, киммериец протянул ладонь и потрепал
легонько мальчика за ухо, скрытое мягкими волосами. Тот
клацнул зубами, совсем как щенок, отгоняющий муху, и
нахмурился.

— Он похож на тебя, — рассмеявшись, сказал Конан. —
Не повадками, конечно, но шерстью, растущей дыбом. Но
отчего они так дичатся? Редко видят чужих людей? Кажет-
ся, стоит мне громко кашлянуть, как пятки их засверкают
далеко отсюда...

— Со зверьми и деревьями им приходилось иметь дело
чаще, чем с людьми, — объяснила Илоис. — А ты ведь еще
и не просто чужой человек, а грозный великан, покрытый
шрамами гуще, чем окунь чешуей.

Она кончила забинтовывать его рану, и он смог распо-
ложиться поудобнее, опершись правым плечом о непроч-
ную древесную стену и вытянув ноги. При этом он опро-
кинул коленом пару кувшинов с цветами, которые Илоис,
улыбнувшись на его смущение, тут же выставила наружу.

— Расскажи же ты... — начали разом Конан и Шумри
и разом же расхохотались.

— Расскажи прежде ты! — воскликнул хозяин хижины.

— Нет, давай ты сначала! — возразил Конан. — Я гость.
К тому же мою спину только что перевязали, и мне совсем
не хочется шевелиться. Рассказывая же о своих многочис-
ленных подвигах, придется махать руками и подсказывать,
чтобы было понятнее.

— Ну хорошо, — согласился Шумри. — Я начну, но не с
начала. Рассказов о наших с Илоис странствиях хватит не
на один день, и я очень надеюсь, что ты поживешь здесь, по

крайней мере до тех пор, пока наши удивительные истории
не кончатся.

Он взглянул на жену, словно ища у нее одобрения сво-
им словам. Илоис кивнула.

— Но только, — заметила она, — пусть наш гость насы-
щает не одну душу, но и тело. Представляю, как он сейчас
голоден и как клянет нас про себя за недостаток гостепри-
имства.

— О! Прости ради Митры! — Шумри вскочил и вышел,
тут же вернувшись с вместительной чашей, полной овощей,
вяленых и свежих фруктов и орехов в меду. — Ты уж не
обессудь, но ни мяса, ни рыбы мы тебе предложить не
сможем.

— Иного я и не ждал! — махнул рукой Конан, набрасы-
ваясь на угощение. — У меня ведь еще не вышибло память.

Илоис, наклонившись, что-то прошептала детям, и они,
вскочив, исчезли за занавесью из множества сплетенных из
травы веревок, заменявшей двери.

— Детям нельзя это слышать? — удивился Конан.

— Они слышали это дюжину раз! — воскликнула Ило-
ис. — Я просто попросила их собрать еще орехов, трюфелей
и плодов, ибо те, что в чаше, вот-вот кончатся.

— Итак, я начинаю, — таинственным голосом сказал
Шумри. — Пожалуй, стоит начать с того момента, когда Илоис
наконец осточертело путешествовать... Ты помнишь, когда
и как это произошло? — спросил он жену.

— Еще бы не помнить! — Она передернула плечами. —
Это случилось почти два с половиной года назад, когда мы
наткнулись на тот ужасный рыбий ковер...

— Рыбий ковер?.. — переспросил Конан.

— Да, — кивнул Шумри. — Так мы называем между
собой это непонятное и удивительное явление. Мы тогда
плыли в Западном океане, к северо-западу от Бархских
островов, и держали курс на север... Надо тебе знать, Конан,
что деньги от продажи родового замка я потратил на при-
обретение отличного парусника, легкого, быстрого и прочно-
го, живого и порывистого, словно морская птица. Мы назва-
ли его «Адуляр», что означает Лунный Камень, поскольку

Илоис отчего-то казалось, что в дни полнолуния он мчится быстрее и хуже слушается руля... Команда была небольшая и дружная, мы набирали ее сами и только из тех людей, которые вызывали симпатию у нас обоих. Капитаном был тридцатилетний уроженец Кордавы по имени Горги, бесстрашный и умелый мореход, в чем-то существенном очень схожий с нами.

Равнодушный к звону золота, горячий и пылкий, как все зингарцы, он вскоре стал самым преданным и надежным нашим товарищем. Мы очень привязались к нему. За те семь лет, что мы плавали, многие члены команды сошли на берег и были заменены другими, но капитан оставался с нами до конца... В то утро нас разбудил взволнованный крик рулевого. Наспех одевшись и выскочив на палубу, мы увидели небывалое зрелище: по левому борту корабля переливался всеми цветами радуги огромный живой ковер. Он был овальной формы, не менее четырехсот локтей длиной, а шириной около двухсот пятидесяти. Узор на его поверхности был причудлив и ярк, он завораживал глаз.

Он отливал на солнце металлическим блеском, и казалось, что ковер составлен из миллиона новеньких начищенных монет — золотых, серебряных, медных, бронзовых, а также из неизвестных металлов голубого и зеленого оттенков... Илоис захотелось взглянуть на это чудо поближе, и мы спустили шлюпку, куда сели втроем: Илоис, Горги и я. Подплыв вплотную к краю ковра, мы долго его рассматривали, но так и не смогли определить, что же это такое. Толщиной он был не больше трех-четырех пальцев, и был несомненно живой, вот и все выводы, которые мы смогли сделать. Внезапно шлюпка качнулась и чуть не зачерпнула бортом, оттого что Илоис, не сказав ни слова, выпрыгнула прямо на блестящую яркоцветную поверхность. Я закричал ей, чтобы она тотчас же возвращалась назад. Нехорошее, тоскливое предчувствие сдавило мне грудь...

— Я была босиком, — вступила Илоис. — Ступни ощущали что-то упругое, прохладное, гладкое... Кажется, я сошла с ума от этого завораживающего мерцания. Шумри строго кричал, чтобы я вернулась, но я лишь рассмеялась,

повернулась к ним спиной и бросилась бежать прямо к центру этого великолепия. Ковер пружинил подо мной, как мох на краю болота, но не проваливался. Мне захотелось танцевать, кружиться до самозабвения на этой искрящейся, чудесной опоре посреди бескрайнего океана.

— Я хотел тут же броситься за ней следом, — продолжал Шумри. — Тяжелое предчувствие не оставляло меня. Но не успел. Внезапно Илоис вскрикнула и провалилась под воду. Живой ковер разошелся под ней. Несколько мгновений под солнцем блестела зеленоватая окружность воды, затем она стремительно затянулась. Зловещий ковер вновь был целым, яркоцветным, мерцающим... Я был в оцепенении не больше двух-трех мгновений, но за это время успел увидеть, как края ковра стали подгибаться, уходить в глубину. По-видимому, зловещее существо собиралось окружить собой пойманную жертву, окутать ее со всех сторон... Почти одновременно я и Горги спрыгнули с бортов шлюпки и поднырнули как можно глубже под скручивающиеся края, молясь про себя Митре, чтобы не опоздать, чтобы успеть...

— Как хорошо, что я не помню самого страшного, — вздохнула Илоис. — Все, что случилось после того, как живой ковер провалился у меня под ногами, вылетело из моей головы.

— Я плавал под водой быстрее Горги, поэтому добрался до Илоис первым, — продолжил Шумри. Он побледнел, голос его прерывался — настолько сильно страшные впечатления прошлого завладели им. — Она была без сознания. Я обхватил ее одной рукой, а кулаком другой пытался пробить живой покров над нашими головами, чтобы дать ей глотнуть воздуха. Но проклятая плоть ковра была очень прочной. Отвратительная, чешуйчатая, скользкая рыба плоть... От нехватки воздуха у меня ужеплыли багровые круги перед глазами и звенело в висках, когда до нас доплыл наконец Горги. Мы были в огромной ловушке, все трое, прозрачная морская вода позволяла рассмотреть, что края ковра сомкнулись в глубине, он превратился в род большого мешка, подрагивающего от вожделения... в от-

ромный желудок, быть может. К счастью, Горги всегда носил за поясом кинжал. Удары его оказались действенной ударов моего кулака. Под взмахами разящего лезвия ковер над нашими головами разошелся, мы выплыли на поверхность и глотнули воздуха... Я поддерживал Илоис, не давая голове ее уйти под воду, а Горги продолжал разить разбегающиеся от нас стремительно края ковра, разить с неистовством и яростью, никогда не свойственными ему прежде... С корабля, конечно, видели все это, матросы быстро спустили еще одну шлюпку и подобрали нас, как только смогли к нам подплыть. К счастью, Илоис пришла в себя очень быстро. Стоя вместе с ней у левого борта, мы наблюдали, как ковер распался на миллионы небольших рыбешек, золотистых, голубых, зеленоватых, малиновых... которые стремительно погружались в глубину, и вскоре перед нами расстилалась обычная спокойно-зеленоватая гладь океана. Илоис ушла к себе и не показывалась до вечера, а вечером заявила, что не может выносить ни моря, ни качающейся палубы, ни вечных странствий непонятно зачем и куда и что с нее хватит.

— Больше всего меня потрясло, что оно было такое красивое, — объяснила Илоис с виноватой ноткой в голосе. — Я ничего не видела более прекрасного, чем этот сияющий и переливающийся на солнце живой ковер на зеленой воде. И оказывается, вся эта красота служит лишь для того, чтобы убивать и пожирать. Вынести это было невозможно. Потому-то я и вела себя как истеричная и избалованная барышня и требовала, чтобы мы вернулись на землю и остановились где-нибудь наконец. Я надеюсь, Шумри, ты когда-нибудь простишь меня за это.

— Тебя не за что прощать, — мягко откликнулся Шумри. — Какая иная женщина вынесла бы семилетнее путешествие без всякого смысла и цели, с полусумасшедшим бродягой-мужем?.. — Он тихо рассмеялся и взглянул на жену, ответившую ему невыразимым и глубоким языком глаз. — Итак, было решено пристать к берегу, и мы взяли курс на юго-восток, чтобы достичь берегов Аргоса, откуда мы двинулись в путь когда-то. Горги был грустен, предчувствуя

разлуку с нами. Я подозреваю, Илоис, что он был влюблен в тебя, хотя никогда не давал понять этого ни словом, ни интонацией.

— К тебе он был привязан не меньше, — возразила Илоис.

— Может быть... К вечеру пятого дня мы заметили остров и подплыли к нему. Он был совсем небольшой, можно сказать, крохотный, локтей шестьсот в поперечнике, густо поросший зеленью. Илоис, уставшая от бесконечной водной глади, очень обрадовалась и настояла, чтобы ночь мы провели на нем, а не на корабле. Поскольку начинало уже темнеть и времени было мало, успели только соорудить что-то вроде шалаша из веток для нас двоих. Горги же и вся команда ушли ночевать на корабль. Утром, открыв глаза и взглянув на гладь океана, мы испытали сильное потрясение. Корабля не было. Он исчез самым непостижимым и таинственным образом. Бросить нас здесь они не могли, это было абсолютно исключено. Может быть, ночью был шторм, и судно поглотила пучина? Но тогда мы обязательно проснулись бы от грохота волн и воя ветра...

Весь день мы ломали головы, разгадка пришла лишь поздним вечером. Лежа на траве и глядя на звезды, мы вдруг почувствовали плавное покачивание. Казалось, спины наши опирались не на прочную землю, но на палубу оставленного и потерянного корабля. Островок был плавучим! Видимо, за ночь, подчиняясь водным течениям, он отплыл от стоящего на якоре судна на значительное расстояние. Такое значительное, что паруса не видно было даже у самого горизонта.

Как назло, наступил полнейший штиль. Ни малейшего дуновения ветерка!.. Наш добрый Горги, даже если и догадался, что с нами произошло, не мог отправиться на поиски нас. Парусник не мог сдвинуться с места, остров же, подхваченный невидимым током воды, продолжал отдаляться от него в неизвестном направлении... Смешно и странно, но когда-то очень давно, в детстве, при первой моей встрече с Илоис, бывшей тогда надутой и строгой пигалицей... — Илоис шутливо шлепнула мужа по затылку, и тот поправился: —

Бывшей горделивой и ослепительной маленькой особой, я рассказывал ей о том, как продам замок, когда вырасту, и мы отправимся путешествовать. Я безбожно выдумывал, чтобы привлечь к себе ее внимание, и в числе прочих выдумок были дома-острова, на которых живут семьями, вечно странствуя в океанах по воле ветра и волн. Теперь моя детская выдумка стала явью. Правда, мы не столько радовались, сколько тревожились. Потеря нашей команды и, особенно, славного и верного Горги была для нас настоящим несчастьем.

— И «Адуляра» тоже, — поправила его Илоис. — Ведь он был тоже живым и не менее преданным. Я уговаривала Шумри сесть в шлюпку, которая оставалась у нас, и пуститься на поиски корабля. Но он не согласился.

— Еще бы я согласился! Это было бы чистым безумием: плыть в шлюпке, неведомо куда, без воды и пищи, без оружия и навигационных приборов... Впрочем, она всегда была сумасшедшей девушкой. С трудом мне удалось убедить ее, что для Горги разыскать нас в несколько раз реальней, чем нам его. Хотя и для него шансы были, надо признать, небольшими... Мы тщательно обследовали доставшийся нам клочок земли с буйной и разнообразной растительностью и скоро выяснили, что то был вообще не остров, но участок суши, видимо, размытый волнами и оторвавшийся от берега. Никаких источников пресной воды на нем, естественно, не было. Правда, это нас не особенно удручало: жажду мы могли утолять соком в изобилии растущих вокруг плодов. Как, впрочем, и голод. Гораздо тревожней было другое: уже на третий день мы заметили, что островок постепенно уменьшается в размерах. Волны размывали землю с его краев. И без того маленький, он таял, как кусок сахара в чашке воды.

— Особенно было грустно, когда, оторвавшись и взмахнув кроной, в океан уплывали деревья, — сказала Илоис. — Почти каждый день, стоя на берегу, я наблюдала подобную картину. Казалось, они машут мне ветвями и умоляют задержать их, спасти, выхватить из мертвящих объятий соленой воды...

— Пока она стояла и прощалась с уплывающими деревьями, я спешил запастись как можно большим количеством сушеных фруктов и дождевой воды. У нас была шлюпка, поэтому утонуть вместе с последним клочком земли нам не грозило. Но сколько времени сумеем мы продержаться в этой шлюпке, покуда не достигнем земли либо не встретим на своем пути судно?.. Один Митра знает! Каждый день с рассвета и до темноты я собирал и сушил фрукты, изготавливал из ореховой скорлупы сосуды для влаги...

— Ты был деловит и суетлив, словно барсук, собирающий запасы на зиму, — заметила Илоис, — и ни о чем больше не думал...

— Зато ты прощалась с деревьями, одаривая каждое на прощание светлой слезой, — парировал Шумри. — Впрочем, иногда ты помогала мне, когда надоедало сидеть на берегу. Вдвоем мы загрузили нашу шлюпку по самые борта.

— Никогда не забуду, как в последнюю ночь, когда островок превратился уже в кочку на воде с тремя деревьями, мы легли спать в шлюпку, а утром, когда проснулись, вокруг была одна соленая, бесконечная, блестящая на солнце морская рябь...

— Остров плыл по воле течения, теперь же я мог управлять движением, — продолжал Шумри. — Я повернул на восток и все время старался держаться строго на утреннее солнце, чтобы как можно быстрее достигнуть берега. В ясные дни это было нетрудно, но когда небо затягивали плотные облака, приходилось бросать весла и пережидать, пока снова не выглянет солнце. На острове мы плыли около двух лун и чуть больше луны — на шлюпке, и вот наконец-то вдали замаячил берег, скалистый, голый и неприветливый с виду. То были, как скоро выяснилось, земли пиктов.

— Земли пиктов? — Конан подался вперед и насторожился. — Надеюсь, вы не высадились на них?

— А куда нам было высаживаться? — с горечью спросил Шумри. — К тому же то, что мы вступили во владения этого дикого народа, мы узнали уже на берегу, значительно отдалившись от своей шлюпки.

— В таком случае, не могу понять, как вы выбрались оттуда живыми,— сказал киммериец и с силой хлопнул рукой о колено.— Я хорошо знаю этот низкорослый свирепый народец. Чужаков они ненавидят и убивают сразу, не разбирая, кто перед ними — мужчина, женщина или ребенок. Объясни мне, во имя твоего Митры, как вам удалось уцелеть?!

— Честно сказать, не знаю,— пожал плечами Шумри.— Мы не причиняли им зла и не желали зла. Они видели, что у нас не было никакого оружия. К тому же я быстро выучил их язык, что было немаловажно для взаимопонимания в критических ситуациях. Илоис больше общалась жестами, но к ней быстро проникались симпатиями женщины, оттого что в ее присутствии их дети прекращали плакать, и она лечила у них боль в животе и кровотечения. Не раз нас выручало мое умение «слышать» чужие мысли, если они звучат в голове достаточно громко. Правда, пикты живут почти исключительно эмоциями и страстями, думают они крайне редко и далеко не все... Не раз, почувствовав невнятную угрозу, даже если вокруг нас были одни улыбающиеся и доброжелательные лица, мы спешно покидали племя. Уходили прочь под каким-нибудь предлогом, часто прямо в непроходимую глушь леса...

— Честно говоря, куда мы пробирались по Пиктской Пуще, случалось немало напряженных и тревожных моментов,— заметила Илоис.— Но ни один из них не может сравниться с тем ужасом, который я испытала, когда под мной провалился живой ковер. Такой горечи и отчаяния, как тогда, я не припоминаю больше.

— Сначала мы хотели идти на юг, чтобы поскорее достичь Зингары, но нас предупредили, что на границе очень опасно, поэтому мы опять двинулись на восток.

— Давно собираюсь спросить вас,— перебил его Конан.— Вы были вдвоем и на острове, и среди мрачных пиктов, но где же тогда находились ваши славные ребятишки? В то время, года два назад, они ведь были совсем крохами, верно?..

Шумри и Илоис переглянулись. Казалось, они спросили о чем-то друг друга глазами. После паузы немедиец ответил:

— Дело в том, что они не родные нам дети. Своих детей у нас нет — это следствие тяжелой многолетней болезни Илоис, о которой ты знаешь. Но мы привязаны к ним не меньше, чем к своим родным. Поверишь ли, они очень похожи на нас! Гораздо больше, чем это кажется с первого взгляда. И не только дыбом растущими на макушке волосами... Пиктские Пущи, угрюмые и опасные, подарили нам дочку. Ты помнишь, какое это было чудо, Илоис?..

— Еще бы не помнить! Среди черных, низкорослых, полуголых дикарей с яркими перьями в волосах увидеть это светлое, это рыжее солнышко!.. Я онемела от изумления. Откуда здесь эта кроха, по всей видимости, урожденное дитя Ванахейма?.. После долгих расспросов нам кое-как удалось понять, что девочка прибилась к ним сама, выйдя однажды прямо из леса. То ли она сиротка, то ли родители выгнали ее из дому... Я упростила Шумри взять ее с собой, настолько она запала мне в душу. Племя не возражало, сама девочка тоже. Казалось, она только обрадовалась, что будет теперь с нами.

— Положим, не ты меня упростила, но я первый предложил удочерить ее,— возразил Шумри.

— Пусть так! Неважно... Имени у нее не было, вернее, племя как-то называло ее, но у нас язык не поворачивался выговорить эти булькающие и рычащие звуки. Шумри прозвал ее Рыжей Шерсткой. Мы решили пока что называть ее между собой так, а когда она вырастет, пусть придумает сама себе имя, самое красивое, какое ей только захочется.

На этих словах травяная занавеска зашуршала, раздвигаясь, и появились те, о ком только что шла речь. Девочка несла корзину, доверху наполненную спелыми плодами, мальчик тащил на плечах довольно увесистый мешок. Они поставили свои ноши на пол и уселись на пороге в тех же самых птичьих-настороженных позах, что и накануне. Конан взглянул на них с новым интересом.

— А разговаривать они умеют? — спросил он.

— О, они знают массу языков! — воскликнула Илоис. — Больше, чем ты, Конан, больше, чем даже Шумри. Язык пиктов, язык змей, посвисты гудящих в ночи насекомых, беззвучное наречие рыб, диалекты лесных животных, птичьих переклички... К тому же с нашей помощью они освоили немедийский. Но они редко болтают попусту, ты верно заметил.

— Сына нам подарили боссонские топи, — продолжил Шумри свой рассказ. — Последнее пиктское племя, у которого мы остановились, почему-то так полюбило Илоис, что подарило нам на прощание отличную кожаную лодку, очень прочную и легкую, которую можно было переносить по суше на плечах. Дикие мужчины были столь любезны, что не ограничились подарком, но проводили нас до истоков реки Громовой, попеременно неся лодку. Если б не пикты, мы неминуемо завязли бы в этих болотах. Не зная с детства, преодолеть эту коварную, сумрачную, поросшую мохом грязь невозможно... Сердечно распрощавшись со славными дикарями, мы стали спускаться вниз по реке, держа путь в Зингару. Мы выбрали эту страну главным образом оттого, что Горги был родом оттуда и мы надеялись когда-нибудь встретиться с нашим капитаном или, по крайней мере, услышать о нем что-либо. А заодно и о нашем «Адуляре».

Вскоре мы заметили, что ночами кто-то стал потрошить наш мешок с запасами пищи. Мы решили, что это безобразничают лисы или волки, хотя Рыжик почему-то утверждала — она тогда только-только начала осваивать немедийский и очень смешно выговаривала слова — что это дело рук человека, только очень маленького. Но откуда было взяться человеку в этих глухих и гиблых местах?.. К тому же на кожаном мешке виднелись следы когтей и зубов, но не ножа или кинжала. Я стал подвешивать припасы перед сном высоко на дереве, но кражи продолжались. Тогда я решил сторожить, чтобы положить конец беззастенчивому и таинственному воровству. Ночью, когда Илоис и Рыжик крепко спали, мне послышалось, что кто-то подкрался к шалашу и вслушивается в наше дыхание. Когда шаги от-

дались, я осторожно подполз к входному отверстию и выглянул наружу. Мне показалось, что на дереве сидит небольшая обезьяна и сосредоточенно расковыривает наш мешок! Но никаких обезьян в этих краях сроду не водилось. То был вот этот малыш! — Шумри кивнул в сторону внимательно слушавшего его рассказ взерошенного мальчугана. — Надо сказать, поймать его оказалось не просто. Пришлось будить и звать на помощь Илоис и дочку. Втроем мы кое-как справились с ним, но руки мои были покусаны и исцарапаны, а Илоис пришлось срочно чинить мою и свою одежду. Мне пришлось связать звереныша по рукам и ногам и привязать к дереву, хотя Илоис громко возмущалась, что бессердечно так обращаться с маленьким и слабым ребенком. Но маленький и слабый ребенок лишил нас десятидневного запаса продовольствия, к тому же мне не терпелось как следует рассмотреть его при свете дня.

— Утром мы развязали ему руки, — продолжила Илоис, — но от дерева не отвязали. Мы предлагали ему самое вкусное, что только у нас было, и пытались объяснить знаками, что будем кормить его, ласкать и ублажать, если он захочет пойти с нами. А если свобода и глухие болота ему дороже, что ж, мы отпустим его, только пусть он больше не таскает у нас по ночам последние лепешки, которыми снабдили нас пикты. Трудно сказать, понял ли он нас. По виду своему он не походил ни на жителя Ванахейма, ни тем более на пикта. Больше всего мальчуган смахивал на уроженца Аквилонии. Но как он очутился один, четырех- или пятилетний, в этой гиблой глуши?..

— Мы развязали его, и наш пленник тут же скрылся в зарослях, — сказал Шумри. — Но мы не сомневались, что встретимся с ним снова. Ночью я положил мешок с едой под голову и спокойно заснул, но довольно скоро проснулся оттого, что кто-то тихонько вытаскивал у меня из-под уха этот самый мешок. Поразившись наглости крохотного ворышки, я взглянул в его сторону сквозь ресницы, не открывая глаз. И с удивлением обнаружил, что на этот раз меня грабила дочка! Рыжая бандитка вытащила лепешку — во-

истину последнюю — и выскользнула наружу. Высунувшись вслед за ней, я почти не удивился открывшейся мне картине: будущая сестрица подкармливала будущего брата последними крохами нашего хлеба...

— Вот так она и приручила его! — рассмеявшись, заключила Илоис. — До сих пор этот маленький дикий зверек может иной раз огрызнуться на мою просьбу, и не каждое мое слово является для него законом, но стоит Рыжику попросить или приказать ему что-либо — летит со всех ног, пыхтя от усердия.

— В этом нет ничего удивительного, — заметил Шумри. — С тобой он может говорить лишь на немедийском, а с сестрой они изъясняются на любом — от птичьего до оленьего, а чаще всего вовсе без слов и звуков. К тому же ты не лазаешь по скалам, не ныряешь в воду с высоты в тридцать локтей, не гоняешься наперегонки с оленями и зайцами и не скачешь, как сумасшедшая, на необъезженных жеребцах.

— И все равно он любит меня! — воскликнула Илоис с некоторой запальчивостью и, обняв мальчика, прижала его голову к своей груди.

Рыжая девчушка тут же поднырнула под другую ее руку и прижалась к приемной матери. По выразительному нахмуренному лицу мальчугана было видно, что он терпит эту ласку с большим трудом.

— Любит, любит! — рассмеялся Шумри. — Раз не вырвался от тебя тотчас, значит, любит. Но отпусти же его, прекрати мучить! Больше всего на свете он не выносит, когда его тискают, целуют и каким-либо образом ограничивают его свободу, — объяснил он киммерийцу. — Дочка, надо сказать, не в пример ласковее...

— Как и полагается девочке, — заметил Конан, подмигнув свободолюбивому Волчку. — Мне кажется, что с такими ребятишками вам теперь ничего не страшно!

— О, да! — согласилась Илоис. Она выпустила голову сына, и тот сразу же отскочил от нее и присел на свое обычное место у порога. Дочка же осталась, нежно прижимаясь щекой к материнскому плечу. — Если б ты знал, сколько раз

они нас выручали! Пока мы плыли через бесконечные топи, порой нам бывало нечего есть. И тогда дети приносили нам какие-то корешки, стебли и листья. Один Митра знает, как они распознавали съедобное от несъедобного, но ни разу никто из нас не отравился... Однажды меня укусила в ногу змея. Хотя Шумри сразу же отсосал яд и выдавил его из ранки вместе с кровью, но нога страшно распухла. Рыжик притащила мне какие-то пахучие и прохладные водоросли, обмотала ими опухоль, и к утру она исчезла без следа. До сих пор не знаю, как эти водоросли называются, но теперь всегда собираю их, лишь только увижу...

— А тот случай с деревом! — напомнил Шумри. — Илоис отдыхала на траве под старой высохшей елью, и вдруг Волчок стал тянуть ее за руку, крича громко и невразумительно. Лишь только она поднялась в недоумении и отошла в сторону, как дерево, подточенное старостью, обрушилось прямо на то место, где она только что сидела.

— Они охраняют нас, словно два маленьких добрых лесных духа, — улыбнулась Илоис и поцеловала дочь в растрепанную макушку.

Мальчик внезапно насторожился и поднял голову, словно слышав что-то на крыше. Миг спустя он уже был снаружи и сразу же вернулся, держа в ладонях белую птицу с черным клювом и серым ободком на крыльях. Илоис взяла у него птицу и осторожно сняла с лапки прикрученный красной нитью кусочек бересты, на котором был нацарапан какой-то рисунок. Рассмотрев его, она вздохнула с улыбкой и передала Шумри. Тот повертел бересту в руках и также вздохнул.

— Вот не вовремя! Тебя отвезти?

— С какой стати? Прекрасно доберусь сама! — Илоис обернулась к киммерийцу и, протянув ему бересту, где был изображен человек со вздувшимся животом в окружении непонятных знаков, объяснила: — В селении вверх по течению рождает женщина, и муж ее просит меня приехать.

Конан удивленно приподнял брови, но промолчал.

— Илоис ничего не понимает в родах, — сказал Шумри. — Но в ее присутствии женщины сразу успокаиваются,

перестают кричать, и новый человек выползает на свет быстро и без осложнений. Отчего так происходит, не могу сказать, но все местные жители считают, что у нее легкая рука, и то и дело присылают подобные записочки, используя для этой цели ручных горлиц.

— Зато когда случается что-то действительно серьезное — перелом, глубокая рана, воспаление в животе — зовут при помощи тех же птиц уже Шумри.

— Хотя я тоже во всем этом почти ничего не смыслю! — воскликнул немедиец и жалобно округлил глаза. — Но они вбили себе в голову, что мы искусные целители, и переубедить их никак невозможно. Хорошо, что детишки подсказывают нам, какие травы отчего помогают, — ведь мы лечим главным образом ими.

Илоис набросила на плечи шерстяной плащ, взяла корзину, куда уложила какие-то плоды и связки сухих растений и кивнула Конану на прощание. Шумри вышел ее проводить и вскоре вернулся.

— Но ведь уже почти ночь, — заметил Конан. — Неужели тебе не тревожно отпускать ее куда-то одну?..

— Нет. Не тревожно, — помотал головой Шумри. На лицо его внезапно набежала тень, и он словно прислушался к самому себе. — Если честно, Конан, что-то тревожит и гнетет меня, но к Илоис это отношения не имеет. Откуда-то надвигается опасность, но в чем она — пока не могу понять.

Он помолчал, прикрыв веки. Дети, и без того беззвучные, стали еще тише и еще настороженней. Было слышно, как гудит ветер на вершинах скал, шелестят деревья, переговариваются птицы в своих расщелинах...

— Нет, все-таки не понимаю, — выдохнул Шумри. — Знаешь что?.. Очень часто все туманное и смутное становится ясным во сне. Давай-ка отправимся на покой. Ты изрядно устал с дороги, а наши разговоры утомили тебя еще больше. Желаю тебе крепкого сна без сновидений и полного выздоровления наутро...

Глава вторая

Конан недооценил своего противника. Юный барон Кайсс, как и его отец, принадлежал к тем натурам, в которых огонь неуголенной мести пробуждает все дремлющие прежде силы и способности, обостряет чуть ли не до гениальности ум и наполняет недюжинной, хлещущей через край энергией.

Узнав, что легкораненый варвар ускользнул от наемников и догнать его, учитывая резвость дареного аквилонского жеребца, не представляется возможным, он решил сменить тактику и прибегнуть к помощи собак. Этот вариант мести он обдумывал заранее, поэтому еще во время пребывания Конана в его замке Кайсс приказал отрезать пряди волос с гривы и бабок его жеребца, а также сохранить нетронутой одну из подушек, на которых спал киммериец. Среди его охотничьей своры одна из сук, по кличке Умильная, отличалась редкостным нюхом, характерным для чистокровных псов южнотуранской породы, выведенных чуть ли не в течение тысячелетия. Подушки и конских волос оказалось достаточно, чтобы она с легкостью взяла след. Прямо за городскими воротами Умильная повернула на дорогу, идущую строго на восток.

Она бежала впереди отряда из двадцати человек, принадлежавших к личной страже барона, под предводительством сорокалетнего кушита Баврода, опытного, хитроумного и безжалостного наемника, которому Кайсс доверял как самому себе, проверив не в одном деле. Баврод был

дорогим убийцей, он требовал золота в три раза больше, чем обычный наемник, но зато уж и расшибался в лепешку, чтобы выполнить задание своего нанимателя...

После двух суток погони отряд достиг реки Громовой, где след варвара поворачивал на север и шел по правому берегу вверх по течению. Довольно скоро он оборвался на каменистом берегу, недалеко от места впадения Ширки. Перебравшись на другой берег прямо верхом (для этого пришлось снять доспехи и груз провизии, чтобы не отяжелать чрезмерно лошадей, и оставить их под присмотром одного из солдат), Баврод прочесал прибрежные заросли на пятьсот локтей в обе стороны, но Умильная взять след не смогла. Ни окрики, ни уговоры на нее не действовали, она лишь виновато помахивала хвостом и растягивала губы (за эту привычку она и получила когда-то свою кличку)... Пришлось возвращаться назад, снова плюхаясь на усталых конях в прохладную медлительную воду.

К счастью для них, недалеко от берега оказалось небольшое селение пастухов и землепашцев, и после недолгих расспросов, угроз и зуботычин удалось выяснить, что чужеземец на вороном жеребце останавливался у них. Больше того, он взял у одного из жителей на время лодку, оставив взамен своего огромного и, видимо, очень дорогого коня. Старик, одолживший лодку, растерянный и перепуганный, лепетал, что чужеземец и не думал бежать или скрываться, но лишь собирался навестить старого приятеля, поселившегося с семьей на острове, что вздымается из воды посередине реки.

Баврод веско и грозно объявил, что чужеземец — северный варвар и разбойник, запятнавший себя страшными преступлениями, которого они ловят согласно приказу самого короля Фердруго. Каждого, кто будет помогать ему и пособничать, ожидает суровая кара. После чего он запретил кому-либо из селян под страхом казни на месте покидать стены своих домов, а также издавать малейший шум, который мог бы насторожить разбойника. То же самое он повелел своим солдатам, чем немало обозлил их, собравших-

ся было расслабиться после утомительной погони в веселой компании бутылей с домашним вином и смешливых деревенских красоток.

Неестественная тишина опустилась над вечерней деревней. Илоис, отплывая от острова в легкой кожаной лодке на помощь рожавшей женщине, недоумевала, что бы это значило. Обычно в это время суток со стороны скрытых деревьями глиняных хижин доносились хмельные песни, смех расшалившейся молодежи, заунывные крики матерей, созывающих под кров заигравшихся во дворе мальчишек. Шумри, проводив ее и возвращаясь еле различимой тропинкой меж скал к себе, также отметил непривычное, ступившееся над берегом беззвучие. Именно оно поселило в его душе первые зерна непонятной, неоформленной тревоги.

* * *

Баврод не позволял своим людям ни пить, ни играть в кости, ни громко разговаривать. Спать он не разрешал тоже, дожидаясь того часа, глухого и тяжелого часа незадолго до рассвета, когда сон связывает человека сильнее всего и разбудить его непросто. Именно к этому времени приурочил он высадку отряда на остров. На этот раз они поплыли на лодках, отобранных у селян, и на передней вместе с предводителем сидела Умильная, нервно позевывая и моргая воспалившимися от усталости глазами. Ни доспехов, ни тяжелых сапог, ни мечей на них не было, ибо все это издает звон и грохот. Из оружия каждый имел лишь кинжал. Правда, лезвия у всех на этот раз были уже отравленными...

* * *

Конан вынырнул из сна от осторожного толчка в плечо.

— Что?! Что случилось?.. — пробормотал он, по привычке нащупывая меч справа от себя.

— Тсс! — Шумри приложил палец к губам. — Одевайся, только молча и быстро! Мое тягостное предчувствие наконец разрешилось. Кому-то ты очень насолил, Конан, и

тебя ловят. Только что на остров высадились группа солдат...

— Проклятие!..— Конан вытащил из ножен меч и крепко выругался шепотом.— Это Кайсс! Но как же он выследил меня? Клянусь Кромом, когда я скакал к тебе, за мной не было никакой погони! Уж я-то такие вещи хорошо чувствую...

— Вложи меч в ножны, неистовый варвар,— прошептал немедиец.— И следуй за мной. Когда все утихнет, поблагодари Волчка — это его чуткий слух разобрал в ночи посторонние шорохи. Когда он залез на скалу, на свой любимый наблюдательный пост, то увидел дюжины две полуголых молодцев, только что высадившихся из лодок и очень старающихся не шуметь. Настроены они были неприветливо и решительно. С ними была собака. Это она, должно быть, вынюхала твой след. Вряд ли они осмелятся карабкаться по скалам в темноте, но кто знает... На всякий случай нам надо торопиться!..

Одеваясь, Конан заметил, что дети не спят. Сидя на корточках на своих циновках, они напоминали двух встревоженных и чутких зверенышей. Ему показалось даже, что глаза их мерцают в темноте. Прежде чем выйти, он провел ладонью по волосам девчушки и похлопал мальчика по щуплым плечам.

Шумри повел киммерийца куда-то к дальнему краю острова, непонятным образом ориентируясь в темноте. Впрочем, тьма начала понемногу расползаться, сереть в преддверии рассвета, и можно было различить смутные силуэты деревьев и грозно-надменные профили скал.

— Придется нам с тобой искупаться,— заявил Шумри, останавливаясь перед черно-недвижной гладью небольшого озера или пруда.

— Зачем? — хмуро спросил Конан.

Он все еще не до конца проснулся и воспринимал происходящее с некоторым трудом.

— В обход будет дольше,— объяснил Шумри.— К тому же надо сбить со следа собаку. Вода растворит твой запах... Тут неглубоко, не выше твоего подбородка!

Они оба разделись и свернули одежду. Прохладная вода медленно поднималась с каждым шагом, щекоча тело знобящими прикосновениями. Дойдя до ключиц киммерийца, уровень ее стал понижаться. Вскоре они уперлись в тесную вертикальную стену камня, вздымающуюся прямо из воды.

— Дай мне твою одежду,— велел Шумри,— и попробуй взобраться наверх. Трудно только первые пять-шесть локтей. Выше пойдут расщелины, за которые удобно цепляться.

Конан, не задавая больше вопросов, передал другу сверток с одеждой и полез, осторожно и тщательно ощупывая каждый крохотный выступ под ладонями и ступнями. Как ни странно, с виду скала казалась гораздо более неприступной, чем на самом деле. Камень был теплым и совсем не враждебным к нему, несмотря на видимую угрюмость.

Вскоре киммериец был уже на вершине и протягивал руку Шумри, лезшему следом и пользовавшемуся лишь одной рукой, так как в другой были свертки с одеждой.

— Скоро будет светать,— прошептал немедиец, отдышавшись.— Я знаю, тебе сейчас очень хочется спать, но советую перебороть сон и посмотреть, как будут загораться скалы под пурпурными лучами юного солнца...

Конан кивнул и, набросив на мокрые плечи плащ, поудобнее уселся на небольшой каменной площадке, не особенно жесткой благодаря серебристой щетине лишайника. Пурпурное солнце его интересовало мало, но имело смысл понаблюдать сверху, откуда был отличный обзор почти всей территории острова, за теми, кто так упорно за ним охотится.

— Тебе не нужно спешить назад? — спросил он.

— Пока нет,— отозвался Шумри, устраиваясь рядом.— Они еще не перебрались через скалы, еще топчутся на берегу и переругиваются сквозь зубы, заставляя собаку искать проход в камнях...

— Интересно, а кто вообще протоптал этот проход? Дикие козы? Что-то я их тут не заметил... А может быть, ты с

детьми? И как тебе пришла в голову мысль высадиться возле этих голых и сухих скал? Глядя на них с берега, ни за что не подумаешь, что они скрывают за собой зелень вечного лета.

— О, виноваты в этом рассветные лучи солнца! — улыбнулся Шумри. — Когда мы проплывали здесь, было раннее утро, Илоис и дети спали в лодке, а я тихонько греб, помогая течению... И вдруг скалы впереди меня, мрачные и серые, засветились розовым, алым и пурпурным. И зазвучали! Да-да, они светились и звучали. То была музыка, никогда прежде мной не слышанная. Казалось, что весь остров этот — один огромный музыкальный инструмент со множеством взметнувшихся вверх тонких и толстых труб и трубочек... Я не мог не направить лодку к этим дивным камням и слушал, слушал до тех пор, пока из пурпурного солнце не стало желтым, и музыка не утихла. Проснулись дети и сразу же кинулись лазать по скалам, словно ящерицы. Не обращая внимания на запреты бедной Илоис, они взобрались на самую вершину... и тут издали такой дикий и торжествующий вопль в две глотки, что мы не на шутку перепугались. Мы думали, они узрели что-то ужасное... Тропинку протоптали не козы, конечно, а мы четверо, постепенно, за два года, что мы живем здесь.

Небо понемногу светлело. На западе еще сверкали звезды, восточный же край медленно пропитывался розовым. Проснувшиеся птицы завели утреннюю перебранку над их головами.

— Илоис тоже со временем стала слышать здесь музыку, — помолчав, продолжил Шумри. — Правда, не на рассвете, а в сумерки, сразу, как солнце садится за красноватыми холмами. Она уверяет, что музыка эта тихая, приглушенная и нежная, словно шепот матери перед сном со своим ребенком... Сначала я просто слушал, затем стал играть сам. Есть некоторые места в расщелинах скал, где эхо подхватывает звук, умножает его, разносит по всему острову и за его пределы. Кажется, что играет не один человек, а несколько.

— Об этом говорил вендиец с коброй, — вспомнил Конан. — Твоя музыка зачаровала его, совсем так же, как он зачаровывает и заставляет танцевать свою змею.

— Вендиец был не единственным, — усмехнулся Шумри. — Пять или шесть странников приплывали сюда на звуки тростниковой флейты. Обычно они жили здесь несколько дней, иногда луну или больше. На прощание я каждого просил расспрашивать о тебе где только можно. Я знал, что бродяги, нигде не задерживающиеся подолгу, покрытые пылью тысяч дорог и тропинок, рано или поздно донесут до тебя мою весть. Если странник был родом из Зингары или имел отношение к морю, я также просил его узнать что-нибудь о Горги и «Адуляре». Но, видимо, наш капитан все еще плавает где-то. А ты... Ты пришел!

— И, клянусь Кромом, ничуть не жалею об этом! — отозвался Конан. — Если мне снова встретится тот вендиец, я непременно обниму его и отсыплю грудой монет. Даже подружка его из голубого кувшина кажется мне симпатичной!

— Если б ты видел, как подружились с ней дети, — улыбнулся Шумри. — Пока этот южный странник жил у нас, Илоис пребывала почти в постоянном ужасе, потому что они брали кобру в руки — кажется, ее звали Чейя — носили на шее, поили козьим молоком, за которым специально плавали в селение... Она выполняла их команды, как дрессированный пес. Под конец и сама Илоис привыкла к ней и уверяла, что ничего красивее узора на ее спине — черного на синем — никогда не встречала... Да, он был очень славный, тот вендиец. Не зря же именно его слово привело тебя к нам.

Шумри замолчал. Не отрываясь смотрел он на небо, ставшее уже ярко-розовым, на зубцы скал на востоке, чьи профили золотились под лучами встающего солнца... Возможно, он снова слышал свою музыку.

От яркости и сияния небесных красок у Конана устали глаза, и он опустил их. И вовремя! На противоположной гряде скал он заметил что-то шевелящееся, напоминающее медленно и беззвучно катящиеся камни. Но то были не

ка мни, а люди, в кожаных плащах и наплечниках, цепочкой спускающиеся с вершины гребня. Впереди всех мелькала узкая спина собаки, низко пригнувшей голову и распрямившей хвост.

— Клянусь Кромом! Вот и они наконец! — воскликнул киммериец. — Вот и верные псы Кайсса!..

Шумри не сразу вышел из созерцания и вслушивания. Переход от рассветной музыки к цепочке крадущихся убийц был для него слишком резким.

— Да-да... — пробормотал он. — Да... это они. Теперь я пойду, Конан. Тебе же лучше передвинуться за этот выступ, вот так. Теперь тебя снизу невозможно будет заметить.

Скальные выступы с боков и сверху образовывали что-то вроде ниши или логова. Дно было покрыто охапкой мягкой сухой травы. Видимо, Шумри не раз забирался сюда и проводил время в одиночестве.

— Да, — заметив его взгляд, кивнул немедиец. — Я часто сижу здесь один, иногда провожу целые ночи. Это самое заветное мое место, где я чувствую себя одним целым со всем миром вокруг меня. Одновременно чувствую себя песчинкой и горой, звуком и мелодией сфер, капель и океаном... Впрочем, сейчас это не важно. Ты отлично выступишь здесь, Конан. Только не вздумай спускаться вниз без меня. Я вернусь, как только все будет спокойно.

— Но я не хочу здесь сидеть, как кролик в норе! — воспротивился киммериец. — Не забывай, что мой меч при мне!

— При тебе один только меч, при них же — десятка два отравленных кинжалов, — возразил Шумри. — Даже если ты убьешь половину, прежде чем погибнешь сам, что это изменит?

— Почему ты думаешь, что кинжалы отравленные?

— Потому что ни мечей, ни луков при них нет. Видимо, чтобы не производить лишнего шума. Они надеются заспать тебя врасплох, напасть на спящего. Нет ничего лучше отравленных кинжалов для этой цели. Но ты не беспокой-

ся, я наведу их на ложный след. Озеро под скалой имеет протоку, соединяющую его с рекой. Я скажу, что ты уплыл вниз по течению, взяв нашу лодку.

— И все-таки я не могу, не могу сидеть просто так!.. — Конан скрипнул зубами и ударил кулаком по камню.

— Ты будешь сидеть здесь, — сказал Шумри. — Если не хочешь погубить мою семью.

Киммериец отвернулся и выругался, но беззвучно, одними губами.

— Прости, но я должен спешить. Постарайся заснуть, тогда время пройдет быстрее. Мне хотелось бы спроводить этих ищеек до тех пор, пока Илоис еще не вернулась...

Глава третья

С он, как всегда бывает на восходе и закате, был спутанным, поверхностным и тревожным. Конан боролся с неведомыми противниками, бесформенными и вязкими, падавшими на него со всех сторон, словно уплотнившиеся до предела сгустки болотного тумана. У них не было голосов и не было лиц, и он задыхался от исходящего от них тухлого запаха... От ударов его меча нападавшие дробились на куски, все более мелкие, но куски эти продолжали двигаться и засыпать его со всех сторон, залепляя глаза и ноздри, теплой слизью стягивая размах рук... Нехватка воздуха становилась все мучительней, струйки пота текли по его лбу и вискам, перемешиваясь с липкой влагой отвратительных, назойливо-неутомимых существ... От вязкой муки удушья Конан проснулся.

Во сне он выкатился из-под защиты каменного навеса, и высокое солнце светило ему прямо в лицо, своими жаркими прикосновениями вызывая, должно быть, мучительные кошмары. Помотав тяжелой головой и разлепив глаза, киммериец приподнялся. В двух шагах от него сидел Шумри. Он казался очень усталым.

— Ты беспокойно спал, — сказал немедиец. — Должно быть, виной тому слишком жаркое солнце. Я не решился разбудить тебя, так как тебе нужно набраться побольше сил перед сегодняшним днем.

— Все... все нормально? — спросил киммериец, морщась от душной головной боли. — Где солдаты?

— Солдаты ушли с острова, — ответил Шумри. — Они облазили его весь, а уезжая, взяли с собой детей.

— Детей?! — не поверил своим ушам Конан. — О, Кром! Шумри кивнул. Лицо его было спокойным, только осунувшимся и потухшим.

— Их предводитель сказал, что не верит мне. Он тряс перед моим носом королевским приказом о твоём аресте и орал, что поймает тебя во что бы то ни стало. Детей, он сказал, он взял в залог, и отпустит их, как только ты окажешься — с моей помощью — в его руках.

— Проклятый Кайсс! Чтоб ему провалиться заживо в обитель Нергала!

— Они называли его Баврод. Среди них не было человека по имени Кайсс.

— Значит, этот Баврод — самый преданный и хитроумный из его псов! Пойдем! — Конан рывком вскочил на ноги и шагнул к краю обрыва.

— Постой! — Шумри удержал его от спуска вниз. — Сейчас нам необязательно лезть по вертикальной скале и брести через озеро. И бежать сломя голову тоже незачем, Баврод дал мне три дня на раздумья.

Он повел киммерийца обходным путем, не таким крутым и отвесным. Конан рвался вперед, то и дело наступал ему на пятки и подталкивал в спину, так что пару раз они чуть не скатились с осыпи.

Когда показалась хижина, Конан невольно замедлил шаг.

— А... как Илоис? — спросил он. — Она сейчас там?

— Илоис, к счастью, вернулась поздним утром, совсем недавно, — отозвался Шумри. — Роды оказались неожиданно долгими. Благодарение Митре, самое страшное совершилось не на ее глазах.

Не доходя пяти шагов до травяной занавески, заменявшей двери, Конан остановился. Он не мог заставить себя войти в дом и встретиться с глазами женщины, чьих детей по его вине увели наемные убийцы.

Но Илоис, заслышав их слова, вышла из хижины сама. Она была бледнее, чем обычно, и бессонная ночь наложила

синие круги под ее прозрачными, как дымчатый хрусталь, глазами. Приветливо кивнув Конану, она сказала:

— Ну и трудные же оказались роды! Никогда прежде не бывало такого, с тех пор как мы живем здесь. Бедная женщина ужасно кричала и никак не могла разродиться. И я ничем не могла ей помочь. Еще когда плыла в лодке, стало тревожно от нависшей вокруг тишины. Ни детского смеха, ни перебранок соседей... Пока добралась до селения вверх по течению, откуда прилетала птица, тревога совсем обессилила и подавила меня. Ничем не могла помочь этой несчастной! Едва удерживалась, чтобы не кричать вместе с ней, не понимая сама, отчего мне так тяжело.

— Прости меня, Илоис,— выдал из себя Конан.— И ты прости, Шумри. Я навлек беду на ваш дом, сам того не желая. Но клянусь жизнью своей, она будет недолгой. Совсем скоро вы обнимете ваших детей.

— Зайди в дом, Конан,— предложил Шумри.— Ты, должно быть, голоден.

— Неужели ты можешь говорить сейчас о еде?!

— Говорить о ней, может быть, и не стоит, но неужели ты думаешь, что я отпущу вас отсюда, как следует не накормив?..— спросила Илоис и решительно потянула его за собой в хижину.

Конан молча повиновался. Когда с внушительной порцией овощей было покончено, он спросил у хозяина дома:

— Ты собираешься идти к Бавроду вместе со мной?

— А как же иначе? — удивился тот.

— Мне кажется, это не совсем разумно.

— Может быть, это вовсе безумно,— отозвался Шумри.— Но это мои дети. К тому же у меня не будет возможности помочь тебе, если я останусь на острове.

— Неужели ты думаешь, что мы останемся здесь и затаимся, как мыши в норе?..— вступила в разговор Илоис.

Конан бросил на нее короткий взгляд, но ничего не ответил. Он насутился и опустил глаза, принимая решение. Отправиться к наемникам вместе с друзьями имело бы смысл, если б они хоть как-то могли ему помочь! Но шансов на это нет. Ни единого. Напротив, все это может ослож-

нить и без того безнадежную и глухую ситуацию, в которой он увяз, словно чугунное ядро в болоте... У него было достаточно времени изучить хитроумный нрав юного барона Кайсса. Судя по всему, его преданный пес Баврод из той же породы. Увидев его вместе с Шумри, он сразу поймет, что тот помогал ему прятаться. Он может схватить и его, и Илоис как пособников чернокнижника, размахивая указом короля. С этого негодяя станется!.. Шумри необходимо убедить остаться на острове. Но вот как?.. Старый его приятель был скорее покладистым, чем упрямым, но вряд ли он сохранит уступчивость и здравый смысл, когда дело касается ребятишек, находящихся сейчас в лапах дюжины наемников с отравленными лезвиями...

— Ты, кажется, сказал, что Баврод дал три дня на размышления и можно не торопиться? — спросил он наконец, прервав затянувшееся молчание.

Шумри кивнул.

— Тогда я хотел бы побыть немного в одиночестве, если ты не возражаешь! Нужно обмозговать кое-что, а голова моя лучше всего работает, когда я совсем один. Пойду прогуляюсь немного. Я скоро вернусь, и мы отправимся!

* * *

— Как ты думаешь, что он имел в виду, говоря слово «скоро»? — спросил у жены Шумри, когда прогулка друга стала ему казаться чрезмерно затянувшейся.

— Мне кажется, в данном случае слово «скоро» означало «никогда»...— откликнулась, не глядя на него, Илоис.

Она сжалась на циновке, обхватив руками плечи, так, словно в хижине было очень холодно.

— О, Кром! Я должен был бы сразу догадаться. Этот киммерийский бродяга обвел меня вокруг пальца, словно маленького ребенка...

Им нетрудно было убедиться в правильности своего предположения, стоило лишь добраться до берега. Вместо деревянной лодки, на которой накануне приплыл сюда Конан, на песке был лишь свежий след от ее днища.

Глава четвертая

Баврод, подготовившийся было к долгой и изнурительной охоте на варвара, славящегося своей фантастической силой, сообразительностью и везением, был безмерно удивлен тем, с какой легкостью добыча упала к нему в руки. Конан пришел сам, демонстративно швырнув наемнику под ноги свой меч и потребовав, чтобы тот немедленно отпустил детей.

Кушит, видевший киммерийца впервые, долго с удовольствием рассматривал свою добычу, переводя глаза с желтыми, как старая слоновая кость, белками с могучего торса на перевитую мускулами шею и презрительно усмехающееся лицо со светлыми рубцами шрамов. Затем смачно расколотася, колыхая жировыми складками на животе.

— Вот порадуетсся юный барон Кайсс! Этот дергающийся от ненависти юнец предупреждал меня, что справиться с тобой нелегко, что кроме силы буйвола ты используешь еще и приемчики магии!.. Он предупреждал, что я потеряю половину, а то и больше своих ребят, прежде чем мы сумеем скрутить тебя. И что же? Они не получили ни одной царапины, мои славные мальчики, а ты уже мой! Неужели жизни двух крохотных оборвышей так много значат?.. Видимо, сам Нергал надоумил меня прихватить их с собой, за что его ждет хорошая жертва!

— Прекрати трясти своим жиром и кudahтаты! — перебил его Конан. — Немедленно отпусти детей и можешь делать со мной все, что хочешь. Все, что сможешь, — прибавил он, чуть усмехнувшись.

Баврод подал еле заметный знак движением правой брови, и четверо его солдат тут же вцепились в плечи варвара. Конан, взревев, взмахнул руками, и все они попадали наземь. Но тут же навалилось еще трое. Мешая друг другу, осыпая его проклятиями и ударами, они все же набросили ему на запястья железную цепь и затянули ее.

— Больше не биты! — приказал Баврод увлеченным стражникам. — За живого врага Кайсс обещал мне заплатить в два раза больше! Значит, и вам перепадет больше, олухи. Если враг превратится в бесчувственный труп, убитый не твоими руками, исчезнет вся сладость мести, это я по себе знаю!

— Отпусти детей!.. — прохрипел Конан, слизывая кровь с разбитых губ. — Я хочу видеть, как они уйдут на свободу.

— Отпустить детей? Как бы не так! Я продам их на невольничьей ярмарке в Кордаве. За мальчишку, конечно, мне много не дадут, слишком мал и тощ, но зато девчонка должна понравиться перекупщикам из Иранистана. Через каких-нибудь пять лет она уже вполне сможет украсить гарем тамошнего вельможи! Неужели ты, тупой варвар, всерьез надеялся, что я выпущу из своих рук хоть что-нибудь, что может принести мне прибыль?.. Кайсс говорил, что ты хитер и сообразителен, а ты просто дубина! К тому же отец их прятал тебя, укрывал преступника и черно-книжника, которого приказал арестовать сам король. Если ты еще вякнешь по поводу детей, я прикажу продать в рабство и его тоже, и жену его! Ты этого хочешь?..

— Будь ты проклят, выродок! — взревел Конан, напрягая мышцы.

Ярость удесятерила его силы, и, кто знает, возможно, он разнес бы до основания глиняную хижину, где остановился Баврод, вместе со всеми ее обитателями, если б один из солдат, подскочивший сзади, не ударил его изо всех сил по голове дубинкой...

* * *

Голова раскалывалась и горела, словно была опущена в кипяток. Слабое прохладное дуновение касалось кожи на

его лбу и слегка умирало боль и жар. Но оно было таким маленьким, едва ощутимым... Посильнее бы!

Конан застонал и открыл глаза. В первое мгновение он ничего не увидел — настолько темно было в помещении, вернее, в лачуге, воняющей навозом и гнилой травой, куда он был брошен на жесткий пол. Стягивающий холод в запястьях указывал на цепи. Раскалывающаяся и пылающая голова свидетельствовала, что он еще жив, еще не провалился в царство серых теней, где болеть и раскалываться нечему...

— Он открыл глаза! — прозвенел над ним детский голосок, показавшийся ему знакомым. — Он жив!

Глаза привыкли к темноте, и Конан смог различить склонившееся над ним личико девочки. Рыжие волосы, пахнущие травой, молоком и шерстью, щекотали ему виски и щеки. Серьезно и прилежно выпятив губы, девочка дула ему на лоб.

— Посильнее, — пробормотал Конан. — Дуй изо всех сил... Странно, если этот скот не раскроил мне череп...

— Твой череп цел, — сообщила она. — Но ты так долго не шевелился и не разговаривал. Мы боялись, что ты умер.

— Ну, нет! Не дождутся они, что я подохну так быстро!..

Конан с трудом принял сидячее положение, опершись затылком и спиной о стену, и огляделся вокруг. Повидимому, его и детей бросили в деревенский сарай, где раньше держали коз либо хранили сено. Чтобы исключить возможность побега, окна были заколочены толстыми досками. Сквозь щели в них пробивались узкие лезвия света, позволявшие разглядеть стены, пол с двумя жалкими охапками травы и съездившихся детишек. Плечи их казались чрезмерно узкими, а позы неестественными, и Конан не сразу сообразил, что это оттого, что руки их скручены за спиной.

— Проклятие!.. Эти скоты связали вас!

— Я очень покусал их, — объяснил Волчок.

— А я расцарапала! — добавила Рыжик с гордостью. — Нам очень не хотелось залезать в этот темный сарай. Им не так-то легко было справиться с нами!

Зеленые ее глазенки посверкивали с вызовом, взлохмаченные мягкие волосы окружали голову, словно рыжий дым. Многочисленные ссадины и синяки на их лицах говорили, что озверевшие наемники не церемонились.

Конан скрипнул зубами. Проклятие!.. Что там говорила Иггл? Он пожалеет, что отказался от их дара, через три дня?.. Она ошиблась, дочка безвольного книжника и внука Нергала, но ошиблась только в сроках.

Прошло дважды по три дня, и он готов дать отсечь себе правую руку, лишь бы вернуть, хотя бы ненадолго, снадобье на свои щеки. Уж тогда бы этот красавчик Кайсс поплясал у него на пару со своим купитским вырожденком!.. Правда, если б его не намазали этой вонючей дрянью изначально, он и вовсе не оказался бы здесь, связанный и униженный...

— Не скрипи так зубами! — попросила девочка. — Очень страшно...

Но брата ее, похоже, заинтересовали звуки, издаваемые варваром. Он придвинулся к нему, не обращая внимания на гримасу бессильной ярости, исказившую и без того далеко не кроткое лицо.

— Покажи зубы! — строго велел он.

Конан не мог не усмехнуться. Он приподнял, словно оскалившаяся собака, разбитую верхнюю губу.

— Доволен?..

— Они крепкие? — деловито осведомился мальчик.

— Попробуй!

Ребенок повернулся спиной и выставил худые руки, безжалостно скрученные веревкой.

— Тогда перегрызи ее!

Несмотря на всю крепость резцов варвара, это оказалось нелегкой задачей. Веревка была жесткой и прочной, словно вязали не шестилетнего ребенка, но матерого преступника. Ключья пеньки забивали рот, и приходилось то и дело отплевываться... Наконец путы лопнули, и Волчок, счастливо рассмеявшись, взмахнул освобожденными руками.

— Тебе пришла в голову неплохая идея, малыш! Теперь давай ты! — кивнул Конан девочке.

Но мальчик решительно помотал головой.

— Нет! Я это сделаю. Мои зубы крепче твоих. Я уже начал, пока тебя не было, но без рук неудобно.

И действительно, с путами на руках сестренки, фыркая и урча от напряжения, он справился намного быстрее. Рыжик зазвенела бубенцовым смехом, взмахнула волосами, и они принялись скакать, кувыркаться и бороться друг с другом, словно вырвавшиеся на волю зверята. Со стен и потолка посыпалась сухая глина.

— А ну, тише! — прикрикнул Конан на ошалевших от свободы, весьма, впрочем, неполной, детей. — Хотите, чтобы охранники за дверью услышали и скрутили вас снова?

Дети с большой неохотой уgomонились. Распиравшая их изнутри радостная энергия заставляла вертеть шеями и подскакивать на месте.

— Если б ты еще мог перегрызть мои цепи! — пошутил, вздохнув, варвар.

— Я попробую! — Мальчик метнулся к нему и прихватил зубами одно из железных звеньев.

— Я пошутил, дурачок! Даже тебе это не по зубам! Брось, а то сломаешь свои драгоценные клыки!..

Упрямо помотав головой, мальчик принимался перетирать железо снова и снова, но в конце концов отступился, обессилив. Рыжик обняла его за плечи и отвела вглубь хижины, где они принялись оживленно шептаться. До Конана доносились отдельные возгласы. «Нет!... Не смей!.. Не надо!..» — сердито бубнил Волчок, а сестра втолковывала ему: «По-другому нельзя!.. Придется!»

— Эй! О чем вы там спорите? — окликнул детей ким-мериец.

Девочка подошла к нему. В лице ее была нерешительность, и зеленые пытливые глаза выдавали душевные колебания.

— Мы знаем, как выбраться отсюда, — сказала она. — Сначала выберемся мы с братом, а потом поможем бежать тебе.

— Что же вы медлите? — спросил Конан, и не думая принимать слова рыжей пигалицы всерьез. — Это же замечательно!

— Да, но... — Девочка замялась. — Для этого нам нужно будет сперва кое-что сделать. С самими собой...

— Не надо! Замолчи! — крикнул мальчик, но сестра лишь махнула в его сторону рукой и продолжала, напряженно вглядываясь в невозмутимое лицо варвара:

— Ты должен обещать нам, что никому-никому не расскажешь о том, что увидел. И еще ты должен обещать, что не испугаешься.

Конан расхохотался. Мысль о том, что эти крохи все-ррез рассчитывают напугать его, искренне его развеселила.

— Не смейся! — строго прикрикнула на него девочка. — Не смей смеяться, но поклянись, что не проболтаешься и не будешь бояться. А если и испугаешься, то не пикнешь.

— Клянусь! — весело воскликнул он. — Клянусь Кромом, Митрой и Нергалом, что не проболтаюсь и не испугаюсь. А если испугаюсь, то не до смерти, и вам не придется возить-ся с моим холодеющим трупом.

— Ну смотри! Не говори потом, что тебя не предупредили. Лучше бы тебе, конечно, зажмуриться, но я знаю, ты все равно будешь подглядывать.

Девочка отошла от него и отвернулась к стене хижины.

— Я первый! — воскликнул Волчок. — Если он и швырнет чем-нибудь, пусть это попадет в меня.

— Он не швырнет, у него скованы руки, — резонно возразила сестра. — Мы сделаем это вместе.

— Ну тогда плюнет! — не сдавался мальчик.

Легонько шлепнув его по затылку, сестра отвела его голову к стене и подняла руки. То, что произошло следом за этим, показалось Конану ожившим сновидением. Дети приподнялись на цыпочки и потянулись ладонями, так, словно пытались сорвать что-то невидимое высоко над их головами. Их спины прогнулись, подбородки задрались вверх. Судорога затрясла их худенькие тела от основания шеи до колен и обратно. Быстрыми движениями они скинули с себя одежду и снова вытянулись, но не голые тела заблестели в полумраке. Нет, вместо бледной кожи было что-то темное и пушистое. Оба они одновременно упали на четвереньки. Круглые мордашки вытянулись вперед, заострились и покрылись шер-

стью. Не мальчик и девочка шести-семи лет, но волчонок со вздыбленной на хребте темно-песочной шкурой и ярко-рыжая кошка стояли у стены, переминаясь с лапы на лапу и теребя ткань сброшенных одежонок.

Не взглянув в сторону онемевшего киммерийца ни разу, звери принялись рыть землю в самом дальнем и темном углу хижины. Точнее, рыл волчонок, стремительно и размашисто взмахивая широкими лапами, а кошка лишь помогала ему, отгребая в сторону вывороченные комья земли. Все это происходило в почти полном молчании, прерываемом лишь рабочим поскуливанием и урчанием.

Вскоре серый звереныш уже до половины скрылся в вырытом проходе, а еще через недолгое время из ямы торчал лишь его хвост, прямой и пушистый, подрагивающий от напряжения. Сестра его в кошачьем облике ухватила хвост двумя лапами и потянула на себя. Волчонок, пятясь задом, вылез обратно и основательно отряхнулся. Песчинки и комья полетели во все стороны, обсыпав киммерийца земляным дождем. Кошка также отряхнулась, но гораздо более грациозно. Мгновение спустя — Конан не успел заметить и осознать, как именно и в какой последовательности это произошло, — перед ним стояла пара голых малышей, торопливо натягивающих на узкие плечи и бедра свою одежку.

Киммериец откинулся навзничь и присвистнул, не найдя слов.

— Вот видишь, он не плюнул, — наставительно заметила девочка брату. — И не лишился чувств, и не заорал, и даже не особенно поблел.

— Ты все-таки не подходи к нему близко, — буркнул подозрительный Волчок. — Держись все время возле меня.

— Ерунда! — Девочка подошла к варвару и присела у его ног. — Не будь таким трусливым! Разве ты не видишь: он ничего нам не сделает. Он даже улыбается.

— Я улыбаюсь, — подтвердил Конан. — Я даже могу рассмеяться: ха-ха-ха...

Интонация варвара не понравилась ей.

— Ты же обещал, что не испугаешься! — укорила она его. — И уж тем более не разозлишься. Если б мы знали

другой выход отсюда, разве бы мы стали делать это при тебе? Ты думаешь, нам очень хотелось раскрывать, что мы из рода хэйкку?..

— Кто-кто? — переспросил киммериец.

— Ну хэйкку! Разве ты никогда о таких не слышал?

— Никогда.

— Ну тогда я расскажу тебе! — Девочка оживилась и придвинулась ближе. — Время еще есть. Когда зайдет солнце, мы выползем отсюда и незаметно проберемся к реке. Но потом мы вернемся и придумаем что-нибудь, чтобы ты мог уйти тоже. Пока солнце не село, я расскажу тебе...

Она взмахнула ладошками, но тут же заметила, что они выпачканы землей. Высунув язык, она стала было вылизывать руку, но, скосив глаза на Конана, оставила это занятие и в некотором замешательстве вытерла ладони об одежду.

— Слушай же! — В ее зеленых глазах замигали таинственные огоньки, похожие на точки свечей в глубине темной комнаты. — Это ничего, что ты не знаешь о хэйкку. Я и сама о них долго не знала, пока одна добрая женщина не рассказала мне... Мои родители были простыми людьми, они пасли коз и охотились, они ничего не понимали в этом и ничего не могли мне рассказать... Я родилась далеко отсюда, где-то там. — Девочка неопределенно махнула рукой. — Не знаю, как называется это место, но там было гораздо холоднее, чем здесь. Лето было короткое, а зимой наметало много-много снега... Я не знала сперва, что я хэйкку... Однажды — я была тогда совсем маленькой и не умела ходить, и все время качалась в маленькой лодочке, привешенной к потолку, — я заглянула вниз и увидела, как на полу подо мной играют котята. Наша толстая серая кошка недавно родила их, пять или шесть штук... Они так весело гонялись друг за другом, кувыркались, толкались, кусались и царапались — понарошку, что мне захотелось поиграть с ними тоже. Я вывалилась из своей лодочки на пол, и они приняли меня в игру. Они резвились со мной так, словно я была их сестричка. Уже позже я узнала, что хэйкку обладают даром превращаться в зверя, но только в одного, если этого захотят... Но тогда я даже не заметила,

что стала какой-то другой, я только очень обрадовалась, что котята не прогнали меня, а приняли в свою игру. О, мы так весело играли!.. А потом в комнату вошла женщина, родившая и кормившая меня, и закричала. Она увидела, что мягкая лодочка пуста. От ее крика я вся сжалась и тут же мне стало холодно, неудобно и больно. Я лежала на полу и снова была маленькой девочкой, человеком. Женщина подбежала ко мне, схватила и стала укачивать, прижимая к груди... Отчего-то я поняла тогда, хоть и была совсем маленькой, что играть с котятами мне нужно втайне, когда меня никто не сможет увидеть. И с тех пор я делала это только ночью, когда мои родители крепко спали и не могли видеть моих превращений. Котята, к счастью, отсыпались днем и ночью носились по полу. У меня стало две мамы теперь — женщина и серая кошка. Кошка была добрее, она никогда не кричала на меня, не шлепала, но только, если сердилась, тихонько кусала за ухо...

— Хороша же была мать, которая не ведала, что творит ее дитя по ночам, — заметил Конан. — Неужели она ни о чем не догадывалась?

— Кроме меня у нее были еще дети, — объяснила девочка. — Трое или четверо. Она не могла уследить за всеми. И потом, я вела себя очень осторожно, становилась кошкой лишь по ночам, не шумела и не мяукала... Потом котята подросли и куда-то подевались, и я загрустила. Но ненадолго. Вскоре у кошки появились новые. Потом еще и еще... И мне почти всегда было с кем играть. Но однажды наступили голодные времена... Лето выдалось сухое, и ничего не выросло, почти все козы и куры умерли, и зимой стало нечего есть. В нашей деревне все голодали, особенно дети. Ели кору деревьев, грызли кожаные ремни... Мне было легче всех. Ведь по ночам я тайком убегала из дому и... — девочка замаялась, — ...и добывала себе еду на окраине селения или в лесу. Не могу сказать, что это было приятно, но другого выхода не было. Я поэтому совсем не голодала, но мне не хотелось, чтобы от голода умерли мои родители и братья с сестрами. И я стала приносить им еду тоже. Приносила птиц и оставляла на крыльце. Мать на-

ходила их по утрам, морщилась, но все равно брала, ощипывала и варила на всех суп. Все было бы хорошо, но она проболталась об этом соседям. А те, наверное, позавидовали и сказали, что она знает со всякой нечистью, которая приносит ей из леса мертвых птиц. Об этом заговорила вся деревня... Мать перестала брать птиц с крыльца, но тогда их стали брать мои маленькие братья и сестры. Они ели их сырыми, ведь они всегда были голодны. Тогда мать с отцом решили выследить, кто подбрасывает им птиц, потому что не могли больше терпеть пересуды соседей. Да и боялись они, наверное, тоже. Ведь нечисть ничего не дает человеку даром. Может прийти однажды и потребовать страшной жертвы...

Однажды ночью они не легли спать, а затаились у окна. И увидели меня с птицей в зубах, когда я возвращалась из леса. Я не заподозрила ничего плохого. Я ничего не заметила и хотела, как всегда, положить еду на крыльцо, но мой отец выскочил из дверей и схватил меня. Я чуть не умерла от страха!.. Он был такой сильный, из рук его невозможно было вырваться. От страха я стала человеком. Когда моя мать увидела это, она закричала и закрыла лицо руками. Она упала на крыльцо и кричала... Отец сжал меня двумя руками и чуть не задушил. Руки его были ледяными и жесткими, как железо на морозе... В последний миг он ослабил свои руки и закричал, чтобы я убиралась из дому подальше, если хочу остаться живой...

Девочка помолчала и перевела дыхание. По телу ее прошла короткая волна дрожи. Видимо, воспоминания были очень яркие и осязаемые.

— Это было так страшно! И так горько, — вздохнув, пожаловалась она. — Ведь я не сделала никому ничего плохого. Я хотела только, чтобы они не умерли с голоду... Я снова встала на четыре лапы и побежала. Отец кричал, чтобы я убиралась из деревни тоже и никогда-никогда, даже случайно, не попадалась ему на глаза. А моя мать закрывала лицо руками, словно я была такой страшной, что она не могла на меня смотреть...

— Зато он в тебя не выстрелил! — подал голос Волчок.

— Да, — согласилась девочка. — И даже не ударил... Но я не знала, куда мне идти. Я бродила от одной деревни к другой, но всюду люди уже знали мою тайну. Знали, что я не такая, как все. Они гнали меня, швыряли палками и называли оборотнем и лесной нечистью... Наконец, одна старая женщина взяла меня к себе. Она была некрасивая и плохо одевалась и почти не ела. И жила совсем одна. Но она была добрая. И она знала много таких вещей, которых другие не знали. Она сказала мне, что никакой я не оборотень, а хэйкку, и это видно с первого взгляда, особенно в темноте. Оборотни не такие. Одни из них губят людей и пьют их кровь, или разрывают на куски тело. Другим тело ни к чему, они пожирают души, и это намного страшнее. Оборотни рождаются от женщин, которые веселились со злыми демонами. Также оборотнем можно стать по своему желанию — если заняться черной магией... А хэйкку — это совсем другое. Они не имеют никакого отношения к демонам или магии. Их называют еще — племя Зеленого Луча.

— Зеленый Луч?.. — переспросил киммериец. — Что-то я никогда о таком не слышал.

— Я тоже не слышала, пока эта добрая женщина не сказала мне. Хэйкку рождаются у простых женщин, но обязательно на закате, в тот момент, когда солнце посылает на землю свой самый последний луч. И луч этот не простой, а ярко-зеленый. Так бывает очень редко, поэтому хэйкку нечасто можно встретить на земле, и люди путают их с оборотнями. Хэйкку умеют превращаться в зверя, который понравился им самым первым. А кроме того, они понимают голоса всех зверей, птиц, рыб и деревьев. Они могут жить с людьми, могут жить в чаще леса, на вершине горы, в пещере, на краю болота. Когда хэйкку случайно встречаются друг друга, они узнают своего с первого взгляда и очень радуются... Иногда собирается даже целая группа хэйкку, и тогда они уходят от всех. Забираются в самые глухие места и строят там свою деревню. Если человек случайно забредает в это селение, он ни о чем не догадывается и думает, что это самая обычная деревня. Но если ему понравится там и он будет просить остаться с ними — хэйкку ни за что не оставят его...

Но большинству из них не так везет, и всю жизнь они должны жить с людьми, среди которых появились на свет. И всю жизнь должны скрывать свою тайну. Если люди узнают, кто они на самом деле, они прогоняют их от себя и могут даже убить... Она еще много чего рассказала мне, эта женщина. И не только про хэйкку. Она была очень старой и почти не могла ходить. Я тоже приносила ей еду. Мы не голодали, но стали замерзать. Зима выдалась очень суровая. Обычно ей приносили дрова соседи за то, что она лечила их травами и заговорами, но теперь никто не приходил к ней, потому что в доме у нее, как все говорили, жил оборотень... Мы замерзали, и я поняла, что должна уйти, уйти от нее тоже. Она горевала и плакала, прощаясь со мной, и велела идти далеко, туда, где никто обо мне не слышал. Она велела никогда не показывать людям, которых я встречу, что я хэйкку, а не простой человек. Я так и делала...

Я очень долго шла по лесу, пока не встретила людей, низеньких, диких, с перьями в волосах. Я стала жить с ними, но никогда больше не превращалась в кошку, чтобы они не прогнали меня... А скоро меня взяли мама Илоис и папа Шумри, и я пошла с ними. И они тоже не догадываются, кто я на самом деле...

— Неужели? — недоверчиво хмыкнул Конан. — Вот тут-то ты ошибаешься. Не могут они этого не знать. Иначе они не называли бы вас Рыжей Шерсткой и Волчьим Клыком.

— Нет-нет! — горячо запротестовала девочка. — Они ничего не знают. Они называли нас потому, что мы были очень дикими, когда с ними встретились. Особенно Волчок. Он кусался и клал зубы, и чесал себя ногой за ухом, как это делают собаки и волки, потому что жил какое-то время с волками. Но пусть он сам расскажет. Расскажи же свою историю! — кивнула она брату.

— А что рассказывать? — буркнул мальчик, намного менее словоохотливый, чем его сестренка. — Я увидел в окне волков и тоже стал волком.

— Эх ты! Даже рассказать толком не умеешь! — укорила его девочка. — Давай я за тебя расскажу... Однажды — он был тогда совсем маленьким — Волчок проснулся но-

чью и посмотрел в окно. Их дом стоял на самом краю села, дальше были только поле и лес... Он родился не там, где я, в какой-то другой стране. Там гораздо теплее, но не так жарко, как здесь. Зимой там тоже был снег... В тот раз как раз была зима. Светила луна, очень ярко, и было светло, почти как бывает светло ранним утром. Он проснулся от странных звуков, тоскливых и прекрасных. И выглянул в окно. Он увидел на снегу несколько больших зверей. Их пушистые шкуры блестели в свете луны. Они задирали вверх морды и выли. Прекраснее их он ничего раньше не видел...

Они так понравились ему, что он захотел быть рядом и выбежал из дома. Он позабыл даже одеться, но отчего-то ему совсем не было холодно. Отчего-то он бежал к ним не на двух ногах, а на четырех, и под лапами весело скрипел снег. Взрослые волки не удивились ему, но и не обрадовались, а маленькие стали с ним играть. Они гонялись друг за другом, проваливаясь в пушистый снег, и старались ухватить за хвост... Потом скрипнула дверь дома, и на пороге показался его отец. В руках он держал лук и несколько стрел. Волки тотчас убежали в лес, не дожидаясь, пока он натянет тетиву. Волчок рванулся было бежать вместе с ними, но передумал и остановился. У него не было братьев и сестер. Он знал, что мать его будет плакать, когда не найдет утром его в кровати. Пока он раздумывал, отец выстрелил, и стрела впиалась ему куда-то в бок. Он закричал от боли и стал человеком. Сразу же стало очень холодно. Он лежал на снегу и плакал, и из раны текла кровь...

Отец его бежал к нему. Теперь в руках у него был топор. Лицо у него было такое... такое, что он вскочил и бросился наутек, хотя рана очень болела. Он снова был на четырех лапах, и бежал очень быстро, и отец не сумел его догнать... Кое-как, из последних сил он отыскал волков. Одна из волчиц вытащила зубами обломок стрелы и долго зализывала рану горячим и шершавым языком. Язык ее прогонял боль, и рана зажила очень быстро... Он прожил с волками всю зиму, а когда наступила весна, вдруг почувствовал, что ему надо немедленно убежать от них, потому что он вот-вот станет человеком. Он ничего не мог с этим поделать. Старая жен-

щина говорила мне, что хэйкку не могут долго жить в облике зверя и среди зверей, потому что все-таки они люди... Он убежал из стаи и стал человеком, и долго бродил один в лесу. Долго-долго. Пока не встретил Илоис, Шумри и меня, когда мы плыли на лодке по Боссонским Топям...

За рассказом девочки время пролетело незаметно. Лезвия света, пробивавшиеся сквозь щели в досках, потускнели, стало почти совсем темно. Конан заметил, что раскосые глаза девочки светятся. Зеленоватое, таинственное свечение, напоминавшее лунное... Казалось, две маленькие луны поселились на детском лице и зажили своей загадочной жизнью. Он перевел взгляд на ее брата. Глаза мальчика также светились, но не бледно-зеленым, а желтовато-оранжевым. Ему показалось даже, что пахнет едким и терпким запахом затаившихся хищников.

— Ну вот что, детишки, — решительно сказал киммериец, прерывая рассказ девочки, а заодно заглушая в себе неприятные ассоциации, — пришла вам пора уходить отсюда. Я думаю, Илоис и Шумри основательно вас заждались. Вы сумеете перебраться через реку?

— Конечно, — кивнула девочка. — Мы переплывем ее в два счета. Но ты не думай, киммериец, мы еще вернемся. Мы не оставим тут тебя одного!

— И не пытайтесь даже! — прикрикнул на них Конан. — Я засыплю вашу нору, чтобы у вас не было хода назад. Хватит с меня и того, что родители ваши, должно быть, посидели за то время, что вы сидите здесь. Представляю, как они переживают, как проклинаят меня!..

— За тебя они тоже переживают, — робко пискнула девочка. — И если узнают, что мы бросили тебя тут одного...

— Замолчи! — рявкнул варвар. — Прекратите спорить со мной и болтать. побыстрее обрастайте шерстью, отращивайте ваши когти и зубы и уносите лапы отсюда!..

Притихнув, дети отошли к своей норе. На этот раз превращение совершалось почти в полной темноте, и Конан ничего не увидел. Он слышал только шорохи, сопенье, слабое поскуливание... и наконец, легкий шелест убегающих за стеной четырех пар мягких лапок...

С трудом поднявшись на ноги, так как тяжелая цепь очень сковывала движения, киммериец тщательно засыпал и затоптал нору, как и обещал это детям. Затем он сгреб в одну кучу солому на полу и устроился на ней со всеми возможными в его положении удобствами.

За то время, что они просидели в убогой глиняной темнице, никто не зашел к ним ни разу: ни с кружкой воды, ни с куском хлеба. Вряд ли Баврод поставил себе целью заморить узников голодом. Скорее всего, он просто забыл об этом, от души веселясь сейчас в компании своих убийц, празднуя привалившую к нему удачу в лице добровольно сдавшегося варвара-чернокнижника. Ни ему, ни его солдатам не пришло на ум, что они оставили маленьких детей крепко и безжалостно связанными.

Ах, скоты!.. Как хорошо, что дети ускользнули от их грязных лап... Удачный побег детей снял с души киммерийца огромную тяжесть. Груз страшной вины перед Илоис и Шумри больше не давил на него, и Конан заснул, успев только мельком подумать, что на редкость славных детишек послали боги немедийскому бродяге и верной его подруге. Их полужвериная натура и превращения показались ему отталкивающими и пугающими лишь в самый первый момент. Замечательные ребята, смысленные и отважные... Несмотря на голодные спазмы в животе, ноющие от железа запястья и глухую безысходность впереди, сон его был спокойным и крепким.

* * *

Вынырнул он из теплого и мягкого забытья с большой неохотой. Какое-то время Конану пришлось вспоминать, где он находится и что произошло с ним за последние сутки.

Детский голосок, прошелестевший в темноте, вернул его к реальности.

— Проснись, киммериец! — звала его рыжая девочка. — Проснись, а то мы можем не успеть освободить тебя!..

Протерев глаза, Конан с трудом различил во тьме щуплые фигурки детей, присевших у его ног. Впрочем, горящие их глаза различались вполне отчетливо.

— Клянусь Кромом! Какой демон заставил вас вернуться назад?! Разве я не зарыл вашу нору?.. — взревел он, раздражаясь, что из-за глупости этих пигалиц тяжесть ответственности за их жизни снова наваливается на него.

— Ты зарыл! — подтвердила девочка. — Но мы снова разрыли. Это было нетрудно, земля была мягкая... Но смотри же скорей, что мы принесли! Это мы стащили потихоньку в сарае у местного кузнеца.

Конан не увидел, но на ощупь догадался, что холодная железка, которую протягивал ему мальчик, есть не что иное как тонкая пилка, которой можно перепилить железо.

— Что-то вы все-таки соображаете! — похвалил он их. — Давайте ее сюда, а сами — бегом к папе и маме, на остров.

— Мы подождем, — сказала девочка. — Надо сперва посмотреть, как у тебя это получится.

Конан изогнул кисть правой руки, чтобы дотянуться лезвием до железа, но у него ничего не вышло. Как он ни напрягал мускулы запястий, обдирая их о цепь, но скован он был так туго, что не мог даже развернуть пилку, а не то что работать ею...

— Проклятие! Эти псы Кайсса знают свое дело...

— Вот видишь! — воскликнула девочка. — Тебе никак! Нужно нам это сделать.

Она взяла лезвие из его пальцев и принялась перепиливать одно из звеньев, забавно сморщив нос и высунув кончик языка от усердия. Конан с горечью усмехнулся, глядя на титанические усилия этой крохи справиться с железом и высвободить его руки.

— Брось! — сказал он. — Эта работа не по тебе, малышка.

— Нет-нет! — Она энергично затрясла головой. — Как только я устану, Волчок сменит меня!..

От напряжения глаза ее разгорелись еще ярче. Зеленоватый отсвет падал на то, на что она обращала их, и позволял рассмотреть это довольно явственно. Было видно перепиливаемое звено, бледные пальчики, вцепившиеся в железо, покрасневшее запястье варвара.

Устала она, надо сказать, довольно быстро. Брат, взявший из ее рук лезвие, пилил более уверенно, нахмурившись

и сузив глаза. Желтоватый пучок света, исходящий из них, был тоньше, но ярче. Сопение и пыхтение, издаваемые мальчиком, показывали, что и для него эта работа трудна.

— Вы хоть предупредили родителей? — спросил Конан.

— Конечно! — откликнулась девочка. — Мы сразу же поплыли на наш остров. В избушке горел свет, Илоис и Шумри не спали, и мы не решились туда войти. Мы боялись, что тогда они не отпустят нас больше и мы не сумеем вернуться сюда, к тебе. Но мы написали им, чтобы они не волновались!

— Вы умеете писать? — удивился киммериец.

— Буквами — не умеем. Мы выложили палочками и камушками на траве перед домом рисунки. Они все поймут, когда рассветет и они выйдут за дверь. Мы нарисовали, что мы уже на свободе, а ты еще нет, и мы пытаемся помочь тебе.

Мальчик сопел все громче, крупные капли пота стекали с его лба и скул, и он смахивал их своим дыханием.

— Ну-ка, хватит! Отдышись маленько! — Конан убрал от него скованные руки и попытался в отблесках волчьих глаз рассмотреть, насколько удачны усилия детей.

К несчастью, железные звенья оказались очень крепки и были пропилены не более чем на пятую часть своей толщины.

— Это бесполезно! — вздохнул киммериец. — Бегите домой!

Но девочка упрямо помотала рыжей головенкой и взяла из трясущихся от усталости пальцев брата пилку.

— Еще полночи вперед! — успокаивающе произнесла она. — Мы успеем.

Конан подумал было, не лучше ли вместо того, чтобы пилить, велеть этим зверенышам вырыть нору побольше, в которую он смог бы протиснуться и уйти даже со скованными руками. Но тут же он отбросил эту идею. Учитывая ширину его плеч, нора должна быть такой большой, что бедные дети надорвутся, выцарапывая ее в земле лапами.

Он смирился с их упорными усилиями, пыхтением и сопением и только, для пущей безопасности, переменил место. Теперь он сидел, спиной опираясь на дверь, чтобы стражники,

вздумай они явиться сюда ночью или перед рассветом, потратили время, сдвигая его тяжелое тело с дороги, и дети успели бы совершить свое превращение и ускользнуть.

Когда пилила девочка, воцарялось молчание, нарушаемое лишь вздохами от усталости и напряжения. Когда же Волчок сменял ее, словоохотливая сестренка принималась болтать. Речь ее напоминала птичье пение, негромкое и неназойливое, и киммериец проваливался в дремотное забытие, изредка выплывая из него и ловя обрывки детского рассказа:

— ...очень старались. Сложнее всего было по вечерам и ночью, потому что глаза у нас в темноте не такие, как у всех. Когда я жила с племенем диких людей с перьями в волосах, они быстро заметили это и испугались. Они долго спорили между собой, ругались и даже дрались. Одни предлагали меня убить на всякий случай, другие настаивали, что я им пригожусь, когда подрасту и меня можно будет брать на ночную охоту. Они устроили мне проверку огнем, чтобы выяснить, кто я на самом деле. Они раскалили большой костер, а когда все дрова прогорели и остались одни угли, они велели мне...

— ...и она сказала еще так: ни те, ни другие не будут считать вас до конца своими. Для вас же своими будут все — и люди, и звери, и рыбы, и коряги, и мхи... Волчок жил с волками, и он рассказывал мне, что только молодые волки и волчата, да еще одна волчица принимали его за своего, дружили и играли с ним. А взрослые волки сторонились, будто чуяли что-то чужое. Нет, они не обижали его, но и не подпускали к себе близко. И глухо ворчали, если он случайно задевал их, пробегая мимо... Такой вот их удел, наш удел — хэйкку. Если б разыскать в глуши деревню, где живет племя Зеленого Луча! Но как их найдешь?..

— ...у травы есть мириад запахов, и у речной воды тьма запахов, и у сырой, только что разрытой земли, и у голых камней, на которых растут одни лишь лишайники...

— ...какая бы она ни была, даже самая ядовитая, всегда можно отыскать траву, которая прогонит яд этой змеи обратно, или камушек, от которого яд затвердеет и не смешается с кровью...

* * *

От резкого толчка в спину Конан очнулся и мгновенно сообразил, что люди Баврода пытаются открыть дверь. Судя по тому, что стали вполне различимы стены, потолок и лица усталых детишек, уже светало.

— А ну, быстро уносите ноги! — громким шепотом прикрикнул он на детей.

Те послушно скользнули в угол и через несколько мгновений, торопливо, но без суеты и нервозности исчезли. Залаяла где-то собака, за ней вторая, третья... По траектории лая можно было судить, в какую сторону бегут дети, вернее, стремительные зверята...

Разозленные сопротивлением двери стражники застучали в нее ногами с такой силой, что выбили пару досок. Конан напряг запястья и попытался разорвать цепь. Но усилия его были тщетны, железо не поддавалось. Несмотря на все ночные старания детей, толстое звено было пропилено меньше чем наполовину.

Удары сапог уже не в дверь, а по его спине, заставили киммерийца сдвинуться в сторону. Двое ругающихся солдат ввалились в хижину, и каждый, со своей стороны, отвесил ему еще несколько пинков.

— А ну, подымайся! Хватит дрыхнуть!.. — заорали они. Спустя мгновение их раздражение переросло в ярость. — Эй, ты! А где двое щенков, которые валялись тут с вечера?.. Отвечай, киммерийское отродье!!!

Конан взглянул в их сторону, стараясь запомнить лица, чтобы, когда придет час праведной мести, начать именно с них. Он не произнес ни звука, но изрыгающие проклятия солдаты больше тронуть его не решились. Они лишь орали, ударяя кулаками о стены, дрожавшие под их ударами:

— Где же они, чтоб им попасть в зубы Нергала!.. Куда они могли подеваться?! Или этот северный буйвол сожрал их вместе с косточками?!..

Глава пятая

Хотя Баврода и раздосадовало исчезновение детей (главным образом, своей полной непостижимостью: хотя солдаты и обнаружили подкоп, но пролезть в него было бы не под силу и самому худому ребенку), но заниматься выколачиванием признаний из Конана он не стал. Во-первых, у него был достаточно наметанный глаз, чтобы понять, что этим он ничего не добьется. Во-вторых, он благоразумно рассудил, что самым мудрым с его стороны будет как можно скорее вручить долгожданную добычу Кайссу. Возможно, юному барону захочется дополнительно отблагодарить его: за скорость исполнения приказа и за прекрасную сохранность плененного врага.

Конечно, стоило бы отправиться в обратный путь еще вчера днем, когда пленный варвар добровольно отдался ему в руки, но тогда на радостях Баврод слишком много отклебнул из пузатой бутылки, выставленной на стол испуганным хозяином хижины, где он остановился. В таком состоянии влезать на коня было затруднительно, и наемник перенес возвращение в Кордаву на раннее утро завтрашнего дня. Конечно, жалко лишаться прибыли, которую могли бы принести ему дети, вернее, рыжая девчонка, но в конце концов награда за поимку чернокнижника-киммерийца будет намного больше!..

* * *

Конану ослабили цепи на руках, но не слишком. Так, чтобы он смог поесть, не прибегая к чужой помощи. Баврод при-

казал накормить его до отвала, учитывая предстоящую дорогу. Решено было не сажать пленника на коня во избежание возможных неприятных неожиданностей, но вести под плотным конным конвоем. Это требовало большего времени на обратный путь, но зато было несравненно надежнее.

По левую и по правую сторону киммерийца, сзади и спереди от него ехали вооруженные мечами и луками солдаты в кожаных доспехах. Хотя заслон был прочным, но на повороте дороги у последней глиняной хижинки на окраине села он смог заметить две знакомые фигуры, затененные листвой дерева, под которым они стояли. Женщина в светлом платье, застыв, провожала его глазами. Мужчина, одной рукой приобняв ее за плечи, другой умудрился помахать Конану, но так незаметно, что ни стражники, ни Баврод не обратили на это внимания. Поля соломенной шляпы прикрывали половину его лица, но Конану показалось, что круглый глаз подмигнул ему ободряюще...

Видение было коротким, и вскоре родные фигуры вместе с деревом и последней хижинкой исчезли за поворотом. Конан опустил голову и уперся взглядом в ступни собственных ног, выбивающих пыль из утопанной глины. Монотонное движение отупляло, прогоняло прочь все мысли и ощущения...

Внезапно что-то цветное, рыжее мелькнуло в левом углу его поля зрения. Подняв голову, киммериец увидел кошку, бегущую по кромке леса, слева от него. Копыта лошадей и ноги стражников то и дело заслоняли ее. Рыжая шерсть казалась пляшущим среди деревьев огоньком разгорающегося пожара. Быстро перебирая лапами, вытянув, словно копье на весу, пушистый хвост, кошка бежала, не отставая, и мордочка ее была задрана и повернута в направлении киммерийца. Ему почудилась озорная искра в зеленых глазах...

* * *

Еще до того как Конан был отконвоирован в Кордаву, Кайсс узнал о том, что злейший враг его повержен и пойман. Верный пес Баврод позаботился об этом, выслав впереди себя гонца на самом быstroном скакуне. Ликова-

нию юного барона не было предела. Первым делом он добился аудиенции у короля Фердруго и попытался убедить его отдать опасного пленника в его распоряжение. Он мотивировал это тем, что его отцу, почтенному Ричендо, который пребывает вот уже вторую луну недвижим и безмолвен по вине киммерийского чернокнижника, будет крайне полезно воочию увидеть казнь своего врага. Врачи утверждают, что сильная радость способна творить чудеса. Очень возможно, что зрелище справедливого наказания злодея принесет отцу долгожданное исцеление.

Но Фердруго уперся. Такой опасный преступник должен быть судим по всей строгости закона, наставительно заявил он. Он должен быть казнен публично, при большом стечении народа, чтобы впредь никому не повадно было заниматься черной магией и сживать со света благородных подданных короля. К тому же по пути в замок Ричендо преступник сможет сбежать. Темницы же короля — самые надежные во всей Зингаре... Он очень сочувствует почтенному барону, но разве нельзя привезти его в Кордаву, в карете или на носилках, чтобы он мог исцелиться зрелищем казни своего врага?..

Самое большее, что разрешил король Кайссу, — навесить в темнице преступника, схваченного благодаря усилиям его людей. Также они сошлись во мнении, что казнь чернокнижника должна быть очень суровой, однако спешить с исполнением приговора не следует. Чем больше времени проведет преступник в темнице королевской тюрьмы, тем большее число раз пропустит он в своем воображении предстоящий ему ужасный конец, тем более ослаблен окажется его дух, тем большей тоской и страхом пропитается его душа. И это будет для преступника не меньшим наказанием, чем телесные муки.

* * *

Королевская темница в Кордаве славилась тем, что убежать из-за ее толстых и высоких стен было практически невозможно. За всю ее многовековую историю случилось только два побега, и оба раза не обошлось без вмешательства потусторонних сил. Все камеры в ней вместо четвер-

той стены имели решетку, что делало их похожими на клетки для диких зверей. Узники все время находились на виду у охранников, что исключало для них всякую возможность совершать какие-либо приготовления к побегу.

В случае с киммерийцем были приняты дополнительные меры предосторожности. Охранники у его клетки сменялись восемь раз в сутки. Во избежание подкупа со стороны узника или его друзей им было объявлено, что в случае побега преступника всех, кто охранял его в тот момент, ждет немедленная смертная казнь. Сам начальник тюрьмы периодически совершал проверки, дабы убедиться, что опасный чернокнижник охраняется по всем правилам. Проверки эти он обычно устраивал за полночь, крадучись по темным коридорам, как вор в ночи, и плохо пришлось бы тому из охранников, кто вздумал бы в это время дремать на своем посту...

Когда Кайсс увидел наконец своего врага, увидел его в сыром и душном подземелье, за прочной решеткой, прикованного цепью к стене, заросшего, грязного, с воспалившимися от железа руками... он испытал прилив ни с чем не сравнимого счастья.

Он вцепился в решетки, едва не прогнув их, и раскатисто захохотал. Восторг переполнял его, не давая связно говорить. Самые грязные ругательства, какие только знал, он перемежал отрывистыми восхвалениями богам, с чьей помощью свершилось долгожданное правосудие. Когда он стал приплясывать, грохоча высокими каблуками по каменным плитам пола, хлопать в ладоши и изо всех сил трясти решетку, молодой охранник, сидевший на низкой лавочке лицом к узнику, всерьез испугался за сохранность рассудка одетого с иголки, кружевного и бархатного аристократа.

Конана в первый момент удивило и позабавило такое бурное проявление чувств, такая безудержная, детская радость при виде поверженного врага, но вскоре вопли, хлопки и крики наскучили ему, и он отвернулся к стене, поудобнее вытянувшись на охалке подгнившей соломы, заменявшей ему постель.

Когда охранник совсем уже было решил звать на помощь кого-нибудь из товарищей, буйство молодого барона,

достигнув своей высшей точки, пошло на спад. Успокоившись и отдышавшись, Кайсс потребовал от солдата открыть клетку и пустить его вовнутрь.

Для полного насыщения своей мести он должен был приблизиться к своему врагу, заглянуть в его зрачки, расширившиеся от страха, плюнуть ему в лицо, оставить на щеке долгий след от своей пятерни, унижить пинком... Но охранник воспротивился и отказался открывать клетку без ведома начальника тюрьмы. Кайсс не поленился сходить за начальником. Тот долго не мог взять в толк, для чего высокородный барон хочет войти в грязную и вонючую клетку, к смертельно опасному злодею, ведь все, что он хочет сказать ему, он может сказать, находясь за решеткой...

Но Кайсс так настаивал, так горячился, так упорно вкладывал ему в потную ладонь золотые монеты, что тот сдался и разрешил отпереть камеру. Начальник тюрьмы предупредил только, что барон не должен ни убивать пленника, ни избивать его до бесчувствия. В противном случае его, начальника, постигнет суровая кара: ведь преступник к моменту своей казни должен быть живым, а также — хорошо понимать, что с ним делают, дабы до конца вкусить наказание. Нетерпеливо поклявшись не причинять узнику тяжелых увечий, юный барон вошел в клетку.

Он рванулся было в угол, где спокойно лежал киммериец, но отчего-то ноги его словно вросли в плиты пола, не в силах сделать разделявшие их два шага. Конан всего только повернул подбородок в его сторону и молча усмехнулся, но этого было достаточно, чтобы бурно кипящая кровь разом застыла в жилах Кайсса.

— Ну подойди же, — насмешливо произнес киммериец. — Отчего ты застыл как вкопанный? Ты пришел, чтобы обнять своего старого друга?..

Его интонации были совсем те же, что и в замке Ричендо, когда своей спокойной язвительностью он довел барона до апоплексического удара, а сына его превратил в трясущегося от бессильной ненависти истерика. Правда, теперь его щеки не покрывала пепельным оттенком колдовская мазь. Теперь это был не свободный, могучий и веселящийся

богатырь, но исхудалый и изможденный узник с голодным блеском в глазах, заросший черной щетиной до неузнаваемости. И все-таки то ли память о пережитом страхе, ожившая при звуках голоса со знакомой уничижительной интонацией, то ли новая волна страха, которую вызывал киммериец, даже поверженный, даже прикованный цепями к стене, — не позволили юному барону приблизиться к врагу и вволю отвести душу.

Пробормотав несколько проклятий, Кайсс стремительно выскочил из клетки, крупными шагами промерил все коридоры и закоулки тюрьмы и вылетел, с великим облегчением, за ее ворота. Ликование его значительно поумерилось. Юный барон чувствовал себя так, словно ему только что влепили полновесную пощечину.

* * *

Конана разбудил странный звук: монотонный, тихий, чуть обволакивающий, раздававшийся прямо возле его уха. Проснувшись, в первый момент он решил было, что звук этот ему приснился. Но нет, наяву он стал еще отчетливей...

Теперь к нему присоединилось еще мягкое прикосновение, словно кто-то настойчиво водил пуховкой по его щеке. Кошка! О, Кром... Мурлыкающая и ласкающаяся кошка разбудила его, словно то была не тюрьма, а спальня нежной зингарской барышни.

— Пошла прочь... — пробормотал киммериец. — Брысь!.. Не мешай спать!

Но кошка не уходила и не отставала. Она упорно продолжала тереться об его скулу и мурлыкать. Ее настойчивость заставила его полностью освободиться из тенет сна. Протянув руку, Конан осторожно дотронулся до кошачьей головы и обнаружил, что она держит в зубах что-то напоминающее крохотный свиток пергамента.

— О, Кром!.. Это ты, Рыжик? — прошептал киммериец.

Кошка замурлыкала громче. Конан развернул свиток и попытался разобрать написанное или нарисованное на нем, но была ночь, и слабого отблеска факелов, проникающего в его клетку из тюремного коридора, было недостаточно.

— Слишком темно, — прошептал он. — Я рассмотрю это утром. Спасибо тебе, Рыжик. — Он погладил ее по пушистой голове и спине, стараясь, чтобы тяжелая ладонь скользила по шерсти легко и нежно. — Спасибо... А теперь беги отсюда. Беги к своим, но только — во имя Митры! — будь осторожна.

Но кошка не уходила. Как ни в чем не бывало она свернулась в клубочек на его груди, прикрыв нос концом пушистого хвоста. Мурлыканье ее стало еле слышным, нагоняющим мягкую светлую дрему...

Конан не успел даже додумать мысль о том, каким образом сумела пробраться к нему в темницу рыжая вестница, как снова уже спал, глубоко и спокойно. Убедившись, что сон его крепок, кошка соскользнула с могучей груди и прошмыгнула из клетки наружу, а затем на полусогнутых мягких лапах неслышно помчалась прочь по полутемным коридорам. К счастью, в этот час стражник у клетки Конана если и не спал (пуще смерти страшась проверок начальника тюрьмы), то пребывал в задумчивой полудреме и ничего не заметил.

Первое, что сделал Конан, проснувшись, — поднес к лучу утреннего света, падавшему сквозь крохотное окошко на потолке, драгоценный свиток, который он всю ночь сжимал в правой ладони. Это оказался не пергамент, но свернутая в трубочку ольховая кора. Чем-то острым, иглой или гвоздем, на внутренней ее стороне был нацарапан ряд рисунков. Судя по неумелой и нетвердой руке, рисовали дети. То было нечто вроде зашифрованного послания, загадки, которую Конану предстояло разгадать.

Первым был нарисован человек в широкополой шляпе и с круглыми, как пуговицы, глазами (Шумри?), сидящий внутри неровной окружности (остров? арена? площадь?..). К губам он прижимал дудку, а возле ног его было несколько четких пятнышек (монеты?). Что ж, пожалуй, этот рисунок означает то, что старый друг его, бродяга Шумри, покинул свой блаженный остров и зарабатывает сейчас игрой на дудке на кордавской площади. Но вот зачем ему это нужно? Не иначе как он решил подкупить тюремщиков Конана и устро-

ить ему побег. Старина Шумри!.. Славный и верный дружище! Вот только подкупать придется чуть ли не всю охрану вместе с ее начальником, а для этого нужно музицировать на площади многие годы, если не столетия...

Следом за этим рисунком шли две неумело нацарапанные женские фигурки. У одной из них, приземистой и толстой, как кубышка, на голове топорщилась корона (королева Зингарская, кто же еще!). Вторая женщина, тоненькая и волнистая, протягивала к первой руки-палочки с растопыренными пальцами, которых было не десять, а раза в полтора больше. Кром!.. Неужели Илоис ходила просить за него к самой королеве?..

Вот уже это совсем излишне! Правда, в Зингаре ни для кого не секрет, что королева имеет сильное влияние на своего венценосного супруга и многие важные решения Фердруго принимает под ее давлением, внешне почти незаметным. Но при этом также общеизвестно, что супруга Его Величества не отличается ни особым умом, ни великодушием, ни, тем более, излишней мягкосердечностью и сочувствием к закоренелым преступникам. Бедняжка Илоис! Ей придется унижаться из-за него, и унижения эти будут бесплодны.

Наконец последняя, третья картинка изображала маленькую девочку, от ног которой шла стрелка к некоему животному на четырех ногах с задорно поднятым хвостом. От лап животного стрелка указывала на четырехугольник, перечеркнутый вертикальными и горизонтальными линиями, за которыми виднелось чье-то лицо, заросшее до глаз и дикое, со скорбной черточкой вместо рта. Значит, рыжая малышка собирается и впредь навещать его?.. Молодец, ничего не скажешь! Переписка с ее помощью была бы кстати... Но лучше бы, конечно, она сидела дома, ни на шаг не отходя от родителей. Кордавская тюрьма — совсем не место для маленьких девочек, даже бесстрашных и ловких, даже защищенных рыжей шкуркой и с выдающимися в темноте глазами.

Глава шестая

Шумри со всем своим семейством оказался в Кордаве еще раньше приведенного туда под конвоем Конана. Решение покинуть блаженный остров пришло к нему с Илоис, как только они прочли послание детей у дверей хижины, выложенное палочками и камушками. Вскоре за этим они благополучно расцеловали своих исцарапанных и грязных малышей, не добившись от них, впрочем, вразумительного рассказа, каким образом им удалось ускользнуть от продажи в рабство.

Когда, стоя под деревом, в низко надвинутой на глаза шляпе Шумри помахал Конану, у них уже было все собрано и приготовлено в дорогу. Узнав, что «Кельбо-странник» и его жена собираются добираться до столицы пешком, селяне тут же привели вороного жеребца Конана, оставленного им в залог за лодку. Жеребец был в прекрасной форме, он горячился, покусывал узду и рвался вскачь, застоявшись в конюшне, и Шумри, надо сказать, взгромоздился на него с некоторой опаской. Пока он раздумывал, где удобнее и безопаснее будет сидеть Илоис — спереди от него или сзади, как те же добрые люди привели гнедую, легконогую кобылку, вручив Илоис повод и отмахиваясь обеими руками от слов благодарности. Хотя кобылка и проигрывала аквилонскому красавцу в чистокровности, величине и стати, но она была вполне ходкой и выносливой.

Немного посоветовавшись, детей решили оставить на временное попечение одной из семей, где было своих сорван-

цов не то семь, не то девять, и парочка лишних не могла бы существенно потеснить их или побеспокоить. Добрые люди приняли малышей с радостью. Но лишь только Шумри и Илоис отделились на бодро рысящих скакунах на расстояние пятисот шагов от селения, как их ожидало существенное потрясение. Их беспутные дети как ни в чем не бывало сидели впереди них на обочине, рисуя большими пальцами ног в дорожной пыли замысловатые узоры. Причем они совсем не выглядели запыхавшимися и уставшими, каковыми должны были быть, если учесть, что они неслись во весь дух по лесу параллельно дороге, чтобы обогнать верховых родителей.

Впрочем, потрясение было скорее приятным, чем неприятным, хотя Шумри и Илоис, конечно же, попытались этого не показать. После коротких и не слишком грозных междометий пришлось посадить малышей впереди себя и продолжать путь уже вчетвером.

В Кордаве они остановились на самом дешевом постоялом дворе. Хозяин его с большим подозрением оглядел вороного жеребца, явно краденого, да еще из весьма знатных конюшен, но ничего не сказал, лишь отвел красавцу коню самое дальнее и темное стойло.

Еще в дороге Шумри и Илоис непрерывно обсуждали, что следует им предпринять в первую очередь для спасения попавшего в беду друга. Чтобы выволить Конана из тюрьмы, нужно было много денег для подкупа охранников, они же не имели почти ничего. На острове не было возможности зарабатывать, да и не было нужды откладывать на черный день. Впрочем, Шумри недаром прихватил с собой лютню и дудочку из красного дерева, вырезанную и подаренную ему в свое время гостившим на острове вендийским музыкантом. Конечно, он не надеялся, что за его музицирование на пыльной, суматошной базарной площади Кордавы ему будут бросать полновесные золотые. Горсть медяков за день напряженного труда — на большее нечего было и рассчитывать. Его воодушевляла не перспектива жалких медяков, но достаточно безумная надежда, что произойдет чудо, подобное тому, которое свело Конана и вен-

дийского музыканта. Тем же способом, какому он учил гостивших у него странников, Шумри надеялся разыскать Горги, капитана их «Адуляра», с которым развел их плавающий островок в Западном океане два с половиной года назад. Горги, коренной зингарец, был единственным человеком, который мог бы реально помочь им сейчас — и советом, и верной своей рукой. Главное же, продав «Адуляр» за хорошие деньги, можно было бы скупить всю кордавскую тюрьму сверху донизу.

Илоис всегда поддерживала его стремления и надежды, даже самые безумные. Так было и на этот раз. Со своей стороны она предложила — пока Шумри с рассвета до заката веселит своей музыкой базарный народ — предпринять поездку на родину, в Немедию, и попытаться достать денег там. Ведь в Бельверусе осталось немало ее родственников, весьма небедных, там живут с бывшим мужем ее дети, уже совсем выросшие... Но Шумри отверг этот вариант. Во-первых, для детей и родственников она давно уже чужая, и вовсе необязательно, что они бросятся осыпать ее деньгами для спасения киммерийского варвара, обвиненного зингарским королем в чернокнижии. Во-вторых, путь в Немедию неблизкий, у них же на счету каждый день. В любой день на рассвете может раздаться стук топоров плотников, сооружающих на тюремной площади зловещий помост.

И вот тогда к Илоис, не желавшей оставаться бездельной и безучастной, пришла мысль добиться аудиенции у Ее Величества королевы Зингарской. Она поговорит с ней, как женщина с женщиной. Она найдет самые убедительные, самые проникновенные слова...

Несмотря на скепсис мужа (дети от ее плана были в восторге), она начала деятельные приготовления. Главная трудность заключалась в одежде — на Илоис было лишь простое льняное платье, обтрепаншееся за время пути. С помощью Рыжика ей удалось соорудить затейливую высокую прическу, совсем такую же, что носили знатные зингарские дамы. Эта прическа в сочетании с тонкостью и благородностью черт лица и горделивой осанкой, а также с

безупречными манерами, несмотря на бедное платье, придавали Илоис вид настоящей, кровной аристократки. Убогость платья тоже, в конечном счете, оказалась кстати: Илоис решила растрогать королеву рассказом о себе как о дочери знатного немедийского барона (кем она, на самом деле, являлась), волею судьбы пережившей страшные бедствия и оказавшейся на грани нищеты.

Прежде чем встречаться с королевой, Илоис постаралась как можно больше узнать о характере, вкусах и пристрастиях Ее Величества. Ей удалось разговориться с поставщиками королевского двора, оказавшимися соседями по постоялому двору, а также с парой-тройкой всезнающих рыночных торговков. Беседа с женой хозяина постоялого двора, женщиной умной и наблюдательной, также оказалась полезной. Илоис узнала, что королева не блещет особым умом, нрав же имеет напористый и властный. Бедняга Фердруго ни одно важное решение не принимает, предварительно не посоветовавшись с ней, и оттого-то (как шепчут злые языки при дворе) нередко его решения поражают всех своей абсолютной нелогичностью и пристрастностью. Сама о себе королева высокого мнения и любит, когда придворные подчеркивают глубину и утонченность ее натуры, художественный вкус и чувствительность. Качества эти проявляются, в частности, в одежде совершенно немыслимых фасонов и расцветок, которую она меняет по восемь раз на день. Ее Величество обожает своего единственного сына, наследника престола, великовозрастного оболтуса, похожего на нее и внешне, и характером. Также она верит снам, предчувствиям, знакам судьбы, знает все приметы, как дурные, так и счастливые, и тщательно соблюдает их. Понравиться ей проще простого: надо лишь чаще восхищаться ее умом, вкусом и проницательной глубиной прекрасных глаз. Заслужить ее гнев и впасть в немилость еще проще: стоит лишь один-единственный раз ей возразить...

Вооруженная всеми этими полезными сведениями, Илоис предстала однажды утром перед Ее Величеством, мило-стиво согласившейся уделить ей часть своего драгоценного времени. Королева Зингарская была в ярко-алом платье с

очень пышными на плечах и узкими в локтях рукавами. Цвет его был такой насыщенный и кричащий, что выносить его долго было нельзя, и Илоис то и дело приходилось опускать глаза долу. Впрочем, это придавало ей вид трогательного смирения, что было в этой ситуации кстати. На шее, запястьях и в пышной прическе королевы блестели рубины, изумруды и лалы в самых немыслимых сочетаниях. Драгоценностей было так много, что Ее Величество казалась праздничной детской игрушкой из красного атласа, усыпанной разноцветным битым стеклом. С избыточным блеском не слишком гармонировали дряблая кожа, выдававшая почтенный возраст и густо испещренная родинками, и чересчур тяжеловесные формы.

После церемонных приветствий, необходимых по этикету, Илоис приступила к своему рассказу, полному волнующих и горестных подробностей. Искусно сочетая правду (долгие странствия, потеря корабля и команды, жизнь на острове, полное отсутствие нарядов и денег) с увлекательным вымыслом, она подвела рассказ к киммерийцу, человеку отважному и благородному, не раз спасавшему их с мужем от неминуемой смерти. Илоис перечислила все заслуги Конана-корсара перед зингарским престолом. Она вкратце пересказала легенды о его подвигах, совершенных в иных краях, многие из которых странствующие певцы и музыканты положили на музыку и поют, собирая скромную дань, вызывая слезы зависти и восхищения у слушателей... Враги Конана оклеветали его, обвинили в мерзком пристрастии к черной магии. Но разве они враги одного киммерийца? О, нет! Они враги короля Зингары, враги Ее Величества, враги наследника престола и всего государства. Уничтожить такого талантливого полководца, такого могучего и непобедимого воина, такого преданного слугу короля — разве не означает это нанести коварный удар по могуществу Зингарского королевства?..

В завершение своей пламенной речи Илоис, вспомнив о суеверных слабостях королевы, упомянула богов, от грозных очей которых не ускользает ничего из происходящего на земле. Боги любят Конана, иначе они не наградили бы

его такой силой, иначе он не вышел бы невредимым из стольких сражений, из стольких битв с могущественными людьми и нелюдьми. Не боится ли король Фердруго разгневать богов, казнив лютой казнью их любимца?.. Не страшится ли он навлечь на себя и на всю страну их мстительность, не вняв ясным предупреждениям, ясным знакам, посылаемым ими на землю?..

Под конец голос Илоис стал громким и звенящим, а тон — обличительным. Осознав это и испугавшись, что подобная дерзость может разгневать королеву, она резко сменила интонацию, приглушила голос и окончила свою речь с глубоким поклоном и смиренной надеждой на мудрость и чуткость сердца блистательной королевы Зингарской, достойной супруги величайшего и благороднейшего правителя, равного которому не было со дней падения Атлантиды.

По окончании ее красочного и горячего монолога королева какое-то время молчала, разглядывая странную и дерзкую просительницу в нищем наряде, но с осанкой и речью, которые делали бы честь самой высокородной и знатной даме. Наконец она заговорила, но слова ее, к ужасу Илоис, не имели никакого отношения к плененному киммерийцу.

— Ты говоришь, милочка, что дошла до полной нищеты и разорения?.. Но ты обманываешь меня. — Ее Величество сделала два шага по направлению к просительнице и рукой, усыпанной сверкающими перстнями, указала на ожерелье из синих камней на ее шее. — Дошедшие до полной нищеты не носят на себе такие камушки.

— Ах, это?.. — растерялась Илоис. — Но камни эти совсем не дорогие, Ваше Величество. Это не сапфиры и не алмазы, за них нельзя выручить деньги. Они дороги мне и я ношу их, не снимая, вот уже много лет, поскольку это подарок мужа. Он привез их из своих дальних странствий.

— Конечно, я сама вижу, что это не сапфиры, — произнесла королева с важностью. — Сапфиры прозрачны и они блестят, алмазы — тем более. Это даже не аквамарины... Туранский лазурит, быть может?.. — Она подошла величественной походкой совсем вплотную и дотронулась до

каменной царственным указательным пальцем. — Пожалуй, и не лазурит... Так что же это? Ты говоришь, милочка, что они совсем ничего не стоят? Но это неправда. Это очень редкие камни, что явствует из того, что я вижу их в первый раз и даже не знаю, как они называются. Зачем ты обманываешь меня? За это ожерелье можно выручить много денег, если продать их тому, кто знает толк в самоцветных камнях.

— Вы так считаете, Ваше Величество?.. В самом деле?..

Илоис совсем растерялась. Она мучительно пыталась понять, как следует ей поступить в создавшейся ситуации.

Королева смотрела на ожерелье неприкрыто хищным и требовательным взором. Казалось, еще миг, и пальцы ее откровенно вопьются в камни и потянут их на себя.

— Я не считаю, я знаю, милочка. Камни очень и очень редкие. Все слова о твоей нищете — пустые звуки...

— В таком случае тем приятнее мне будет подарить их вам, Ваше Величество. — Илоис дрожащими пальцами расстегнула застежку на шее и протянула ожерелье королеве. — Они действительно представляют большую ценность, но в деньгах ее выразить нельзя. Это непростые камни, живые камни. Когда тяжело на сердце, они утешают. Когда одолевают унылые думы, они прогоняют печаль. Когда не знаешь, как поступить, на что решиться, они подсказывают правильный выход.

Королева с видимым удовольствием схватила синие камни и стала перебирать их пухлыми пальцами. Илоис ощутила почти физическую боль от этих прикосновений, словно жадные руки касались чего-то очень родного и бесконечно ценного. Она действительно никогда не снимала их со своей шеи с тех пор, как одиннадцать лет назад Шумри привез их из своего странствия и подарил ей. Они действительно были живыми, волшебные синие камни, и не раз согревали ее, и утешали, и разгоняли боль и тоску... Она отдала бы все, что имела, она отдала бы половину жизни своей, только чтобы вернуть их назад!

Но разве могла она возразить королеве, противиться столь явно и недвусмысленно высказанному желанию? Ведь от

милости и благорасположения Ее Величества зависело столь многое...

— Ну вот, я же знала, что это непростые камни, что это редкие камни... Унылые думы одолевают меня так часто! И тяжесть на сердце известна мне — увы! — хорошо... Твой подарок, милочка, весьма кстати! — Королева надела ожерелье на свою толстую дряблую шею и повернулась к зеркалу. — Как они мне?..

— О, Ваше Величество! — откликнулась Илоис, с трудом находя в себе силы для продолжения светской беседы. — Их надо носить не с этим платьем, не с красным, но с белоснежным либо с голубым. И не одевать при этом других драгоценностей. Тогда вы увидите истинную глубину их цвета. Она бесконечна, как вечернее небо над головой...

— Хм! Ты так считаешь?.. Ну что ж, я, пожалуй, послушаюсь как-нибудь твоего совета. — Королева сняла с шеи камни и отошла от зеркала. — Ты очень угодила своей королеве этим подарком, милочка.

Она благосклонно улыбнулась и жестом дала понять, что аудиенция закончена. Сердце Илоис перестало биться. Как?! И это все?..

— Но, Ваше Величество, — пробормотала она, — вы верно забыли... Я рассказывала вам о Конане из Киммерии, которому грозит смертная казнь...

— Конан?.. — удивилась королева. По-видимому, мысли ее были полностью поглощены новой игрушкой, и все предшествующее напрочь вылетело из ее головы. — Ах, да, Конан! Отважный и могучий киммериец, Конан-чернокнижник! Конечно же, я не забыла о нем. Но, моя милочка, не знаю, могу ли я тебя чем-нибудь утешить и ободрить. Ах, если б он не был чернокнижником! Пусть бы он обвинялся в десяти убийствах, грабежах, даже — в государственной измене! Тогда еще можно было бы попытаться ему помочь. Но черная магия! Его Величество король Фердруго и слышать не захочет о помиловании злостного чернокнижника. Скажу тебе по секрету, милочка, когда-то в ранней юности ему было предсказано, что жизнь свою он окончит раньше

срока и произойдет это по вине колдуна или колдуньи. С тех пор он страшно ненавидит эту породу людей и боится их. Он не даст мне и заикнуться на тему о его помиловании! Он, пожалуй, сожжет меня вместе с ним, если я вздумаю ему помогать!.. — добавила она кокетливо.

— Но, Ваше Величество, ведь я же сказала, что он оклеветан! — воскликнула Илоис, готовая разрыдаться. — Он сам всю жизнь ненавидел магов и колдунов, и если б вы знали, сколько из них сокрушил его меч!.. Клянусь всеми светлыми богами Хайбории, что Конан-киммериец не причастен магии!

— Всеми светлыми богами?.. — переспросила королева. Она явно уже утомилась от этого разговора, и ей не терпелось отделаться поскорее от назойливой просительницы, чтобы как следует рассмотреть новую драгоценность. — Ты, кажется, говорила что-то о знаках, которые боги посылают на землю, чтобы указать свою волю? Будет тебе известно, что я очень внимательно отношусь к этим знакам, знамениям, предчувствиям и вещим снам. Скажем, сегодня мне приснилось, что я спускаюсь по дворцовой лестнице и вдруг замечаю что-то маленькое и синее на мраморной ступеньке. И почему-то я одна! Ни пажей вокруг, ни лакеев, ни придворных дам... Некому нагнуться и поднять это. И мне приходится нагибаться самой, ты представляешь?.. При этом платье лопается у меня на спине, и даже ниже, — добавила королева, чуть понизив голос, — и во все стороны рассыпаются мои пуговицы, красные маленькие пуговицы. Они скачут по ступенькам, как множество капелек крови... А то, что я поднимаю — тоже пуговица, но — синяя и единственная!.. Представляешь?.. Все утро я ломала голову над тем, что бы мог значить этот сон. И вот появляешься ты, нищая немедийская аристократка, и даришь мне синие камни, которые отныне будут прогонять мои тяжелые мысли! Вот он, мой сон!.. Так что, милочка, я очень чувствительна ко всяким знакам, которые посылают нам боги. Если, как ты говоришь, Конан-киммериец — любимец богов, то они непременно подадут какой-нибудь знак во время его казни. Скажем, на плечи ему опустится несколько белых птиц с

цветочками в клювах, или — вдруг запахнет фиалками, когда палач начнет поджигать хворост, или что-нибудь еще в этом роде... Я обещаю тебе, милочка, что буду лично присутствовать на казни, и подобный знак, если он будет явлен богами, не ускользнет от моего внимания. Можешь быть в этом уверена!..

* * *

Вернувшись к вечеру с базарной площади, усталый и осипший Шумри хотел было расспросить жену о ее встрече с королевой, но, едва взглянул на нее, слова застряли в его горле. Он молча подошел к ней и обнял, прижав к груди поникшую голову с растрепавшейся затейливой прической...

— Я отдала ей ожерелье, — прошептала Илоис после долгого молчания, во время которого он лишь гладил ее, как девочку, дрожащими от нежности руками по рассыпавшимся волосам.

— Я знаю... Молчи... Не надо, — отозвался он.

— Я отдала ей твое синее ожерелье, — опять повторила она с несказанной тоской.

— Ну и хорошо, хорошо... Не убивайся же так... Подумай, что камни эти спасут Конана. И разве одного только Конана?.. Они ведь такие добрые и такие сильные, эти камни... Только представь, насколько благородней и великодушной станет от их прикосновений королева! А ведь она влияет на короля, она практически правит за его спиной...

Рыжик и Волчок, сидевшие по любимой своей привычке на корточках на полу, во все глаза, расширившиеся и испуганные, смотрели на родителей. Первым не выдержал Волчок. Вскочив, он бросился к матери и изо всех сил обнял ее, уткнувшись головой в платье. Его ласка была так неожиданна, так потрясла ее, что слезы, безудержные, облегчительные слезы, заструились из глаз.

— Мама! Не плачь же, мама!.. — Рыжик прижалась к ней с другой стороны, втиснувшись узеньким тельцем и потеснив отца.

— Не плачь, — повторил за дочерью Шумри. — Твои камни живут и вершат свои чудеса, хотя теперь и в отдаении от нас...

— Они не вершат чудеса, — с трудом произнесла Илоис. Она подняла голову и встретила с мужем взглядом. — Они не спасли жизнь Конану. Королева ничего не обещала мне. Ничего! Она поможет ему, но только в том случае, если во время казни ему на плечи усядутся птицы с цветками в клювах или запахнет фиалками...

Глава седьмая

Рыжая кошка стала почти постоянным обитателем кордавской тюрьмы. Неизвестно, каким путем она пробиралась вовнутрь, скорее всего со двора, используя для прохода крысиные норы. Появлялась она, как правило, ночью, внося оживление в однообразно-томительную службу охранников, прилагавших немалые старания к тому, чтобы не сомкнуть глаз и не задремать ненароком.

Уже на второй день своего появления в столь мрачных и сырых местах ей была дана кличка Ушлая. Она получила ее за высокое мастерство в ловле мышей, которыми во все времена изобиловала тюрьма, как, впрочем, и все тюрьмы в мире. Ушлая не просто ловила их в огромном количестве, но выкладывала серые тушки вдоль стены то по прямой линии, то в виде волнистой кривой, а порой выстраивала из них треугольники, квадраты и овалы. Это ее искусство приводило скучающих на посту солдат в искреннее и шумное восхищение.

Мышей она никогда не ела, чем тоже отчего-то расположила к себе охранников, и многие из них, заступая на ночную службу, стали прихватывать с собой кусочки сыра или колбасы для угощения шустрой любимицы.

Ушлая проскальзывала сквозь решетки в клетки узников, но в руки давалась не всем. Казалось, она издали чувяла, кто из оборванных и голодных людей, почти потерявших человеческий облик, будет искренне рад ее появлению и ласково потреплет за ухом, поговорит, жалуясь на

тяжкую свою судьбу... а кто встретит ее грубым пинком или, того хуже, жестоким мучительством. Ни разу не ошибалась она в выборе тех, к кому подходила близко. Ни разу грубая и жестокая рука не касалась ее легкого и пушистого тельца.

К Конану, очевидно, чтобы не возбуждать подозрений, она проскальзывала не чаще, чем к остальным, и бывала у него лишь ненадолго дольше. Она больше не приносила с собой свернутых в трубочку писем либо иных весточек с воли. Но само появление ласкового одушевленного рыжего существа служило киммерийцу немалой отдушиной в его гнетущем и однообразном тюремном бытии. Обычно Ушлая (она же Рыжик) сворачивалась клубочком на мощной и широкой груди киммерийца, и он, перебросившись с ней несколькими словами (она отвечала мурлыканьем, меняя тембр его и громкость), вскоре засыпал. Просыпался он утром со странным и непривычным ощущением, что снилось ему нечто светлое, искрящееся, обнадеживающее, вот только, к сожалению, было никак не припомнить, что именно...

* * *

Чем дольше играл Шумри то на лютне, то на дудочке на пыльной рыночной площади, тем более грустными и пронзительными становились его мотивы. А после неудавшегося визита Илоис к королеве он уже не смог бы заставить себя, даже за большие деньги, сыграть разудалую песенку либо веселую плясовую мелодию.

Слушателей у него сначала было много, и они шумом и выкриками выражали свое одобрение после каждой исполненной им песни. Медяков, бросаемых к его ногам, было гораздо меньше, чем одобрительных выкриков и междометий. Их едва-едва хватало на скромную еду для всей семьи и оплату постоянного двора. О том, чтобы накопить денег на подкуп тюремщиков, не могло быть и речи.

С каждым днем слушателей становилось все меньше, круг людей, привлеченных звуками дудочки, постепенно редел. Очевидно, бесхитростной кордавской публике изряд-

но надоели тоскливые напевы, надрывающие душу вместо того, чтобы ее горячить и веселить.

Я завою бездомной собакой на луну.

Надоело седым бродягой пить весну.

Так же хлещет из горлышка жизни шальной...

Пускай! Над жилищем моим обветшалым флаг — тоска.

Для чего, кто сумеет ответить мне, петь и плыть?

Самому туманный вопрос этот не решить.

Как ни пой — не дотронешься голосом до прохладной лунной щеки.

Как ни рвись — не протянет бесстрастный Митра тебе руки...

Решив, что достаточно на сегодня излил тоску-печаль на ни в чем не повинных, простодушных слушателей, Шумри отложил в сторону лютную, глубоко вздохнул и произнес заученным тоном всегдашнюю свою фразу:

— Любезные жители Кордавы и гости города! Не знает ли кто-нибудь из вас уроженца этих мест по имени Горги, капитана парусника «Адуляр»? И если знает, не слышал ли кто-нибудь, где он сейчас?..

Он обвел глазами притихший перед ним круг праздношатающихся оборванцев, торговков и заезжих кунцов, снова вздохнул и хотел было, поднявшись, закончить свой сегодняшний рабочий день, столь же бесплодный, что и все предыдущие. (Хотя в толпе порой и оказывались люди, знавшие Горги и даже носившиеся с ним в детстве по одним и тем же улицам, но никто из них не мог сказать, где пребывает непоседливый капитан сейчас.)

Неожиданно один из слушателей сделал два шага вперед и бросил в шапку, лежащую вниз тульей у ног немедийца, горсть золотых монет. Шумри поднял голову и с удивлением рассмотрел незнакомца. То был молодой юноша, по виду моряк, со смуглым и открытым лицом. Ничто в нем не напоминало богача, швыряющего деньгами направо и налево.

— Неужели мое унылое пение стоит так много? — спросил Шумри, прищурившись, чтобы лучше разглядеть выражение лица незнакомца.

Тот засмеялся и помотал головой.

— От твоего пения, если честно, хочется забраться на фок-мачту и сигануть вниз головой в море! Волки веселее

завывают в лунную ночь! Но ты упомянул капитана Горги и «Адуляр», значит, ты плавал с ним. Друзья капитана Горги не должны подыхать с голоду и вымаливать милостыню на площадях тоскливыми песнями. Если тебе нечего есть, возвращайся на корабли! Капитан как раз набирает сейчас новую команду.

Еще не веря своей удаче, Шумри вскочил и схватил незнакомца за плечи, словно боясь, что тот убежит от него, не сказав самого главного.

— Где?.. Где он сейчас? Как мне найти капитана Горги?!

Юноша опять рассмеялся и высвободил свои плечи от сотрясавших их в волнении рук немедийца.

— Капитан Горги у себя дома, если, конечно, не шляется по улицам родного города, в котором очень давно не был. «Адуляр» вернулся из плавания два дня назад и стоит в гавани. О чем еще хочешь ты узнать, сумасшедший чужестранец?..

* * *

Впервые с того дня, как синее ожерелье перешло к королеве Зингарской, лицо Илоис посветлело, счастливые искры загорелись в серых глазах. Радость встречи со старым другом и спутником перевесила все обиды и потери последних дней. Воспрянувший духом Шумри ликовал еще больше, стоило ему перевести взгляд на жену, сбросившую груз тяжкого уныния и вины.

Первое, что сделал капитан Горги, лишь только обнял и расцеловал вновь обретенных своих друзей, — велел немедленно перебираться всем семейством с постоянного двора к нему в дом, хоть и не слишком просторный, но радушный и теплый, готовый вместить всех, кто близок ему и дорог.

Второе, что он сделал — лишь только Шумри объяснил ему в двух словах причину своего унылого музицирования на базарной площади, — собрал в короткое время всю свою команду, и тех, кто, получив расчет, сошел на берег, и тех, кто собирался через несколько дней отправиться с ним в дальнейшее плавание. Быстроногие кордавские мальчишки

за небольшое поощрение мигом разыскивали всех — по кабакам, постоянным дворам, увеселительным заведениям для гуляющих на берегу матросов и просто на улицах.

Горги объяснил Шумри, что продажа такого огромного и дорогого судна, как «Адуляр», может занять не один день, деньги же нужны немедленно, хотя бы небольшая сумма, с помощью которой можно будет начинать постепенную осаду королевской тюрьмы. Бесцеремонно сняв с его головы широкополую шляпу, он пустил ее по кругу среди своей команды, прошлой и настоящей, коротко пояснив, что друг его лучшего друга в большой беде, вытащить из которой его может лишь золото вкупе с бесстрашными и крепкими руками друзей.

Матросы, отпуская грубоватые шуточки, сыпали деньги. Ни одна рука не запнулась, не заколебалась, доставая из-за пазухи кошелек. Многие из них, откровенно радуясь возможности погорячить кровь приключением, вызывались помочь знаменитому другу Шумри, о чьих подвигах были слышаны, не только деньгами, но и самым активным действием.

Когда Мейч, тот самый смешливый юноша, что оказался в толпе слушателей Шумри, потянулся за своим кошельком, немедиец остановил его.

— Ты уже внес свой вклад, дружище! — заметил он. — Там, на площади. И весьма, надо сказать, весомый!

— Ничего, это было не в счет! — махнув длинными волосами, ответил юноша. Он высыпал в шляпу все содержимое своего кошелька. — Капитан Горги через несколько дней снова собирается в плавание, и у меня просто не будет времени достойно потратить все это на берегу! Не напиваться же каждую ночь, как свинья, и не осыпать золотом веселых девочек, которым и без того живется неплохо! Во всяком случае, лучше, чем узнику кордавской тюрьмы!

Шумри, не сдержавшись, горячо обнял его. Горги же вздохнул.

— Что такое?.. — удивился юноша. — Отчего ты так пасмурен, капитан? Неужели ты передумал отправляться в путь, лишь только будет набрана новая команда и залатаны

дыры в парусах?.. Ты решил задержаться на берегу? А может быть, тебе надоело мое общество, и ты решил сменил первого помощника?..

— Ну что ты несешь, Мейч! — воскликнул капитан. — Ты отлично знаешь, что я рад был бы плавать в компании с тобой до конца дней своих, но... Я и впрямь не знаю теперь, как скоро смогу отправиться в море. Хозяин «Адуляра», Кельберг (или Шумри, если тебе это больше нравится), вот этот самый нищий музыкант с базарной площади, должен как можно скорее продать судно, чтобы вытащить из тюрьмы друга. То, что мы собрали сейчас по кругу, — это только начало. Потребуется в несколько раз больше.

Мейч горестно и протяжно присвистнул. Остальные матросы, даже те, что уже уволились с судна, сокрушенно покачали головами.

— Клянусь богом ветра, это прескверная новость! — воскликнул юноша. — Подобный корабль, легкий, как перо чайки, и быстрый, словно дельфин, не скоро отыщешь. Конечно, с тобой, капитан Горги, я готов плавать и на дырявой развалюхе, но все-таки жаль. Жаль!..

— Ты думаешь, мне не жаль?.. — откликнулся капитан. — Уж наверное, за десять лет я сросся с «Адуляром» и душой, и всеми своими костями больше, чем ты! А Шумри, ты думаешь, не жаль?..

Он повернулся к немедицу. Сквозь обреченную грусть на лице Шумри неожиданно пробились надежда.

— А что, если не продавать «Адуляр», но только заложить его за хорошие деньги? — спросил он.

— Это мысли! — обрадовался Горги. Правда, в следующий миг радость его сменилась озабоченностью. — Но только я не очень представляю, на какие деньги мы сумеем его потом выкупить...

— Я и сам этого совершенно не представляю! — честно ответил немедиец, с отчаянностью махнув головой. — Но поверьте мне, лишь только Конан очутится на свободе, станут возможными самые невероятные вещи! Как совсем недавно объясняла моя жена королеве Зингарской, к этому северному бродяге очень и очень неравнодушны боги...

Все деньги, собранные моряками по круту, Горги переложил в кожаный мешок, оказавшийся вполне увесистым. Как-то само собой получилось, что все руководство подготовкой к предстоящему побегу киммерийца он взял в свои руки, сильные, верные и уверенные. Шумри ничего не имел против этого. Напротив, решительное лидерство капитана он воспринял с некоторым облегчением.

Одному из своих подопечных, зингарцу средних лет, с умным и проницательным взглядом и мягким голосом, Горги отдал часть золота и велел прямо сейчас отправляться к задворкам королевской тюрьмы и начать, как он выразился, «прощупывать и пронохивать обстановку». Двум другим матросам, самым расторопным и смелым с виду, он поручил, не вызывая подозрений, как можно тщательней и подробней исследовать тюремную площадь, на которой обычно совершаются казни, а также выбрать наиболее короткий и удобный путь от площади до гавани.

На себя же капитан взял переговоры с богатыми кордавскими ростовщиками и перекупщиками, которые могли бы принять в залог парусник и дать за него хорошие деньги.

Шумри также не остался без дела. Ему было поручено продолжать наигрывать унылые песенки на рыночной площади, внимательно подмечая все, что творится вокруг, и ловя носящиеся в воздухе слухи. Даже малыши оказались полезными. К немалой их гордости и восторгу, капитан велел им следить за хужиной кордавского палача, стараясь запомнить расписание дня, привычки, пристрастия и слабости его хозяина.

— А как же я? — спросила Илоис, единственная, кто оказалась неохваченной активным руководящим напором Горги. — Разве для меня не найдется поручения, капитан?.. Скажи же, что делать мне?

— Молиться, — коротко ответил Горги. Он взглянул на нее и тут же отчего-то отвел глаза. — Молиться своим светлым богам.

Только поздним вечером, почти ночью, после наполненного неотложными делами дня, трое друзей, вновь обретших друг друга, смогли посидеть спокойно за доброй бутылкой искрящегося вина у зажженного — не столько ради тепла, сколько ради уюта — камина... Илоис то и дело пыталась отправить в постель малышей, но Волчок и Рыжик, раскрасневшиеся и возбужденные, не желали слушаться ни ее, ни отца. Уйти спать, когда о своих приключениях и странствиях рассказывает капитан Горги, тот самый верный и бесстрашный старина Горги, которого они никогда прежде не видели, но столько слышали о нем!.. Ни за что на свете!

Горги взял их под свою защиту, посадив каждого на свое колено и крепко обняв длинными руками.

— Оставь их, Илоис! Оставь, Кельберг! Они отоспятся завтра днем. Не лишайте меня удовольствия видеть эти славные рожицы!.. Если б вы знали, как они похожи на вас!

— Да, но... — начал было Шумри.

— Да я знаю, знаю! — махнул рукой Горги. — Знаю, что вы нашли их где-то, не то в болоте, не то в лесу! Они уже успели шепнуть мне об этом, каждый в свое ухо. Ну и что из этого?.. Ваши дети ждали вас где-то в лесу, и вот вы наконец встретились, ведь это же здорово! И я наконец-таки встретился с вами, и будь проклят тот плавучий комок земли, что когда-то разлучил нас!..

Они говорили, смеясь и перебивая друг друга, почти до рассвета. Капитан Горги рассказывал, как исплавал за два с половиной года в поисках друзей весь Западный океан, вдоль и поперек, и отныне вряд ли кто-нибудь из бороздящих морские воды знает эти места лучше. О его захватывающих приключениях и удивительных людях и иных существах, встретившихся ему на пути, дети слушали, затаив дыхание и вжавшись покрепче в широкие капитанские плечи.

Затем настала очередь Илоис и Шумри. Плавучий лоскуток суши, с каждым днем становившийся все крохот-

нее... полное опасностей продвижение по пиктским дебрям... счастливое обретение детей, ставших их добрыми духами-хранителями... дивный остров посередине реки Громовой, с которого им не захотелось больше никуда уплывать...

Ворвавшийся в их жизнь, словно морской тайфун, киммериец, старый друг и побратим, чья бурная судьба зацепила их, увлекла, потащила за собой и выбросила в конце концов на базарную площадь Кордавы... Где по милости светлых богов прогуливался длинноволосый Мейч, беспечный помощник капитана быстроходного, как туземная пирога, и капризного, как зингарская барышня, парусника «Адуляр»...

* * *

Разговоры и воспоминания утихли лишь к утру. Волчок давно уже заснул, прикорнув на плече у капитана, и тот бережно отнес его в постель. Рыжик также послушно скользнула на отведенное ей ложе, но она не спала, напротив, изо всех сил боролась с дремотой. На кусочке коры, благоразумно припасенном заранее, она нацарапала рисунок-послание для Конана и теперь с нетерпением ожидала, когда же взрослые наконец утомонятся, лягут спать и она сможет, незаметно ускользнув из дома, пробраться в тюрьму, на свою еженощную добровольную вахту.

Наконец стало тихо. Илоис заглянула к детям. Убедившись, что они спокойно лежат там, где их положили, прикрыла дверь и, пошатываясь от усталости и избытка счастья, отправилась в отведенную ей и Шумри комнату...

Спустя короткое время из ворот капитанского дома, низко прижимаясь к земле и оглядываясь, выскользнула рыжая кошка и бросилась стремглав по сумеречным, предрассветным улицам по направлению к тюремной площади. В зубах она сжимала что-то, что редкий прохожий, запоздалый гуляка, встретившийся ей на пути, мог бы принять за мышиное или птичье тельце.

Конан спал, но от толчка в грудь мягкими лапами мгновенно проснулся.

— Это ты, Рыжик! — радостно прошептал он. — А я уже думал, тебя сегодня не будет. Никогда прежде не прибегала ты так поздно. Вернее, рано, — поправился он, взглянув на первые полосы утреннего света, пробивавшиеся сквозь верхнее окошко.

Кошка разжала зубы, и на грудь ему упало легкое послание. Еще больше оживившись, киммериец развернул его и поднес к свету. Там был нацарапан человечек в широкополой шляпе и с дудочкой в руке (Шумри!), протягивающий руки к другому человечку, в высоких сапогах, за спиной которого маячило что-то очень большое и бесформенное. Вглядевшись пристальней, Конан сообразил, что так детская рука изобразила корабль с парусами. Неужели Шумри встретился со своим капитаном? От корабля тянулась стрелочка к трем мешкам, каждый из которых был набит маленькими кружочками. Кром! Неужели Шумри продал свой парусник?!

— Шумри встретил капитана Горги? — тихо спросил Конан у рыжей вестницы, чтобы убедиться в своей догадке. — Они продали парусник?..

Кошка радостно закивала головой. Зеленые глаза ее искрились от ликования, лапы нетерпеливо когтили рукав киммерийца, порой процарапывая и кожу.

— Тише, тише, огненный зверь! Иначе ты разорвешь последнюю мою одежку, и мне не в чем будет выйти на люди, когда придет время казни! — усмехнулся он. Затем лицо его стало серьезным. — Послушай меня, девочка. Но только будь очень внимательна и запомни все, что я тебе скажу. Запомни и постарайся найти способ передать это как-нибудь своим родителям. Ты сделаешь это?

Кошка, замерев и насторожившись, кивнула.

— Раз Шумри продал корабль, он, наверное, попытается подкупить моих тюремщиков. А может быть, и уже пытается. Передай ему как-нибудь, не знаю как, что делать этого ни в коем случае нельзя. Все охранники здесь запуганы до беспамятства, так как в случае моего побега и даже одной попытки побега им грозит немедленная смертная казнь. Сегодня днем какой-то тип наводил справки на тюремном

дворе, намекал о немеренных грудях золота за готовность совершить кое-какие услуги. Солдат, с которым он разговаривал, тут же донес обо всем начальнику тюрьмы. Этого типа сразу бросились ловить, но, к счастью, он успел скрыться. Так что пусть Шумри найдет своему золоту иное применение, если он не хочет отправиться в мир Серых Равнин на пару со мной. Конечно, мне было бы там веселее с ним, но... пусть он все-таки не торопится! Если ему обязательно надо подкупить кого-нибудь, пусть подкупит палача — чтобы выполнил свою работу быстро, искусно и весело! Или же — пусть подкупит пресветлого Митру. — Конан указал подбородком наверх. — Пусть в этот день будет хорошая погода и...

Но договорить Конану не дал громкий и разъяренный окрик, резко разнесшийся по сонному тюремному коридору.

— А, ты спишь на своем посту, выкормыш Нергала!!!

Начальник тюрьмы на этот раз решил совершить свою обычную проверку в предутренний час, когда, как правило, охранникам труднее всего бороться с наваливающейся на веки липкой дремотой.

— Я и не думал спать! Клянусь Митрой!.. — Испуганный солдат, вскочивший со своей лавочки, изо всех сил таращил глаза, показывая, что сна нет ни в одном из них. — Я просто задумался и не расслышал ваши шаги! Они такие тихие!..

— Ты здесь не для того, чтобы думать! Ты должен не спускать глаз с опасного преступника, ни на миг не отворачиваясь и даже не моргая! А эт-то что такое?!.. — Указательный перст разгневанного начальника тыкал куда-то сквозь решетку клетки киммерийца.

На глаза ему попала кошка, яркой шерстью своей хорошо выделявшаяся на фоне тюремной серости. Если б Рыжик, лишь только заслышав звуки грозного голоса, сообразила шмыгнуть за спину Конана, зарыться в сенную подстилку, — никто бы ее не заметил. Но она заколебалась, промедлила — очевидно, бессонная ночь и усталость давали о себе знать, — и промедление это оказалось для нее роковым. Увидев, что ее обнаружили, она шмыгнула сквозь

решетку, надеясь на быстроту своих лап, но не рассчитала. Начальник тюрьмы, окрыленный служебным рвением, молниеносно нагнулся и схватил готовящееся улизнуть животное за шкуру.

— Это?.. Это?.. — лепетал потный от страха охранник. — Это Ушлая, наша кошка... Она давно здесь живет...

— Кошка?! Живет кошка?.. И не где-нибудь, а в камере опаснейшего чернокнижника?!

— Нет-нет! Она бывает во всех камерах... Она ловит здесь мышей... О, господин начальник, если б вы видели, как она выкладывает тушки мышей вдоль стен — то волнистой линией, то в кружочек!..

Кошка, зажмурив от ужаса глаза, повисла в руке начальника и даже не пыталась вырваться. Конан вспомнил, как девочка рассказывала, что от страха сама собой возвращается в человеческое состояние, и ему захотелось помолиться кому-нибудь из светлых богов, хотя прежде он никогда не имел подобной привычки.

Неуклюжие попытки солдата растрогать начальника описанием поразительных кошачьих достоинств достигли противоположного результата. Тот уже не кричал, но шипел, выкатив глаза на лоб и покраснев так сильно, что казалось, вот-вот грохнется на каменный пол и забьется в припадке:

— Ты что?! Ты только вчера родился, безмозглый щенок?.. Ты разве не знаешь, что кошки — лучшие помощники колдунов?! Ты видел когда-нибудь колдуна или ведьму, у которой не сидела бы на плече черная кошка?.. О, идиот! Она выкладывает мышей в кружочек!.. А что еще она делает? Где эти мыши? Вы сожгли их?!

— Но она же не черная... — продолжал оправдываться охранник, но совсем тихим, осевшим от ужаса голосом. — Она ничего не делает больше...

— Я вижу, она уже всех вас тут охмурила! Вовремя же я появился с проверкой! — Начальник протянул руку с обмершей кошкой по направлению к одному из сопровождавших его воинов, с тупым изумлением наблюдавшему всю эту сцену. — Возьми ее и тотчас же сожги на тюремном

дворе! И не вздумай отпустить, слышишь? Это не простая кошка! Ее можно уничтожить только сожжением заживо, как и ее хозяина! Впрочем, нет, — передумал он, — ты, конечно же, ее упустишь. Она ведь может обратиться в твоей руке в змею, и ты завопишь от страха! Придется мне самому это сделать.

С торжествующей ухмылкой взглянув на узника, начальник сделал шаг по направлению к выходу. Медлить больше было нельзя. Конан напряг мускулы рук, собрав воедино все силы своего могучего и не слишком ослабленного долгим пребыванием в тюрьме тела. То звено в цепи на запястьях, которое некогда всю ночь пытались перепилить дети, он подолгу перетирал о каменный выступ стены за своей спиной. Он делал это потихоньку, очень осторожно, чтобы не заметил охранник, но зато каждый день. Теперь звено это лопнуло, и цепь распалась!

В уме киммерийца мелькнуло сожаление. Оно было мимолетным, но все-таки было: ведь он готовился разорвать свои цепи на площади, перед тем как его привяжут к столбу на эшафоте. Вот тогда ему, быть может, удалось бы уйти!.. Сейчас же его немедленно закуют снова, и времени перетереть железо больше уже не будет.

С диким ревом варвар бросился на решетку своей темницы и стал трясти ее и разгибать прутья. Эффект был в точности такой, какого он ждал: ошарашенный начальник тюрьмы выпустил из рук кошку, один из охранников выронил копье с громким звоном, а второй стукнулся затылком о стену. Краем глаза Конан с облегчением увидел, что на этот раз Рыжик не стала медлить, но, промелькнув между ногами остолбенелых тюремщиков, подобно живому клочку огня, скрылась в одном из своих укромных ходов.

Несмотря на то что девочка была теперь в безопасности, киммериец продолжал орать, как раненый слон, и сотрясать прутья. Пришедший в себя наконец начальник приказал солдатам — предварительно позвав на помощь троих товарищей — войти в клетку преступника, скрутить его и приковать к стене снова. Но приказать оказалось намного легче, чем исполнить. Лишь только открыли замок, как варвар

навалился на дверь с такой силой, что едва не выскочил. Пришлось срочно задвигать засов снова. Казалось, тюрьма и скудная еда несколько не уменьшили сил Конана, но, напротив, прибавили (что начальник тюрьмы склонен был объяснять для себя происками зловещей рыжей кошки). Толстые железные прутья скрипели и прогибались под его руками. Лишь когда охранники, выстроившись в ряд вдоль клетки, стали отпихивать Конана от решетки остриями своих копий, он мало-помалу успокоился, отошел в свой угол и рухнул на гнилую подстилку.

Тем не менее войти к нему в клетку и приковать никто не решился. Начальник ограничился лишь тем, что приказал сменять караул у камеры чернокнижника уже не восемь, а двенадцать раз в сутки и дежурить сразу по трое.

Поскольку за всеми этими тревожными наступило уже утро, преданный слуга короля тотчас отослал Его Величеству срочное донесение. В донесении он умолял короля не тянуть больше с исполнением казни чернокнижника, разбойника и убийцы, Конана из Киммерии, так как промедление это чревато непредсказуемыми последствиями. В частности, этой ночью преступнику едва не удалось бежать из тюрьмы. Это был бы третий случай за время ее многовековой истории, и, как и первые два, не обошлось без потусторонней помощи, осуществленной на этот раз посредством рыжей демоницы, обратившейся в кошку...

Глава восьмая

Конан не сомневался в том, что, демонстративно разорвав свои цепи, он приблизит, и очень существенно, день своей казни.

Получив послание начальника тюрьмы, король Фердруго велел не искушать больше судьбу, не испытывать терпение богов, которых не может не оскорблять столь длительная отсрочка заслуженной кары колдуна, и привести приговор в исполнение немедленно. Юный барон Кайсс подал ему глупый совет. Пребывание в темнице не ослабило дух узника, не наполнило его ужасом от бесконечного представления картин мучительной казни. Напротив, он чуть было не сбежал, применив свои колдовские умения! Нет-нет, казнить немедленно! Завтра!

Если б для казни не нужно было сооружать предварительно помост, ставить столб, собирать хворост — король приказал бы покончить с преступником прямо сегодня, так напугала его попытка побега. Как доверительно сообщила Илоис Ее Величество во время памятной для обеих аудиенции, король Зингары пуще смерти боялся и не любил колдунов и чернокнижников, так как верил предсказанию, сделанному ему в юности (одним из этой же братии, между прочим), что в преждевременной смерти его будет повинна черная магия.

Все приготовления к казни было приказано совершать ночью, в полнейшей тайне, а саму казнь провести на рассвете, чтобы сообщники киммерийца — если они у него есть — не успели бы принять мер для его побега.

Король считал себя человеком сметливым и сообразительным. Порой собственная прозорливость искренне восхищала его и наполняла душу ребяческим ликованием. Так случилось и теперь, когда его посетила замечательная идея для пущей предосторожности доверить казнь не профессиональному палачу, занимающемуся этим делом чуть ли не с пеленок, но одному из своих придворных, тому, на кого наугад падет монарший выбор в решающий момент. Ведь в результате этой уловки у сообщников не будет возможности подкупить палача (а также отравить его, насыпать в еду снотворное или выкрасть). Также недурно и солдат, которые будут охранять киммерийца на месте казни, назначить в самый последний момент. И уж конечно, надо будет позаботиться, чтобы поблизости не оказалось ни одной кошки!

В то время как король Фердруго восхищался своей предусмотрительностью и отдавал подробнейшие распоряжения относительно завтрашней казни, капитан Горги вел переговоры относительно «Адуляра». Перекупщик, к которому он обратился, сколотивший себе солидное состояние на контрабанде товаров из Зингары в Аргос и обратно, смекнув, что деньги требуются как можно быстрее, назначил смехотворную цену, чуть ли не в два раза ниже реальной стоимости парусника. Проценты же назначил огромные. Разгневанный Горги хотел было хлопнуть дверью, оскорбившись за свой корабль так, словно тот был человеком, больше того, его другом, которого унизили в его присутствии. Но ему вспомнились настойчивые просьбы Шумри сегодня утром — заложить парусник за любую цену, так как чутье подсказывает ему, что казнь состоится скоро и они рискуют не успеть. Скрепя сердце Горги ударил с наглým контрабандистом по рукам, не решившись терять время в поисках иных, более порядочных покупателей. Правда, он обговорил за собой условие, что в течение одной луны имеет право выкупить «Адуляр» обратно.

Осторожный и хитрый матрос, которого капитан послал вчера к тюремным воротам, чтобы «вынюхать обстановку», вернулся с плохими вестями. Судя по всему, подкупить

охрану будет очень трудно либо совсем невозможно. Солдаты запуганы до смерти и подозрительны, как сторожевые псы. Ему едва-едва удалось унести ноги...

С его словами неожиданно совпали невразумительно-слезные просьбы Рыжика не пытаться подкупить охранников и их начальство, вообще не приближаться к тюремным стенам, так как каждый подозрительный человек будет немедленно схвачен. Когда ошеломленный Шумри попытался выяснить, на чем основаны ее предостережения, девочка сослалась на сон, который ей приснился ночью, очень четкий и очень страшный.

— Мне приснилось, что я пробралась к Конану в клетку, тайно, — рассказывала девочка, взволнованно расширив глаза, — чтобы помочь ему убежать... И вошел какой-то человек, очень страшный. Сначала он кричал на солдат, что они заснули на посту, а потом увидел меня... О... Он схватил меня за волосы, это было так больно! — Она передернулась худеньким тельцем. — Он кричал, что сожжет меня, потому что я помогаю чернокожнику... Он кричал, что всякий, кто попытается подкупить охрану, будет убит... Я уже думала, что не увижу вас больше — ни Волчка, ни тебя, ни маму... Но тут Конан очень громко закричал и стал трясти решетку своей клетки. Тот человек от страха выпустил мои волосы, и мне удалось убежать...

Шумри относился серьезно и к снам, и к предчувствиям, и к намекам судьбы, как к чужим, так и к своим собственным. (В этом он несомненно походил на королеву Зингарскую.) Поэтому слова дочери еще более усилили его беспокойство и тревогу, и без того сгущавшуюся с каждым днем.

Теперь у них было много денег, но на что их тратить, если подкуп невозможен?.. Горги недолго мучился с этой проблемой: пользуясь своими знакомствами в среде моряков, он договорился с одним из владельцев маленького баркаса, вручив ему крупный задаток, что в случае удачного побега киммерийца из тюрьмы тот доставит его вместе с друзьями в Аргос.

Также было куплено несколько отличных коней для тех, кто выразил желание принять участие в спасении

киммерийца (среди них был и смешливый помощник капитана Мейч), несколько шпак и мечей (для тех, кто любил и умел с ними обращаться). Не было забыто и об оружии для Конана. В конце он не нуждался, так как вряд ли можно было найти скакуна лучше его дареного вороного красавца.

После долгого дня, наполненного срочными делами, приготовлениями, сжимающей сердце тревогой, Шумри заснул очень поздно. Ему показалось, что всего лишь несколько мгновений парил он, отдыхая, в темных небесах сна, как был разбужен горячим детским шепотом.

— Проснись скорей! Проснись! — Рыжик трясла его за плечо.

Глаза ее горели зеленоватым огнем, и в первый миг, едва открыв веки, Шумри вздрогнул. Впрочем, страх был мимолетным, так как он давно уже заметил эту особенность взгляда дочери и привык к ней. Правда, на этот раз свечение было ярче, чем обычно. Возможно, причиной тому служило сильное волнение.

Приложив палец к губам, он соскользнул с постели, стараясь издавать как можно меньше шума, чтобы не разбудить Илоис. Выйдя за дверь с дочерью, он наклонился к ней и тихо спросил:

— Опять страшный сон?..

— Опять! — выдохнула она. — Мне снилось, что я побежала к тюремной площади, было очень темно и поздно, совсем пустые улицы... Все вокруг спали, но с площади раздавался какой-то стук. Я подошла поближе и увидела, что какие-то люди машут топорами и что-то высокое, белое поднимается от земли...

— О, пресветлый Митра! Неужели они решили уже сегодня... — Не договорив, Шумри бросился одеваться.

— Я с тобой! — пискнула девочка, когда он, набросив на плечи плащ, шагнул к выходу.

— О, нет! Оставайся дома! Я только проверю твой сон и тут же вернусь.

Но Рыжик, не слушая возражений и запретов, вцепилась в его ладонь, и они вместе вышли на ночную кордавскую

улицу. Было темно и тихо. Гулкие звуки их шагов эхом отскакивали от стен домов и заборов.

Прижимаясь к отцу, девочка оглядывалась по сторонам и ежилась от страха. Она жалела, что не может сейчас превратиться в быстроногий пушистый комочек. Быть маленькой и резвой кошкой совсем не страшно — ведь всегда можно скользнуть в дыру или подворотню, если почудится опасность. Быть девочкой намного труднее — не во всякую дыру пролезешь, не от всякого злого человека сумеешь убежать... Впрочем, злой человек схватил ее и едва не сжег именно в обличье кошки!

Уже на подходе к тюрьме стало ясно, что работают — при свете нескольких ярких факелов — плотники, и работают торопливо. Что-то высокое и белое, что рассмотрела девочка, когда прибежала сюда одна, рыжим отважным зверьком некоторое время назад, оказалось деревянным столбом, к которому обычно привязывают приговоренного к сожжению.

Глава девятая

Ее Величество королева Зингарская чувствовала себя отвратительно. Поскольку казнь чернокнижника была назначена на раннее утро, она не выпалась как следует и теперь позевывала, прикрыв вялый рот веером из белоснежных страусовых перьев. К тому же нестерпимо палило солнце, которому в этот час полагалось лишь слегка ласкать своими лучами пробуждающуюся землю. Даже кружевной зонтик, который держал над ее головой паж, не спасал от зноя и духоты.

— Не кажется ли вам, что сегодня необычайно душно? — пожаловалась она своему величественному супругу, застывшему по ее правую руку и, судя по багровым щекам и выражению муки в выпуклых глазах, страдающему от жары не меньше ее. — Нельзя ли поторопить палача и его помощников, чтобы закончить это все поскорее?.. Мне кажется, еще чуть-чуть, и я упаду в обморок.

— О да, неимоверная, поразительная духота! — важно согласился король. — Надо сказать, совсем не типичная для этого времени года. Но вот эта дымка у горизонта — видите? — она внушает надежду, что после полудня пойдет дождик и жара рассеется. Что же касается быстроты, то вряд ли могу вас обрадовать: палач неопытный. Быть может, не все у него получится с первого раза.

— Неопытный?.. — удивилась королева. — Но отчего же? Насколько я помню, наш палач успешно справляется со своими обязанностями вот уже двадцать пять лет.

— В том-то и дело, что сегодня у нас новый палач! — Король довольно хохотнул. — Я принял такие меры предосторожности, чтобы никто из сообщников преступника не мог его подкупить, а также усыпить или прирезать. Знаете, кто будет сегодня вершить казнь? Вот он! — Король указал пальцем в направлении богато одетого молодого дворянина, нервно переступающего с ноги на ногу у эшафота. — Я только недавно сообщил ему эту радостную новость, и он еще не может очухаться. — Король снова захохотал. — Это юный барон Кайсс! Тот самый, отца которого загубил чернокнижник своей магией! Это его люди поймали преступника. Так что право поджечь хворост он вполне заслужил. Представляю, как он благодарит меня сейчас в душе за то, что я дал ему возможность такой прекрасной мести!

Королева внимательно вгляделась в барона. Его юное лицо с черной полоской усов над тонкими губами подергивалось, но выражение его определить было трудно. Видимо, в душе барона столкнулись и закружились водоворотом два сильных, но несовместимых чувства: жгучее унижение от сознания того, что ему, отпрыску знатного зингарского рода, предстоит сейчас вершить на глазах у всего города низкое ремесло палача, и — не менее жгучая радость, что от его руки погибнет в конце концов злейший его враг, и погибнет мучительной смертью, вопя от боли и вызывая к милосердию! Страсти сотрясали барона с такой силой, что он не мог стоять спокойно и то и дело принимался кружить на месте, словно исполняя ритуальный танец.

— Не думаю, что вы сделали правильный выбор, — с сомнением заметила королева, кончив разглядывать нового палача. — Ваше доверие так взволновало его, руки его так дергаются, что я бы поостереглась вручать ему факел. Он может промахнуться и поджечь не хворост, а... наш помост, к примеру.

Король оглядел помост, на котором они стояли в окружении лакеев и свиты. Он был довольно близко от эшафота и вздымался над землей на высоту трех локтей, чтобы можно было хорошо рассмотреть все детали предстоящей казни. Перепутать его с хворостом и поджечь вместо пос-

леднего было бы затруднительно даже при сильном волнении. Впрочем, скоро до короля дошло, что Ее Величество изволила пошутить, и он снисходительно раздвинул губы в улыбке.

— Не стоит беспокоиться, — с ласковой важностью заметил он. — Наш старый палач будет все время рядом, он поможет в трудную минуту советом или действием. Думаю, все будет как положено: быстро, поучительно, достойно. Но эта жара!.. Она стала еще нестерпимее! Меня томит тревога о вашем самочувствии. Не будет ли лучше, если вы покинете помост и сядете в свой паланкин? Мне кажется, под его крышей вам будет гораздо прохладнее.

Королева вздохнула и еще сильнее замахала перед лицом веером.

— К сожалению, я не могу этого сделать! Я обещала одной обнищавшей немедийской даме, что буду очень внимательно наблюдать за казнью и не пропущу ничего. Она подарила мне прелестные камушки. Вот эти! — Королева коснулась синего ожерелья на своей шее.

Она прислушалась к совету Илоис, но лишь наполовину: платье на ней было темно-синим, но драгоценности — алмазы и аквамарины — обсыпали его так густо, что делали похожим на сверкающую кольчугу. Впрочем, синие камни не терялись в их блеске, напротив, цвет их казался сегодня особенно насыщенным.

— Не понимаю, какую связь имеют между собой какие-то камни и казни! — пожал плечами король.

— Ах, конечно же вы не можете этого понять, поскольку я вам ничего не объяснила!.. Эта нищая дама уверяла меня, что киммериец — не чернокнижник, что его оклеветали, что он великий герой, совершил много подвигов и его обожают боги! Представляете, она так и сказала: обожают боги! Разве можно казнить любимца богов?..

— Видимо, его бывшая любовница, — заметил король.

— Возможно, — кивнула королева. — Из всего видно, что у этого широкоплечего и статного красавчика было немало любовниц, и часть из них, без сомнения, проливает сейчас слезы. Но я обещала ей и не могу не сдержать слова! Я

сказала ей, что боги никогда не оставляют своих любимцев в беде и посылают на землю недвусмысленные знаки. Знаете, как это бывает: вдруг на площадь вбегает белоснежная лань с золотыми рожками и склоняется у его ног. Или — в воздухе разливается чудное благоухание... Я обещала этой безутешной любовнице, что буду очень внимательна, чтобы не пропустить подобные знаки, если они появятся.

— Широкоплечий и статный красавчик, вы говорите?.. — переспросил король. Все, что касалось знаков, белоснежной лани и благоухания, видимо, не зацепило его внимания. — Н-да... Не считите это за обиду, но я бы не сказал, что ваш вкус отличается безупречностью. Статный красавчик! Подумать только! Статный красавчик...

* * *

Конан мучился от жары не меньше, чем сиятельные супруги. Хотя бы потому, что над головой у него не было кружевного зонтика. Руки его были крепко прикручены к столбу, так что он не мог даже как следует выпрямиться и вздохнуть полной грудью. У ног был насыпан холм из тонких и толстых бревен и хвороста.

— Кром! — пробормотал киммериец, взглядывая на небо. — Солнце сегодня взбесилось! Лучше бы они сжигали меня ночью, а еще лучше — приговорили бы к утоплению в прохладной воде...

Ближайший к нему охранник, услышав эти слова, прыснул. Конан подмигнул ему и встряхнул головой, отгоняя от глаз бегущие со лба струйки пота.

Солнце было еще совсем невысоко, но слепило так, словно имело свой зуб на киммерийца, свои обиды и мстило теперь, превращая в ад последние мгновения его земной жизни. Его блеск отражался на наконечниках копий и лезвиях вынутых из ножен мечей двадцати солдат, ровным полукругом замерших на расстоянии пяти шагов от киммерийца и будущего костра. За спиной его высилась серая громада тюрьмы.

В трех шагах от эшафота переминался с ноги на ногу расфуфыренный красавчик, в котором киммериец с удивле-

нием узнал пылкого Кайсса. С какой стати он стоит здесь?.. Неужели благородный нобиль решил стать добровольным помощником палача? На что только не толкает человека возжелание мести! Если б Кайсс стоял чуть-чуть поближе, Конан не постеснялся бы спросить у него, с какой стати знатный аристократ сторожит груды хвороста, но тот тщательно избегал взгляда варвара, как, впрочем, и всех остальных взглядов.

Несмотря на ранний час и небывалую жару, площадь была заполнена народом. Сожжение чернокожника — не такое уж частое зрелище, даже для столицы. Обычно на этой площади вешали, рубили головы и четвертовали. Люди нетерпеливо переминались, вытягивали шеи и толкались, проклиная солнце и торопя палача.

Конан пробежал взглядом по толпе зрителей. Некоторые из них были знакомы ему по королевской службе. Возбужденные, раскрасневшиеся от духоты чужие лица... По правую его руку, очень близко от эшафота, четверо носильщиков держали нечто среднее между носилками и небольшим паланкином. Вглядевшись, киммериец узнал в распростертом на нем теле барона Ричендо. Один из носильщиков поддерживал ему затылок, чтобы тот мог как следует, не упуская ни одной детали, насладиться казнью врага. Глаза барона были мутны, лицо, как, впрочем, и все туловище, неподвижно. Он больше напоминал труп, чем живого человека.

Конан обратил взгляд в другую сторону. Сердце его радостно подпрыгнуло: светлые, спокойные глаза Илоис смотрели на него с еле заметной, ободряющей улыбкой. Она стояла почти у самого ограждения, мужественно выдерживая натиск давящей сзади толпы, и обнимала детей, прижимавшихся к ней с обеих сторон. Заметив взгляд киммерийца, Рыжик помахала ему, а ее брат, едва видимый от земли и то и дело встающий на цыпочки, с важностью кивнул растрепанной головенкой.

Шумри нигде не было видно. И это хороший знак! Значит, он с мужчинами, с найденным капитаном Горги и занимается мужскими делами. А какие иные дела

могут у него сейчас быть, если не подготовка к побегу? И то, что Илоис взяла с собой детей — отличный знак! Значит, она уверена, что все кончится благополучно и он обретет свободу. Она никогда бы не допустила, чтобы на глазах детей разыгралась страшная драма казни через сожжение заживо.

Конан ощутил уверенность и спокойствие. Он перестал чувствовать режущие путы на запястьях. Гладкий, свежеструганный столб уже не давил на затылок. Ему показалось, что и взбесившееся солнце стало палить меньше, и прохладный ветерок плеснул в лицо, освежив разгоряченную кожу. Да нет, не показалось! Подняв голову, киммериец увидел, что солнце скрывается за тучей, стремительно набежавшей неизвестно из каких далей.

Палач, суетливый человек средних лет с озабоченно-деловой гримасой на невзрачном лице, закончил последние приготовления. Видимо, наступил завершающий акт действия. Откуда-то появился зажженный факел. Но взял его, крепко ухватив побелевшими пальцами древко, отчего-то не палач, но юный и нарядный барон Кайсс. Руки его так тряслись, что он едва не поджег полу своего расшитого серебром кафтана. Новоявленный палач повернулся и шагнул к вороху дров и хвороста.

— Так ты теперь служишь палачом, Кайсс?! — Конан изумленно присвистнул и расхохотался. — Поздравляю тебя!!! Фердруго оказал тебе большую честь!

Кайсс поднял голову, и глаза их встретились.

— Я вечно буду благодарить Его Величество за эту честь! — с вызовом воскликнул барон. — Нет большей чести для меня, нет большего счастья, чем своими руками отправить на Серые Равнины величайшего в мире негодяя и колдуна!

— Так отправляй же скорее! — крикнул Конан. — Не медли! Ты видишь — небо совсем зажалось меня! — Он показал подбородком вверх. — Грозный Кром хмурится!..

Кайсс горделиво выпятил грудь, расставил ноги и отвел назад локоть, стараясь придать себе позу эффектную и величавую, которая врезалась бы в память толпы на годы

вперед. Нет, он вершит не низкую работу палача, но великую миссию карающего правосудия!..

— Не подожги сам себя, барон! — усмехнулся киммериец. — Ручонки-то твои трясутся!

Негодующе вспыхнув, Кайсс величаво вытянул вперед руку с факелом. Но вместо того, чтобы ткнуть горящим концом в хворост, он неожиданно дернулся всем телом и изогнулся назад. Под левой лопаткой барона в узорах серебряного шитья торчала рукоять ножа.

Потрясенный вздох пронесся по площади, и все головы повернулись назад. На крыше двухэтажного жилого дома, ближайшего к тюрьме, на расстоянии ста локтей от эшафота стоял человек. Лица его рассмотреть было невозможно, но было видно, что он высок, ловок и худ. Длинные волосы плясали за плечами от ветра. В ответ на изумленные взгляды толпы незнакомец помахал рукой и послал воздушный поцелуй королеве Зингарской.

Кайсс, пробормотав нечленораздельные проклятия, рухнул навзничь. Выпавший из руки его факел, воровато нагнувшись, подхватил палач. Не выпрямляясь и прячась за спины стражников, невзрачный человечек швырнул его в древесную грудку. Сухие тонкие ветки запылали мгновенно...

Вышедший из оцепенения командир стражников отдал торопливый приказ, и половина из них, с копьями наперевес, бросилась к дому, с которого стрелял лихой незнакомец. Другая половина осталась сторожить киммерийца, пока еще вполне живого.

Конан, прищурившись, старался рассмотреть своего неведомого защитника, продолжавшего спокойно стоять на виду у толпы, оттягивая на себя всеобщее внимание. Кто это мог быть? Шумри?.. Нет, Шумри не стал бы стрелять в человека, даже в последнего негодяя, каким был Кайсс. Капитан Горги?.. Одновременно с этим он пытался высвободить свои руки из тугих веревок. Густой дым, повалившийся от занявшихся веток, был весьма кстати: он в значительной мере заслонял телодвижения киммерийца от глаз толпы и охранников.

Правда, с помоста, где стояла королевская чета, его попытки высвободиться были отлично видны. Король Фердруго высоким от волнения голосом кричал начальнику стражи, бессвязно и неразборчиво, тыча рукой вниз. Королева же во все глаза следила за захватывающим спектаклем, развернувшимся у ее ног. Пальцы ее теребили синие камни на шее, грудь бурно вздымалась и опадала. С замиранием сердца, не признаваясь самой себе, Ее Величество желала «широкоплечему и статному красавчику» успеха...

Дым выедал глаза и забивался в ноздри. Но это была ерунда — по сранению с жаром, подымавшимся от языков пламени, выраставших все выше и выше... Привязан он был на совесть. Веревка, несмотря на нечеловеческие усилия, не отпускала запястий. Из-за дыма Конан не мог больше видеть незнакомца на крыше, но, судя по удаляющимся воинственным крикам и проклятиям солдат, он убегал, уводя за собой добрую половину охраны.

Вопли Фердруго возымели свое действие: оставшиеся солдаты сгрудились вокруг эшафота, угрожающе подняв копыя. Самые ретивые приблизили острия их к его груди, невзирая на жар пламени. Палач, оттащив за ноги труп Кайсса в сторону, поворошил огонь, отчего тот взвился выше.

Порывы ветра, ставшего очень резким, то и дело относили столб дыма в сторону, пригибая его к земле. В один из таких моментов, когда едкая серая завеса отхлынула в сторону, Конан разглядел, как побледневшая Илоис прижала к себе головы детей. Он увидел также, как мальчик мягко вывернулся из-под ее руки и, пригнувшись, проскользнул куда-то вперед, в направлении эшафота.

Неожиданно что-то громко и раскатисто загрохотало в небе. В первый момент Конан даже не понял, что это гром. Он решил было, что друзья для его спасения придумали что-то совсем фантастическое и невероятное. Почти сразу за грохотом сверху обрушились безудержные потоки воды. Огонь зашипел, как клубок рассерженных змей, не желая сдаваться, но его сопротивление было сломлено хлесткими, как бичи из гиппопотамовых хвостов, струями за несколько бурных мгновений...

Конан с утроенной силой принялся высвобождать руки. Внезапно он ощутил на запястьях чье-то теплое дыхание. Он чувствовал, как острые зубы теребят веревку, перегрызая ее... Оглянувшись, киммериец разглядел за штриховкой дождя что-то серое и тощее, с прилизанной водой шерстью, с торчком стоящими острыми ушами...

Король Фердруго, заливаемый потоками ливня, потерявший корону и парик, смытые с головы, дергаясь в облепившей тело мантии, продолжал кричать. От ужаса, что опасному чернокнижнику удастся скрыться в этой стихийной и людской суматохе, горло его перехватывало, и приказаний, отчаянных и визгливых, было не разобрать. Но голос его заглушили и перекрыли вопли Ее Величества. Столь же растрепанная и обезображенная водой, похожая на старую куклу, выброшенную ребенком в лужу, королева хватала своего сиятельного супруга за руки, закрывала ему пальцами рот и истошно кричала:

— Знак! Знак! Знак!!!

Гроза не только затоптала огонь и посеяла панику. Изливаемая с небес влага божьего негодования была так обильна, струи так тесно примыкали друг к другу, что все вокруг подернулось плотно-серой пеленой. Ткань ее то и дело вспарывали лезвия молний. Каждая вспышка сопровождалась воплями и стонами ужаса.

Охранники, лишь только погас огонь, придвинулись к пленнику еще ближе, чтобы заколоть его копьями при первой попытке побега. Но дождь мешал им видеть, порывы ветра сбивали с ног, а частое сверканье молний наполняло суеверным страхом. Киммериец, освободившийся от своих пут с помощью смышленного и верного малыша, без труда выхватил копьё у ближайшего к нему солдата, сшиб его с ног сильным толчком в грудь и спрыгнул с эшафота.

Раскаты грома, всплески молний, неистовство ливня, пронзительные вопли короля и королевы, визги женщин, ржанье перепуганных коней... Казалось, весь мир вот-вот рухнет и превратится в обломки хаоса, со свистом носящиеся в пустоте. Но Конану была по сердцу эта музыка. Потрясая своим оружием, он несясь вперед, сквозь

разбегающуюся в панике толпу. Оглядываясь назад, он заметил, что на пути охранников, рванувшихся за ним в погоню, вырастают мужские фигуры в надвинутых на лица капюшонах, с обнаженными шпагами и мечами в руках...

Достигнув края площади, Конан приостановился на миг, раздумывая, в какую сторону ему лучше всего уносить ноги. Его колебания прервал грохот копыт вороного жеребца, вынырнувшего из-за поворота улицы. Его держал в поводу скачущий рядом всадник. За его спиной виднелось еще двое или трое верховых. Лицо всадника, резко натянувшего поводья в шаг от Конана, не позволял рассмотреть ливень, но голос его, голос!..

Уже через миг Конан, вросший в седло своего жеребца, уносился вскачь по улице, ведущей к порту. Позади него, прикрывая беглецу спину и то и дело оглядываясь, скакали трое мужчин, промокших до нитки и хохочущих, словно охмелевшие демоны.

* * *

Илоис, лишь только хлынул дождь и началась паника, отступила в сторону и прижалась к стене одного из домов, заслоняя собой дочь. Она очень тревожилась за сына, неизвестно куда подевавшегося, да так быстро, что она даже не успела его окликнуть. В такой суматохе маленького мальчика запросто могли сбить с ног, затоптать, покалечить... Она напряженно вглядывалась в мельтешение людей, но ливень не давал возможности рассмотреть хоть что-либо.

Перепуганные люди метались из стороны в сторону, словно ошалелые овцы. Носилки с бароном Ричендо были брошены наземь, и несчастный парализованный старик выкатился из них на булыжники мостовой... Королевская чета вместе с вымокшей до костей свитой спешно рассаживалась по каретам. Кучера еле сдерживали готовых понести лошадей...

Рыжик успокоительно поглаживала ладонь матери и что-то кричала, запрокинув голову, но что именно, за шумом и гамом было не разобрать...

Наконец ливень пошел на убыль, и ярость грома потухла. Народ постепенно разбежался по домам, рассеялся, и площадь опустела. О недавнем зрелище напоминал лишь столб, но уже не белый, а потемневший и обугленный, так как в него вонзилась одна из молний, во множестве вспыхивающих тут и там.

— Хвала Митре, он ушел! — воскликнула Илоис и обняла щуплое тельце дочери. — Теперь они уже не догонят его... Но куда подевался малыш? Давай обойдем с тобой всю площадь. Быть может, он ушибся. Быть может, сидит где-то и плачет...

— Волчок никогда не плачет! — возразила девочка. Неожиданно она крепко сжала ладонь матери и спросила со страхом: — Что это?!

— Где?

Рыжик показала рукой на ярко-желтый светящийся шар величиной с большое яблоко или маленькую дыню. Шар плыл в пяти локтях над землей, плавно покачиваясь и издавая тихое жужжание.

— О, пресветлый Митра! — выдохнула Илоис, испуганная не меньше дочери. — Это... это Оса Нергала!

— Оса Нергала?..

— Да... Я вижу ее первый раз в жизни. До этого только слышала от отца... Она убивает, но не всех. Лишь тех, кого сама выберет. Шумри тоже рассказывал мне о ней. Он говорил, что это такая молния... Но молния разит не глядя. Молния не висит в воздухе, как живая...

— О, она очень красивая, мама! — воскликнула девочка.

Илоис поспешно зажала ей рот и прошептала:

— Когда рядом Оса Нергала, нельзя говорить громко. Она может услышать и выбрать нас...

— Все равно она очень красивая, — прошептала девочка, освобождая рот. — И она, конечно, живая... Ты видишь, она смотрит на нас? Она слышит шепот так же хорошо, как и крик...

Светящийся шар застыл на месте и не двигался несколько томительных мгновений. Илоис казалось, что сердце ее грохочет громче всего на свете, и именно к этим

звукам прислушивается Оса Нергала. Наконец злоеющее золотое яблоко стронулось с места и, скользя вдоль стены дома, скрылось за поворотом одной из улиц. Мать и дочь облегченно перевели дыхание.

— Вот это да! — раздался восхищенный голос Волчка, незаметно подбравшегося к ним со стороны эшафота и так же зачарованного молнией. — Хотите, я сейчас догоню ее, поймаю и подарю вам?

— Волчок! Ну наконец-то! Я чуть с ума не сошла от страха за тебя!.. — Илоис, смеясь, горячо обняла сына, насквозь промокшего, как и они, но безмерно счастливого и гордого.

— Ну, так я поймаю?.. — Он попытался вырваться из рук матери, но она держала крепко.

— Это Оса Нергала! — наставительно сказала сестра. — Ее нельзя ловить! Она сама ловит и наказывает тех, кто ей не понравился!..

— Киммериец ушел! — крикнул мальчик, задержав ногами и стараясь высвободиться из слишком ласковых и сильных рук.

— Да-да, мы знаем! Мы все видели!

— А это вы видели? — Он поднял ладонь, и потрясенная Илоис взяла из его пальцев свое синее ожерелье.

— Откуда ты это взял?! Ты что, сорвал его с шеи Ее Величества?..

— Ну вот еще! — Волчок обиженно мотнул головой. — Я его просто нашел! Там, под королевским помостом. Наверное, его смыло дождем. Там было еще много всяких блестящих камушков, но я взял только это. Потому что оно твое. Толстая королева не должна носить такие вещи!..

Глава десятая

Владелец баркаса, обещавший отвезти Конана в Аргос, отказался выходить в море, пока не кончится гроза. Пережидая ее в тесном трюме, Конан с двумя новообретенными друзьями и старым побратимом Шумри, раздевшись почти догола и разбросав мокрую одежду по полу, согревались пивом из очень кстати оказавшихся там бочонков. Немедиец то и дело поднимался на палубу и внимательно оглядывал берег, но все было спокойно. То ли солдаты также пережидали где-то небывалый для этих краев ливень, то ли охотились за сбежавшим преступником в иных местах.

— Но кто же все-таки метнул нож в моего старого приятеля Кайсса? — спросил Конан, переводя взгляд с Горги на Мейча и обратно. — Тебя, Шумри, в этом злодействе я подозревать не могу. Кто-то из вас двоих! Кто?

— Да какая разница! — рассмеялся Мейч, тряхнув мокрыми волосами. — Главное, нож попал точно по назначению! Гораздо интересней другое: кто разрезал твои веревки? Ведь мы не успели подкупить ни палача, ни охранников!

— Мы только собирались вплотную заняться твоими путами и прикидывали, как сделать это ловчее всего — гляды! — ты уже несешься во весь опор, ревя, как буйвол, и размахивая копьем! — добавил капитан. — Кто оказал тебе эту услугу?..

— Один мой маленький приятель, — ответил Конан. — Он просил пока не называть его имени... Но я не отстану

от вас, пока не добьюсь ответа на свой вопрос. И знаете, почему? Если это ты, Горги, я пристану к тебе и буду надоедать до тех пор, пока ты не обучишь меня своему потрясающему искусству. Если это ты, Мейч, я сделаю в точности то же самое! Мне показалось, что грива у этого ловкого стрелка чересчур отросшая, — добавил он, взглянув на помощника капитана.

— Ну конечно же, это был Мейч! — воскликнул Горги. — А искусству этому его обучили демоны, не иначе!

— Демоны! — согласился Мейч, рассмеявшись. — Я согласен обучить тебя, Конан, кое-каким их приемам, но с условием. Если ты в ответ поделишься секретом, как выходить живым из огня, сухим из воды и целехоньким из самой крошечной схватки!

— Ну, положим, вода промочила меня не меньше вашего! — возразил Конан. — А в схватку я ввязался бы с большим удовольствием, но какие-то ребята прикрыли мне спину и хорошо надали охранникам вместо меня! Сдается мне, вы были знакомы кое с кем из этих ребят...

— Секрет Конана прост, — вступил в разговор Шумри. — Когда-то он уверял меня, что его любимый Кром, верховный бог киммерийцев, совсем не интересуется земными делами. Его, якобы, не волнует судьба его детей. Но я, чем дальше, тем больше сомневаюсь в этом! Кое-каким своим любимчикам суровый бог порой помогает. Чего стоит эта бешеная гроза в самый нужный момент!..

Конан хотел было возразить, но немедиец предостерегающе поднял руку. Ему послышались доносящиеся с берега голоса. Сделав знак товарищам не издавать ни звука, он осторожно поднялся на палубу.

Бешеная гроза кончилась. Молнии больше не вспарывали тучи, ветер не завывал. Лишь дождь, потерявший весь свой запал, иссякнувший, слабый, шелестел по прибрежной гальке.

На берегу стояло трое верховых в тяжелых плащах и маслянисто блестящих ботфортах. Один из них держал в руке свиток и, прикрывая его от дождя полями своей широкополой шляпы, голосом профессионального глаша-

тая декламировал, перекрывая шум прибоя и повернувшись лицом к застывшим у причалов судам:

— «...высочайше постановляет: Конана из Киммерии, приговоренного к казни через сожжение заживо за чернокнижие и убийство, — помиловать. Согласно воле пресветлого Митры, явленной принародно, все обвинения с него сняты, и он восстановлен в своем прежнем чине капитана на службе Его Величества короля Фердруго. Всем слышавшим этот указ вменяется в обязанность...»

— Клянусь Кромом! — воскликнул киммериец, неслышно вынырнувший из трюма и выросший за спиной Шумри. — Я сошел с ума, или мне просто послышалось? Пресветлый Митра принародно велел меня помиловать? А где же я был при этом? Хотелось бы взглянуть в лицо славного божества!..

Шумри повернулся к нему, смеясь. Горги и Мейч, также выползшие из трюма, грязные и полуголые, оцепенело смотрели то на глашатая, важно сворачивающего свиток с немыслимым указом короля (если точнее, королевы!), то на обнявшихся и хохотавших друзей.

Затем они принялись отплясывать, все четверо, стуча босыми ногами, оскользаясь на мокрой палубе, упоенно перекрывая шум дождя разудалой пиратской песней... Захмелевшие демоны, да и только!

* * *

Конан с трудом заставил себя взяться за бронзовое кольцо и три раза ударить им в дверь. Такую знакомую дверь дома, где он провел не один день, чей хозяин был одним из самых близких и верных его приятелей... Впрочем, вряд ли герцог Гарриго остался его приятелем: ведь он даже не был на тюремной площади два дня назад, хотя не мог не слышать о предстоящей казни. Как и большая часть прежних его друзей... Почти все отвернулись с презрением от чернокнижника, загубившего своей неприкрытой магией достопочтенного барона.

Но он должен встретиться с герцогом, как бы ни было тягостно беседовать с ним. Быть может, ему удастся хоть

немного поддержать его в страшном несчастье. (О, Кром! Как будто кто-то может в этой ситуации помочь или поддержать?..) К тому же еще одно дело, не слишком приятное, но очень конкретное и неотложное, требует немедленной беседы с ним.

Лакей, открывший дверь и впустивший киммерийца, которого хорошо знал в лицо, был весь в черном. Склонив почтительно голову, он тихо произнес, что герцог находится в большом горе и никого не принимает. Почтенный капитан Конан может оставить ему свое сообщение на словах либо записать на специально приготовленном куске пергамента.

Конан отстранил рукой протягиваемый ему пергамент, а вместе с ним и лакея. Не обращая внимания на протестующие и испуганные возгласы, он двинулся вглубь дома, хорошо ориентируясь в знакомой обстановке.

Дом был полон скорбной тишины. Попадавшие на встречу слуги в черных одеждах больше напоминали бесплотные молчаливые тени, чем людей. Зеркала были занавешаны темным бархатом. Несмотря на дневное время, всюду горели свечи, а окна скрывали тяжелые шторы.

Распахнув дверь в гостиную, Конан приостановился у порога. Герцог Гарриго в полном и торжественном одиночестве стоял у низкого стола красного дерева, на котором лежала его мертвая дочь. Зингелла была в белоснежном длинном платье. Ее густые черные волосы переплетались со стеблями лилии, издававшими нежный аромат. Горящие высокие свечи окружали голову, создавая некое подобие светящейся короны... Не отрываясь, герцог смотрел в недвижимое, белое, как алебастр, и удивительно прекрасное лицо. Никогда при жизни девушка не была такой красивой. Жесткие складки у губ исчезли, сами губы чуть приоткрылись и не были больше ни надменными, ни капризными. Лицо выражало покой и легкое, еле заметное удивление. Казалось, перед своей гибелью девушка поняла что-то очень важное, что умирало ее буйную, мятущуюся душу. Поняла, но не до конца, что-то еще осталось непроявленным, тайным, манящим...

— А, это ты, Конан, — произнес герцог, когда киммериец подошел к нему и остановился возле.

Он не обернулся на его шаги, даже не повернул головы в его сторону, и непонятно было, каким образом он узнал приятеля.

— Да, это я, — отозвался Конан. — Я пришел, чтобы...

— Не надо, — перебил его герцог. — Не надо слов. Ты пришел, чтобы постоять здесь рядом со мной и посмотреть на нее. Спасибо.

Взглянув на Гарриго, Конан с удивлением отметил, что герцог выглядит намного лучше, чем тогда, когда он видел его в последний раз. Он уже не казался ни больным, ни издерганным, ни постаревшим. Лишь сильная бледность да странная неподвижность черт лица отличали его от того, прежнего Гарриго, которого киммериец знал всегда.

— Я рад, что ты жив, — сказал герцог. — Что ты в очередной раз вырвался из когтей смерти. Я слышал, что тебя спасла гроза.

— Меня спасли мои друзья, — ответил Конан. — Но и гроза помогла, это правда. Король Фердруго увидел в ней знак, посланный Митрой.

— Вот видишь, как бывает. — Герцог покивал головой. — Гроза помогла сохранить твою жизнь, и она же... она отняла жизнь у моей девочки.

Конан не нашел, что ответить. Повисла тишина, нарушаемая лишь треском плавящегося воска. Спустя какое-то время, показавшееся киммерийцу страшно долгим, герцог заговорил снова. Голос его зазвенел неожиданно горячо и громко:

— Она солгала! Она солгала, та проклятая старуха! Ты видишь?..

— Ты о чем? — не понял Конан.

— Молния не спалила ее, не сожгла, не надругалась над ее красотой! Ты видишь?.. Она стала еще прекрасней, моя Зингелла! Молния, сама молния влюбилась в нее! Она тихонько поцеловала ее в сердце, и все. Ни одна ресница ее не оказалась опаленной!..

Черные глаза Гарриго пылали странным торжеством. На щеки его вернулся былой румянец.

— Да, она ослепительно хороша, твоя Зингелла, — тихо произнес киммериец.

— Хочешь знать, как это произошло? — Герцог повернулся к нему, впервые за все время беседы. Горящие глаза его, казалось, прожигали насквозь. Голос был взволнованным, но неторопливым. — При первых же звуках грома я схватил ее за руку и мы быстро спустились в подвал, самый глубокий подвал в доме, без единого окошка или трубы. Я заранее позаботился о том, чтобы это место служило ей убежищем во время грозы. Мы зажгли свечи. Я читал ей вслух, чтобы моей девочке не было так страшно. Она была очень бледной и вздрагивала от каждого удара грома... Я налил ей вина, чтобы укрепить ее силы. Я рассказывал ей смешные истории, чтобы отвлечь от тягостных мыслей... Когда звуки грома перестали быть оглушительными и превратились в глухой рокот, похожий на рычание насытившегося зверя, она стала смеяться моим историям. Потом она сама захотела рассказать мне что-то, бесхитростное и забавное...

И в этот момент появилась она. Оса Нергала... Она прошла сквозь каменную кладку. Она прожгла насквозь камень толщиной в локоть. Она громко и гневно жужжала и так светилась, что заболели глаза. Она была совсем круглая и не слишком большая, не больше моего кулака... Она плыла над полом, и хотя глаз у нее не было, но она смотрела на нас. Она нацелилась на нас, вернее, на мою девочку... О, Конан, я ничего не мог сделать, хотя меч мой был при мне! Я заслонил собой мою дочь и взмахнул лезвием, стараясь рассеять ее пополам. Она стремительно увернулась от моего удара и — так быстро, что я не успел даже снова поднять меч — скользнула мне за спину. Зингелла вскрикнула. Она вскрикнула только один раз, Конан, и совсем тихо. Молния не причинила ей боли — так потрясла ее красота моей девочки. Она только поцеловала ее в сердце. Прожженное платье и красное пятнышко под левой грудью — вот и все... Тогда я крикнул ей, чтобы она взяла и мою жизнь тоже, но ее уже не было. Я не знаю, куда она подевалась. Может быть, вылетела в ту же дыру, прожжен-

ную ею в камне. Может быть, умерла. Ведь осы умирают после того, как жалят. От нее ничего не осталось, только в воздухе запахло какими-то незнакомыми цветами...

Гарриго отвернулся от него и вновь обратил взор на светлое лицо дочери. И опять они долго молчали. Конану показалось, что выражение лица Зингеллы изменилось, словно она слушала их разговор. Оно больше не было удивленным, но погрузилось в полный покой. Впрочем, все это ему могло и померещиться в неверном мерцании свечей.

Гарриго снова нарушил молчание:

— О тебе ходит много легенд, Конан. И одна из них — что ты побывал на Серых Равнинах. Это правда?

— Да, — с неохотой отозвался Конан.

— Ты не мог бы сказать мне, как там?.. О, всего лишь два слова, не более!

— Там довольно уныло, — честно ответил киммериец. — Хотя те, кто поглощен друг другом, наверное, не скучают. Там ничего не болит, даже самые глубокие раны. Там не хочется есть и пить.

— А как они выглядят... тамошние обитатели?

— По-разному. — Киммериец пожал плечами. — Некоторые совсем прозрачные. Другие — почти как мы с тобой. Честно говоря, я был рад, когда выбрался оттуда обратно. Но ты не грусти, Гарриго: мне сказали, что есть и другие миры, куда попадают после смерти. И там веселее!

Гарриго благодарно кивнул, не отрываясь от лица дочери.

— Ты извини меня, — начал Конан с несвойственной ему нерешительностью в голосе. — Но я пришел к тебе еще по одному делу. Мне срочно нужны деньги. Мои друзья, чтобы спасти меня, заложили свой парусник. Теперь нужно выкупить его назад и очень быстро, а перекупщик, жирная крыса, назначил огромный процент. Я прошу у тебя только в долг. Король снова принял меня на службу, и я сумею расплатиться с тобой очень скоро.

— О чем ты говоришь, Конан? — спросил Гарриго бесстрастным голосом. — Ты расплатился со мной на много

лет вперед. Ведь это по моей просьбе ты отправился к магу, который заколдовал тебя.

— О нет, маг тут ни при чем! — поправил его Конан. — Это постарались его дочери.

— Пусть так. По моей вине ты вернулся оттуда не таким, каким уехал. По моей вине тебя чуть не сожгли на тюремной площади два дня назад. И я, как презренный трус, не посмел даже явиться туда и посмотреть тебе в глаза напоследок. О каких деньгах ты говоришь, Конан? Возьми все мои деньги, возьми насовсем! Я дам тебе ключи от моих сундуков с золотом. Все равно они не понадобятся мне: я не проживу долго. Серые Равнины притягивают меня, как ни одно место в мире. Я думаю, ты ошибся, Конан, или плохо разглядел их. Там должно быть прекрасно, Конан. Там должна звучать дивная музыка...

Глава одиннадцатая

Палуба «Адуляра» покачивалась под ногами. Легкий бриз наполнял паруса, вспенивал барашки на загривках невысоких волн. Конан, раскинувшись прямо на светлых досках кормы, дышал полной грудью, как будто хотел проветрить легкие от спертого тюремного воздуха, застоявшегося в них. Шумри перебирал струны своей лютни, наигрывая без слов что-то светлое и бесхитростное, как ветер, шевеливший его отросшие и нечесанные волосы. Илоис, обняв прижавшихся к ней детей, смотрела на бескрайние холмы воды с мириадами прыгучих солнечных бликов.

— Неужели вы решили бросить свой замечательный остров и вновь отправиться в плавание? — спросил Конан. — И снова на семь лет?..

— О, нет! — рассмеялся Шумри. — Семь лет Илоис не выдержит. Мы поплаваем совсем немного. Тряхнем стариной, вспомним прошлое. А потом Горги отвезет нас к устью Громовой, и мы вернемся домой. Мне не хотелось бы надолго покидать наш остров. Душа моя — там. Когда-нибудь именно оттуда я начну свое новое странствие. Но уже — по иным мирам...

Его зеленоватые глаза приняли мечтательное, нездешнее выражение.

— Вечный бродяга Шумри!.. — усмехнулся Конан. — А как же «Адуляр»?

— «Адуляр» теперь принадлежит Горги, — сказала Илоис. — Они очень подходят друг к другу — наш быстрый

корабль и наш славный капитан. Горги клятвенно обещал время от времени навещать нас на нашем острове. А через четыре года он обещал взять с собой в плавание наших детей. Быть может, им понравится бороздить моря и они не захотят в жизни ничего другого.

— Ну, это вряд ли! — засомневался киммериец.

— Почему? — удивилась Илоис.

— Да потому, что тут нет леса, деревьев, всяких там мышей и запахов... — Конан, не договорив, поморщился от неожиданной и резкой боли в плече.

Заведя назад руку, он ухватил за воротник тайком прокравшегося за его широкую спину Волчка. Острые зубы его, надо сказать, умели впиваться не только в веревки...

— Что случилось? — забеспокоилась Илоис. — Что ты хочешь от Конана, малыш?..

— Он хочет немного поразмяться и помериться силами, я думаю, — ответил киммериец, незаметно ущипнув кусачего звереныша за ухо.

— Так побегайте с сестрой на палубе! — предложил сыну Шумри. — Полазайте, покувыркайтесь. Только за борт не свалитесь!

Дети с готовностью вскочили на ноги и пустились наперегонки по светлым скрипучим доскам. Проводив их глазами, Шумри снова коснулся струн.

— Да, наверное, море никогда не будет для них таким же родным, как лес, — согласился он задумчиво. — Ведь с рыбами не поболтаешь так же легко, как с бабочками или с ужами. А чтобы сорвать какую-нибудь целебную травку, придется нырять глубоко-глубоко... А запахи!.. Знаешь, я временами жалею, что мне суждено прожить человеческую жизнь, а не звериную.

— Это еще почему? — удивился киммериец.

— Да... так просто не объяснишь! Вот послушай, какая песенка сочинилась недавно.

Прокашлявшись, он запел, посматривая то на Илоис, то на Конана грустно-лукавыми глазами:

Мне бы родиться зверем, в мягких неслышных лапах.

Я бы не стал выдумывать, для чего мне всучили жизнь...

Среди родной зелени гибкое тело прятать,
Глазами смотреть умными и теплым хвостом крутить.
Честной борьбой за место под благосклонным солнцем
Я б уважать заставил окрестное все зверье.
И никогда не стал бы, ну не жалел нисколько,
Что не людская кожа греет сердце мое.
А вы бы, содравши кожу, вместе с густой шерстью,
И спровадив на мясо тело мое, но не суть! —
Вы б ни за что не поняли, что мой конец — весел,
Искренен, зол и ясен, как весь мой недолгий путь.

Весел, как всплеск рыбины, как круглая рана в грудь...

— Да уж, круглая рана в грудь — куда как весело! — усмехнулся киммериец. — Помнится мне, прежде ты сочинял другие песни.

— Старее, видимо, — вздохнул Шумри.

— Скорее, это кое-чье влияние, — заметил Конан. — И я даже догадываюсь, чье.

* * *

Набегавшись и наигравшись, дети стояли на корме, держась за поручни и серьезно вглядываясь в морской простор и узкую полоску далекого зингарского берега.

Конан хотел было неслышно подкрасться к ним, но они почуяли его шаги и обернулись.

— Ты зачем укусил меня, дикий зверь?! А?... — Киммериец схватил мальчика за плечи и приподнял над палубой. — Сейчас ты узнаешь, в какую ярость приводят меня волчьи укусы! Ну, берегись теперь!..

— А ты... А ты зачем хотел выболтать им нашу тайну?! — кричал в свою очередь мальчик, дергая ногами и пытаясь вырваться. — Ведь ты же клялся! Клялся!..

— Да-да, ты клялся! — поддержала брата девочка. — Я сама слышала! Теперь твой бог накажет тебя!

— Во-первых, я не собирался ничего никому выбалтывать! — заявил Конан и поставил мальчика на палубу. — А во-вторых, неужели вы думаете, что они до сих пор ни о чем не догадываются? Почему вы считаете своих родителей полными идиотами?! Шумри, конечно, сумасшедший, но не идиот.

— Они ничего не знают! — упрямо помотала головой девочка. — И не узнают никогда, если только ты не расскажешь им!

— Послушали бы вы песню, которую он спел только что, — вздохнул Конан, утомившись от их бессмысленного упрямства. — Он сам мечтает стать таким, как вы, а еще лучше — полным зверем.

— Знаешь, что? — доверительно сказала Рыжик, взяв его за руку. — Когда мы только встретились с Волчком в Боссонских болотах, мы договорились с ним, что поживем с Илоис и Шумри год или два, а потом убежим и будем разыскивать деревню хэйкку в глухих лесах. Мы долго мечтали об этом и спорили, куда лучше бежать в первую очередь. А потом... Потом мы привыкли к ним. И сейчас уже не хотим искать деревню хэйкку.

— Ну и прекрасно! — сказал Конан. — Я рад за вас, что вам не придется шататься по лесам и болотам.

— Но если ты им расскажешь!.. — выдохнула девочка и посмотрела на него грозно-умоляющими, огромными, как две зеленые луны, глазами.

— Клянусь Кромом! — торжественно произнес киммериец. — Ни слова. Никогда-никогда!

СОДЕРЖАНИЕ

Д. Мак-Грегор
ТРИ ВРЕМЕНИ СЕТА

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая	7
Глава вторая	21
Глава третья	35
Глава четвертая	50
Глава пятая	66
Глава шестая	81
Глава седьмая	98
Глава восьмая	114

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Пролог	131
Глава первая	136
Глава вторая	147
Глава третья	162
Глава четвертая	176
Глава пятая	192
Глава шестая	208
Глава седьмая	224
Глава восьмая	238

Д. Уолмер
ЧАША БЕССМЕРТИЯ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая	247
Глава вторая	275
Глава третья	284
Глава четвертая	296
Глава пятая	304
Глава шестая	318
Глава седьмая	325
Глава восьмая	329
Глава девятая	341
Глава десятая	353
Глава одиннадцатая	361
Глава двенадцатая	374

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава первая	377
Глава вторая	397
Глава третья	406
Глава четвертая	410
Глава пятая	429
Глава шестая	437
Глава седьмая	448
Глава восьмая	462
Глава девятая	467
Глава десятая	479
Глава одиннадцатая	487

Литературно-художественное издание

ДУНКАН МАК-ГРЕГОР

ДЭНИЕЛ УОЛМЕР

КОНАН И ЧАША БЕССМЕРТИЯ

Ответственный редактор *Наталья Баулина*

Главный художник *Сергей Шикин*

Художественный редактор *Екатерина Соболева*

Художник *Алексей Федоренко*

Верстка *Елена Посадова*

Технический редактор *Елена Шараева*

Корректоры *Вера Чаленко, Татьяна Мельникова*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 15.04.97 г.
Формат 84 × 108 1/2. Гарнитура "Школьная". Печать высокая с ФПФ.
Бумага типографская. Усл. п. л. 26,04. Тираж 20 000 экз.
Заказ № 1802.

Издательство "Северо-Запад". Лицензия ЛР № 071380 от 20.01.1997 г.
194352, Санкт-Петербург, ул. Кустодиева, д. 16, корп. 3.

Для писем:

197110, Санкт-Петербург, а/я 171

E-mail: sevzap @info-pro.spb.su.

При участии ООО "Харвест". Лицензия ЛВ № 729.
220013, Минск, ул. Я. Коласа, 35—305.

При участии МППО им. Я. Коласа. Лицензия ЛП № 82.
220005, Минск, ул. Красная, 23.

Минский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат
МППО им. Я. Коласа. 220005, Минск, ул. Красная, 23.

Качество печати соответствует качеству предоставленных издательством
диапозитивов.

«САГА О КОНАНЕ»

вышли следующие тома:

1. Конан и четыре стихии.
2. Конан и боги тьмы.
3. Конан и меч колдуна.
4. Конан бросает вызов.
5. Конан и повелители пещер.
6. Конан и песня снегов.
7. Конан и Небесная Секира.
8. Конан на Дороге Королей.
9. Конан принимает бой.
10. Конан и карусель богов.
11. Конан и дар Митры.
12. Конан и Ночные Клинки.
13. Конан и грот Дайомы.
14. Конан и Зеркало Грядущего.
15. Конан и Время Жалящих Стрел.
18. Конан и бич Нергала.
19. Конан и город плененных душ.
20. Конан и Источник Судеб.
21. Конан и Сердце Аримана.
22. Конан и Багровое Око.
23. Конан и призраки прошлого.
24. Конан и воинство мрака.
25. Конан, варвар из Киммерии.
26. Конан и Рыжий Ястреб.
28. Конан и заговор теней.
29. Конан и копьё Крома.
30. Конан и врата вечности.
31. Конан и алмазный лабиринт.
32. Конан и расколотый идол.
33. Конан и чаша бессмертия.

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Присылайте ваши предложения
и отзывы о серии

„САГА О КОНАНЕ„

ПО АДРЕСУ:

197110

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

А/Я 171

или по электронной почте:

sevzap @ infopro. spb. su

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«СЕВЕРО-ЗАПАД»

продолжает конкурс

на лучший роман
в жанре

ФЭНТЕЗИ

И

НАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА

С победителями будет заключен
долгосрочный контракт
и выплачена премия:

ПЕРВОЕ МЕСТО — 2000 \$

ВТОРОЕ МЕСТО — 1000 \$

ТРЕТЬЕ МЕСТО — 500 \$

**Минимальный объем рукописей
18 авторских листов.
Рукописи не рецензируются и
не возвращаются.**

**Присылайте работы по адресу:
197110, Санкт-Петербург, а/я 171**

**или по электронной почте:
sevzap@info-pro.spb.ru**

МОРЕ ЗАПАДА

Баравские
острова

Остров
Сиплаза

ХЛИБОРИЙСКАЯ
ЭРА

ИРАНИСТАН

